

Зарубежная

фантастика

Сражение
на Венере

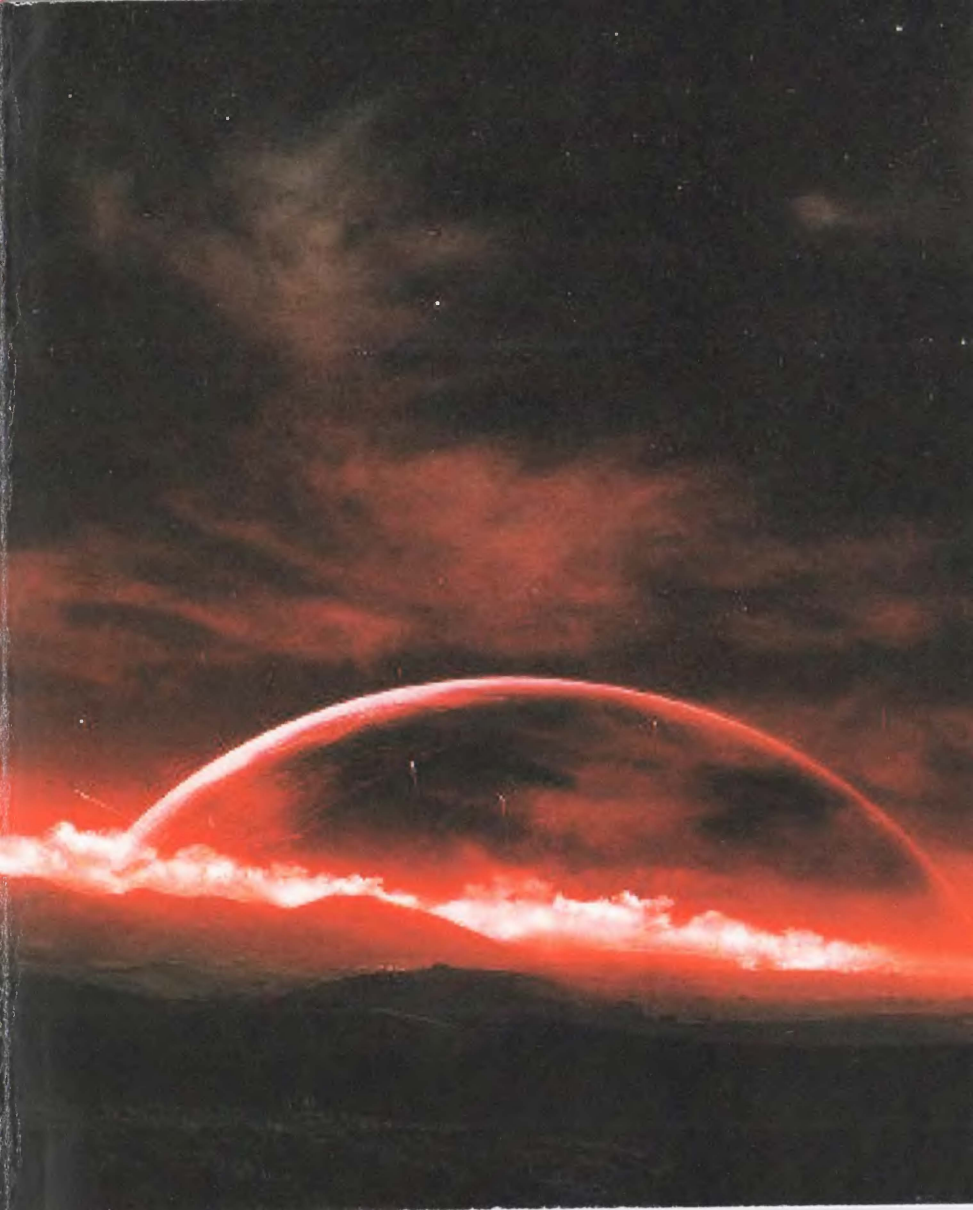
Сражение на Венере

Сборник научно-фантастических произведений

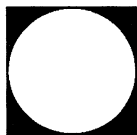

Издательство «М.И.Ф.»

Зарубежная

фантастика

СРАЖЕНИЕ НА ВЕНЕРЕ

Сборник
научно-фантастических
произведений

Москва «М.И.Ф.»

«Дети Солнца» вып. 1

Составитель и переводчик А.Бурцев

ТАЙНЫ СЕСТРЫ ЗЕМЛИ

Венера – вторая планета от Солнца и вторая по «посещаемости» в научной фантастике, как западной, так и отечественной. Причем в нашей фантастике 30-60-х годов прошлого века она даже опередила Марс. Венеру называют сестрой Земли из-за ее сходства по физическим параметрам – размеру, массе и т. п. Она самая близкая к Земле планета и одновременно самая таинственная, потому что покрыта густыми облаками, в которых никто еще не наблюдал никаких просветов. В настоящее время на Венеру высаживалось несколько автоматических станций, последние даже успешно, но мы по-прежнему толком не знаем, что происходит на ее поверхности, и не узнаем, пока там не побывает человек.

Но это, так сказать, в реальной реальности. А в фантастической реальности Венера, описанная во множестве произведений, известна нам не хуже Земли. В отечественной фантастике самое яркое, запоминающееся и даже, можно сказать, страшное произведение про Венеру – это первый роман братьев Стругацких «Страна багровых туч», написанный и изданный в 1959 году. Но фантастика многолика. И до, и после него написано много произведений, в которых Венера предстает каждый раз иной, и каждый раз люди стремятся открыть ее тайны.

В нынешнем сборнике самое значительное по объему произведение – это роман Дэвида Гринелла «На Венеру! На Венеру!». Изданный в 1970 году, через год после высадки американских космонавтов на Луну, этот роман написан в манере «реалистической фантастики», в котором автор стремился показать, как на самом деле мог бы произойти полет людей на Венеру. Венера в нем описана

максимально достоверно и представлено несколько гипотез, объясняющих, что, несмотря на царящие на ее поверхности суровые условия, там все же может быть жизнь.

Произведения А. Барнса «Мир двойников», Ф. Каммера-младшего «Белая Земля Венеры» и Дж. Т. Макинтоша «Крушение на Венере», написанные в разные годы, тоже относятся к направлению «Тайны Венеры и их разоблачение». Правда, авторы в них вольно интерпретируют научные данные, но на то и фантастика. Венера в них совершенно разная, но все перечисленные авторы сходятся в одном – человеку будет на ней трудно выжить, хотя, разумеется, и возможно.

Торнтон Эйр в рассказе «Специальный агент на Венере» описал захватские, невероятные приключения героического космопилота во время войны между Землей и жителями Венеры. Научной фантастикой здесь уже и не пахнет, это сугубо так называемая «космическая опера», хотя без «звездных королей», но с типичным супергероем, одной рукой раздвигающим все препятствия.

И, наконец, повесть У. Темпла «Сражение на Венере» – это, скорее, притча, обернутая в покрывало научной фантастики. В нем ярко и образно показано, к чему может привести одно-единственное научное открытие, сделанное не вовремя и попавшее не в те руки.

В итоге – шесть произведений и шесть разных взглядов на одну и ту же планету. Причем данный сборник не претендует на исчерпывающее освещение темы Венеры. Про нее уже много читали наши любители фантастики, а еще больше ждет их когда-нибудь в будущем, я надеюсь, не таком уж далеком.

Андрей Бурцев

ОБ АВТОРАХ

Дэвид Гриннелл (псевд. Д. А. Уоллхейма) (1914–1990) – известный американский фантаст, автор многочисленных произведений, составитель многих сборников американской фантастики. На русский язык переведено всего четыре рассказа, два из которых было издано только в журналах.

Артур К. Барнс (1911–1969) – американский фантаст. Написал немного, но оставил в фантастике заметный след. Известна, в частности, совместная с Генри Каттнером серия рассказов про Пита Мэнкса о путешествиях во времени. На русский язык не переводился.

Уильям Ф. Темпл (1914–1989) – американский фантаст. Написал массу произведений. На русский язык переводился лишь рассказ «Галерея шепотов».

Фредерик Арнольд Каммер-младший (1913–1990) – известный американский фантаст, автор многочисленных рассказов и повестей (романов не писал). На русский была переведена повесть «Когда время сошло с ума», написанная в соавторстве с Ф. Полом под псевдонимом Дирк Уайл, и рассказ.

Торнтон Эйр (псевд. Джона Фрэнсиса Рассела) (1908–1960) – знаменитый американский фантаст, писал под полутора десятками псевдонимов. Автор более чем сотни романов, не считая произведений малой формы. На русский язык вроде бы вообще не

издавался, но из-за обилия псевдонимов трудно утверждать это точно.

Джеймс Т. Макинтош (1925–2008) — знаменитый американский фантаст, автор многочисленных романов и рассказов. На русский язык издавались два романа и шесть рассказов.

Дэвид ГРИННЕЛЛ

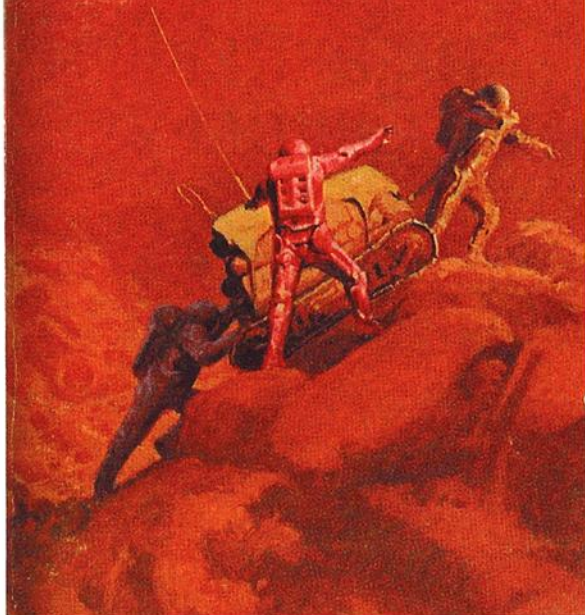
НА ВЕНЕРУ!
НА ВЕНЕРУ!

ace
double
81610754

To Venus! To Venus!

S.O.S. FROM AN ANALOGUE OF HELL

DAVID GRINNELL

ГЛАВА I

– Чет, говорит корабль-носитель. Вы нас слышите?

– Громко и отчетливо. А что случилось?

– Ничего. Просто вам следует знать, что ваша цель находится по другую сторону горного хребта. Еще один подъем – и вы на месте. Просто продолжайте идти, как идете, и будете там как раз к обеду. Свободного вам маршрута.

– Большое спасибо. Конец связи.

Чет Дункан знал, что парни на корабле-носителе, движущемся по высокой орбите над поверхностью Луны, просто пытались его подбодрить. Он ценил их усилия. Но устал и не хотел тратить даром энергию на ненужные разговоры. Он уже несколько часов брел по унылому лунному ландшафту, и это было нелегко. Теоретически, при силе тяжести в одну шестую от земной можно было передвигаться легкими прыжками или длинными шагами. Но, как обычно, выходила большая разница между теорией и практикой, особенно если вы имели дело с подразделением одной из самых специализированных правительственных служб, Космическим агентством Соединенных Штатов.

Выживание в космосе требовало огромного количества механизмов, и, конечно, ожидалось, что вы будете выживать в нем одобренным методом и способом. В результате, преимущество малой силы тяжести с лихвой аннулировалось дополнительным оборудованием, какого ни за что было бы не поднять на Земле. Громоздкий скафандр с тяжелым шлемом, баллоны с кислородом, кондиционер, аппарат рециркуляции плюс батареи, оборудование связи и различные аварийные источники питания составляли, в целом, такой вес,

что Чет лишь кряхтел и потел. Но все же он пересек пустой кратер, и теперь между ним и целью оставалась лишь одна стена.

Он брел вперед, едва волоча тяжелые ноги, и начал длинный подъем, который проведет его по последнему горному хребту. Его левый наушник был настроен на длину волны Джима Холмса, который и был его целью. Джим выполнял задание, курсируя по Луне на неуклюжем на вид, но очень эффективном лунном ровере, когда машина вдруг перестала работать. Чет надеялся перезапустить ее.

Его правый наушник был настроен на длину волны корабля-носителя, который, в конечном счете, заберет обоих на Землю. Нужно было немного привыкнуть к приему двух каналов одновременно, но это произошло во время интенсивного обучения, которое прошел Чет, так что теперь он мог слушать сразу двух собеседников и понимать обоих. Микрофон в шлеме передавал его слова кораблю-носителю, а уж тот разносил их по всей Луне или, если было нужно, даже посылал на Землю.

Чет полагал, что, если будет выдерживать нынешний темп, то окажется на вершине хребта кратера чуть меньше, чем через два часа, а оттуда его ждет спуск до самого лунного ровера. Он не знал, почему ровер перестал работать, потому что Джим, превосходный геолог, совершенно не разбирался ни в каких механизмах. Если все дело в контактах, как предполагал Чет, то ровер заработает через пятнадцать минут после его прибытия. Но если там что-то другое, то придется проделать ряд тестов и надеяться, что он достаточно быстро отыщет причину поломки и что ровер вообще будет возможно отремонтировать.

Тяжело дыша при подъеме на крутой утес, Чет с удивлением думал, что там, наверху, у него и мысли не возникало, что в случае неудачи, если он не сумеет починить ровер, то ему придется проделать пешком весь путь обратно к точке, где его подберет

корабль-носитель. Так как был не в настроении думать о такой веселенькой перспективе, то сосредоточился на сообщениях с Земли, которые передавались ему через левый наушник. Как это часто бывало, Земная база транслировала радиопередачу международных новостей:

«Сегодня Москва сделала официальное заявление о том, что космический экипаж, возглавляемый командиром Раффаловичем, произвел посадку на планету Венера».

Чет фыркнул. Он давно уже перестал верить, услышав любые новости, которые содержали официальные объявления о больших прорывах русской космонавтики. Это верно, что они многого достигли. Никогда нельзя забывать, что они первыми послали человека в космос. Однако, столь же верно, что они зачастую объявляли как о выдающихся достижениях о том, что на поверку оказывалось весьма незначительными событиями. Нынешнее сообщение могло означать, что орбитальный корабль-носитель, которым командовал Раффалович, послал для исследования венерианской поверхности беспилотное устройство, а могло означать, что их космонавты на самом деле высадились на поверхность соседки Земли. Вот это было бы действительно захватывающим событием. Даже если бы исследователи не покинули судно, само присутствие корабля на венерианской почве положило бы начало новой эре.

Чет внимательно слушал сообщение, пока тащился вверх по склону.

«Информация, полученная от команды приземления, передана на Землю и, после анализа и проверки на точность, ее результаты будут обнародованы всему миру».

Потом связались с экспертами из разных стран и прослушали их комментарии. Но, ввиду краткости сообщения и недостатка сопровождающих данных, они мало чего рискнули высказать о самой планете и возможности посадки на ней. Сам Чет не то, что-

бы отрицал саму возможность такого подвига. В конце концов, уже несколько часов шагая по поверхности Луны, у него не было ощущения, что полеты на соседние планеты находятся вне досягаемости человека.

Но ключевыми словами сообщения, которые уловил Чет, были: «информация, полученная от команды приземления...» Это казалось явным признаком, что приземлившаяся единица была беспилотной. «Команда», которая сообщала информацию, могла находиться где угодно, от борта корабля на венерианской орбите, до штаба, расположенного где-нибудь «к востоку от Урала». Ввиду того, что несколько месяцев назад Соединенные Штаты объявили, что собираются направить беспилотник с различными приборами, чтобы проникнуть сквозь облачный покров Венеры и узнать, наконец, состав атмосферы, температуру у поверхности и структуру грунта, Чет мог легко предположить, что советское заявление было попыткой украсть у Америки первенство по освоению Венеры.

Пока он занимался тем, что рассматривал это заявление под всевозможными углами, время пролетело незаметно, и он преодолел самую трудную часть пути. Но прежде, чем Чет готов был сделать собственные выводы, он выбрался на вершину кратера и остановился, чтобы оглядеть его внешний склон. Спуск не был таким же крутым, как подъем, а через двести ярдов, там, где он переходил в пологую равнину, стоял неподвижный лунный ровер.

— Эй, Джим, — произнес Чет на волне интеркома, — ты уже в поле зрения. Я буду у тебя через несколько минут.

— Знаю, — небрежно ответил Джим. — я следил за тобой по радару. Судя по твоей скорости, я сначала подумал, что ты оседлал жирную лунную гусеницу, и хотел уже было сообщить о ней, как о фантастическом открытии, когда обнаружил, что ты все же идешь сам. Но так или иначе, мне бы не поверили, — торжественно закончил он, — потому что гусеницы ползают гораздо быстрее, чем ты. Даже самые толстые.

Чет улыбнулся, но ничего не ответил. Инструкции требовали радиомолчания, за исключением необходимых переговоров. И следуя им, от Джима требовался всего лишь ответ в три слова. Но в привычки Джима не входило следование инструкциям. Он был превосходным геологом, но не военным, и был вынужден пойти в Космическую Службу лишь потому, что страна нуждалась в таких специалистах, как он. Он пойдет, куда бы его ни послали, и сделает все, что потребуется, но делать это будет своими способами. Джим Холмс от рождения был сугубо гражданским человеком.

Подойдя на несколько ярдов к машине, Чет вызвал Джима по радиации:

– Ты готов открыть люк?

– Конечно, – прозвучал лаконичный ответ. – Я в скафандре, машина разгерметизирована.

Люк распахнулся, и Чет поднялся на борт. И, хотя они оказались лицом к лицу в небольшой каюте, но продолжали разговаривать по радио.

– Как ты думаешь, что случилось? – спросил Чет.

– Понятия не имею, – качая головой, ответил Джим. – Я думал, именно за этим они послали тебя.

– Конечно. Я просто подумал, может, ты мне что-нибудь подскажешь. Давай проверим контакты. Помогии-ка...

Чет опустился на колени, отвинтил и поднял защитную пластину пола. Затем запихнул руку глубоко внутрь машины и стал ощупывать контакты.

– Расскажи мне, как это вышло? – спросил он друга, уютно устроившегося на сиденье и наблюдавшего за ним.

– Она просто остановилась.

– Это понятно, – нетерпеливо оборвал Чет. – Я имею в виду, исчезла энергия, или ты внезапно потерял тягу?

Джим выглядел сбитым с толку.

— Я в самом деле не знаю, — сказал он. — Машина просто перестала ехать, затем я выключил двигатель и позвал на помощь.

— Хорошо, тогда попробую иначе, — настаивал Чет. — Двигатель работал, пока ты не отключил его?

— Ну, да. Именно это я и пытаюсь тебе объяснить. Двигатель работал, но машина не трогалась с места, поэтому я ее выключил, — сказал Джим таким тоном, словно разговаривал с клиническим идиотом.

— Понятно, — кивнул Чет. — Ты весело катил по Луне, затем произошел толчок, и машина остановилась, хотя двигатель продолжал работать. Тогда ты его выключил и вызвал корабль-носитель.

— Ты прав, — улыбнулся Джим, хотя и выглядел озадаченным. — Но как ты узнал о толчке?

— Я не узнал, я просто надеялся. Думаю, нам крупно повезло. Кажется, проблема в сломанной ведущей шестерне, а я взял с собой запчасти. Через десять минут все будет в порядке.

— Ну, если это так легко, — улыбнулся Джим, — то они могли бы научить нас производить такой ремонт.

— Они нас учили, — заметил Чет.

— Вот как? — Джим смотрел, как Чет удаляет сломанную шестерню и ставит на ее место новую, а затем ему в голову пришла очередная мысль. — А почему она вообще поломалась? — спросил он. — Я имею в виду, там же внутри ничего не изменилось?

Чет закончил ремонт, но не стал устанавливать пластину пола.

— Да, ничего не изменилось, — пояснил он, — но в девяти случаях из десяти это происходит из-за обычной усталости металла. Если ты не заклинил двигатель, пытаясь силой заставить машину ехать, то мы можем отправляться домой.

— Ничего я не заклинивал, — ответил Джим, и в его голосе звучало облегчение.

Чет сел на водительское сиденье, установленное на опоре, косо

торчавшей из пола. Джим занял место штурмана справа от водителя. Лунным ровером можно было управлять с любого места, но Джим с удовольствием готов был проехаться пассажиром. Оба надели ремни безопасности, и Чет шелкнул главным переключателем, активирующим приборную панель. Стрелки тут же встали по местам, показывая, что все в порядке. Бормоча по привычке показания приборов, Джим прошелся по ним взглядом. Пальцы Чета в толстых перчатках скафандра сомкнулись на выключателе двигателя и перевели его в позицию «вкл.»

Микрофоны шлема передали внутрь слабый гул, и небольшая вибрация показала, что двигатель работает нормально. Чет увеличил мощность, одновременно выжав сцепление. Потом стал медленно его отпускать, и по обеим сторонам каюты очнулись гигантские автоматические лапы. Покачнувшись и приподнявшись на них, точно громадный жук, ровер тронулся с места и стал подниматься по склону. Чет тут же отжал сцепление и уменьшил тягу до минимума, потом поставил рычаг скоростей в нейтральное положение и отстегнул ремень безопасности.

— Как я и думал, все в порядке, — просто сказал он.

— Слава Богу! — выдохнул Джим.

Чет быстро установил на место панель пола и подключил свой скафандр к системе лунного ровера. Джим не тронулся с места, но тоже подключил себя к системе.

Чет включил рацию и настроил ее на нужную частоту.

— Лунный ровер кораблю-носителю, — сказал он и немедленно получил ответ:

— Корабль-носитель слушает. Прием установлен. Продолжайте.

— Говорит Чет. Ровер исправлен. Могу я продолжить работу?

— Прекрасно. Сколько времени вам понадобится?

— Я собираюсь потихоньку прокатиться вокруг, даже если это и займет больше времени. Мне нужно, примерно, три с полови-

ной часа. Потом я отправлюсь к точке встречи, и буду на стартовой позиции через четыре с половиной часа. Это нормально?

Докладывая, Чет достал комплект карт и развернул одну из них на столике перед собой. Орбитальный корабль-носитель обрабатывал информацию, которую он передал в его компьютер, чтобы определить, когда они смогут оказаться в точке встречи. Это дало Чету время перепроверить свой маршрут и подтвердить, сколько времени ему понадобится.

— Хорошо, Чет, мы снимем вас через четыре часа и семнадцать минут с тремя четвертями: этот будет в 15:20:22 по Среднему Вашингтонскому времени. Хотите сверить часы?

Чет тут же ткнул кулаком в кнопку у основания расположенных на приборной панели часов. Это позволило орбитальному кораблю проверить и установить на них точное время. Теперь нужно было просто придерживаться графика. Впрочем, «просто» — неправильное слово. Тысяча и одна вещь могла пойти не так, как надо. Одно только управление неуклюжим ровером являлось само по себе работой, сравнимой с тяжелым днем портового грузчика.

Если все пойдет как надо, то у них будет изрядный запас времени, чтобы включить ровер, полностью деактивировать его и перенести хрупкую аппаратуру в модуль, который доставит их на корабль-носитель. Ровер же останется на Луне ждать прибытия следующей команды. Но это если все пойдет так, как надо. Чет, конечно же, понимал, что они с Джимом — вообще люди — были нужны на тот случай, если что-то пойдет не так, потому что не существовало пока что машины, которая могла бы сравниться с человеческим мозгом.

Они прибыли к месту встречи, имея в запасе еще много времени. Чет задом загнал ровер под нависающую скалу, которая должна была укрыть его от метеоритного дождя. И они начали упаковывать приборы. Солнечные батареи были демонтированы и помещены в

контейнеры, где будут храниться, огражденные от слишком высокой и слишком низкой температуры, пока не понадобятся снова. Когда все работы были закончены, Чет постоял, озираясь, пока Джим лез внутрь модуля, а затем присоединился к нему. Лязгнул, закрываясь, герметичный люк, и Чет повернул колесо запора, а потом стал поднимать давление внутри модуля.

Затем он включил приборную панель и настроил главную антенну точно на волну корабля-носителя. Ожило оборудование дистанционного управления, от которого зависела их благополучная погрузка.

Все приборы, принесенные с ровера, были установлены на соответствующие места, так что стали частью общей системы. Как только модуль будет подобран кораблем-носителем, он включится в его систему. Если же во время стыковки что-то пойдет не так, Чет мог принять на себя ручное управление, но это не поощрялось. Считалось, что будет лучше, если старт модуля, встреча с кораблем-носителем и завершающая стыковка пройдут автоматически.

Как только индикатор давления в модуле стал зеленым, показывая, что давление атмосферы на борту стало идентичным земному, Джим начал снимать с себя громоздкий скафандр. Это было совсем не по инструкции.

— Эй, приятель, лучше бы ты оставался в скафандре на тот случай, если мы вдруг начнем терять воздух, — бросил Чет.

В каюте установилось нормальное давление, позволяющее общаться без рации, но Чет все еще оставался в шлеме, поэтому разговаривал через микрофон. Джим, который остался без наушников, когда снял шлем, ясно слышал его голос из динамиков каюты, а его слова воспринимались общим микрофоном.

— Если мы вдруг начнем терять воздух, — проворчал он, — я не хочу задержаться и торчать тут на этой голой скале. Ты же знаешь,

что в таком случае нас не скоро спасут. А скафандр мне мешает. Он весит целую тонну.

— Все это верно. Но в инструкциях написано...

— Перестань, Чет! Все эти инструкции берутся с потолка и призывают нас делать свое дело, не вставая с кресел, кроме как в случае неожиданного парада. Когда мы состыкуемся с «Мамочкой», то пройдем по герметичному проходу в герметичную кабину, где все встречающие будут одеты в форму. Правильно? Тогда какой смысл ждать этого момента в тяжелом скафандре?

Чет хотел было возразить, но тут прозвучал предупреждающий сигнал и на пульте замигали огоньки, сообщая, что подошло время старта.

Через полминуты модуль стартовал и полетел на сближение с кораблем-носителем.

ГЛАВА II

Чет осторожно прополз через воздушный люк, забоясь, чтобы не удариться шлемом об узкую переборку. Он небрежно ответил на приветствие и уступил дорогу Джиму, который следовал за ним. Два члена экипажа подошли к нему и помогли снять шлем. Чет мотнул головой в знак благодарности и одновременно наслаждаясь приобретенной свободой. Члены команды, офицеры, равные ему по званию, помогли Четю снять неуклюжий скафандр. Их звали Филип Ломбарди и Дуглас Мэйли, оба отличные космонавты.

Капитан Александр Борг, старший офицер, отвечающий за экспедицию, шагнул вперед, чтобы поздороваться с прибывшими.

— Рад видеть вас в безопасности на борту, Чет, — сказал он с умиротворенным видом.

— Спасибо, сэр.

Но смуглое лицо капитана тут же потемнело.

– Холмс! Где ваш скафандр?

– Там, сэр, – Джим ткнул рукой на воздушный люк, ведущий в модуль.

– У вас что, возникала чрезвычайная ситуация? Вы были ранены, и поэтому напарник снял с вас скафандр, чтобы оказать первую помощь? Или в механизмах вашего скафандра произошел сбой?

Джим выглядел смущенным.

– Нет, сэр, – запинаясь, пробормотал он. – Это просто... просто... ну, вы сами понимаете...

– Нет, не понимаю! – взревел капитан. Он уважал способности молодого геолога, но терпеть не мог нарушения дисциплины, особенно инструкций по технике безопасности. – Ступайте в модуль, наденьте скафандр и вернитесь сюда с отчетом.

Джим подавил усмешку.

– Отчет у меня с собой, сэр, – произнес он, протягивая его капитану.

– Сначала наденьте скафандр!

– Есть, сэр, – Джим повернулся, уронил пакет магнитных лент с отчетными записями, поднял его и вылетел из люка, ударившись при этом головой.

– Хорошо, Чет, пройдемте в мой кабинет.

Капитан Борг пошел впереди в свой «кабинет», как он любил именовать кабину с маленьким столиком и двумя скамейками по бокам.

Чет достал из скафандра пакет с лентами, содержащими полный отчет о миссии, и положил на стол.

– Мой отчет, сэр, – показал он.

– Хорошо.

Капитан Борг взял пакет и убрал в контейнер позади себя. Позже он внимательно прослушает его. А пока что брови капитана нахмурились, когда он чуть наклонился вперед.

— Вы слышали сообщение русских об исследовании Венеры?
— Поинтересовался он.

— Так точно, сэр. Там было что-то о высадке на поверхность. Я, правда, не могу сказать, что именно подразумевалось под этим.

— Они всегда ведут себя так, — согласился Борг. — Но в то время, пока вы находились в модуле и совершали стыковку, мы получили продолжение этой истории. Кажется, спускаемый модуль был беспилотным. Просто автоматическая станция, посылающая четкие сигналы с поверхности Венеры.

— Выходит, они разработали аппаратуру и электробатареи, способные выдерживать высокую температуру и посылать сигналы сквозь венерианскую атмосферу?

Чет выглядел впечатленным этим. Он не считал то, что сделали русские, выдающимся техническим прорывом, но, как космонавт, всегда уважал усилия по космическим исследованиям на любом уровне.

— Похоже, что нет, — возразил Борг ровным тоном. — Кажется, на поверхности Венеры не жарче, чем в Центральной Африке. Ну, может, самую малость. Там хорошая почва и уже обнаружена растительная жизнь. И места там весьма подходящие для вашего друга Холмса — там ему не пришлось бы носить тяжелый вакуумный скафандр.

Чет был ошеломлен. И Соединенные Штаты, и Советский Союз утверждали, а весь научный мир соглашался с этим, что температура на поверхности Венеры должна быть выше 600 градусов по Фаренгейту. При такой температуре свинец тек бы, как река.

— Это доказано? — выдохнул он.

— Доказано, — лаконично ответил Борг. — Русскими.

— Но я имею в виду, кто-нибудь еще подтвердил это? — неуверенно спросил Чет. Новости были слишком удивительными, чтобы принять их так сходу.

— А кто еще может подтвердить? — спросил Борг. — Кто может это подтвердить или опровергнуть? Это их зонд, их сигналы, их интерпретация и их заявление. Они сообщили, что запустили что-то с Земли. Мы проверили. Это правда. Они заявили, что это направляется на Венеру. Мы проверили. Это правда. Они добавили, что это направилось на поверхность планеты. Мы проверили и это, и это тоже оказалось правдой. Теперь они говорят, что это благополучно приземлилось и что-то передает им оттуда. Но мы не можем это проверить. Они рассказывают, что Венера оказывает им теплый прием. Жарковато, но вполне терпимо, и что там много растений. Это противоречит всему, что мы знаем... или считали, что знаем. А что думаете *вы* по этому поводу?

— Я в самом деле не могу знать, сэр, — сказал он, переходя на официальное общение из-за своей неуверенности. — Но есть две причины, которые заставляют меня усомниться в этом сообщении. Во-первых, вся информация, которой обладает Свободный мир о Венере, полностью противоположна той, о которой вы сейчас рассказали. И до сих пор русские соглашались с нашими результатами. Во-вторых, русские частенько пользуются подобными приемами, чтобы спутать нам карты. Иногда мне кажется, они делают это только ради того, чтобы внести в мир хаос.

Джим Холмс подошел к дверям капитанской каюты и, поскольку Чет говорил, стоял в нескольких футах от него, держа под мышкой аккуратно упакованный скафандр, а в свободной руке — пакет с магнитными лентами с записанным отчетом. Капитан Борг впился взглядом в скафандр, затем в лицо геолога.

— Ладно. Главное, скафандр при вас.

Он принял пакет с лентами и убрал туда, где уже лежал отчет Чета. Затем жестом указал Джиму место позади Чета.

— Вы слышали об исследовании Венеры русскими?

— Да, мне уже рассказали.

— И что вы думаете?

— Я? — лицо Джима прояснилось. — Ну, я бы не стал планировать там постройку нового отеля или чего-нибудь в этом духе. Думаю, кондиционеры не справились бы с охлаждением.

— В смысле?

— В том смысле, сэр, что я отказываюсь этому верить, — ответил Джим. — Если вы не прикажите мне поверить, сэр, — тут же добавил он.

Чет с трудом скрыл улыбку.

Борг мгновение смотрел на геолога, затем вздохнул.

— Это делает нас единоклубными. На борту пять человек. Пять хорошо обученных человек, космонавтов, которые знают космос не понаслышке, некоторые из них являются серьезными специалистами в своих областях. И ни один не готов принять сообщение русских на веру. — Он покачал головой. — Мне кажется, я чувствовал бы себя лучше, если бы хоть кто-то из нас встал на другую сторону.

К ним присоединились Филип и Дуглас.

— В конце концов, — продолжал Борг, — несмотря на то, что нам может показаться, будто русские действуют странными способами, они весьма не глупы.

— Первый спутник Земли был русским, — согласился Джим, — так же, как и первый человек на орбите. Первый космонавт.

Борг кивнул.

— Мне кажется, я где-то слышал, что, когда первый русский вышел на орбиту Земли и посылал оттуда сообщения, большинство наших ученых подумало, что это обман, — продолжал Джим.

Капитан вздохнул.

— Ладно, — сказал он, — давайте продолжать работать. Что у вас, Фил?

Собрание распалось само собой. Фил протянул капитану пачку бумаг, поступивших из телепринтера, и тот начал их просматривать...

Чет уже крепко спал на своей тесной койке, когда Дуг отдернул занавеску и разбудил его.

— Вас хочет видеть капитан, — произнес он.

Чет встал, ополоснул лицо в крошечном умывальнике, потратив не больше двух унций воды, и пошел в кабинет капитана. Борг сидел за столом, Чет сел напротив. Дуг присоединился к ним.

— Дункан, я бы не потревожил вас, если бы это не было столь важно. Вы заслужили свой отдых и нуждаетесь в нем. — Не в привычках Борга было приносить кому-либо извинения за свои приказы, и Чет насторожился. — Мы получили приказ построить антенну, чтобы контролировать русские исследования Венеры. Мэйли будет вторым после вас. Он уже нашел место для строительства. — Дуг указал пальцем на карту, уже расстеленную на столе. — Вот здесь, Чет, — ткнул он. — В этом кратере будет удобно.

Чет попытался разогнать остатки сна, туманящего разум.

— Вы хотите сказать, что мы не будем вести контроль с корабля? — спросил он.

— Нет, они хотят получить самую высокую точность. Мы построим шаровую антенну W-типа с отдельным рекордером.

— Или мы могли бы посылать с нее сигналы сюда и записывать их на корабле, — с надеждой предложил Чет.

W-тип был самым тяжелым устройством, которое у них было, и Чет на собственном опыте знал, что подобные работы в скафандре требуют громадных сил и опыта. Специальный нижний костюм, надеваемый под скафандр, собирал пот, но также и добавлял веса, и в целом было очень желательно свести работы к простым действиям. А нагрузку — к минимуму.

— Нужна максимально возможная точность, — медленно, отчетливо повторил Борг. — Оставляю это на ваше усмотрение. Выберите любое устройство, которое посчитаете нужным.

— Шаровая антенна W-типа, — безропотно сказал Чет.

— Отлично. Сейчас мы проделаем все расчеты, это займет сорок пять минут. А сколько вам нужно времени на подготовку?

— Сорок пять минут, сэр.

— Прекрасно, но не срезайте углы. Мы торопимся, но нашей первой обязанностью является успех и безопасность всей экспедиции.

— Я понимаю, — кивнул Чет.

Капитан Борг взглянул на часы.

— Ну, хорошо. Вылет через час. Мы доставим вас как можно ближе к месту работ. Там есть хорошая посадочная площадка не более, чем в сотне ярдов, так что не станем задействовать лунный ровер. Это сэкономит нам время. А пока что поешьте чего-нибудь.

Чет оценил последний приказ, так как почувствовал голод.

— Мэйли сообщит вам все данные, пока вы едите, — добавил Борг.

Чет встал и пошел к холодильнику. Капитан Борг был самым опытным офицером из всех, кого он когда-либо знал, но, тем не менее, в Борге не было ни капли мягкости или сострадания. Возможно, это вообще были противоречивые качества. Чет признавал, что Борг вел себя с ним так же жестко, как и с остальными, и был при этом справедлив, но все его великодушие заключалось в том, чтобы подарить Чет лишние пятнадцать минут на подготовку к восемнадцатичасовой миссии. И он стал бы настаивать, чтобы Чет поел, если едой можно назвать поспешное совещание в перерывах между чавканьем. Чет достал из морозильника готовый пирог и сунул его в электродуховку. Меньше чем через минуту пирог согрелся. Чет понятия не имел, из чего состоял пирог. Он был диетически сбалансирован и разработан специально для того, чтобы легко перевариваться в условиях невесомости. И на вкус был приятным. Намного лучше, чем холодная паста из туба. За едой Чет внимательно выслушал Дуга, который изложил ему детали предстоящей миссии.

Собираясь, Чет мысленно рассмотрел предоставленные ему планы работ. Они были такими же обычными, как и все в космосе.

Полетом к поверхности Луны и приземлением управлял компьютер с корабля-носителя. Затем часы каторжного труда, чтобы собрать шар антенны, установить рекордер и настроить антенну на прием сигналов, идущих с Венеры. Затем следовало длительное, утомительное ожидание, пока рекордер проделает свою работу. И наконец, антенну нужно демонтировать и упаковать в модуле перед стартом к кораблю-носителю. Было слишком утомительно, чтобы думать о задании в целом. Лучше концентрироваться на каждом следующем шаге.

«Было бы гораздо проще, – подумал Чет, – если бы корабль-носитель мог сам опуститься на поверхность Луны». Но он знал, что это невозможно. Корабль-носитель был громоздким, нес много груза, и требовал слишком много топлива при любом маневре, кроме дрейфа. Чет знал, что когда-нибудь новые, более мощные двигатели позволят гигантским кораблям совершать посадку и взлетать из любого уголка обозримого космоса. Хотелось бы, чтобы этот день уже настал. Но поскольку этого не произошло, он устроился в модуле, пристегнулся к креслу, а Дуг занял соседнее место.

В наушниках шла проверка данных перед расстыковкой и началом посадки. И, хотя Чет технически считался пилотом, делать ему было нечего, кроме как слушать, как Филип и капитан Борг проверяют приборы. Перед заключительным обратным отсчетом капитан произнес:

– Счастливого приземления, друзья, и не забудьте соблюдать радиотишину до возвращения. Мы будем передавать вам сообщения с Земли, но никаких переговоров. Удачи!

Раздался щелчок выключения связи по интеркому. Корабль-носитель начал расстыковку. Четыре крошечных двигателя осво-

бодили модуль от соединительного рукава и начали спуск на поверхность Луны. Модуль покинул орбиту и начал спускаться по спирали, унося двух космонавтов к месту назначения...

Наступило время долгого ожидания. Антенна была уже собрана и настроена на сигналы, поступающие из южного полушария Венеры. Рекордер записывал серию щелчков и писков, которые несли в себе информацию о климате и общих условиях, существующих на Венере.

Чет и Дуг сидели в модуле. Они не стали герметизировать кабину, но подключили свои скафандры к общей системе. По возможности, они должны были получить десять часов записей. Но их приоритетом номер один была готовность к старту, который должен произойти автоматически, без предварительного сообщения от корабля-носителя. Модуль в любом случае стартует сам, с ними или пустой. Оба были полны решимости попасть на борт, хотя и не собирались говорить об этом.

— Как ты думаешь, это все? — спросил Дуг, чтобы убить время. — Я имею в виду, мы полетим на Землю, когда закончим эту миссию?

— Конечно, нельзя сказать наверняка, но я предполагаю, что они собираются вернуть экспедицию на Землю как можно быстрее, — ответил Чет.

— Ты так думаешь? — нетерпеливо поинтересовался Дуг.

— Насколько я понимаю, — пояснил Чет, — мы просто оказались в нужном месте в нужное время. Русские объявили сенсацию о полете на Венеру как раз в то самое время, когда у нас была возможность получить сигналы от их установки. Они могут знать или не знать, что мы здесь, но мы не собираемся облегчать им задачу, объясняя, что мы делаем. Поэтому — радиомолчание. У нас есть их данные, а если мы передадим их на Землю, есть вероятность, что они перехватят наш сигнал и узнают, как далеко мы зашли в проверке подлин-

ности их сообщения. Поэтому — никакой передачи данных. Но Космическое агентство хочет как можно быстрее получить наши записи. И как мы можем наилучшим образом удовлетворить их желания, мистер Мэйли? — спросил Чет, прекрасно имитируя голос и интонации капитана Борга.

Дуг тут же подыграл ему, исполняя роль подчиненного.

— Чтобы соответствовать всем этим требованиям, сэр, — произнес он официальным тоном, — мы должны сразу же, без промедления, отправиться на основную базу, а оттуда — домой, сэр!

— И передать им записи из рук в руки, мистер Мэйли.

— На бархатной подушке, сэр! — козырнул Дуг.

ГЛАВА III

В горах Санта-Моники, вблизи Малибу, располагался подземный командный центр Космического агентства. Меньше чем в часе полета до многочисленных гражданских служб в Санта-Барбаре на севере и еще ближе к шумной столице Лос-Анджелесу на юге, он был идеально расположен, чтобы туда могла приехать толпа ведущих специалистов, не привлекая внимания общественности. Ежедневно по автостраде Сан-Диего проносилось около сотни тысяч автомобилей. Тридцать или сорок автомобилей, идущих друг за другом с интервалом в несколько минут, будут при таком движении совершенно незаметными. Примыкающая к шоссе Каньон-Роуд была общественной дорогой. А от нее разбегались во всех направлениях частные дороги к различным ранчо — это была красивая, но достаточно пустынная страна. Некоторые невинно выглядывшие дороги, казалось, бесцельно уходящие в холмы, на самом деле вели к скрытым входам в огромную пещеру, где и размещалось Космическое агентство.

По одной из таких дорог ехал не совсем новенький автомобиль, в котором сидела группа бизнесменов. Они были небрежно

одеты и все время трепались друг с другом о пустяках. Водитель, в спортивной рубашке и полотняной куртке, был специальным сотрудником Космического агентства. А его пассажиры – капитан Александр Борг, Чет Дункан, Джим Холмс, Филип Ломбарди и Дуглас Мэйли.

Толстые кабели, проложенные глубоко под землей, являлись коммуникационными линиями. А на окрестных горных вершинах замаскированные микроволновые реле и лазерные передатчики гарантировали, что штаб Космического агентства будет поддерживать постоянную связь со всеми частями света и орбитальным околоземным пространством, независимо от любых нападений или диверсий. Запасы пищи, воды, системы очистки воздуха и иные службы гарантировали, что центр сможет автономно просуществовать в течение двух лет без внешних поставок. Он мог выдержать прямой ядерный удар. Именно в данном месте изобретательность человека в деле защиты обогнала его же способности в деле нападения. Конечно, на войне не может быть ничего абсолютного, но, учитывая законы вероятности, штаб Космического агентства можно было назвать неприступным.

Центр не являлся главным источником космических экспедиций. Он не запускал никаких ракет и владел не таким уж большим количеством антенн и аппаратуры слежения. Это был обширный учебный и контролирующий центр, который по защищенным линиям был связан со всеми местами запуска ракет на Земле и космическими спутниками.

Характеристики капитана Борга и его команды содержались в досье, заведенных в тот день, когда они поступили на службу в Агентство. Когда, после выполнения задания, потребовалось их личное присутствие в центре, эти досье легко извлекли на свет божий. А когда визит космонавтов официально будет завершен, их имена удалят из списка доступа, а досье снова запрет в основном хранилище.

Агент, сопровождавший их в центре, провел команду в помещении для совещаний. Это была прямоугольная комната, в центре которой стоял подковообразный стол, по краям нашлось место для дюжины стульев. Им указали на места. Капитан Борг сел ближе всех к U-образной главе стола. Слева была гладкая стена, на которую могли проектироваться карты и диаграммы. Комната хорошо освещалась и вентилировалась, была звукоизолирована. Несколько минут все пятеро молча сидели в одиночестве.

Затем дверь стремительно скользнула в сторону, и в комнату вошли пять человек. Трое были в военной форме, двое – в обычных пиджаках. Лысый коротышка с мощной фигурой занял место во главе стола. Это был Критон Кертис, директор Космического агентства. Он был известен под кличкой, которой никто не называл его в лицо, «Скала», имел решающий голос по любому вопросу, хотя бы косвенно имеющему отношение к космосу. Он имел право лично докладывать президенту США, который единственный мог отменить его решение. Но, без крайне серьезных оснований, решения «Скалы» никогда не отвергались.

Остальные заняли места напротив команды капитана Борга по другую сторону стола. Кертис открыл совещание, обращаясь к космонавтам.

– Господа, – представил он, – это генерал Фарсонс, армия, адмирал Лоутон, флот, генерал Слэйтер, военно-воздушный флот, и мистер Уайт.

Все обменялись кивками. Не было нужды представлять космонавтов, потому как все в комнате знали, кто они такие. И никто не стал объяснять, кто такой человек с седыми волосами и очками в стальной оправе. Он был просто мистер Уайт, и никто из космонавтов не рискнул поинтересоваться, кто это. Джим Холмс подумал сначала, что неплохо бы выяснить, кто такой этот Уайт и зачем он здесь, но справа от него сидел капитан Борг, и Джим решил промолчать.

— Господа, — продолжал Кертис, — обычная беседа проводилась бы с каждым из вас по отдельности. Но в данных обстоятельствах мы решили, что беседа сразу со всей вашей группой будет более соответствовать нашим целям. У меня есть ваши отчеты, и мы все их изучили. У меня есть также записи сигналов с Венеры, привезенных вашей экспедицией. Кто сделал эти записи?

— Чет Дункан при помощи Дугласа Мэйли, — ответил капитан Борг.

В отчете имелась вся информация, но «Скала» любил все делать по-своему, и Борг прекрасно понимал его. Он сам требовал от подчиненных повиновения, и, в свою очередь, готов был повиноваться вышестоящим командирам. И он всегда считал, что так и должно быть.

Кертис откинулся на спинку кресла и посмотрел прямо на Чета.

— Ваш отчет показывает, Дункан, что вы хорошо знакомы с шаровыми антеннами W-типа. Вы согласны с этим?

— Да, сэр.

— И кстати, Мэйли, вы ведь неоднократно проводили такие работы, не так ли?

— Да, сэр.

— Вы только что вернулись после ремонта лунного ровера, — «Скала» снова обратился к Чет, — когда вам приказали лететь на перехват этих сигналов. Но вы ведь были усталым?

— Да, сэр, я устал, — честно признался Чет, — но не до такой степени, чтобы ослабеть. Я успел немного поспать до того, как вернулся на Луну, и таким образом, был в хорошей форме.

— Мэйли. Вы занимались обычной работой в то время, как Дункан ремонтировал ровер. Есть ли что-нибудь, что мы должны знать о вашем физическом состоянии перед тем, как вы полетели устанавливать антенну?

— Нет, сэр, — ответил Дуг. — Я прекрасно себя чувствовал. Я следил за новостями, и капитан Борг попросил, чтобы я подготовил план работ по установке антенны. Когда мы с Четом полетели, я чувствовал, что мы оба в прекрасной форме. Это была обычная миссия, сэр. Никаких осложнений.

Мистер Уайт вдруг откашлялся и произнес тонким голосом:

— Кто-нибудь из вас ощущал какие-нибудь необычные побочные эффекты, когда ваша миссия была на стадии реализации? Головокружение... головную боль... тошноту... вообще что-нибудь необычное?

— Нет, сэр, — единодушно выступили Чет и Дуг.

Кертис выпрямился.

— Сейчас я скажу вам, что находится на той ленте, которую вы записали, — сказал он, — и вы поймете, почему я хочу быть совершенно уверенным, что ваше задание выполнено точно так, как планировалось. Если вы спешили, или чувствовали себя слишком уставшими, или что-нибудь еще, то это могло повлиять на результаты. Теперь я удовлетворен, узнав, что ничего подобного не произошло. Предполагается, что сигналы, которые вы записали, шли из южного полушария Венеры. Я должен поздравить вас и поблагодарить за точность, с какой вы настроили оборудование: сигналы ясные и четкие.

Оба космонавта почувствовали, как по лицу разливается румянец благодарности за комплимент, но никто не издал ни звука.

Кертис обратился к капитану Боргу.

— Ваши записи, — сказал он, — подтверждают версию русских. Мистер Уайт может расшифровать русскую систему записей с точностью и быстротой, какой позавидовала бы и Москва. Вот ответ, переданный автоматической станцией, находящейся где-то в южном полушарии Венеры.

Он сделал паузу. Световые блики на мгновение вспыхнули на

его голове, когда он повернулся направо и налево, оглядывая сидящих за столом девятерых человек.

— А теперь, мистер Уайт, пожалуйста, сообщите нам краткие сведения того, что нам было известно, помимо этого сообщения, о климате на поверхности Венеры.

Седой мужчина в костюме снова откашлялся, облизнул губы и уставился на полированную крышку стола, будто читал написанное на ней сообщение, хотя перед ним не лежало никаких бумаг:

— Данные, собранные такими уважаемыми учеными, как Дейнхофф, Экк, Липпинкотт, Саган, Мороз, Минц — я мог бы продолжать этот список... Это люди представляют разные страны, плюс информация, собранная нашими «Маринерами» с пятого по восьмой, а также русскими «Венерами» с четвертой по седьмую, не приводят нас к единодушному ответу. То есть, различные исследования, включающие микроволны, радары и зонды приводят к совершенно различным результатам. Однако, все же они не отличаются уж настолько разительно. Все методы исследования до настоящего времени показывали температуру поверхности Венеры примерно от четырехсот до семисот градусов. Скорее всего, там происходят многочисленные пыльные бури и...

Кертис поднял руку, и Уайт замолчал, словно щелкнули выключателем.

— Я думаю, в нашей нынешней беседе мы можем ограничиться лишь рассмотрением температуры. Погодные условия, состав атмосферы и степень влажности могут быть подробно рассмотрены позже, — заметил Кертис, — но сейчас давайте остановимся на температуре. В этой комнате есть люди, которые испытали температуру выше четырехсот градусов. Если они при этом защищены какой-нибудь системой жизнеобеспечения, например, скафандром или механическим устройством, то вполне можно допустить, что

человек может жить и работать при такой высокой температуре. Но русские утверждают, что такое жизнеобеспечение на Венере не требуется, потому что их зонд приземлился и обнаружил, что там не жарче, чем в окружающей нас пустыне летом. Господа, я бы хотел, чтобы вы высказались о вероятности такого заявления. Только, пожалуйста, покороче, в двух-трех предложениях. Мистер Уайт?

Седой откашлялся и опять нервно облизал губы.

– Мне трудно в это поверить, – сказал он.

– Было бы лучше, если бы вы заняли какую-то определенную позицию, – нахмурился Кертис. – Позже, при необходимости, вы можете изменить свое мнение, но что вы думаете прямо сейчас?

– Я этому не верю, – низким голосом произнес Уайт.

– Генерал Слэйтер?

– Отрицательно.

– Адмирал Лоутон?

– Все говорят «горячо», одни русские заявляют «прохладно».

Я соглашусь с большинством. Флот отвечает «ниет». – Он улыбнулся своей шутке, но его никто не поддержал.

– Генерал Фарсонс?

– Это трюк! Не знаю, что они задумали, но они пытаются продать нам кучу чепухи. Конечно, я этому не верю!

– А теперь, пожалуйста, капитан Борг, – обратился Кертис к другой стороне стола.

– На том основании, что это противоречит всему, что мы изучили, а также потому, что я никогда не доверял советским методам заявлений пост-фактум, у меня нет веры в их последнее утверждение.

– Холмс?

– Ну, с научной точки зрения, я полагаю, что нашей обязанностью является не верить чему-либо, пока нам не предоставили для

этого достаточно серьезных оснований. Мы ведь не полагаем на пустом месте, что дважды два равняется четырем. Мы проверяем это уравнение, видим его истинность, и только поэтому ему верим. Это то же самое, если кто-то даст мне камень и заявит, что это золотоносная руда. Я...

– Холмс! – рявкнул Кергис, и Джим тут же прервал свои рассуждения.

– У меня нет причин верить последнему заявлению русских, сэр, – подытожил он.

– Ломбарди?

– Нет, сэр. Я не согласен с ним.

– Мэйли?

– Никакой веры им, сэр.

– А вы, Дункан?

Чет нахмурился. Он боролся со своей совестью. Он чувствовал, что мог бы согласиться со всеми, чтобы завершить эту часть совещания, а затем высказать свое частное мнение, когда будет расширенное обсуждение. Но он знал, что «Скала» не просто так проводит эту встречу. Весь тон беседы был установлен таким образом, чтобы раскрыть внутренние суждения каждого из присутствующих. Чет чувствовал себя здесь неловко. За столом было много вышестоящих чинов, и младшему офицеру не так уж легко встать в прямую оппозицию.

– Откровенно говоря, сэр, – промолвил он, наконец, – сначала я был склонен не поверить их истории, но я ни о чем больше не думал с тех пор, как услышал эти новости, и если бы я должен был принять поспешное решение прямо сейчас... я бы принял русскую версию.

Наступила секундная тишина, затем генерал Форсонс громко фыркнул.

– Ерунда! – отрезал он.

— Генерал Фарсонс, — спокойно обратился к нему Кертис. — Я хотел услышать девять разных мнений. Если бы я хотел услышать только ваше, то так бы и сказал.

Генерал Слэйтер повернулся к Чету.

— Вы, очевидно, не согласны с мыслями своего молодого коллеги, — наставительно произнес он, указывая на Джима Холмса, — который полагает, что мы можем верить только тому, чему нам были предъявлены доказательства.

— Не совсем так, сэр, — ответил Чет. — Например, у меня никогда не было твердых доказательств, что моя мать родила меня, но я верю этому.

Генерал Фарсонс с трудом подавил еще одно фырканье. Чет понял, что у него не совсем получилось высказать то, что он хотел. Это было трудно облечь в слова, и он попытался еще раз.

— Я хочу сказать, что есть некоторые вещи, которые мы склонны принимать на веру без доказательств. Конечно, если позже будет доказано, что они неверны, то вы отказываетесь от них. Я лично записывал эти сигналы. И я знаю, что они шли из южного полушария Венеры. Никто, с кем я говорил, не сомневался, что это русские сигналы. И хотя моя первая реакция была отрицательной, я не могу заставить себя поверить, что Советы могли совершить попытку такого громадного международного обмана, который мог быть разоблачен так быстро. Возможно, они получили искаженные данные, но они им верят.

— Меня смущает вопрос, — заметил Дуг Мэйли, — зачем русские так стремятся доказать, что Венера пригодна для жизни? Неважно, верят ли они тому, что говорят, или знают, что это ложь, но почему они раздувают эту проблему, которую все же можно проверить?

— Мы контролировали все русские радиопередачи со времени опубликования этого заявления, — ответил ему высоким голосом мистер Уайт. — И мы обнаружили, что значительный акцент дела-

ется на азиатские страны. Они привлекают к себе их жителей, как Христофор Колумб нашего времени. Они говорят им: «Вы бедные, голодные люди, живущие в перенаселенных странах. Ваши русские друзья нашли заполненные рисом небеса для миллионов ваших жителей. Американские капиталисты не хотят, чтобы они были у вас. Они хотят эксплуатировать их ради своей эгоистической выгоды, поэтому отрицают, что там можно жить. Но с вашей помощью мы откроем их для людей, которым они принадлежат по закону. Присоединяйтесь к нам в этом могучем усилии, и вы разделите вместе с нами Коммунистическую Венеру». Ясно одно. Они используют это заявление для того, чтобы вовлечь миллиард азиатов в свою сферу влияния.

Обсуждение продолжилось. Задавались вопросы и высказывались мнения. Самыми непреклонными оставались представители вооруженных сил. Адмирал Лоутон казался чуть мягче, чем двое его коллег, но, несмотря на это, и он был нестигаемо тверд в этих вопросах. Космонавты быстро забыли о чинопочитании и горячо приняли участие в обсуждении. Критон Кертис поочередно то тормозил, то успокаивал тех или других, задавая вопросы, с которыми никто не соглашался. Наконец, он сказал:

— Господа, я вовсе не ожидаю, чтобы на этом обсуждении были сделаны какие-то окончательные выводы. Я хочу, чтобы вы все поняли, что я ценю ваши мнения и ту энергию, с которой вы отстаиваете свои взгляды. Но прежде, чем прерваться, я хочу задать еще один вопрос. Дункан, почему вы так уверены, что русские данные о Венере подлинны?

Чет секунду подумал перед тем, как ответить.

— Сэр, я хочу заявить, что вовсе не уверен, что они подлинные. Я только чувствую, что преднамеренная ложь является более серьезным риском, нежели тот, на который могут пойти русские. Что же касается возможности простой ошибки, то там для этого слишком

уж много данных. Если бы это была одна температура, я был бы склонен поверить в дефекты оборудования. Но шансы для такой же ошибки при передаче данных о составе атмосферы, также как и об особенностях почвы и растительной жизни были бы уж слишком большим совпадением. Каждый аспект этих данных как-то чересчур подходит к остальным. Нет, сэр. Я уверен, что мы можем исключить ошибки приборов. Остается вопрос, говорят ли они нам правду или сознательно лгут.

— И вы чувствуете, что они говорят нам правду?

— Это лишь мое ощущение, сэр, не основанное на глубоких суждениях. Оно могло родиться из опасения ловушки, которую расставляет нам это сообщение.

— Какой ловушки?

Кертис откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Все, кто работал с ним прежде, знали, что в такой позе «Скала» размышляет, когда охвачен тревогой.

— Ну, сэр, если мы станем официально опротестовывать советское заявление, а они все же окажутся правы, — а данная ситуация, я думаю, разрешится где-то в течение года, — тогда доверие обществу к нам будет подорвано на долгое время. Советы начнут утверждать, что мы все знали, но пытались скрыть эти сведения от всего мира. Если они окажутся неправы, то просто заткнутся, но если они будут правы, то нам придется согласиться с их победой, что причинит нам много неприятностей.

Кертис открыл глаза.

— До скорого, джентльмены. Большое вам спасибо.

Ничего больше не говоря, он встал и вышел из комнаты. Совещание закончилось.

Пяти космонавтам предоставили комнаты в жилых помещениях комплекса. Чета поселили с Дугом, Фила с Джимом, а капитану Боргу предоставили отдельный номер. У них не было определен-

ных обязанностей, но их предупредили, что им придется ждать два-три дня, чтобы оказаться под рукой в случае необходимости. Они регулярно тренировались в хорошо оборудованном спортзале, играли в гандбол, смотрели телевизор. Однако, ждать было все равно тяжело. О недавних событиях было мало дискуссий, и не высказывалось никаких предположений на будущее. Однако, космонавтов давно приучили к тому, что ожидание вынести легче, если не перебирать ошибки прошлого и не пытаться предугадать будущие задания.

Однажды капитан Борг коротко и конфиденциально сказал Чету:

— Мне кажется, вы правильно высказались на совещании. Я знаю, что нелегко быть единственным инакомыслящим. И не буду притворяться, что соглашаюсь с вами, потому что я не согласен с тем, что вы сказали. Но я горжусь вами, потому что вы высказали свое мнение.

— Спасибо, сэр. Но боюсь, мне показалось, что генералы и адмирал не вполне разделяют ваше мнение. Мне показалось, что я их раздражаю. Надеюсь, что это не относится и к «Скале».

— Мистер Кертис — человек справедливый. Я бы не волновался о нем. Но скажите мне, Чет, только между нами, как вы думаете, зачем мы вообще здесь, в этом муравейнике? Я лишь надеюсь, что о нас вообще не забудут.

— Думаю, нас привезли сюда не только ради политики, — ответил Чет. — Они просто хотели увидеть нашу реакцию.

— Может, это и верно, — засомневался Борг, — но что они хотят от нас дальше?

— Ну, я не очень-то думал об этом, — пожал плечами Чет, — но мы знаем, что через несколько недель стартует очередной «Маринер». Могу предположить, что его направят на Венеру. И, кроме того, я бы попытался посадить его где-нибудь в южном полушарии. Тогда мы могли бы получить ответы на свои вопросы.

— Гм-м... «Маринеру» понадобится три месяца, чтобы долететь до Венеры. И каково будет наше официальное положение все это время?

— Ну, я бы не стал об этом думать. Пусть все идет своим ходом. Отдельные ученые пусть делают личные заявления, комментаторы новостей пусть пишут свои статьи, а конгрессмены занимаются привычной болтовней. Все они согласны с тем, что русские нас обманывают. Думаю, если это будет продолжаться, то оно сойдет за официальную точку зрения, которая продержится до тех пор, пока у нас не появится что-то конкретное. И тогда мы сможем официально принять или опровергнуть заявление Советов, не опасаясь попасть в затруднительное положение.

— Чет, что касается оценки заявления русских, мы находимся по разные стороны забора, — сказал Борг, — но я думаю, вы на все сто процентов правы, говоря о том, что мы должны делать. И... ну, в общем, не стоит рассуждать, почему я так думаю.

Когда «Скала» послал за Четом, он сделал это не по телефону.

За ним приехал суровый сотрудник, который провел его по лабиринту лифтов и эскалаторов. Кабинет «Скалы» был достаточно большим, чтобы проводить в нем не очень обширные конференции, являющиеся неотъемлемой частью его работы. И хотя он не так шикарно оборудован, как Главный Зал, в его стенах пряталось достаточно электронного оборудования, чтобы поддерживать постоянную связь хозяина кабинета со всем миром. Одна стена была стеклянной и являлась ничем иным, как громадным экраном, работавшим, как телевизор. Любая камера, проектор или пантограф в мире могли связаться с ним. Директорский стол был огромен и непривычно старомоден. Это оставалось его личным пространством, и многих забавляло, когда они узнавали, что самое современное агентство страны управлялось на настоящем старинном предмете мебелировки. Но «Скала» не мог без него. Этот стол принадлежал еще его деду, а его дед был президентом Соединенных Штатов.

Проводник подвел Чета к самому краю древнего стола и тихонько удалился. Сидевший за столом «Скала» читал какие-то документы.

— А, Дункан, — радушно обратился он, — очень любезно с вашей стороны, что пришли. Располагайтесь поудобнее, я скоро освобожусь.

Чет сидел на ближайшем стуле с прямой спинкой, пока «Скала» подписывал какие-то бумаги.

— Дункан, вы добровольно поступили на службу в Агентство? — наконец, поднял голову «Скала».

Это было общеизвестно, не существовало другого способа стать космонавтом. В космонавты никого не призывали и не тащили силой. Практически, подавшие заявление проходили конкурс, составлявший четверста человек на место.

— Да, сэр, — ответил Чет.

— Великолепно. Видите ли, Дункан, нам нужны добровольцы. Временами приходится использовать что-то помимо прямых приказов. Особые времена, когда человек должен быть полностью посвящен во все подробности предстоящего задания. Он должен добровольно согласиться рисковать, по совести, а не по приказу. Вы согласны со мной?

— Да, сэр, — сказал Чет, чувствуя, что он только что добровольно на что-то согласился.

— Великолепно, — торжественно повторил «Скала». — Значит, мы можем рассчитывать на то, что вы присоединитесь к команде Срочной Операции?

— Срочной Операции, сэр?

— Да, Дункан. Команда состоит из трех человек, все добровольцы. Мы не можем принять в нее женатых людей. Нам нужны молодые люди, мужчины, с минимумом личных связей, но все же с достаточным количеством опыта, для чрезвычайно важной мис-

сии. Срочная Операция – это название, охватывающее трех добровольцев, трех дублеров, обслуживающий персонал и все оборудование, необходимое, чтобы приземлиться в южном полушарии Венеры.

ГЛАВА IV

– Совершить посадку на Венеру?

Первой реакцией Чета был энтузиазм, смешанный с гордостью за то, что он оказался в числе избранных. А затем ему в голову полезли иные мысли. Непрофессионалу могло бы показаться, что полет на Луну принципиально ничем не отличается от путешествия на Венеру, но опытный человек отлично знал громадную разницу между ними. Опасность такого предприятия лучше всего продемонстрировало то, что, хотя полеты на Луну стали довольно обычными, никто еще и не думал лететь на Венеру.

– Мы можем рассчитывать на вас? – спросил Кертис.

– Да, конечно, сэр! – автоматически ответил Чет. – Но могу я спросить, где будут проходить тренировки и кто главный руководитель проекта?

– Естественно. Тренировки будут здесь. А Срочная Операция находится под моим личным руководством. Капитан Борг назначен помощником, и он будет работать с вами.

Чет удивился. Обычно к проекту подобной величины готовились весьма основательно и заранее. Он думал, что будет намечен период подготовки в двенадцать-четырнадцать месяцев, за время которого будут запущены два-три беспилотника, чтобы проложить путь трем космонавтам. Мысль, что «Скала» привяжет себя к единственному проекту на такой долгий срок, казалась нереальной.

– Я не вполне понимаю, сэр. Мне казалось, что подготовка к проекту займет около года, а ваше время...

Кертис взглядом прервал Чета. Глаза его сощурились, хотя голос оставался тихим и совершенно спокойным.

— Запуск, — отчеканил Кертис, — я имею в виду старт на Венеру корабля с тремя космонавтами на борту, — состоится ровно через сорок три дня.

Чет почувствовал, как что-то сжалось у него в животе. Он осознал, что стоит на ногах, хотя совершенно не помнил, как поднимался. И еще он ужасно испугался, что сейчас повернется и выбежит из комнаты. Через несколько секунд шок прошел, и Чет услышал, как Кертис произнес:

— Сядьте, Дункан. У нас еще есть о чем поговорить.

Чет сел и помотал головой.

Сорок три дня! Он все еще не мог прийти в себя после таких новостей. Во что мы ввязываемся?

— Как вам известно, — сказал Кертис, — информация по Агентству доводится до персонала по принципу необходимости. Каждый получает лишь ту информацию, которая необходима, чтобы человек трудился над своим заданием со знанием дела. При данных обстоятельствах вы и ваша команда будете получать информацию всех уровней, имеющую отношение к Срочной Операции. Вы будете знать столько же, сколько члены вашей команды, капитан Борг и я. С данного момента все, что вы узнаете, включая и нынешнюю беседу, попадает под «Закон о сохранении тайны» от 1979 года. Это понятно?

— Да, сэр.

Чет вернулся к норме и понял, что нет смысла задавать сотни вопросов, мельтешивших у него в голове. Он все узнает в свое время.

— Хорошо. Пока я разговаривал только с капитаном Боргом, так что пока не могу сообщить вам имена членов команды. Жить вы останетесь, вероятно, в том же номере. Скорее всего, к вечеру вас

пригласят на совместный инструктаж. Вы знаете о назначенном запуске «Маринера»?

Чет кивнул.

— Хотя мы сохранили прежнее название «Маринеры», этот будет первым из серии «Я». «Маринер Я-1». «Я» означает ядерную энергию. Взлет будет производиться, как обычно, трехступенчатой химической ракетой. Основной модуль ядерный. По нашим планам, он может отделяться, но будет полностью оснащенным жилым модулем. В его конструкцию включено место для планетарного приземляемого модуля. Сорок три дня с настоящего момента — точное время для подготовки полета на Венеру. У нас есть дрейф в несколько дней, но после этого положение Венеры относительно Земли начнет меняться в худшую сторону и больше года не станет благоприятным.

Наступила минута молчания.

— Это все, что я могу сказать сейчас, но вечером мы соберемся опять.

Чет встал, на этот раз по своей воле.

— Да, Дункан, — окликнул его Кертис, когда Чет уже подошел к двери кабинета.

Чет обернулся.

— Спасибо за согласие, — улыбнулся Кертис.

— Пожалуйста, сэр, — ответил Чет и вышел из кабинета.

«Если я доброволец, — прошептал он себе, — то «Маринер Я-1» просто парусная шлюпка».

Большую часть дня Чет провел, переселяясь в новое помещение, предназначенное ему и членам его экипажа. У каждого, включая и капитана Борга, была отдельная комната. В каждой комнате имелись удобная кровать, кресло для отдыха, стол, радио, телевизор и телефон. Телевизор принимал все коммерческие каналы плюс три местных, находящихся под контролем Подразделения внутренней

информации. Все, что требовалось увидеть, могло быть послано в любую комнату или группу комнат. Как только устроились, все трое собрались в общей гостиной. Капитана Борга среди них не было. Когда Чет вошел в гостиную, два человека уже разговаривали друг с другом. Один из них увидел Чета в дверном проеме.

— Ага! Вот и наш ВИОК. Я Картер Паррет Тис, а это Куинси Смит.

— Привет, — кивнул им Чет. — А что такое ВИОК?

— Временно Исполняющий Обязанности Капитана. Ведь это же вы?

— Меня еще не назначили ни на какую должность, — ответил Чет.

— Ну, тогда можете расшифровать это как Временно Изображающий Обреченного Космонавта.

— И что это должно означать?

Чету не показалось это забавным, но он не хотел начинать знакомство с конфликта, поэтому чувствовал себя немного не в своей тарелке.

— А в чем они обвинили вас? В том, что продаете русским государственные тайны?

— Может, я что-то пропустил? — спросил Чет. — О чем вы вообще говорите?

Он попытался сдержать раздражение, которое чувствовалось в его голосе.

— Вы ничего не пропустили. Именно так они и действуют. Они никогда не приходят и не говорят вам напрямую, что прослушивают все ваши разговоры. Они просто переводят вас с места на место, чтобы лишить душевного равновесия, а потом внезапно — пуфф!

Чет видел, что Паррет говорит серьезно.

— Эй, а вы не откажетесь прямо сказать мне на английском языке, на что вы намекаете?

— Ну, он считает, что его выбрали для самоубийственного задания, потому что он им не нравится, — сказал Куинси.

— Ну, а что еще я должен предполагать? Что вы думаете об исходе этой операции? Я скажу вам, что думаю я...

— Заткнитесь! Немедленно замолчите! — рассердился Чет. Если позволить этому продолжаться, то операция прервется, еще не начавшись. — Мы выбрали довольно опасный способ зарабатывать себе на жизнь, когда записались в Космическое агентство. Ну, таким образом, мы, разумеется, рискуем, но знаем при этом точно: в Космическом агентстве Соединенных Штатов не бывает никаких самоубийственных операций. — Чету было жаль, что на самом деле он не чувствовал то, что говорил, но он сам не испортил ни одной миссии и не позволит сделать это никому.

Паррет утих.

— Не могу не согласиться с вами, — поддержал Куинси. — Мы выбрали Агентство, а не они нас. И я чувствую гордость за то, что именно меня выбрали для этой трудной работы. Думали ли вы, что скажут об этом потом? Я вам скажу, — голос его задрожал от избытка чувств, — что наши имена будут вписаны во все книги истории на Земле.

— Послушайте, Смит, — бесстрастно процедил Паррет, — Винсент Адлер — мой старый приятель. Это имя вам что-нибудь говорит? Он прослужил в вашем подразделении почти год. И знаете, что он сказал? Он сказал, что вы помешаны на орденах. Он сказал, что у него сложилось впечатление, что если бы вам предложили орден за то, чтобы вы утонули, то вы тут же прыгнули бы в океан.

— Чушь собачья, — холодно улыбнулся Куинси. — Именно это позволяет нам продолжать заниматься таким делом. Ты никогда не думал попросить об отставке? Мне кажется, такое желание сидит у тебя глубоко внутри.

— Замолчите вы оба, — резко повысил голос Чет, решив, что перепалка зашла слишком далеко.

Он знал, что команда специально подобрана для этой миссии,

и их имена не вытянуты лотереей. При таких обстоятельствах он не хотел просить о замене членов команды, тем более, что времени на подготовку осталось так мало. С другой стороны, если он будет чувствовать себя неуютно с этой парочкой, дело может кончиться плохо, так как их безопасность зависит от тесного сотрудничества.

— А теперь послушайте меня внимательно, — начал он, постаравшись вложить в эти слова как можно больше убеждения. — От успеха или провала всего лишь трех человек зависит много материальных средств, несколько миллионов долларов и будущее двухсот пятидесяти миллионов американцев и миллиарда азиатов. И я — один из этой троицы. Могу вам сказать, что я не интересуюсь самоубийством, не хочу орденов и не готов делиться опасности этого задания с двумя клоунами, которые ненавидят друг друга. Я хочу знать всего две вещи. Во-первых, вы, Паррет. Действительно ли вы хотите и можете работать со Смитом?

Паррет попятился.

— Конечно, — опешил он, — никаких проблем. Я ничего против него не имею. Мне не очень нравится сама система, но я могу работать с кем угодно.

— А вы, Смит? Действительно ли вы хотите и можете работать с Парретом?

— Почему бы и нет? — пожал плечами Куинси. — Я просто хочу делать то, за что мне платят. Это миссия, к которой я готовился всю свою жизнь. Если Картер будет работать со мной, я готов ответить ему тем же. — Он улыбнулся, не то, чтобы холодно, но Чет не уловил в его улыбке особой теплоты. Куинси подошел к Паррету и протянул ему руку. — Послушайте, — сказал он, — я готов взять назад свои слова о чуши, если вы возьмете назад свое замечание о моих орденах. Вы согласны?

Паррет пожал его руку, хотя друг на друга они не глядели.

— Согласен, — кивнул он.

— Я просто хочу, парни, чтобы вы поняли, — чеканил Чет, — что с этого момента вы связаны друг с другом, потому что между членами команды не будет никаких препирательств. Для вашего сведения, я впервые стал командиром группы. Напомню вам, что наше задание будет опасным, и хочу обратить ваше внимание на тот факт, что официально оно началось в тот день, когда вас отобрали в команду. И, наконец, я собираюсь попросить, чтобы вы помнили о наказании, которое ожидает того, кто не станет повиноваться прямым приказам во время исполнения опасной работы. Мне кажется, что-то там в законах говорилось о двадцати годах каторжных работ, — сухо закончил он.

Первый кризис Срочной Операции был успешно преодолен. Чет не думал, что хороший лидер осуществляет свою власть лучше всего, используя служебное положение. Но он хорошо знал, что власть, данная ему директором Агентства от лица президента, была нужна для того, чтобы гарантировать успех любой задачи, которую ему поручат. Странно, что его до сих пор не ввели в должность, но Чет понял, что должен сразу поставить себя, как лидера, и реагировал, как лидер. А Паррет и Смит приняли его командование.

Чет понимал, что недостаток подробной информации вызывает у людей тревогу, поэтому решил, что больше не будет ничего говорить о предстоящем задании, пока им не сообщат больше информации. Так что до обеда они просто болтали, рассказывали о себе и о своей жизни в Агентстве, но не упоминали ни русских, ни Венеру.

Они уже заканчивали еду, когда получили вызов. Им предписывалось немедленно прибыть в конференц-зал «Скалы». Картер и Куинси тут же вскочили на ноги, готовые следовать за посыльным. Чет демонстративно допил стакан молока, вытер губы и аккуратно положил на стол салфетку. Затем встал и присоединился к своей команде уже за дверью.

— Готовы, господа? — спросил он.

Это помогло успокоить их, так что по коридорам они шли, а не бежали. Шли они небрежной походкой, как любой человек, скрывающий свое волнение, так что посыльному пришлось даже не раз замедлять шаг, чтобы они не отстали.

Директор Кертис ждал их на своем месте во главе стола. Справа от него сидели капитан Борг и еще один офицер со знаками различия командера. Перед командером стоял пантограф с заправленным в него листом бумаги. Любой документ мог быть спроектирован им на телестене. «Скала» представил его, это оказался командер Пат Брэдли. Космонавты заняли свои места по левую сторону стола, Чет сел ближе всех к директору.

— Командер Брэдли сообщит вам справочные материалы по Срочной Операции, — отрекомендовал «Скала».

Командер нервно покашливал и вертел в руках карандаш. По бледности его лица и плохой выправке Чет заключил, что он был референтом.

— Господа, — начал командер, — боюсь, что часть материалов уже вам известна, но мне кажется, нужно начать с самого начала.

На стене-экране появилось описание Солнечной системы, и командер стал перечислять орбиты планет и их данные, пока директор многозначительно не кашлянул.

— Ах, да, — спохватился Брэдли, — сближение Венеры с Землей — именно это собрало нас здесь. Через сорок три дня Земля и Венера целых девяносто дней будут находиться на самом близком расстоянии друг от друга. Поэтому, если мы начнем Операцию через сорок два дня, то «Маринер» достигнет Венеры на день раньше максимального сближения и должен будет пролететь лишнее расстояние. Если же начнем через сорок четыре дня, но упустим целый день сближения. Итак, сорок три дня — наилучший срок. Конечно, несколько дней плюс-минус не станут фатальными для

наших планов, но почему бы не сделать все правильно? Конечно, господа, если мы пропустим этот запуск, то Венера будет вне нашей досягаемости целых девятнадцать месяцев. Это долгий срок.

В беседу вступил директор. Он кивнул командеру, который уже принялся выписывать сопутствующие математические уравнения, и числа потоком побежали по орбитам Венеры и Земли, четко проектируясь на экран.

— Большое спасибо, Пат. Мне кажется, вы хорошо объяснили безотлагательность предстоящей операции. — Он осмотрел комнату. — Есть ли какие-нибудь вопросы, господа?

— Нет, сэр, — ответил Чет за всех космонавтов. — Мне кажется, командер Брэдли рассказал все понятно. Но мне хотелось бы получить сведения о состоянии готовности оборудования.

Пат Брэдли по-прежнему занимался уравнениями. «Скала» протянул руку к пульту управления и щелкнул выключателем, погасив проекцию.

— Слово капитану Боргу. Он разговаривал с начальниками отделов, и думаю, готов дать предварительный отчет о том, что узнал. Алекс?

— В настоящий момент, — вступил Борг, — я могу лишь повторить то, что мне доложили. Через несколько дней, когда я проверю все сам, то смогу быть более точен. Но дело, мне кажется, продвигается. Есть два полностью готовых «Маринера»: «Я-1» и его резервная копия «Я-2». Так как важен фактор времени, то готовятся сразу два аппарата. Если в одном выявятся неполадки, полетит номер два. Так как полет будет пилотируемый, а у нас только одна команда, то нам установили запасной модуль в помещении космического тренажера. Вы будете обучаться на настоящем аппарате — а это большое преимущество.

— Данный тип модуля когда-нибудь производил полет, капитан? — задал прямой вопрос Паррет.

— Да, он прошел обширное тестирование. Тогда на нем стоял прямоточный водородный двигатель. Теперь он заменен ядерно-водородным источником энергии. Существенная разница в том, что вместо того, чтобы использовать большое количество топлива и, соответственно, окислителя, вы станете использовать только водород. Это даст вам импульсный момент в два раза мощнее. Командный модуль «Маринер Я-1» развивает мощность более миллиона фунтов. В электрических терминах, он поставляет энергии в пять раз больше, чем плотина Гувера на реке Колорадо. Что касается самого модуля, я им удовлетворен и считаю, что он полностью проверен.

— Капитан, — продолжал упорствовать Паррет, — а данный тип блока питания когда-либо был в реальном полете?

— Правда в том, что никакой реактивный двигатель с ядерным топливом никогда не использовался в пассажирском модуле. Однако, этот блок питания успешно используется в других проектах, так что он тоже полностью проверен.

— Сэр, — настойчиво продолжал Паррет, — ввиду того, что в полет посылают трех живых человек, а не кукол, вы убеждены в том, что первое использование этого особого двигателя будет успешным?

— Мне кажется, ясно, что если бы у нас было сколько угодно времени, то мы сначала сделали бы несколько пробных полетов. Но при данных обстоятельствах, да, я убежден.

Критон Кертис поблагодарил капитана Борга за доклад.

— Я понимаю, господа, — сказал он космонавтам, — что у вас есть сотни вопросов, на которые вы хотели бы получить ответы. Могу вас заверить, что у нас есть ответ на каждый ваш вопрос. Но если у вас нет вопросов, которые имеют непосредственное отношение к тому, что вы здесь услышали, то я закрываю совещание. Завтра у вас будет день отдыха. А послезавтра вы начнете жить по особому графику, включающему в себя ежедневные четырнадцатичасовые тренировки.

У Чета вопросов не было. Он вовсе не убедился, что операция разработана так тщательно, как говорил об этом «Скала», но все же решил придерживаться при себе свое мнение, пока не пройдут несколько дней тренировок. Там все станет ясно.

— Могу я сказать, сэр? — спросил Куинси Смит. — Мне кажется, все мы должны подчеркнуть безотлагательность ситуации. Независимо от того, какой будет риск, мы должны осознать настоятельную необходимость этой миссии.

Кертис собирал свои бумаги и не удостоил его ни взглядом, ни словом.

— У меня есть вопрос, — внезапно обратился Паррет, привлекая внимание директора.

— Да?

— Видите ли, сэр, — спокойно произнес Паррет, — я полностью понимаю необходимость нашей миссии, но я бы хотел знать, сэр, какой процент успеха заложен для этой операции?

На мгновение лицо директора заволокли тучи. Он помолчал, пристально глядя на космонавта, потом заговорил, тщательно взвешивая каждое слово:

— Официально или не официально, но Агентство никогда не рассчитывает никакие проценты ни для какой миссии, независимо от того, укомплектована она или нет. Не будет никакого обратного отчета готовности, пока не будет уверенности в успехе. Другими словами, если бы нужно было назначить так называемый процент успеха, то каждый запуск, включая и нынешний, должен быть оценен в сто процентов. Вы меня ясно поняли?

— Да, сэр, — ответил Паррет. — Спасибо.

Когда они вернулись в общую гостиную в своих апартаментах, Борг обратился к Паррету:

— Картер, у меня сложилось впечатление, что, несмотря на то, что вы вызвались добровольцем, вы не слишком довольны своим назначением.

– Я и не утверждаю, что счастлив, – скривился Паррет. – Но я не думаю, что «счастливый» здесь правильное слово. Я никогда не «счастлив» или «недоволен» любым назначением. Я космонавт и просто делаю то, что мне велят. Но мне нравится задавать вопросы, потому что это помогает мне выбрать правильное решение.

Борг принял его ответ и был удовлетворен, что не будет раздраженного космонавта, разрушающего миссию изнутри.

– Хорошо, тогда слушайте, – тон Борга внезапно повеселел. – У меня есть очень важное сообщение – о повышении по службе, *лейтенанты*.

Он прикрепил серебряную планку на воротник Паррета, затем Смита и, улыбаясь, повернулся к Чету.

– Астронавт Дункан, эта двойная серебряная планка дает вам право на звание и оклад старшего лейтенанта. Примите мои самые теплые поздравления. Удачи вам.

ГЛАВА V

Больше половины подземного пространства, занятого Космическим агентством в горах Санта-Моники, отвели под учебный комплекс. Его разработали так, чтобы воспроизвести почти любую ситуацию, в которой могли очутиться участники полета. Командный модуль предстоящей экспедиции, двойник того, что будет использован на деле, уже был установлен в комплексе. Все его бортовые детали и оборудование точно соответствовали тем, какими космонавты будут пользоваться в течение месяцев, проведенных в космосе. Иллюминаторы удалили и вместо них вставили сложные телеэкраны. Все инструменты, приборы и датчики подсоединили к группе компьютеров и сервомеханизмов, которые окружили и почти что скрыли модуль. Все устроили так, чтобы смоделировать любую необходимую ситуацию.

Когда космонавты попадут на борт и задраят люк, модуль может оказаться на стартовом столе, на земной орбите или лететь в открытом космосе к любому заранее выбранному объекту. Они прошли через все возможные действия и преодолели любые чрезвычайные ситуации. Именно таким образом день за днем проходило их обучение.

Но фактор времени по-прежнему был важен. Коммандер Брэдли назвал его распределением по срокам, и теперь Чет более четко понимал, что он имел в виду. Руководитель обучения придумывал команде проблемы. У каждой проблемы было решение, ряд мер, которые космонавты могли принять, чтобы вернуть все на прежний курс – если бы у них имелось на это достаточно времени. Если бы они могли быстрее думать и быстрее воплощать найденные решения, они отлично прошли бы все тесты. В противном случае, они бы «погибали».

Все три члена экипажа провели столько часов в учебном модуле, что изучили его лучше, чем свои пять пальцев. Внутренность модуля не сильно отличалась от того, какой использовался для полетов на Луну. Он был несколько больше, и оборудование немного сложнее, но все они достигли того, что могли с закрытыми глазами найти любой переключатель или клапан.

Кроме обучения в командном модуле, космонавты провели много часов, управляя учебным планетарным посадочным модулем. Он должен был доставить их на поверхность Венеры и, что еще более важно, доставить обратно на орбиту для стыковки с командным модулем, который они должны оставить там. Эта стыковка после завершения миссии была бы достигнута при помощи средств управления, находящихся в посадочном модуле. Хотя было намечено, что управлять модулем будет Чет, тренировались в этом все трое, чтобы в случае необходимости могли заменить друг друга.

Они также познакомились со всем оборудованием, которое бу-

дуг использовать: новые мотосани и длинные инструменты захвата, потому что в тяжелых скафандрах было очень трудно сгибаться. Они даже тренировались в использовании новых продуктовых пакетов с пастой, разработанных так, чтобы их можно было съесть и выпить даже в скафандре с опущенным шлемом. Так как у космонавтов не будет с собой гусеничного вездехода, как на Луне, то на Венере им придется принимать пищу, не расстегивая скафандров.

Остатки времени поглотило изучение навигации и средств связи. Запертые в командном или посадочном модуле, они провели много часов, общаясь с «Землей», с промежутками от четырех с половиной до шести минут, так как им предстояло приучить себя к задержкам времени на прохождение радиосигналов. Они также познакомились с пятью кодировками, которые должны использовать так, чтобы составлять из них нужные комбинации, а также уметь быстро расшифровывать принятые сообщения.

Оставалось чуть меньше недели, когда Чет, Куинси и Картер почувствовали, что усвоили все необходимое. Хотя нельзя было сказать, что они в высшей степени уверены в успехе предстоящей миссии.

Когда их вызвали на заключительное совещание, для всех это явилось разочарованием. Хотя у каждого имелись личные сомнения, все были твердо уверены, что не осталось ничего, что можно бы добавить к их обучению. Никаких вопросов они не задавали. Все, что стало известно, им уже сообщили. Все, что осталось неизвестным, сообщить было нельзя. Все очень просто. Ответы на неизвестное они должны получить сами.

На совещании присутствовали Кертис, Борг и Брэдли, а также несколько ученых и офицеров, которые будут заведовать функциями наземного управления полетом. «Скала» был, как обычно, несколько отстранен и подчеркнуто холоден. Если он и испытывал какие-то

особые чувства, когда настал заключительный момент наземной части этого большого приключения, то эти чувства не пробились через непроницаемую внешнюю маску. Руководитель учебного комплекса сделал краткий отчет, обрисовав в общих чертах итоги, и объявил экипаж полностью готовым и пригодным к работе.

По кивку «Скалы», капитан Борг зашелестел бумагами и сделал объявление о том, что на Мысе все готово к старту. Старт планировался точно по графику.

Офицер, отвечающий за снабжение, доложил, что все оборудование, топливо, продовольствие и припасы, вплоть до последней таблетки аспирина, отправлены на Мыс в специальных контейнерах. Они уже там получены и ожидают в специальных хранилищах.

«Скала» поблагодарил всех за сообщения и отлично проделанную работу, а затем коротко поведал о важности предстоящей миссии и выразил уверенность, что все пройдет нормально, а, по возвращении космонавтов, Соединенные Штаты и весь земной шар будут им благодарны за то, что они дали правильные ответы на одни из самых сложных вопросов современности. Все станут лучше спать по ночам, зная, что науке нужны знания, а не политические выгоды. А теперь, когда на повестке дня больше ничего не осталось и космонавты сразу же отправятся на Мыс, он бы хотел закончить совещание, если никто ничего больше не хочет сказать. Он обвел взглядом всех присутствующих, и тишина тянулась до тех пор, пока «Скала» не встретился взглядом с глазами Картера Паррета. Наступила короткая пауза. Паррет выглядел так, словно собирался что-то сказать, но, в конце концов, лишь робко улыбнулся и произнес: «До свидания».

Через три часа капитан Борг и космонавты уже совершали посадку на Мысе, где впервые увидели громадную птицу, стоящую на стартовой платформе. Это колоссальная конструкция казалась

башней, протянувшейся к облакам. Рядом с ней стояли леса, а у основания толпились рабочие в белых комбинезонах. Космонавты минуту стояли, глядя на все это. Можно было принимать участие в четырех полетах ежегодно и в промежутках тренироваться, но все равно от первого взгляда на ракету-носитель замирало дыхание. А эта ракета была самой большой из всех. Они прошли по железобетонным бункерам, где размещались команды запуска и связи, обменялись многочисленными рукопожатиями и приняли пожелания удачи от людей, которые будут руководить их стартом. По кабельному телевидению они передали привет товарищам в Хьюстоне, которые станут контролировать их полет.

На следующее утро в четыре часа их разбудили и сообщили, что обратный отчет идет без задержки и старт состоится ровно в семь тридцать. Они позавтракали и собрались. Казалось, никто не спешил, но все же у них не было ни минуты без дела. Каждый получил копию плана запуска и тяжелую книгу, содержащую подробности полета, схемы всех элементов оборудования и инструкции на случай любой мыслимой чрезвычайной ситуации. Наконец, они полностью были готовы и разместились в задней половине белого автобуса, который использовался только для подобных целей, и тот поехал по какому-то бесконечному лабиринту пустых контейнеров и подставок для бочек — потому что Агентство запретило любое освещение начала их полета в новостях и не желало утечки информации. Из автобуса все трое направились к порталному лифту, улыбнулись сквозь пластик шлемов и махнули на прощание рабочим, которые кричали им пожелания удачи. Все шло с механической точностью.

Лифт ждал их с открытым люком. Чет, затем Картер и Куинси сели в него и поднялись на борт. Оказавшись в командном модуле, у всех троих уже не осталось времени думать ни о каких несчаст-

ных случаях. Им, пристегнутым к креслам, предстояло выполнить сотни мелких, но важных дел: прочитать и сделать записи, получить по радио последние инструкции, открыть клапаны и т.д. А все это время продолжался обратный отсчет, и когда осталась последняя минута, все было готово. Затем пошли последние секунды, десять, девять, восемь... Все это репетировалось столько раз, что не было ощущения новизны. Чистая рутина. И, как всегда, они получили подтверждение старта, а потом модуль задрожал, заставив их голоса вибрировать, поскольку им требовалось подтвердить, что старт произошел.

Только врачи в Малибу, контролирующие пульс и сердцебиение улетающей команды, знали, как напряжены и взволнованы люди на борту стремительно уносящегося в небо «Я-1».

ГЛАВА VI

Они были на орбите Земли на высоте ста семидесяти миль. Там они совершили два полных оборота, чтобы убедиться, что все функционирует, и устроиться поудобнее. Они отрегулировали температуру в скафандрах, удостоверились, что модуль должным образом герметизирован и ответили на град вопросов, которыми забросало их наземный центр управления. Если бы где-то вдруг образовалась слабость, даже простой намек, что где-то что-то работает не на сто процентов правильно, полет все еще мог быть прерван, и их могли еще вернуть на Землю. Паррет искал признаки любой проблемы, но не нашел ничего. Тогда они откинулись на спинки кресел и расслабились, потому что наземное управление включило могучий ядерный двигатель и направило их с орбиты в долгое путешествие.

Когда двигатели выключились, прошла телеметрическая проверка их скорости и направления полета — они легли на нужный курс. Через час они разделись до нижнего белья и надели просторные

рабочие комбинезоны. Затем в первый раз поели. Они называли это обедом, поскольку последний прием пищи был завтраком, но с этого времени еда была тем, чем они ее называли, и достаточно скучной. Фактически, скука стала их постоянным врагом и спутником. Не больше десяти минут из каждого часа уходило на регулярные проверки. Не больше восьми часов в сутки можно естественно потратить на сон. Им доступны шашки, шахматы, карты и много других игр, а в модуле нашлось крохотное местечко, названное «спортзалом», где они выполняли ряд упражнений, поскольку мышечный тонус будет важен, когда настанет время посадки и придется таскать на себе тяжелое оборудование.

В командном модуле никогда не стояла тишина. Постоянно включены несколько электронных каналов связи, но космонавты так привыкли к этому, что если не сосредотачивали внимания на определенных звуках, то даже не замечали их существования. По сравнению с предыдущими полетами имелось одно улучшение в виде встроенного магнитофона. У них было много часов записей легкой поп-музыки, а также классики, кроме того комедийных радиопостановок и исторических спектаклей. Но они решили ограничивать их прослушивание, потому что впереди предстояло длительное путешествие, и астронавты не хотели, чтобы записи им надоели. На ранней стадии полета они получали коммерческие программы с земных станций и непосредственно из центра наземного управления, где записывали на пленки и передавали им выбранные программы.

Но даже когда им ничего не передавали, постоянно слышалось тихое шипение включенных каналов связи. Это то, что радисты называют белым шумом.

Куинси только что вернулся в рубку управления после дремоты, которой наслаждался поочередно весь экипаж Срочной Операции, когда был получен удивительно громкий сигнал. Каюту заполнил голос.

– ДМБВП... ДМБВП... ДМБВП... – повторилось много раз.

Все трое поглядели друг на друга. Первым среагировал Чет. Он стремительно открыл кодовую книгу, и она подтвердила его мысли.

«ДМБВП: используйте шифратор, канал 536, для получения срочного сообщения».

Поскольку Чет прочитал это вслух, Куинси тут же настроил шифратор на нужный канал и шелкнул главным переключателем. Теперь они могли разговаривать с наземным управлением по защищенному каналу.

– Говорит «Маринер Я-1», Чет Дункан. Слушаю вас.

– Чет, это Борг. Вы меня слышите?

– Слышу вас отчетливо, капитан. Как дела?

– Мы получили сообщение от телескопа Джодрелл Бэнкс. Нет подтверждений от первоисточника, но, вроде бы, русские тоже что-то запустили. Похоже, у вас в полете будет компания.

– Всю дорогу? – в голос Чета проскользнула нотка радости. Любая компания в космосе лучше, чем ничего.

– Мы не можем сказать наверняка, но похоже на то. Вы ничего не видели, не так ли?

– Ничего. Мы уже следим за пространством по сканнеру дальнего действия, но он ничего не показывает. Как вы думаете, капитан, они полетели к Венере? Это беспилотный аппарат или корабль с людьми?

– Скорее всего, с людьми. Это все, что мы можем сообщить. Мы пытаемся определить их орбиту, но пока что можем полагаться только на Джодрелл. Достаточно скоро вы окажетесь вне доступности шифратора. Мы не хотим ничего сообщать по открытым каналам, пока от них или от нас не поступит официальных сообщений. Нет смысла уведомлять их о том, что мы знаем. Если вы получите от них какой-либо знак, сообщите нам по этому каналу, если он

все еще будет работать. Если же нам придется разговаривать по открытому каналу, будем называть их «Цветочком», понятно?

– «Цветочком», – повторил Чет.

– Хорошо. Я свяжусь с вами, как только что-то прояснится. Уда-
чи вам всем.

Чет выключил шифратор.

– Ну, похоже, все проясняется, – бодро сказал Куинси.

– Что проясняется? – спросил Чет.

– Да насчет того, обманывали ли нас русские. Неважно, пра-
вы они или нет, но это подтверждает, что сами они верят в свою
историю. Иначе они не послали бы космонавтов.

– Позволь мне заметить, что это доказывает, – вмешался Кар-
тер. – Абсолютно ничего. Ноль. Пока что мы даже не уверены, что
они летят на Венеру. И даже если и летят, то они могут покружить
вокруг нее и вернуться без приземления. А если они действительно
приземлятся, это лишь докажет, что их власти так же не ценят
своих космонавтов.

– Пока что мы можем высказывать только предположения, – ска-
зал Чет, – но если одно предположение стоит другого, то предпо-
лагаю, что им с нами по пути. И второе мое предположение – они
сделают попытку приземлиться.

– Вы так считаете, шкипер? – спросил Куинси.

Он был взволнован и заинтересован развитием событий. Это
добавляло всей операции новое содержание. Они оказались не про-
сто в исследовательской экспедиции. Раз здесь есть русские, то они
участвуют в гонке. Чет нахмурился и глубоко задумался.

– Ну, мы знаем, что сейчас самое удобное время для полета на
Венеру, не так ли? – сказал он. – И мы знаем, что наши друзья-кос-
монавты везде стремятся быть первыми. Первый спутник, первый
человек в космосе, а теперь, возможно, первые люди, высадившие-
ся на Венере. Они явно стремятся к этому. Только мы их побьем.

— Побьем их? — фыркнул Картер. — Если вы правы, и они летят к Венере, то как вы можете говорить, что мы их побьем?

— Я имею в виду, — спокойно возразил Чет, — что они уже долгое время думают о Венере. Я представляю себе, что они послали туда людей, как продолжение своих исследований. Мы же не планировали ничего подобного. Вспомните, лететь ведь должен был беспилотник. А за сорок три дня мы преобразовали этот полет в Срочную Операцию, поэтому, даже если бы мы начали одновременно с ними, то я все равно бы утверждал, что мы их побьем.

Они проспорили какое-то время, обсуждая различные возможности, но ни в чем не могли быть уверены, поэтому и говорить было не о чем, пока сканеры ничего не показали, и не поступило никаких официальных сообщений от русских. Невозможно обшарить космос во всех направлениях радаром дальнего действия, и хотя его можно направить в любом направлении, но его главная функция — следить за тем, чтобы пространство впереди их модуля оставалось чистым и свободным. Сканеры малой дальности создавали вокруг них сферу безопасности, но эта сфера была маленькой, немногим более сотни миль в диаметре.

Капитан Борг снова включился на зашифрованном канале, но на этот раз прием получился не таким чистым — шифратор уже требовал слишком много энергии для сигналов.

— Говорит Борг. Пожалуйста, ответьте.

Чет включил передатчик.

— Приветствую, капитан. «Маринер Я-1» слушает вас.

— Хорошо. Сначала официальное сообщение. В корабле три человека. Кроме того, он может нести наземный вездеход. Но Советы не сообщили больше ни слова, за исключением того, что цель полета — Венера. Телескоп Джодрелла подтверждает, что они направляются к ней. Вы все поняли?

— Понял. Сигнал слабый, но разобрать пока можно. Есть какие-нибудь инструкции?

— Никаких изменений, — ответил Борг. — Просто нужно, чтобы вы знали об этом. Из того, что мы узнали, они летят от вас на расстоянии четырех, может, пяти тысяч миль. Связь по шифратору вскоре станет невозможна, но пока что мы будем продолжать попытки. Следующая передача пройдет на канале 2573. Повторяю, 2573. Получили?

— 2573, — повторил Чет.

— Хорошо. В конце каждой передачи мы будем сообщать вам следующий канал связи. Есть что-либо новое?

— Все зеленое, — небрежно сказал Чет.

— Прекрасно. Тогда просто придерживайтесь графика, а мы будем держать вас в курсе. Удачи.

— «Маринер Я-1», отбой.

Чет выключил передатчик и сразу же настроил его на канал 2573.

Теперь, когда они снова могли вести личную беседу, заговорил, широко улыбаясь, Куинси:

— Парни, мы сделаем это! Вы что, не видите? Как сказал Чет, они планировали этот полет в течение года, и они думают, что это важно. Но мы вылетели первыми, так что у нас перед ними есть преимущество. Мы ступим на Венеру раньше, чем это сделают они.

Картер не был впечатлен.

— И что с того? — спросил он.

— Книга рекордов! Первые люди, которые высадились на Венеру: Чет Дункан, Картер Паррет и Куинси Смит. Вторые — русские. Ты понимаешь это? Просто русские. И никаких имен, потому что кому там интересно, кто именно был вторым?

— А, перестань, — в голосе Картера послышалось отвращение. — Кому нужна эта книга рекордов? Все дело в том, что люди Земли хотят узнать, на что похожа Венера. Ну, и если русские хотят положить на это жизнь своих космонавтов, я бы уступил им дорогу.

— Тихо, тихо, дети, — погрозил Чет, подражая голосу воспитателю детского сада, — никаких ссор. Нас ждет сложная работа, и мы будем делать ее, как взрослые люди. Картер, почему бы вам не пойти спать. А мы с Куинси сыграли бы в шахматы.

— Хорошая мысль, — согласился Картер.

Он хотел уже встать, когда мигнул желтый свет, указывая, что по одному из стандартных каналов пришло сообщение. Картер остался на месте, ткнул кулаком в кнопку воспроизведения. Было много статических помех, но все-таки можно было разобрать слова:

— «Маринер», «Маринер», «Маринер», прием, «Маринер».

Чет настроил передатчик на ту же волну.

— «Маринер» слушает. Кто вы?

— Ага, «Маринер», — с удовлетворением сказал голос. — Говорит «Венера». Подполковник Ярмонкин. Мы на два дня опережаем вас, но приветствуем вас на Венерианском Пути от имени советских ученых. Если мы подняли слишком много космической пыли, то просто скажите, и мы немного изменим курс, чтобы вы не тащились за нами в пыли.

Космонавты поняли, что это ложь чистой воды. Советский модуль «Венера» не мог быть впереди них. Он не был даже рядом с ними, а находился где-то позади, дальше от Венеры, чем «Маринер». Чет убедился, что их разговор транслируется на Землю, и ответил:

— Понял, вы на целых два дня опережаете нас, подполковник Ярмонкин, — в голосе Чета звучал непркрытый сарказм. — Может, мы будем вам полезны при приземлении. Вы не хотите, чтобы мы настроили маяк для вас? Или вы вообще не рассчитываете приземляться? — спросил он в надежде получить хоть какую-то информацию.

— Мы будем приземляться. Ну ладно, мы отключаемся и помолчим, пока вы не найдете Венеру. Десять человек на Венере — это же небольшая армия, ха-ха. А вас там сколько?

— По одному на каждого из вас, приятель, — сказал Чет. — Не хотели бы вы поиграть по радио в шахматы?

Игра по радио помогла бы им отслеживать курс русских космонавтов.

— Никаких шахмат, — последовал грубый ответ, поскольку Ярмонкин понял, что запугать космонавтов не получилось. — Никаких игр, все будет серьезно.

Беседа закончилась. Чет закрыл канал. Чего бы ни хотели русские, Чет не поддался на их уловки, а разоблачил две неуклюжих попытки обмана.

Оценка Парретом этого эпизода должна была подтвердить его мнение, что русские патологические лгуны и что их сообщение об условиях на поверхности планеты, к которой они теперь летели, явная фальсификация. С его точки зрения, Агентству глупо было относиться к Советам серьезно, а космонавты выглядели еще большими дураками, раз предприняли такое опасное путешествие по столь ничтожному поводу.

Куинси, как обычно, отнесся к этому разговору, как к доказательству того, что русские стремятся приземлиться первыми и попытаются помешать в этом американцам. И он еще больше, чем прежде, хотел увидеть «Маринер» совершившим посадку на Венере раньше их.

Чет занял промежуточную позицию, позволив обоим выпустить пар, но не допуская, чтобы разногласия перешли в открытую вражду.

Ожил канал 2573, послав пятибуквенную шифровку: «GTREI, AALMT, RCISH». Она была повторена дважды.

— Так, — задумался Чет, ища расшифровку. — Это сообщение для меня. — Он прочитал его и удивленно произнес: — Послушайте. «Вам немедленно присваивается временное звание командера. Следующее сообщение будет на канале 1116».

После подтверждения приема Чет перенастроил аппаратуру.

— Ну, и что вы думаете об этом? — спросил он, стараясь, чтобы его голос звучал спокойно.

— Да все просто, — ответил Картер. — Этот русский, как его там?..

— Ярмонкин.

— Вот именно. Какое у него звание?

— Подполковник Ярмонкин, — ответил Куинси, довольно неплохо имитируя голос их недавнего собеседника.

— В этом все и дело, — объяснил Картер. — Наше начальство не хочет, чтобы вы были меньше чином. Подполковник Ярмонкин узнает, что его коллега — командер Дункан. Все чисто и гладко. Кто-то на Земле сделал кое-какие выводы заранее. У них даже было все это занесено в кодовую книгу, — в его голосе послышалось уважение.

— Эй, а вас могут еще повесить в звании? — с усмешкой спросил Куинси.

Чет полистал кодовую книгу и тоже улыбнулся.

— Извините, друзья, но ваш капитан уже забрался на самый верх.

— Очень жаль, — с притворной тревогой покачал головой Куинси. — А что сделало бы Агентство, если бы русские повысили своего до генерала?

— Для начала, они не стали бы давать ему генерала из-за такого глупого трюка, — заспорил Картер. — Ну, а если бы сделали это, я думаю, мы получили бы сообщение открытым текстом: «Чет Дункан, вам присваивается звание Временного Директора всего нашего дурацкого Агентства». Но, во всяком случае, поздравляю вас, командер. Думаю, это означает и увеличение оклада за все время экспедиции. Но помните, что вы должны вернуться, чтобы получить его. — Он поднялся. — А сейчас пора немного поспать, — добавил он, направляясь к койке.

Вторую неделю «Маринер Я-1», казавшийся таким большим при первом взгляде, летел через пространство на свидание с со-

седней планетой. И чем дольше он летел в бесконечной пустоте, тем казался меньше и меньше по отношению к безграничному космосу. Прошло еще полнедели без происшествий. Наземное управление, которое было теперь так далеко, что казалось почти нереальным, автоматически получало информацию и не беспокоило космонавтов голосовыми сообщениями. Модуль вел себя прекрасно. Все шло так, как было на испытаниях дома за тот же период времени. Никаких отказов плавких предохранителей. Никаких колебаний температуры. Даже не перегорела самая крошечная лампочка.

А поскольку делать было нечего, космонавты приняли единственное разумное решение: они вели праздную жизнь и коротали время за тренировками в «спортзале», играми и просмотром видеозаписей. Единственным лекарством от скуки обеспечивал их подполковник Ярмонкин, который связывался с ними несколько раз в неделю. Очевидно, он хотел отслеживать их маршрут, а может, он и его команда тоже испытывали одиночество и скуку от монотонного путешествия. В любом случае, не было никакого смысла притворяться, что «Маринер» не там, где находится. К этому времени вся Земля гудела от их большой гонки. Подробностей о полете двух космических кораблей было мало, и выдавались они крайне редко, но весь мир жаждал знать их.

Так как не имело никакого смысла отрицать свое существование, космонавты всегда отвечали на запросы русских. Ярмонкин вел себя властно и бесцеремонно, и постоянно подчеркивал, что они далеко впереди «Маринера». Его постоянное мошенничество было шито белыми нитками, тем более, что он все время просил их сообщить свое местоположение. Чету нравилось дразнить его.

— Послушайте, полковник, — сказал он однажды на очередной вопрос о координатах, — у нас нет никаких приборов, так что мы понятия не имеем, где находимся. Но давайте сделаем так. Вы сообщите нам свои координаты и на каком расстоянии находитесь от нас, и

тогда мы сможем определить свое местоположение. Как только мы это сделаем, то сразу же сообщим вам его, хорошо?

Такая забава обычно приводила к тому, что русский, не обладавший чувством юмора, резко прерывал разговор. Но всегда связывался снова через несколько дней. Так продолжалось в течение многих недель, пока он не понял, что не имеет даже такой незначительной информации, как имя и звание своего собеседника.

— На связи подполковник Ярмонкин, — начал он очередной разговор. — Я хочу знать ваше имя и звание.

— Вы что, планируете взять нас в качестве военнопленных? — спросил Чет серьезным тоном, пряча усмешку. — Я думаю, в соответствии с Женевской конвенцией, вы имеете право узнать мой регистрационный номер. Но, полковник, мне кажется, что тех двадцати человек, что летят с вами, хватит для этого дела. — Чет специально удвоил число, которое раньше сообщил ему русский, чтобы дать ему понять, что он не относится серьезно к блефу Ярмонкина.

— Да просто из вежливости, товарищ, — ответил русский, игнорируя беззаботный тон Чета. — Имя и звание — это ведь простая любезность, не так ли?

— Вы совершенно правы, полковник, — смягчился Чет. — Меня зовут Чет Дункан, командер, Космическое агентство Соединенных Штатов.

С тех пор ему стало казаться, что русский начал относиться к нему с большим уважением. Но все равно между ними не возникло никакого дружелюбия, и Ярмонкин продолжал утверждать, что летит далеко впереди «Маринера».

Когда миновала середина очередной недели, и Венера уже начала выглядеть угрожающим шаром, закончились скука и рутина. План полета требовал, чтобы выход на орбиту Венеры осуществился дистанционным управлением с Земли, а космонавты должны быть наготове, чтобы перейти на ручное управление в случае ошиб-

ки или какого-либо отказа оборудования. В результате все трое стали проводить много часов, перепроверяя все цифры датчиков и следя за положением стрелок приборов.

Шахматы и шашки убрали подальше, как и остальные игры, потому что близился волнительный момент, и они уже не могли позволить себе спать по четыре часа. Редко кто из них спал больше, чем по три часа кряду, теперь, когда полет подходил к завершающей стадии. Венера была уже совсем рядом, сияя, как яркий шар, который выглядел больше, чем Земля при полетах на Луну. В отличие от родной планеты, его окутывали бесконечные облака. А что было под ними? Все задавали себе этот вопрос. Именно это они и должны узнать. Всю прошлую неделю русские не связывались с ними. Паррет предположил, это потому, что они не собирались приземляться и не хотели открывать, что цель их полета – простое изучение планеты с орбиты. Чет предположил, что русские, наверное, так же заняты приготовлениями к приземлению. Куинси с ним согласился.

За день до того, как «Я-1» предписывалось лечь на венерианскую орбиту, космонавты пребывали в состоянии полной готовности. Они только что закончили несколько ежечасных проверок и быстро поели. Паррет выглядел тихим и задумчивым.

– Вы знаете, – спросил он, – о чем я думаю? Так как посадочный модуль пойдет на посадку сквозь облака, то между ним и командным модулем не будет никакого визуального контакта. А так как никому из нас неизвестно, что нас там ждет, есть смысл в том, чтобы один из нас остался в командном модуле и в случае необходимости попытался бы прийти другим на помощь.

Куинси тут же вспыхнул.

– Кого ты имеешь в виду? – спросил он. – Кого, по-твоему, имеет смысл оставить в командном модуле?

Картер, не моргая, уставился на него.

— Да никого я не имею в виду, — отступил он. — Я не имею никого конкретного. Я просто высказал идею. И я действительно думаю, что это правильно. При необходимости, здесь можешь остаться ты. Я просто считаю, что кто-то должен остаться на орбите.

— Что? Мы первые в истории люди, которые совершат посадку на Венеру, и ты полагаешь, что я должен остаться в этой коробке, как во время тренировок? Подумай еще раз, приятель.

Судя по тону, Куинси возмущился до глубины души.

— Охолонись, приятель, — высказал в ответ Картер. — Сначала ты обвиняешь меня в том, что это якобы я пытаюсь остаться на орбите. Потом в том, что якобы я оставляю тебя. Это что же, что я ни скажу, все не так? — он повернулся к Чету. — А как думаете вы, шкипер? Что, если на орбите останетесь вы?

— Вы прекрасно знаете, — воскликнул Куинси прежде, чем Чет успел ответить, — что шкипер отвечает за все наши действия внизу, не говоря уж о том, что он старший пилот посадочного модуля. — Он подался к Чету. — Вы видите, что он делает? Кто-то должен остаться на борту, потому что это единственное, что сделает Картера счастливым. А мы ведь не хотим, чтобы он был недоволен, не так ли? Ну, так вот, я не останусь, и он знает это наверняка. Вы не можете остаться в любом случае. Ну, так кто тогда остается, а?

Картер поблелел от гнева. Он уже открыл было рот, но Чет прервал его, отбросив копию основного плана полета. Картеру пришлось вместо ответа потянуться и неуклюже поймать план.

— Если вы посмотрите, — произнес Чет, — то там написано, что на Венеру высаживаются три космонавта. Три — это значит три. Включая вас.

Картер понял, что вспышка Куинси нарушает его планы, и попытался вернуть утраченное положение.

— Со мной все в порядке, шкипер. Надеюсь, вы не думаете, что слова Смита можно оправдать. Я всего лишь подумал, что в моей идее есть смысл и, может быть, вы измените план полета и...

— Я ничего не думаю, — решительно заявил Чет. — Я просто знаю, что написано в плане полета. И знаю, что все мы были согласны с ним. И знаю, что ничто не изменит этот план. Так что все мы будем в посадочном модуле.

— Мне это подходит, — шелкнул пальцами Картер.

— А мне — тем более! — воскликнул Куинси.

Странно, что, хотя перемена унылого существования недель полета сменилась суматохой последних дней, волнением и потерей сна накануне, все трое успокоились. И они блаженно спали, когда пришлось просыпаться, а когда начался обратный отсчет для перехода на орбиту, все уже находились на местах в полной готовности. Заревели тормозные двигатели, и переход на орбиту вокруг Венеры прошел отлично. Широко улыбаясь, космонавты посмотрели друг на друга. Им еще предстояла самая опасная часть экспедиции, но успешный полет через двадцать пять миллионов миль завершился, и все системы функционировали отлично. Таким образом, они забыли об опасности и преисполнились уверенности в оборудовании и ученых Агентства, которые подготовили этот полет.

— Ну, пора запирается, — скомандовал Чет.

У каждого имелся список того, что ему следовало выполнить, и они сверялись с ним, шелкая переключателями, открывая и закрывая клапаны. Они были в скафандрах и шлемах, а теперь надели ранцы, подключились к системе и заперли главную кабину. Солнечные батареи остались активными, так же, как и приборы. Был включен самый главный из них — двусторонний радиоретранслятор. Через него посадочный модуль будет переговариваться с Землей. Когда все было готово, они встали и последовали за Четом через туннель в открытый люк посадочного модуля.

Благодаря интенсивным тренировкам, они без суматохи заняли свои места и включили нужное оборудование. Бортовой компьютер проверили еще из командного модуля. Он был в полном порядке.

И, наконец, повернули главный выключатель, и все трое, потя, стали слушать обратный отчет, который вел для них компьютер.

Посадочный модуль отсоединился. Мягко и плавно они отделились от командного модуля и начали раскручивать свою нисходящую спираль. Чет, сидя за управлением, приготовился. На высоте пятидесяти тысяч футов ему предстояло перейти на ручное управление. Все ближе, ближе и ближе спускались они к одеялу облаков. А чуть позже иллюминаторы стали белыми и туманными. Постепенно чисто белый цвет превратился в грязный, когда они проходили сквозь толстое коричневое облако, похожее на Лос-Анджелесский смог в худший из дней, только более темный и глубокий, почти бесконечный. И именно здесь начался ветер.

Ветра они ожидали, и Чет, взявшись за управление, мог противодействовать его боковым порывам. Но ветер, казалось, дул им прямо в лицо. Не совсем перпендикулярно, а под небольшим углом, наклоняя модуль вниз, а против этого у Чета не было приготовлено никакой защиты. Завывающий поток схватил их и швырнул вверх и в сторону. Торопливо сбрасывая скорость, Чет включил боковой реактивный двигатель, надеясь боковой тягой сохранить модуль в устойчивом положении. На мгновение показалось, что их вот-вот опрокинет вверх тормашками. Это было бы фатально. Приземление и взлет должны проходить под прямым углом к поверхности. В любом ином положении посадочный модуль напоминал бы перевернутую на спину черепаху: еще живую, но беспомощную, не способную ни на что, кроме как ждать долгой, мучительной смерти.

Потом модуль стал подпрыгивать вверх-вниз, и Чет, напрягая мускулы, пытался сохранить над ним контроль. И все это время они летели вслепую. Вертикаль и горизонталь, север, юг, восток и запад – все это можно было понять лишь из показаний приборов, но у Чета не было времени, чтобы всматриваться в них и одновременно пытаться вести модуль. Он мог лишь пытаться удерживать аппарат

горизонтально, чтобы восстановить управление при первой же возможности.

Подпрыгивая, как пьяное йо-йо, модуль прошел через более низкий уровень желто-розовых облаков и внезапно вырвался на простор. В тысячи футов под собой астронавты увидели коричневую, покрытую скалами поверхность Венеры. Ни у кого не было времени разглядывать ее подробно, но Чет обнаружил, что видимый горизонт весьма помогает ему вести модуль. Они спускались слишком быстро, потому что вертикальный ветер падал сверху и сбивал их вниз. Чет увеличил мощность двигателей, чтобы замедлить падение, и включил боковые двигатели для сохранения равновесия. Управляя модулем, ему приходилось изо всех сил напрягать ноющие мышцы, но последние десятки метров они пролетели словно в странном вакууме, вызванном сильными ветрами. «Маринер» упал на грунт, высоко подпрыгнул, отскочив от поверхности из-за силы удара, и опять пошел вниз, а потом, после серии мелких скачков, остановился, вибрируя от напряжения и лупящего по нему ветра.

Чет обессиленный, тяжело дыша, рухнул в кресло. Тут же он вспомнил, что это обрушилась на него сила тяжести, о которой они стали уже забывать, и медленно стал приходить в себя.

— Счастливого приземления, — с трудом выдохнул он своему экипажу.

— Хорошая работа, шкипер! Какая вышла посадка! — вскричал Куинси.

— Действительно хорошо, шкип, — показал большой палец Картер. — Мы сделали это. Теперь, Смитти, твое имя будет занесено в книгу рекордов. И, похоже, мы можем теперь возвращаться. Мы сделали свою работу.

Чету потребовалось еще несколько секунд, чтобы окончательно прийти в себя.

— Что вы имеете в виду, Картер? — устало спросил он.

— Просто выгляните наружу.

Ураганный ветер заставил облака буквально кипеть. Он хватал пыль, гальку, камни и даже небольшие куски скалы, и швырял, как картечь, во всех направлениях. Посадочный модуль качался от его порывов. Но внимание Чета было приковано к термометру. Температура снаружи почти пятьсот градусов. Вспомогательный термометр фиксировал то же самое.

— Поняли, что я имею в виду? — спросил Картер.

— О чем ты говоришь? — истерично повышая голос, воскликнул Куинси. — Для того у нас и есть скафандры. Потому они и оборудованы системой охлаждения. Мы не попадем в книгу рекордов, пока не ступим на поверхность планеты. Так давайте, пойдем туда и завершим нашу работу.

— И сколько времени ты собираешься продержаться там, Куинси? — на удивление мягко спросил Картер.

— Какая разница? — возразил Куинси. — Мы космонавты, и у нас есть задание. Мы выполним его, даже если погибнем. Правильно, шкипер?

Чет медленно покачал головой.

— Боюсь, что нет, — произнес он. — Мы прилетели, чтобы узнать, что здесь есть. Ну, так вот, мы узнали. Тут жарко, как и говорили наши ученые. Русские просто блефовали, и мы поймали их на блефе. Я не знаю, сколько еще времени посадочный модуль будет оставаться неповрежденным в таких условиях. Мы соберем внешними манипуляторами образцы и возьмем пробы атмосферы, как здесь, у поверхности, так и проходя через различные слои облаков. Взлетать будет легче, чем садиться, потому что не нужно бояться разбиться о скалы. Я думаю, мы сделали все, что намеревались.

От геологических образцов пришлось отказаться, а пробы воздуха набирались автоматически устройством, соединенным с вы-

сотомером. Было ясно, что старт придется проводить вручную, но они были к этому готовы. Модуль следовало как можно быстрее поднять выше тяжелых облаков. А когда он выйдет за пределы атмосферы и окажется вне власти разрушительных буранов, тогда можно будет при помощи радара определить местонахождение командного модуля и включить программу автоматической стыковки, позволив компьютерам завершить работу.

Пока все готовилось к старту, посадочный модуль опасно сотрясался. Он дрожал и подпрыгивал, а галька и пыль, быющие по нему снаружи, производили ужасный шум. Космонавты с нетерпением ждали, когда пройдет последняя минута.

— Начинаем короткий отсчет, — сказал Чет. — Все готовы?

— Да, — ответил Куинси. Он был разочарован.

— Давайте же поскорее, — умоляюще попросил Картер.

— Отлично. Три... два... один...

Чет включил ракетные двигатели и стал медленно увеличивать тягу. Модуль вздрогнул, но остался на месте. Потом одна из его опорных ног немного приподнялась. Чет с тревогой увеличил тягу. Сейчас сильный порыв ветра мог опрокинуть их на бок. Затем другая нога оторвалась от поверхности Венеры, и, казалось, прошла целая вечность, когда третья тоже оказалась в воздухе. Модуль стал медленно подниматься. Они уже были на высоте трех футов, когда мощный порыв ветра ударил им в бок. Модуль понесся над венерианской поверхностью, слава Богу, оставаясь в вертикальном положении, иначе стал бы совершенно неуправляем. Чет в отчаянии врубил двигатели на полную мощность, что позволило им подняться настолько, что они миновали выступ скалы, прямо на который их несло. Но двигатели были не в силах перебороть бурю, ветер, казалось, дул сразу со всех сторон. Создалось ощущение что, они не могут поднять модуль выше, чем на восемьдесят футов. Чет знал, что двигатели не могут долго работать на максимуме. Если

они откажут, то модуль попадет в воздушную воронку, и они погибнут. Модуль летел, кренясь на левый бок. Чет увидел, что немного впереди, ярдах в ста поверхность поднималась и оставляла им высоты футов двадцать, а затем резко обрывалась вниз. Чет не видел, что было у основания обрыва, но в его голове мгновенно вспыхнул план. Когда они оказались над обрывом, он уменьшил тягу до двадцати процентов мощности. Модуль сразу же рухнул вниз, но как только он скрылся за краем обрыва, то оказался защищенным от мощных порывов ветра, угрожавших разбить его.

Чет, не спуская глаз с высотомера, плавно увеличил мощность, чтобы замедлить спуск. Когда они были в десяти футах от поверхности, одна из ног модуля ударилась о камень. Модуль резко наклонился, но тут же наткнулся на другую скалу, которая отбросила его в противоположном направлении. Когда они были на высоте четырех футов, Чет выключил двигатели. Модуль сел с глухим стуком, одной лапой опираясь о скалу, а другими стоя на ровной поверхности. Аппарат, который должен стоять вертикально, застыл, с наклоном в семьдесят градусов вместо девяноста.

Внезапно наступила тишина, и все трое оказались наедине со своими мыслями. Каждый был благодарен, что остался в живых. Теперь высокий утес защищал модуль от убийственного ветра, и у них появилось время, чтобы осмотреть аппарат и продумать последующий взлет.

ГЛАВА VII

— Что там по графику, шкипер? — небрежно спросил Картер. Он лежал на кушетке, свесив одну ногу до пола.

— Ну, у нас, кажется, небольшая проблема. — Чет специально преуменьшил сложность их положения, чтобы попасть в тон Картеру. — Прежде чем мы займемся такими мелочами, как расчет взле-

та под таким сумасшедшим углом, мы займемся опасным делом составления полного отчета. Куинси, вы свяжетесь с командным модулем. Установите контакт-реле, проверьте ретранслятор и убедитесь, что он функционирует. А пока он это делает, вы, Картер, переведите отчет в пятибуквенный шифр. Занесите туда температуру, силу ветра, прервавшую взлет и заставившую нас снова приземлиться. Я напишу собственное резюме и передам его по голосовой связи. У нас уйдет час на осмотр модуля, и это даст им время, чтобы переварить наше сообщение и послать нам ответ.

Все принялись за работу. Не прошло и тридцати минут, как были проверены каналы связи и отосланы сообщения. Чет закончил свое информаций, что они взлетят, если смогут, после осмотра, и установят постоянную связь с орбитального модуля. Если же буря не закончится или посадочный модуль окажется не в состоянии взлететь, они будут держать наземное управление в курсе ситуации. Никто на борту посадочного модуля «Маринера» не знал, что это значит, и никто не хотел даже думать об этом.

Достав из встроенных шкафов тяжелые скафандры, они помогли друг другу одеться. Все суставы скафандра приводились в действие маленькими, но мощными серводвигателями, которые активировались движениями конечностей человека внутри скафандра. Двигаясь вперед, назад, вправо и влево, рука прижимала надлежащие контактные пластины, и чем сильнее был нажим, тем больше мощности отдавал серводвигатель. Таким образом, обученный человек мог двигаться в этом скафандре примерно так же, как и в легком костюме, хотя движения его получались замедленными.

Был распечатан и открыт люк модуля, и все по очереди осторожно спустились по металлической лестнице. По настоянию Куинси и Картера, Чет спустился первым, так что его нога первой коснулась поверхности Венеры. Затем шел Куинси и последним Картер. Они отошли от модуля на несколько шагов и остановились,

чтобы оглядеться. Поверхность Венеры была твердой, опорные ноги модуля почти не погрузились в нее. Но астронавты сразу же с тревогой обратили внимание на то, что модуль наклонен носом в сторону утеса, возвышавшегося над ними.

Пока все обходили модуль, осматривая опорные лапы, Чет в тишине изучил угол наклона. Если бы модуль наклонился в другом направлении, то было бы возможно – *было бы*, подчеркнул про себя Чет, – стартовать под углом, уже в воздухе выправив движение боковыми двигателями. Но при нынешнем положении существовала большая вероятность, что Чет не успеет изменить направление движения, и модуль врежется в утес. Чет долго глядел на модуль и высившийся за ним утес, запечатлевая в уме каждую деталь так, чтобы вернувшись в модуль и сев за управление, точно помнить все подробности.

– Эй, шкипер, поглядите! – раздался в наушниках голос Картера.

Чет обернулся. Картер и Куинси стояли на уступе, на который опиралась одна из ног модуля. Чет пошел к ним под жужжание и скрип сервомоторов, приводящих скафандр в движение. Когда он дошел до уступа, Куинси прыгнул, чтобы освободить ему место, приземлился на ноги и со стуком полетел на спину, не удержав равновесия. Несмотря на серьезность своего положения, его товарищи не смогли удержаться от смеха, глядя, как Куинси ворочается на земле, пытаясь подняться на ноги. Когда он встал, Чет уже был на уступе и рассматривал опору, на которую указал Картер.

На ней по всей окружности появилась уродливая трещина. Насколько она глубока? Просто ли проходит по поверхности, или опорная нога модуля почти переломлена? Картер постучал по металлу закованными в броню костяшками пальцев. Чет сделал то же самое. Ему вдруг пришло в голову, что они действуют, как домохозяйки на рынке, которые щелкают по дыне прежде, чем купить ее, сами

не зная, к чему прислушиваться. Стук был громким, микрофоны ясно передали его, но они понятия не имели, что это означает. Нога казалась достаточно прочной, но они не знали, сколько еще она выдержит, прежде чем переломится пополам.

Высоко над головами они видели пыль, поднятую ветром, ревущим над вершиной утеса. В наушниках временами слышался громкий треск, который могли вызвать близкие удары молний, хотя они не видели ничего, кроме красной пыли. Чет велел всем возвращаться в модуль. Они оставили опущенной грузовую платформу, которую можно поднять лебедкой изнутри, если они решат стартовать.

В модуле космонавты первым делом запечатали люк и прежде чем открыть лицевые пластины шлемов и выключить охлаждение скафандров, прежде чем обсудить имеющиеся у них шансы, Чет подошел к главному пульту, где индикатор сообщил, что за время их отсутствия было получено и записано на пленку сообщение. Чет включил запись, и все сидели, в ошеломлении, слушая, что им передает наземное управление. Прежде всего оно просто, без комментариев, отметило, что их отчет принят, а затем продолжало:

«В сообщении с Венеры от подполковника Ярмонкина, чье местонахождение проверено телескопом Джодрелла, говорится, что русский экипаж совершил мягкую посадку в южном полушарии Венеры. В отчете они описали тропические джунгли, годный для дыхания воздух и пригодную для жилья местность. Они сообщили, что там можно находиться безо всяких систем жизнеобеспечения, и что они в настоящее время проверяют это. Конец сообщения».

Космонавты уставились друг на друга с различной степенью сердитого недоверия.

— Посмотрите сюда! — закричал Картер, показывая на термометр. — Если бы мы вышли наружу без скафандров, то поджарились бы за несколько секунд. Эти свиньи просто лгут!

Чет не пытался остановить его. Напротив, они с Куинси добавили свои комментарии.

Они сняли тяжелые скафандры, чтобы не тратить зря энергию в батареях сервомоторов, и переоделись в мягкие скафандры, сняв для удобства шлемы. Картер сел за коммуникационный пульт и стал колдовать над связью. Ему удалось связаться с орбитальным модулем, чтобы воспользоваться его более мощной аппаратурой. Если бы орбитальный модуль принял сигналы русских, то смог бы определить общее направление к нему. А если бы сигналы приняли и они, и модуль, то простые расчеты точно указали бы местоположение источника передачи. У них имелась чувствительная аппаратура, но она ничего не могла сделать при существующих на планете условиях. Сама чувствительность аппаратуры являлась помехой среди электрических разрядов, вызванных бурей.

Наконец, Картер выключил свою аппаратуру.

– Попался бы мне сейчас этот Ярмонкин! – взорвался он.

– Мы должны немедленно принять решение, – прервал его Чет и в общих чертах обрисовал то, что пришло ему в голову.

Невзирая на то, действительно ли русские приземлились в пригодной для жилья местности, неопровержимым фактом являлось то, что их собственный посадочный модуль находится в беде. Единственный способ решить проблему – это взлететь. Попад на орбиту, они могли бы состыковаться в «Маринером» и оказаться в лучшем положении, чтобы решить, что делать потом.

Даже Куинси согласился, что это имеет смысл. Он не хотел и думать о возвращении на Землю, но понимал, что нужно вернуться на орбиту.

Проблема, как объяснил им Чет, состояла в самом старте. Между ними и утесом недостаточно мечта для того, чтобы стартовать и изменить направление полета, прежде чем модуль врежется в утес. Это было бы возможно лишь при условии, что они начнут подниматься

очень медленно, что опасно само по себе. В таком случае они бы поднялись выше утеса и оказались во власти бури. Они просто не успевали медленно стартовать, изменить направление движения и набрать достаточную скорость, чтобы не бояться ветров.

Существовала альтернатива. Они могли попытаться изменить последовательность действий. Предположим, что они начнут с использования боковых двигателей, которые поднимут две опорные ноги модуля, оставив его опираться на ту, что стоит на уступе, и таким образом изменят направление наклона. И если в этот момент немедленно запустить главные двигатели на полную мощность, то они успеют набрать достаточную скорость, чтобы прорваться сквозь бурю.

— Звучит это хорошо, — сказал Куинси. — Давайте, я стану управлять боковыми двигателями, а когда модуль наклонится в другую сторону, вы врубите основные.

Картер оставался задумчивым.

— Если мы сделаем так, — наконец, произнес он, — то на ногу с трещиной ляжет дополнительный вес. И когда модуль начнет менять направление наклона, то все будет зависеть от того, выдержит ли она.

— Я знаю, — спокойно ответил Чет. — Именно поэтому я думаю, что мы должны все обсудить, прежде чем будет принято окончательно решение. Как вы видите, опасность врезаться в утес очевидна. Это известная опасность. Решение этой проблемы ставит перед нами другую, неизвестную. Действительно ли сломана опорная нога модуля? А что, если она подломится, когда...

— По-моему, у нас нет выбора, шкип, — сказал Куинси. — В конце концов, утес, как в сами сказали, это известная опасность. И если мы можем избежать ее, то так и надо сделать.

— Откровенно говоря, шансов у нас процентов десять. Самое большее, пятнадцать.

— Это я и имею в виду, — стал настаивать Куинси. — Какие у нас, по-вашему, шансы, если нога выдержит?

— Если нога выдержит, то шансы у нас превосходные.

— Процентов восемьдесят? — не отставал Куинси.

— Вполне может быть.

— Тогда я за.

— Я согласен с Куинси, — кивнул Картер. — Лучше рискнуть ногой, чем врезаться в утес.

— Ну, хорошо, — подытожил Чет. — Значит, решили. Куинси, вы управляете боковыми двигателями, я беру на себя главные. Попытаемся ослабить давление на ногу до минимума. Я не буду ждать, пока модуль встанет точно вертикально. Куинси, не спускайте глаз с электронного кренометра. Как только наклон модуля станет восемьдесят пять градусов, я включу двигатели и возьму на себя полное управление. Мы полетим не вертикально, но минует утес и сможем набрать максимальное ускорение.

Потребовалось несколько минут, чтобы надеть шлемы и загерметизировать скафандры. Когда все были готовы и пристегнулись к креслам, Чет дал короткий обратный отсчет. Потом включил главные двигатели и поставил их на минимальную мощность, в то время как Куинси врубил боковые.

Посадочный модуль ожил, космонавты почувствовали, как он задрожал в ответ на работу двигателей. Медленно, почти незаметно давление на две опорные ноги стало уменьшаться, пока они не прервали контакт с поверхностью, а стрелка кренометра проползла с семидесяти до семидесяти пяти градусов наклона. Картер, считавший себя лишенным всяческих суеверий, с трудом скрестил пальцы в перчатках скафандра. Больше ему было нечего делать, и он уже предвкушал сладкую радость стыковки с «Маринером» и возвращение домой.

Когда стрелка кренометра доползла до цифры семьдесят де-

вать, модуль охватила сильная вибрация. Одновременно раздался ужасный треск, наполнивший кабину и чуть было не оглушивший их. Треснувшая нога все же сломалась, и модуль стал заваливаться на бок. Чет и Куинси среагировали немедленно и сделали все правильно. Куинси выключил боковые двигатели, а Чет дал главным реактивным двигателям полную мощность. Им потребовалось несколько долгих, мучительных секунд, чтобы выправить модуль. Модуль качнулся и сильно накренился в сторону сломанной опоры, стрелка кренометра прыгнула аж к сорока пяти градусам, накренился модуль в сторону, противоположную утесу.

На какой-то миг модуль задрожал, затем качнулся в противоположную сторону, но главные двигатели уже подхватили его и понесли почти горизонтально над поверхностью. Венеры. Горизонтальный полет по такой пересеченной местности со скалами и торчащими из земли камнями был бы чистым самоубийством. Чет нехотя, но без колебаний, выключил питание, и все трое приготавились к катастрофе.

Как только двигатели выключились, модуль стал падать грациозно, но тяжело. С громким стуком ударился боком о землю и остановился, покачиваясь из стороны в сторону.

Неопытные люди, понимая чудовищность бедствия, скорее всего, сжались бы в беспомощном страхе, ожидая наступление конца. Но как только модуль остановился, космонавты расстегнули ремни и вскочили на ноги. Люк оказался всего лишь на несколько футов над землей, и Куинси предложил предпринять внешний осмотр. Они установили возле люка переносной тамбур, и когда Куинси вышел наружу, Чет с Картером стали осматривать внутренность модуля. Главный источник энергии был не поврежден, корпус не раскололся и держал давление и кондиционирование. Потом Куинси позвал их, чтобы попробовать открыть грузовой отсек. Картер шелкнул выключателем, и Куинси сообщил, что отсек открылся.

Платформа не могла опуститься, как обычно, но Картер стал медленно выпускать несущие тросы, пока она не встала параллельно земле в подвешенном положении.

Затем к ним присоединился Куинси, и они обменялись результатами обследования. До сих пор не было произнесено ни слова о катастрофе, ничего, несущего тревогу и страх. Время для этого настанет позже. Пока что у них много дел. Первым делом требовалось позаботиться о связи. Куинси сказал, что из четырех главных антенн три в хорошем состоянии и кажутся исправными.

Чет попытался и обнаружил, что может вступить в контакт с командным модулем. Тогда он включил ретранслятор и связался напрямую с наземным управлением. Все хорошо знали, что запасы электроэнергии в посадочном модуле почти что исчерпаны. Они и не предназначались для длительного использования. После относительно быстрой посадки, пока они занимались бы исследованиями, двигатели следовало отключить. Затем следовал бы быстрый взлет, стыковка с «Маринером», где огромные солнечные батареи перезарядили бы аккумуляторы посадочного модуля.

К счастью, Чет у удалось почти сразу установить связь с наземным управлением, и сам Борг оказался на месте. Они почувствовали себя бодрее, услышав его голос, хотя беседа и велась с учетом запаздывания радиоволн. Кертис тоже находился в диспетчерской, и как только космонавты сделали короткий отчет, он со своим штабом начал его подробное изучение, в то время, как Борг продолжал разговор.

Капитан Борг попросил, чтобы они подождали и передали специальный сигнал, когда командный модуль будет прямо над ними. Чет выполнил его просьбу, и через несколько минут Борг продолжил разговор. Он говорил деловым тоном и не стал тратить время на сочувствие или сожаление. Он сообщил, что, по мнению экспертов Агентства, любые попытки спасти их будут бесполезными. А

ремонт при таких условиях невозможен. Обычная изобретательность американцев не шла ни в какое сравнение перед стоящими перед ними трудностями, главная из которых — нехватка времени. С другой стороны, их положение не было безнадежным. Существовал запасной выход.

Русские сигналы были скоординированы с данными «Маринера» и координатами посадочного модуля американцев. Русские продолжали сообщать о неплохих внешних условиях, и, как оказалось, они находились неподалеку от того места, где высадились американские космонавты. Скорее всего, они находились не далее, чем в сотне миль от них.

Борг послал координаты, которые должны позволить космонавтам определить местоположение советской базы. И заключительный *приказ*, приказ, повторил Борг, от Агентства заключался в том, что космонавты должны бросить посадочный модуль и пробиться к русским пешком. И последнее замечание: если космонавты обнаружат, что русская база все же окажется беспилотной, с заранее записанной информацией, они должны вмешаться в ее передачу и заменить своим сообщением.

— Ваше сообщение, — Борг говорил медленно, отчетливо и, казалось, с трудом выговаривал каждое слово, — должно быть записано на ленту и передаваться много раз. Мы будем ждать известий, когда вы присоединитесь к русским. Удачи вам и наилучшие пожелания.

Раздался щелчок, и начала прокручиваться повторная запись этого сообщения. Чет отключил ее.

— Ну, и как вам это нравится? — тут же закипел Картер. — До свидания, парни. Не вызывайте нас, мы сами вас вызовем. Просто отправляйтесь и сдохните где-нибудь!.. Они что, считают нас совсем безмозглыми? Они даже не спросили нашего мнения. Борг закончил разговор, потому что даже не захотел нас выслушать. Конечно, мы можем снова вызвать его и сказать, что не собираемся выполнять его приказ...

Это было начало реакции на катастрофу. Никто не знал, как выйти из создавшегося положения. Они не могли ничего изменить и, хотя, вероятно, тайком признавались себе, что Агентство право, ситуация им совершенно не нравилась. Нервы у космонавтов были напряжены, а характеры — не сахарные. И каждый из них реагировал сообразно своей натуре.

— Ну что ж, красавчик, — жалостливо посмотрел на Картера Куинси, — пойди, перезвони им и скажи, что не собираешься подчиняться их приказам. Скажи, что ты считаешь себя слишком важным, чтобы подчиняться их приказам. А затем скажи, что ты собираешься оставаться здесь, пока не отратишь себе крылья, чтобы улететь домой, подобно большой птице.

Эти двое снова очутились в своей тарелке и пикировались друг с другом с еще большей энергией. Картер довольно серьезно выступал за то, чтобы оставаться на месте. В этом отсутствовал здравый смысл, потому что он понятия не имел, как это им поможет. Он проживет здесь ровно столько, сколько хватит энергии, а долго это не продлится. Чет попытался говорить аргументировано, но ни Картер, ни Куинси не были готовы его слушать. Теперь, когда у Куинси отыскалось направление, куда он мог направить свою энергию, он хотел немедленно сматываться отсюда и бежать искать русских. Он утверждал, что они легко пройдут этот путь за три-четыре дня, хотя так и не сообщил, каким образом определил этот срок. Картер же бешено настаивал, что они должны попытаться отремонтировать свой модуль. Если они используют аккумуляторы мотосаней, утверждал он, то смогут протянуть здесь три недели, а за это время найдут способ починить модуль и улететь.

Когда оба не смогли переспорить друг друга и первый порыв начал стихать, слово взял Чет.

— Позвольте сказать мне, как это будет, — произнес он тоном, не допускающим никаких дискуссий. — Мы не можем оставаться здесь

по целому ряду причин, а в первую очередь потому, что нам приказали идти искать русских. Может, это противоречит тому, во что верите вы, Картер, но Агентство больше всего хотело бы, чтобы мы вернулись на Землю живыми, здоровыми и с победой.

— А что, если мы найдем там беспилотный модуль, посылающий автоматические сигналы? — упрямо проворчал Картер. — Что будем делать тогда?

— Это шанс, которым мы должны воспользоваться, — ответил Чет, — потому что у нас нет альтернативы. Подполковник Ярмонкин всю дорогу висел у нас на хвосте. Мы знаем это точно. Думаю, они где-нибудь приземлились. Я не знаю, правду ли они говорят о местных условиях. Но думаю, что они на Венере, и наш единственный шанс состоит в том, чтобы найти их.

Затем Чет повернулся к Куинси, который, видя, что шеф встал на его сторону, готов был немедленно выпрыгнуть из люка и бежать искать русских.

— Вы действительно считаете, что у русских на Венере находится пилотируемый модуль?

— Конечно! — с жаром ответил Куинси. — Но даже если и нет, и нам придется умереть, мы все равно войдем в историю. Если мы найдем беспилотный модуль и разоблачим мошенничество русских, кого запомнит мир? Нас или их? Поэтому я считаю, что нужно идти!

— Да хватит уже о смерти! — раздраженно огрызнулся Чет. — Лично я не думаю ни о чем, кроме завершения работы и благополучного возвращения. А сейчас русские, кажется, могут помочь. Но позвольте, я дам вам общее представление о том, что нам предстоит.

Он пробрался к штурманскому столику и достал карту, на которой был лишь большой круг, расчерченный продольными и поперечными линиями. Взяв с собой карандаш, он вернулся к своему экипажу.

— Этот пустой круг, — пояснил он, — все, что мы знаем о Венере.

Не точно, но мы знаем, что находимся приблизительно здесь, — он поставил точку на нижнем полушарии. — И мы также знаем, что сигнал русских исходит примерно отсюда. И все, что мы должны сделать, это добраться отсюда туда. Мы, парни, пролетели двадцать пять миллионов миль, и нам осталось всего лишь проехать ничтожную сотню миль.

— Именно это я и говорил, — согласился Куинси.

— Не совсем, — прервал его Чет. — Как, по-твоему, мы доберемся туда?

— Как это — как? — удивленно воскликнул Куинси. — У нас есть моторизованные сани, кислород, еда, скафандры. Разумеется, с помощью всего этого, как же еще?

— Все это понятно, — пренебрежительно бросил Чет. — Я имею в виду, как вы собираетесь прокладывать маршрут через эту сотню миль? У кого-нибудь есть идеи?

Куинси посмотрел на командира так, будто усомнился в его умственных способностях.

— Как? Берем эту бумажку, которая у вас в руках, и просто проводим курс. По прямой, потому что мы не знаем, какие нас ждут препятствия. Идем по прямой, пока не придется пойти в обход. Тогда мы обходим препятствие, возвращаемся на курс и идем дальше. И так до тех пор, пока не доберемся до цели.

Казалось, это должно представляться очень простым человеку, который привык летать через огромное пустое пространство космоса.

— Понятно, — сказал Чет, словно ничего не знал о принципах навигации. — Но как мы узнаем, *следуем* ли мы истинным курсом? Как вы знаете, на санях нет компьютера.

— Ради Бога, нас не нужен компьютер, чтобы пройти сто миль. Итак, это чужая страна. Дайте мне секстант и компас, даже самый маленький компас, и я приведу вас прямо к отмеченной точке.

Если, конечно, – поспешно добавил он, – вы указали правильные координаты.

– Но, мистер Смит, – настойчиво продолжал Чет, – что вы собираетесь делать с компасом? Давайте предположим, что у вас настоящая большой компас. И что это вам даст?

– Послушайте, шкип, – в голосе Куинси послышалось раздражение, ему начала надоедать эта игра. – Вы используете компас, указывающий на магнитный северный... О, Боже мой! – Он резко прервал себя, на его лице появилось робкое выражение.

– Да? – поторопил его Чет.

– У Венеры нет магнитных полюсов! – пробормотал он. – По крайней мере, достаточно мощных, чтобы компас работал.

– Давайте забудем о компасе, – предложил Чет. – Но у вас еще есть секстант. Вы ведь не потеряете отмеченную точку прибытия, если будете пользоваться секстантом, не так ли?

– На Венере не видно Солнца, – с убитым видом выдохнул Куинси.

– А также и звезд, – добил его Чет, – так что нам предстоит работа более сложная, чем вы думаете. И если никто не расставит нам дорожные знаки, нам остается надеяться на собственную навигацию.

Теперь, когда все поняли, в чем заключается проблема, Чет изложил свое решение.

– Для начала мы демонтируем гирокомпас и установим его на сани. Чтобы он продолжал вращаться, нам придется тратить на него электроэнергию, зато, как только мы нацелим его на север, он станет показывать нам точное направление. Но у нас должно быть что-то еще в запасе. У кого есть какие-нибудь идеи?

Чет объяснял все таким образом, что это неизменно смягчало точку зрения Картера. Его первоначальная ярость всегда охлаждалась основанной на фактах корректностью Чета. И он тоже втянулся в обсуждение.

— Я знаю один способ, шкипер. Это трудно, но, думаю, что сработает. Если мы возьмем первоначальное направление точно на север, то будем знать, сколько проехали, когда наткнемся на первое препятствие. Тогда мы измерим угол отклонения, которое даст нам возможность обогнуть препятствие. Если мы будем вести строгий учет скорости и времени, то не сложно будет потом вернуться на первоначальный курс. Часы и транспортир — все, что нам понадобится для этого.

— Это кажется ужасно старомодным, — заметил Чет.

Разумеется, именно это он и имел в виду.

— Нет, шкип, это сработает! — принялся убеждать его Куинси. — Одному из нас придется все время отслеживать скорость и время, но если мы будем вести точный учет, то это сработает!

Оба так стремились убедить его, что забыли о своих первоначальных разногласиях. Теперь, когда они объединились, Чет у уже не нужно было следить, чтобы они не разодрались, и он мог проявить внимание к деталям их плана. На грузовой платформе стояли трое мотосаней. В поездке по неизвестным местам они наверняка столкнутся со всевозможными опасностями, и Чет решил, что стоит использовать только одни сани. Поэтому они сняли с остальных аккумуляторы, установили гирокомпас и погрузили на сани необходимые припасы.

Когда астронавты закончили, сани оказались несколько перегруженными, но все согласилось, что так будет даже лучше. Управление санями требовало определенной ловкости, а без груза они были слишком шустрыми, и могли попытаться от них убежать, где-нибудь застрять или, что еще хуже, опрокинуться, и тогда понадобились бы усилия всех троих, чтобы перевернуть их обратно. И с груженными санями мог справиться один человек, другой будет вести записи скорости и времени, а третий следить за окружающей местностью. А время от времени они будут меняться местами.

Так, постепенно, определились детали их путешествия. Чет с удовлетворением отметил, как слаженно действует экипаж под его руководством. По основным положениям или планам не было никаких препирательств. Конфликт между космонавтами окончательно угас во время подготовительных работ. Чет знал, что перемирие это временное, но не стал тратить время в попытке предугадать, когда случится следующий кризис. Сейчас они сотрудничали друг с другом, работа продвигалась. В положении командира, как и рефери, выявился один интересный эффект, который Чет полностью не создавал: он был так занят, что не оставалось времени раздумывать над своим собственным положением. И это явно к лучшему.

ГЛАВА VIII

Где угодно на Земле их троица в скафандрах, приводимых в движение сервомоторами, казалась бы гигантскими роботами, они даже двигались, как роботы. Но на Венере они чувствовали себя карликами. Куинси не мог отделаться от мысли, что он, практически, стал ближайшим родственником краба: снаружи броня, а внутри — мякоть.

Картер, которому выпало первым управлять санями, был слишком занят, чтобы думать о чем-либо другом. Заставить скафандр двигаться было само по себе уже немалым делом, а ему приходилось еще и маневрировать санями.

Когда они начали путешествие, Чет принял на себя навигацию. От этого зависели их жизни. Никто этого не говорил, но все знали, что либо они найдут русских, либо погибнут. А если советская база окажется беспилотной, их тоже ничто не спасет. Но если они не отыщут ее, тогда будет неважно, есть ли там русские, и существуют ли на Венере места с кислородом и сносной температурой. И это будет означать не только их гибель, но и полный провал работы, потому что тогда сообщения русских останутся без проверки.

Никто не говорил об этом в начале похода, потому что нельзя идти к какой-то цели, думая только о своей неудаче. Но эти мысли все равно прятались где-то у всех троих. И в начале пути команда нуждалась в каком-то прорыве. Им хоть в чем-то должно было повезти. Как и древние моряки, плывущие по незнакомым водам, они нуждались в каких-то признаках удачи.

В самого начала им понравилось то, что намеченный маршрут уводил от утесов. Если бы они столкнулись с такими препятствиями с самых первых шагов, то могли бы пасть духом, потому что взобраться на утесы невозможно. А с теми примитивными средствами, доступными им для навигации, обход в самом начале пути мог безвозвратно сбить их с курса.

Как бы там ни было, но их путь лежал через равнину. Однако, это не походило на равнины, с которыми они сталкивались на Луне или где-то еще. Здесь почти невозможно отыскать даже шесть квадратных дюймов ровной земли. Здесь нет высоких холмов или гигантских обрывов, но поверхность каменистая, с глубокими трещинами, до дна которых не доходил свет. Астронавты осматривали их, но не могли сказать, насколько глубоки расщелины. Большинство таких трещин выглядели достаточно узкими, чтобы можно было просто перешагнуть через них, но приходилось тщательно обследовать края, чтобы убедиться, что сани не вызовут обвала и космонавты не окажутся в ловушке.

Из некоторых трещин курился дым, так что над землей струился туман. И именно по этому дыму они поняли, что буря слабеет. Чет улыбнулся, когда увидел, что дым уже не разлетается, а лениво плавает неподалеку от трещин. Он вызвал Куинси и Картера и обратил их внимание на эту удачу. Они оглянулись на утес, который уже был далеко позади, и отметили, что с его краев уже не слетают столбы пыли. Но хорошие новости не продлились слишком долго. Постепенно трещины становились шире и бежали во всех направлениях.

Когда они подъехали к щели, через которую нельзя было перебраться, то стали смотреть вправо и влево, пытаясь определить, где она начинает сужаться. Чет положил на землю кусок веревки, чтобы отметить направление, в каком они двигались, и стал ждать, пока Куинси и Картер не проведут сани через сузившуюся трещину и не вернуться обратно по другому ее краю. Потом они установили сани точно в том направлении, куда указывала веревка, и проверили по гирокомпасу, чтобы удостовериться в точности маршрута. Когда все это было сделано, Чет забрал веревку и, скрипя сочленениями скафандра, тоже пошел в обход. Эту процедуру приходилось выполнять каждый раз, когда они натыкались на широкую трещину. Она отнимала много времени и сил, но зато гарантировала, что они не собьются с курса.

Каждый час они менялись местами. Час наблюдения за временем и скоростью, час управления санями и час на пешую ходьбу и осмотр окружающей местности. Они сократили разговоры до минимума, чтобы беречь силы и сосредоточиться на работе. И в то время, когда Куинси шел пешком, он вдруг закричал: «Эй!»

Остальные замерли и тяжело повернулись к нему, но не увидели ничего необычного.

— В чем дело? — спросил Чет в микрофон.

— У меня возникло странное чувство, и я, наконец, понял, какое именно, — сообщил Куинси.

— И какое же? — спросил Чет.

— Я голоден! — печально заметил Куинси.

Картер, с напряжением и тревогой слушая их разговор, разразился смехом.

— Только и всего? — спросил он. — А я-то подумал, что ты увидел двухголового монстра.

Чет огляделся и увидел примерно в полумиле впереди два больших валуна. Они упирались друг в друга, создавая грубое подобие арки.

— Давайте доберемся до тех скал, — предложил он. — Сделаем привал, а в случае опасности найдем там убежище. — Он вспомнил бурю, которая отметила их прибытие на Венеру.

Из-за обходов они преодолели это расстояние за тридцать минут. Чет прикинул, но не сказал об этом остальным, что на каждую милю приходится полмили обходов, поэтому скорость их движения по прямой составляет около мили в час, а им следовало бы двигаться быстрее. Затем они поставили сани в нужном направлении, взяли с собой еду, отошли к валунам и сели под аркой. Обед прошел быстро. Он не занял у космонавтов много времени, потому что есть пришлось питательную пасту и воду из трубок в скафандре. Затем, пока еда усваивалась и новая энергия побежала по их телам, они посидели, отдыхая и обсуждая дальнейшие планы.

— Прежде, чем ехать дальше, — объявил Чет, — мне бы хотелось включить радио и послушать, может, мы поймем какие-нибудь переговоры русских. Вдруг, услышим от них хотя бы пару слов.

Первый короткий отдых на Венере подошел к концу. Они встали и, поскрипывая, отправились к оставленным саням. Но радио молчало, не предоставив им ни малейших доказательств, что на Венере есть еще люди. Лишь время от времени они ловили статические помехи, производимые далекими молниями. Чет включил свои наушники непосредственно в приемник и чуть не оглох от треска. Он поспешно отключился и дальше слушал через микрофон. Потом они заняли свои места: Куинси за управлением санями, Картер, наблюдая за курсом, и Чет, озирая окрестности, и двинулись дальше.

Следующие два с половиной дня они строго придерживались графика, находясь в движении по двенадцать часов в день. Чет прикинул, что их скорость почти удвоилась и достигла двух миль в час. Он был удовлетворен, тем более, что они делали все возможное.

Хотя земля стала еще более сухой и каменистой, трещин по-

падалось гораздо меньше. Они тратили меньше времени на обход широких трещин, и этим экономили силы и заряд аккумуляторов. С другой стороны, им приходилось больше петлять между скал и камней, которыми был усыпан путь. Эти маневры не занимали столько времени впустую, как обход широких трещин, но затрудняли навигацию. Хотя они постоянно менялись местами, Чет пристально следил за курсом независимо от того, кто отвечал за это дело. Он знал, что придерживаться курса жизненно важно, и, как командир, все время наблюдал за ним, помимо своих прямых обязанностей.

Кроме этого, Чет неукоснительно следил за временем и убеждался, что все идет точно по графику. Десятиминутные перерывы на отдых, ланч, обед и ночной сон – все проделывалось по его часам. Но самой трудной была для него другая задача. Чет у все время хотелось разрядиться, сбросить напряжение, выпустить пар на своих подчиненных, но этого нельзя было допустить, даже если временами они вели себя не идеально. Как только объявляли десятиминутный перерыв, Куинси тут же протестовал и утверждал, что не нужно никакого отдыха. «Неужели кто-то настолько ослаб, что не может идти еще несколько часов?» – спрашивал он. Задержки его тревожили. Еду всегда можно отложить, ночной сон сократить, потому что, если верить ему, они идут навстречу славе и не должны терять время при достижении бессмертных подвигов, для которых и предназначены. Для него не так уж важно остаться в живых, главное – попасть в книгу рекордов.

Такая позиция Куинси создавала проблемы. Потому что Чет частенько соглашался с ним, хотя и по совершенно иным резонам, нежели те, что имелись у искателя славы. Но все это нервировало Картера. Картер стал дерганным, угрюмым и все время что-то бормотал себе под нос. Чет снова и снова улавливал в наушниках шлема обрывки фраз и не мог определить, была ли это радиопередача издалека или бормотание Картера поблизости. Из смеси об-

рывистых, неясных слов и фраз Чет все же стал понимать, что бормотал себе под нос Картер. Тому временами казалось, что он является лидером отряда. То его рука дергалась, чтобы указать на какую-то скалу, якобы мешающую их движению, то он пытался предостеречь своих спутников о каких-то мифических зверях, которых послали, чтобы уничтожить их экспедицию. Иногда он бормотал приказы, в которых требовал напасть на целую стаю таких тварей и перебить их, прежде чем те нападут первыми. И тут же он мог начать всхлипывать и просить у животных прощения за то, что покусился на их исконную собственность. Он просил их понять, что лично он не хотел прилетать сюда, что его заставили прилететь, а он хочет только вернуться на корабль и улететь домой. И он обещал, что сумеет убедить остальных присоединиться к нему и возвратиться на Землю.

Во всех его монологах не было ясности или логической последовательности, но они продолжали вращаться вокруг этой темы. Во время привалов и за едой Куинси совершенно не обращал внимания на происходящее. Картер же начинал говорить осмысленно, хотя и продолжал твердить, что все их усилия бессмысленны. В это время Чет мечтал, чтобы Куинси заткнулся, а Картер усвоил, что они занимаются отнюдь не бессмысленным делом.

Он настаивал, что их шансы на выживание велики, если они не станут тратить силы на свои фантазии и фанатичные порывы. Он не соглашался с требованиями Куинси рваться вперед любой ценой и чувствовал, что они должны экономно тратить свои ресурсы и продолжать путь строго по расписанию. Тогда, даже если они столкнутся с настоящей бедой, он будет уверен, что их жизни потрачены не напрасно. Каждый их шаг записывался. И будущие космонавты когда-нибудь найдут эти записи и добавят к знаниям, которые в далеком будущем дадут Человечеству возможность познать Вселенную.

Куинси соглашался с последним, но продолжал манить их славой, убеждая ринуться вперед, очертя голову, к победе или смерти. Возникало впечатление, что смерть была для него даже более желанным концом, потому что только ограняла победу.

На третий день во время обеда они определили, что ветер изменился и стал теперь дуть на них сразу с четырех направлений, неся пыль и мелкие камешки справа, слева, спереди и сзади. Путешественники словно оказались в какой-то колонне, образованной отдельными вихрями. Между завтраком и обедом астронавты заметили, что равнина, по которой они ехали, стала переходить в небольшой подъем. Туман густел, и стало не видно границы между землей и линией облаков. И хотя позади все оставалось достаточно ясно, впереди видимость из-за тумана и пыли сократилась практически до мили.

Они поели в непривычной тишине, хотя Чет чувствовал, что стоило бы нарушить ее, но у него не нашлось сил начинать новые споры, которыми заканчивались все их разговоры. Он быстренько покончил с едой, проверил записи, чтобы удостовериться, что они не отклонились от курса, и растянулся во весь рост прямо на твердой земле. Он так устал, что уснул сразу же, едва закрыл глаза.

Когда он открыл глаза снова, ему показалось, что прошло всего несколько секунд, но облака над ними нависли гораздо ниже, чем раньше. Чет сел и огляделся. Куинси сидел, прислонившись к саням и уставившись в землю. Чет взглянул на часы. Оставалось десять минут до выхода, и он решил, что проверит гироскопический компас прежде, чем они возобновят поход. Когда Чет подошел к саням, то обнаружил, что Картера в них нет, и повернулся к Куинси.

— Где Картер? — спросил он.

— А, он ушел, — небрежно ответил Куинси.

— Что вы имеете в виду? Куда он ушел?

— Он пошел вперед, — махнул Куинси. — А что вас так взволновало?

— Послушайте, мы же до сих пор двигались все вместе, — сказал Чет. — Он что, ничего не сказал?

— Нет, он просто встал и ушел. Сразу после того, как вы легли спать. Я подумал, что он хочет пойти вперед и разведать дорогу. Кажется, он пошел туда.

Чет посмотрел в указанном направлении, где исчез Картер. Видимость теперь составляла гораздо меньше половины мили, и Картера нигде не было видно.

— Оставайтесь на месте! — приказал Чет. — Ничего не касайтесь! Не сдвигайте сани с места! — Он наклонился и включил рацию на сани. — Не выключайте ее и внимательно слушайте. Я пойду искать Картера. А вы просто оставайтесь здесь и внимательно слушайте!

— Понятно, шкип, — опомнился Куинси, начиная волноваться. — Я остановил бы его, если бы знал, что вы расстроитесь. Но я подумал, что он просто хочет побыть один. Но вы же не думаете, что он...

— Я ничего сейчас не думаю, — бросил Чет. — Следите за эфиром.

Чет повернулся и пошел в туман. Когда он уже не видел Куинси и сани, то вызвал его по рации:

— Куинси, вы меня слышите?

— Ясно и отчетливо, шкип, — прозвучал успокаивающий ответ.

— Я буду все время вызывать Картера. Следите за мной, только не двигайте сани с места.

— Будет сделано, шкип.

Чет двинулся вперед, все время вызывая Картера по имени. Не было никакого ответа, только один раз раздался голос Куинси, который сообщил, что Чета по-прежнему слышно отчетливо. Его голос заставил Чета подскочить от неожиданности, и он велел Куинси не засорять эфир, если у него не появятся жизненно важные сведения.

Подъем стал более осязаемым, и Чет даже пришлось немного наклониться вперед, чтобы не терять равновесия, когда он делал длинные шаги. Он забрался уже довольно далеко от саней. Ветер дул в спину и помогал при ходьбе. И Чет был благодарен ему за эту помощь. Он искоса поглядел вперед, чтобы видеть как можно дальше, и ему показалось, что там видно стену. Сначала он подумал, что видит пелену из пыли и дыма, но когда расстояние между ним и этим странным барьером стало уменьшаться, Чет понял, что преграда более серьезная.

И чем ближе он подходил, тем яснее это становилось. Чет даже забыл вызвать по рации Картера. Это оказался гигантский откос, вздымающийся из земли, как фантастическая стена замка, утес, достигающий до облаков и исчезающий в них. Невозможно было оценить его высоту. Чет прикинул, что облака висели примерно на высоте полутора тысяч футов над землей, а это чудовищное плоскогорье уходило в них и скрывалось из поля зрения. И оно тянулось в обе стороны, куда хватало глаз, нигде не прерываясь или становясь ниже.

Должно быть, Чет что-то невольно воскликнул, потому что в наушниках раздался голос Куинси:

— Говорит Куинси. Вы что-то сказали?

— Нет, нет, все в порядке, Куинси. Я только наткнулся на... минутку! Я сейчас.

Чет еще раз взглянул на то, что сначала ему показалось большим валуном у самого основания стены, и понял, что это не валун, а лежащий на спине Картер. Чет подскочил к нему и заглянул в шлем. Глаза Картера были закрыты. Чет постучал по шлему Картера сбоку и прокричал по рации его имя. Картер открыл глаза, но взгляд его оставался рассеянным, невидящим.

— Куинси, я нашел его, — крикнул в микрофон Чет.

— Хорошо. Что с ним? Понятия не имею. Вы знаете, где я сейчас нахожусь?

— Конечно, — ответил Куинси. — Вы отклонились на два деления влево от нашего курса.

Чет проделал быстрые расчеты. Он считал, что прошел две мили, а если отклонился при этом на два деления от направления, на которое указывали сани, значит, теперь он примерно в трехсот шестидесяти ярдах от того места, куда бы они приехали, если бы двигались по прямой.

— Куинси, это очень важно. Я хочу, чтобы вы повели сани по прежнему маршруту. Следите за гирокомпасом. Примерно через две мили вы увидите гору, торчашую из земли, как Великая китайская стена. Когда вы доберетесь туда, мы с Картером будем уже там или чуть левее. Если же нас там не будет, не двигайтесь, а вызовите меня по рации. Хорошо?

— Конечно, шкип.

— Да, Куинси, на таком расстоянии нам не нужен ретранслятор, поэтому отключите его и гоните сани по прямой. Вызовите меня, когда отключитесь от ретранслятора.

Наступила короткая пауза, потом снова раздался голос Куинси:

— Как меня слышите?

— Прекрасно. Давайте двигайте. Скоро увидимся.

— До встречи, шкип.

Чет вернулся к Картеру, который к этому времени быстро мигал, опустился рядом с ним на колени и переключил свой передатчик на близкую связь, потом то же самое сделал с рацией Картера. Это позволило им переговариваться так, что их не было слышно дальше, чем на двадцать пять футов.

— Картер! Вы меня слышите?

Картер замигал еще быстрее, потом дважды плотно зажмурился, после чего уставился в лицо Чету.

— Привет, — по-дурацки сказал он. — Я что, упал в обморок?

— Вот именно, — сочувственно улыбнулся ему Чет. — Как вы теперь?

— Да я в порядке, шкипер, — ответил Картер. — А что это за ужасный бастион? — И он показал на стену.

— Это потом. Скажите мне, Картер, как вы попали сюда? Я имею в виду, зачем вы это сделали?

— Ну-у... Видите ли, я... — Картер попытался подыскать слова и выглядел так, словно вот-вот заплачет.

— Куинси подумал, что вы пошли на разведку, — пришел ему на помощь Чет.

Лицо Картера прояснилось, и он слегка улыбнулся.

— Это я и хотел сказать. Видите ли...

— Я думаю, вы засмотрелись на эту гору вместо того, чтобы глядеть под ноги, — подсказал Чет, — и просто запнулись и упали. Вы уверены, что можете встать?

— Да, шкипер, уверен. Спасибо.

Картер сел, затем медленно, со скрипом, встал на ноги.

— Куинси скоро приедет, — сказал ему Чет. — Мы должны встретить его чуть дальше. Кстати, переключите рацию на дальний радиус действия.

Картер взглянул на кнопку передатчика и снова почувствовал благодарность тактичности своего командира.

— Куинси, где вы? — вызвал по рации Чет.

— Еду с головокружительной скоростью, шкип, — бодро ответил Куинси. — Должно быть, делаю полторы мили в час.

ГЛАВА IX

Критон Кертис, капитан Борг и командер Брэдли неофициально встретились в офисе директора: «Скала», Алекс Борг и Пат Брэдли — именно они трое отвечали за проведение Срочной Операции.

Никто из них не сказал, или даже не подумал, что жизни трех человек, на которых возложено осуществление миссии, могут быть не в счет из-за крайней важности Операции. Они все знали исполняющего обязанности командера Дункана, лейтенантов Паррета и Смита не просто по званиям, а как Чета, Картера и Куинси. Разница слишком тонкая, но все же она существовала. Особенно если учесть, что исполняющего обязанности командера имярек и лейтенантов как-их-там могли легко списать, как расходный материал, а Чет, Картер и Куинси были живыми, молодыми, полными сил людьми. И теперь три человека, которые отобрали астронавтов и обучили для этой миссии, чувствовали полную ответственность за их жизни.

— Думаю, нам всем может быть немного легче, — сказал «Скала», — потому что теперь я твердо убежден, что русские находятся на Венере, и что еще более важно, это в значительной степени подтверждает их заявления. Это означает, что у нашей команды есть шансы на спасение. Если они сумеют добраться до пригодной для жизни области, то смогут протянуть там практически неопределенно долгий срок. Конечно, нам еще далеко не все ясно.

— Давайте начнем все по порядку, — спокойно предложил Пат Брэдли. — Тогда мы выстроим схему того, что нам неизвестно, и это поможет предугадать ответы. Для начала, насколько оправдана наша вера в то, что русские говорят правду?

— Я бы сказал так, — ответил Кертис. — Они бы никогда не признались даже в малейшей неудаче, если бы был другой выход. Они сказали нам, что один из их людей при смерти, и что их команде нужны антибиотики. Они хотят, чтобы мы доставили им лекарства. Из этого мне ясно, что они знают о нашей команде на Венере. И именно поэтому попросили нашей помощи. Если бы их история о тропическом рае была фальшивкой, то наши парни разоблачили бы их ложь. Я убежден, что они лучше дадут своему человеку умереть,

чем рискнут таким разоблачением. Именно поэтому я считаю, что мы можем принять на веру их заявление.

— Полностью согласен с вами, — кивнул Брэдли. — Я просто хотел убедиться, что мы единомышленны. Так, а в чем еще мы можем быть уверены?

— Мы точно определили их местоположение, — заявил Борг. — Телескоп Джодрелл Бэнкс дал нам расчеты, и русские подтвердили их. Это значит, что мы дали Чет правильные координаты.

— Теперь все сводится, — хмыкнул Кертис, — к проблемам навигации. Если Чет и его парни правильно рассчитают курс, то будут двигаться в нужном направлении. По крайней мере, мы дали им всю информацию.

Брэдли медленно покачал головой. Созданное им сооружение должно состоять только из фактов, а не из благих пожеланий.

— Это не только проблемы навигации, — категорически заявил он. — Никто из нас понятия не имеет, с чем они столкнутся. Они должны преодолеть примерно сто миль. В космосе они пролетели бы это расстояние за четверть секунды. Но на Венере, чтобы проехать сто миль, может потребоваться целая жизнь.

— Верно, — согласился Борг.

Они не могли больше ничего добавить и тем более ничего больше сделать, но все согласились, что ситуация начала улучшаться. То, что русские оказались там, и что в том районе, где они базируются, можно жить, было хорошими новостями. Плохо то, что отсутствовала связь с Четом и его командой. Их молчание понятно — только на посадочном модуле имелась аппаратура для связи с ретранслятором «Маринера», и она — не переносная. Но все равно это печально. Как бы было все проще, если бы они могли побеседовать с Четом, передать ему ободряющие новости, сообщить, что впереди их ждет безопасность. Какая это была бы моральная поддержка для космонавтов! Все понимали, что возрождение надежды в нужный мо-

мент может иметь решающее значение в выборе между жизнью и смертью.

И наконец, трое собравшихся перешли к подлинной цели своей встречи.

— Что мы скажем русским? — спросил Кертис.

— А что мы *можем* им сказать? — спросил Борг. — Мы ведь ничего не знаем, не так ли?

И теперь настала очередь Пата Брэдли, ученого со строгим логичным умом, который всегда был сторонником фактов и правды, выдвинуть свои предложения.

— Я бы сообщил им, — заявил он, — что у нашей команды есть «септрин», который гораздо эффективнее пенициллина, и человек, у которого аллергия на пенициллин, может спокойно воспользоваться им. Я бы сообщил им, что наши парни примерно в пятидесяти милях от них, и что мы передали им инструкцию доставить «септрин» команде «Венеры».

Борг выглядел удивленным.

— Это было бы не совсем верно, — заметил он.

— Наоборот, — начал спокойно настаивать Брэдли, — это было бы совершенно верно. Наиболее вероятно, что наши парни не более, чем в пятидесяти милях от них. И нет ничего, что помешало бы нам послать им такое сообщение. Конечно, — добавил он, — они не могут его получить, но будет правдой, что мы послали им инструкции. Я хочу, чтобы русские ждали наших парней. Мне бы не хотелось, чтобы они испугались и улетели на Землю до того, как Чет со своей командой доберется до них. Я подумал, что будет лучше, если русские получают приказ оставаться на месте от своего командования.

— Все верно, — произнес Кертис и стал что-то быстро набирать на лежащей перед ним клавиатуре.

Он никак не ожидал, что этот робкий, как мышка, офицер-ученый придумает такой практичный план. Но Брэдли действовал в

соответствии со своим обычным подходом к проблемам: сначала определите желаемый результат, затем выберите средства, которые наилучшим образом помогут его достичь.

— Скажите мне, Пат, — спросил Кертис, — а как вы объясните столь огромные различия между русским отчетом о Венере и теми условиями, которые там нашли наши парни?

— Ну, в общем-то, это не моя область, — тут же ошетинился Брэдли.

Но как только он выяснил, что требуется его личное мнение, а не научное заключение, он тут же подробно заговорил о том, как могут существовать рядом такие противоположные условия. Начал он с крайностей, существующих на Земле. Две экспедиции, одна из которых приземлилась бы в Арктике, а другая в пустыне Сахара, сделали бы чрезвычайно противоречивые отчеты об условиях на этой планете. На Земле, также, существуют места, между которыми не будет и ста миль, но которые тоже могут дать поразительно различные понятия о жизни на Земле. На вершине Эвереста, в пяти с половиной милях над уровнем моря, была бы совершенно иная атмосфера, температура, растительность и топография, чем, скажем, в шестидесяти-семидесяти километрах от нее на уровне моря.

— На Венере иные условия, чем на Земле, — продолжал Брэдли, — но есть и общие черты. Например, кажется, на ее полюсах существуют толстые ледяные шапки. Так как Венера вращается вокруг своей оси гораздо медленнее, ее атмосфера перемешивается не столь эффективно, как наша, поэтому высокая температура плохо распространяется от экватора до полюсов. Таким образом, вполне возможны очень горячий экватор и ледяные полюса. Из-за постоянно высокой температуры и медленного вращения происходит вертикальное перемешивание атмосферы, так что в некоторых областях ветры дуют прямо вверх, а не горизонтально. По

краям ледников лед тает и потоки воды устремляются к жарким областям. Там они испаряются и несут водяной пар в облака. А на полюсах идет снег. На Земле кислорода больше на уровне моря, чем на высотах. На Венере эта картина может быть обратной.

Кертис и Борг внимательно слушали его. Наконец, Кертис задал вопрос:

— Есть ли на Венере горы?

— Это не моя область, — машинально ответил Брэдли, и все рассмеялись. — Я хочу сказать, в самом деле, — заявил он, когда все успокоились. — Я математик, а не астроном, но, насколько я знаю, никто еще не утверждал, будто что-то знает о ландшафте Венеры. Я лишь пытался дать вам некоторое представление о том, как одна команда могла там найти кислород, а другая лишь углекислый газ. Как тропический рай и сверхжаркий экватор могут существовать на одной планете. Но мои объяснения лишь сугубо теоретические. Могут найтись совершенно иные объяснения. Я лишь могу вместе с вами надеяться, что Чет, Картер и Куинси вернутся, чтобы рассказать нам, как там на самом деле.

— Вы можете надеяться, — с энтузиазмом сказал Борг.

— Аминь, — выдохнул Кертис.

ГЛАВА X

Чет и Картер болтали друг с другом, ожидая, пока к ним подъедет Куинси. Чет видел, что лейтенант все еще напряжен, и это понятно: фактически, он, казалось, выздоравливал после тяжелой болезни. Они вместе шли вдоль подножия гигантской стены в направлении запланированной встречи с Куинси. Они рассчитали свою трехсотярдовую прогулку так, чтобы добраться до места вовремя и приветствовать Куинси, но последний отрезок пути пришлось прибавить шагу, потому что они увидели, что сани летят к стене, сломя голову. Куинси громко отдувался, когда затормозил.

– Все в порядке? – задыхаясь, спросил он.
– Да, все нормально, – ответил Картер.
– Ну, так мы пойдем напрямик или в обход? – бодро уточнил Куинси, указывая на бесконечно протянувшуюся стену.

Чет отошел на несколько шагов и оглядывал ее.

– Честно говоря, я пока что вообще об этом не думал, – ответил он, – но сегодня мы не будем принимать никаких решений. Я объявляю окончание этого дня праздником. Мы разобьем лагерь и будем отдыхать. А выпавшись, мы окажемся в лучшей форме, чтобы заняться этими проблемами.

Никто не стал спорить, даже Куинси выглядел благодарным за такое решение. Чет знал, хотя другие, вероятно, еще этого не поняли, что проклятая стена, оказавшаяся у них на пути, могла стать их смертельным приговором. Запасы энергии, от которых зависела их жизнь, подходили к концу. Гора-стена, конечно, не могла быть бесконечной, но в каком направлении она кончается ближе всего? Налево или направо? А может, она тянется на сотни миль в обоих направлениях? Только одно ясно: они слишком устали, чтобы решать что-то сейчас.

– Нельзя разбивать лагерь слишком близко к стене, – сказал Чет. – С нее могут сорваться камни и убить нас. – Он оглянулся назад, на пологую равнину. – Кажется, там мы тоже не найдем никакого убежища.

– А почему бы не воспользоваться пещерой, шкип? – предложил Куинси. – Наверное, там было бы удобно.

– Какой пещерой?

– А вон там, – Куинси указал на стену ярдах в пятидесяти направо от того места, где они стояли.

Чет заметил какую-то складку там, где стена встречалась с землей, но не был уверен, что это действительно вход в пещеру.

– Почему вы решили, что это пещера? – спросил он.

— Я видел ее по дороге сюда, — ответил Куинси. — Не знаю, насколько она глубока, но это точно пещера. Я совсем забыл, что вы пришли сюда другим маршрутом, так что не видели ее.

Да, он не видел ее, но теперь, оставив сани, Чет возглавил троицу космонавтов. Они пошли туда, куда указал Куинси. Разлом, созданный природой, оказался действительно впечатляющим. Он был прямым с обеих сторон, словно высеченный вручную. Стены взлетали на высоту в двадцать футов, а затем сгибались друг к другу, образуя арку. Это было хорошее место для лагеря, так что они вернулись к саням и перенесли нужные вещи. Включая и фонари для шлемов.

По возвращении Куинси вознамерился было исследовать пещеру, но Чет настоял, чтобы они сперва поели. Обед состоял все из той же пасты в тубиках и воды. И хотя такая еда ни в малейшей степени не походила на праздничный банкет, она все же восстановила им силы, и даже Картер почувствовал, как ослабевает его напряжение.

— Ну, а теперь, когда мы поели, разрешите мне испортить ваше хорошее настроение, — весело заявил Чет. — По-моему, у нас появилась еще одна проблема.

— Ну да! — в голосе Картера прозвучал прежний сарказм, и Чет обрадовался, услышав его. Уж лучше сарказм, чем отчаявшийся скулеж.

— Сначала давайте рассмотрим то, чего мы достигли, — продолжал Чет. — Мне кажется, мы должны понять, что три дня назад нас всех постигла катастрофа, которая является стандартным страхом всех космонавтов. Об этом никто не любит говорить, но это приблизительно то же самое, что оказаться посреди Атлантики без лодки или спасательного жилета. Конечно, можно плыть, но сколько вы продержитесь на воде? Но, несмотря на шок, мы вполне прилично организованы и все еще, так сказать, плывем. И большим плюсом

является то, что мы покрыли уже двадцать миль. Пять раз мы делали повороты и большие зигзаги, но теперь мы на двадцать миль ближе к цели. Таким образом, я просто хочу, чтобы вы поняли, что наши усилия вовсе не бесполезны, а реально ведут нас к спасению.

— Тогда ура нам! — захохотал Куинси. — Проведем церемонию вручения орденов прямо здесь, или вы думаете, что «Скала» захочет их вручить нам лично?

— Давайте подождем говорить об орденах, — поднял палец Чет. — Сейчас наша проблема — эта чудовищная гора. Мы можем разделиться и поискать проход в обоих направлениях, оставив одного человека с санями, но мне не хочется разделять нашу команду.

— Мне тоже, — пылко согласился Картер.

— Конечно, мы можем это сделать, — оптимистично заявил Куинси, — но мне тоже не слишком нравится идея бродить в одиночку. Я имею в виду, тут слишком пустынно...

— Я сам еще не знаю, как поступить, — откровенно вздохнул Чет, — но мне кажется, нам следует все хорошенько обдумать. У нас есть время до утра. — Он поднялся на ноги. — Кто хочет со мной исследовать пещеру? — спросил он.

Все тут же присоединились к нему. Прикрепив фонарики к шлемам, они осторожно прошли вглубь. Пещера сузилась и стала похожа на трубу. Им приходилось сгибаться, чтобы пройти некоторые низкие места, но большей частью они шли в полный рост, что было большим облегчением, потому что ползать в неуклюжих скафандрах уж совсем неудобно.

Спотыкаясь и скользя, они двигались по скалистой трубе, которая шла сначала прямо, затем повернула вправо, и начала подниматься вверх, сначала полого, а потом все круче, так что космонавтам пришлось передвигаться на четвереньках.

Они двигались гуськом, громко пыхтя от напряжения, когда Чет внезапно остановился.

— Стоп, выключите-ка фонари, — скомандовал он.

Они оказались в темноте и довольно долго молчали, пока, наконец, Чет не сказал:

— Ну, конечно же. Впереди свет. Похоже, мы прорвались наверх. Вперед!

Они поспешно стали двигаться дальше, вздымая сухую пыль, и вскоре увидели, что труба резко пошла вверх и вырвалась на поверхность, как колодец канализации. Они увидели знакомые облака, показавшиеся неестественно яркими после долгих блужданий в темноте. Стенки узкого колодца были грубыми, с выступами и впадинами, так что подъем по ним возможен, хотя и потребует некоторых усилий.

Чет поднимался первым и, добравшись до выхода, сначала сел на край, а после подтянул свисающие ноги, уступая место Куинси, а затем Картеру. Они встали вокруг отверстия, из которого только что выбрались, и осмотрелись. Оно было практически посередине плоского выступа примерно двадцати футов в ширину и десяти в длину. По обе стороны выступа массивные стены продолжали тянуться дальше в облака. За выступом же продолжался пролом в Великой стене, превратившийся в извилистую тропу.

Астронавты разглядывали ее, зачарованные надеждой спасения. Дорога тянулась ярдов на двести, а затем скрывалась за обнажением и уходила из виду.

— Ну, мы наверняка сможем пройти там, — заметил Куинси, указывая туда, где она исчезала.

— А что, если она просто обрывается? — спросил Картер.

Никто не ответил, и Чет принял решение сам.

— Ладно, рискнем, — сказал он.

На обратном пути в главную пещеру, где они разбили лагерь, Картер шел впереди. Утром им предстоял подъем. Теперь, когда выход был найден, они подумали о том, каким серьезным оказывалось их положение до обнаружения пещеры.

Хотя они пробывали в странствии лишь три дня, все приближалось к концу: нервное напряжение, физические силы и электроэнергия. И все время астронавты держали в уме, что им еще предстоит пройти восемьдесят процентов пути, и не исключено, что они идут не в нужном направлении, что может повлечь фатальные последствия. Теперь же пещера с туннелем и тропой, уходящей в облака, казалась им дорогой к спасению. Но из-за нее же возникли и некоторые трудные вопросы. Чет чувствовал, что их надо уладить до того, как они лягут спать, чтобы утром у них уже выработался определенный план действий. С утра у них будут силы, и он не хотел тратить их на пустые разговоры.

— Благодаря вашему острому зрению, Куинси, — начал он, — мы нашли разлом. Нам придется им воспользоваться, потому что другого может и не подвернуться. Но для этого, нам придется оставить сани.

Оба космонавта с ужасом посмотрели на него. Очевидно, что сани придется оставить, потому что они не пройдут в пещере, не говоря уж о завершающей вертикальной трубе. Но сани были символом их безопасности, поэтому сама мысль бросить их пугала. И Чет заметил их испуг.

— Ладно, Куинси, если хотите взять их с собой — милости прошу, — сказал он.

— Ну, я понимаю, что это невозможно, — отступил Куинси.

— А вы, Картер? — продолжал Чет.

— Только не я, шкипер. Если сани не будут нести меня, то я не собираюсь нести их, — нервно сострил он.

— Я понимаю, что вы имеете в виду, — скривился Куинси. — Но если мы оставим сани здесь, то... То как мы потащим с собой, например, гироскоп?

— Никак, — просто ответил Чет. — Мы пройдем по этому проходу на вершину, а там положимся на самого старинного проводника — умение ориентироваться на местности.

— Но если вершина окажется за облаками, — напомнил Куинси, — то какое тогда может быть умение ориентироваться?

— Инстинктивное, — бросил Чет. — Так или иначе, дальнейший путь придется пройти пешком. Когда мы доберемся до вершины, то положимся на воспоминания, наблюдения, а также на наши чувства, и тогда примем решение, куда двигаться дальше.

— Шкип, из-за вашей несказанной мудрости и огромного доверия, которое испытываю к вашим решениям, а также потому, что сам не знаю, что делать дальше, я с вами. Мы оставим здесь сани, и дальше пойдем пешком, полагаясь на инстинкты. Теперь, что мы возьмем с собой?

Это был трудный вопрос. Раз они оставляют свой транспорт, то должны оставить и многое из того, что прежде считали жизненно необходимым. Припасов у них и так мало, что же они могли еще оставить вместе с санями?

Они использовали аккумуляторы саней, чтобы перезарядить скафандры, и заменили воздушные фильтры. Эти системы очищали выдыхаемый воздух, удаляли из него примеси и сохраняли неиспользованный кислород. Без такой рециркуляции им пришлось бы нести на себе неподъемные баллоны с кислородом. Впрочем, портативные баллоны они перезарядили и тоже взяли с собой. Все это было неизбежно и не прибавило им груза.

Когда все было сделано, началось самое трудное. Они полностью разгрузили сани и разложили все вещи для осмотра. Тубы с продовольствием и водой, переносные аккумуляторы, медикаменты, запасные лампы, рации и электронное оборудование, запасные детали скафандров, папки с инструкциями и многое другое. Все было упаковано и, когда они разложили снаряжение возле саней, то сами поразились, сколько всего тут оказалось. Глядя на предметы, космонавты столкнулись с трудной проблемой. Всех этих вещей, вместе взятых, гораздо меньше, чем может понадобиться им троим,

странствующим по чужим диким местам. Но все-таки их гораздо больше, чем они способны унести на себе. Пришлось каждый предмет оценивать по размерам и весу. В одну кучу складывали те, которые нужно взять с собой в любом случае. В другую откладывали вызывающие сомнения.

Самые серьезные разногласия возникли при взгляде на медикаменты. Куинси утверждал, что раз они не могут снять скафандры, то не могут и добраться до ран, кои могут возникнуть, поэтому нужно заранее принять ужасную правду, что раненые не смогут выжить в любом случае, поэтому бессмысленно нагружать себя лекарствами. Картер согласился с ним.

И хотя Картер больше не проявлял враждебности и не впадал в отчаяние, но, казалось, он свыкся с мыслью о том, что они все равно умрут. И всякий раз, когда кто-либо предлагал что-то оставить, он автоматически соглашался, поскольку считал, что им все равно ничто не поможет. Но вслух ничего не говорил. Просто соглашался — и все.

Окончательные решения приходилось принимать Чету, и он решил, что медикаменты в любом случае следует взять с собой. В конечном итоге они должны добраться до русской базы, и где-то в пути окажутся в таких условиях, когда можно обходиться без скафандров. И тогда лекарства могут принести неоценимую помощь. Чет не мог даже подумать о том, что они доберутся до таких мест, а потом оставят раненого товарища умирать только потому, что не взяли с собой лекарства, которые могли бы его вылечить. Так что все медикаменты положили в кучу «необходимо взять».

Другие вещи не могли быть отобраны по таким философским поводам. После первой сортировки стало ясно, что три человека, даже перегрузив себя вещами, могли взять лишь то, что будет служить минимальными потребностями для двух с половиной человек. Чет осознал это, но отказался принять. Было невозможно планиро-

вать далеко вперед, поскольку никто не знал, что ждет их дальше. Поскольку полностью заряженные скафандры могли прослужить не больше десяти дней, это и было выбрано за единицу отсчета. Таким образом, еды собрали на десять дней для троих, причем в целях сокращения веса решили есть два раза в сутки.

Когда они завершили все дела, было уже поздно, но, по крайней мере, они приняли все решения. Вещи упаковали и снабдили ремнями, чтобы можно было легко надеть их, как рюкзаки. Руки нужны свободными для подъема. Наконец, они сели и плотно пообедали пастой из тубов, а также напились вдоволь воды. А затем легли спать.

В отличие от ночи перед стартом с Мыса, спали они не спокойно. Волнения не чувствовалось, но ощущалось тяжелое, свинцовое чувство разногласий в команде. Впереди их ждала невероятно трудная работа, они должны совершить последнее усилие, потому что иного уже не предвиделось. Поэтому все были напряжены и подсознательно стремились поскорее начать поход.

Так что проснулись они раньше обычного, снова плотно поели, хотя не особенно проголодались, затем подтащили сани ко входу в пещеру, где они будут защищены от ветров и бурь, но легко заметны любому проходящему мимо. Так как на записях у всех троих имелась одинаковая информация, Чет велел, чтобы один комплект оставили в санях, — на случай, если они не вернутся.

Картер быстро положил свои записи в центр пустых саней, затем отключил у них всю энергию, даже гироскомпас.

Включив фонари на шлемах, они прошли в заднюю часть пещеры и вступили в туннель. Их продвижение было медленнее из-за груза, но зато они шли с уверенностью путешественников, которые уже проходили этим маршрутом. Вскоре астронавты уже вылезли из отверстия и оказались на выступе.

Медленно, прощупывая ногой каждый свой шаг, они пошли

вверх по тропе. Никто не произнес ни слова. Потому что все сосредоточились на трудном подъеме. Иногда ряд выступающих скал образовывал лестницу, которая позволяла Чету пройти три-четыре шага подряд, но чаще приходилось искать опору для бронированных пальцев, затем поднимать ногу, искать для нее шаткую опору и подтягивать к ней другую.

Время от времени V-образная расселина, казалось, становилась такой же отвесной, как окружающие стены утеса. И всякий раз, когда Чет достигал места, где казалось, что пути дальше нет, он поднимался на валун, стоявший у него на пути, переводил дыхание и видел, что тропа продолжается. Если бы она вдруг оборвалась, это означало бы конец.

Один раз показалось, что сбывшись его худшие страхи. Тропа внезапно закончилась, дальше стояли вертикальные стены. Чет оглянулся и увидел, как Куинси и Картер преодолевают путь, который он только что прошел. Они держали между собой дистанцию, чтобы в случае, если идущий впереди сорвется, то он не сбил бы с ног следующего за ним. Чет поколебался, потом подтянулся на руках, взобрался на преграждающий путь камень, и увидел впереди вход в пещеру. Эта пещера была ниже первой, и ему пришлось присесть, чтобы пролезть в нее. Он согнулся так низко, что стал уже подумывать, не опуститься ли на четвереньки, но, к счастью, туннель оказался коротким, и вскоре впереди показался свет. Расселина продолжала тянуться дальше.

Следующий туннель уже не был неожиданностью для Чета. Он почувствовал, что удача на их стороне, и уверенно пробирался вперед. Его оптимизм был обоснован еще и тем, что этот туннель обширнее предыдущего, и почти сразу же Чет увидел свет выхода. Он не пошел туда, а стал ждать, когда его догонят товарищи.

Когда Куинси добрался до него, Чет уже успел отдышаться.
— Я думаю, здесь мы и перекусим, — объявил ему Чет.

— Да, да, — задыхаясь, махнул рукой Куинси. — А также и отдохнем.

К ним подошел Картер.

— Это хорошее место для обеда? — спросил его Чет.

— Конечно, — коротко ответил Картер.

У Чета возникло чувство, что если бы он спросил, хорошее ли это место, чтобы превратиться в слонов, Картер согласился бы точно так же. Они помогли друг другу освободиться от тяжелой поклажи, затем принялись расхаживать вокруг, размахивая руками и наслаждаясь свободой передвижения.

Освободившись от дополнительного веса и чувствуя легкость при каждом шаге, Чет подошел к выходу и выглянул наружу. Он просто хотел удостовериться, что тропа продолжается.

— Похоже, дальше нам придется идти через пыль, — крикнул он.

Куинси подошел и присоединился к нему.

— Да, — медленно произнес он, — это действительно пыль. Думяно, из-за нее здесь все выглядит более ярким — она отражает свет.

— Когда мы были внизу, — задумчиво сказал Чет, — и смотрели на облака, то могу держать пари, что мы видели их через слой этой пыли. И если я прав, то этот слой будет весьма толстым.

— И что дальше? — спросил Куинси.

— Не знаю, — ответил Чет. — Но думаю, что когда мы пройдем через пыль, то увидим облака. Настоящие облака.

— Вы имеете в виду, водяные облака?

— Скорее всего.

Картер и не подумал присоединиться к ним. Он мог слышать их разговор по рации, но в беседу не вступал: сидел, отдыхал, тупо глядя в землю. Когда остальные принялись за еду, он тоже механически поел. Ели молча, а когда закончили, Чет рассмотрел, чего они достигли. Дорога была трудной, но не механически однообразной, и каждый шаг приближал их к цели. Облака пыли снаружи служили

подтверждением их успехов, но также и предостережением, чтобы они держались вместе. «Так как видимость будет становиться все хуже, — подумал Чет, — нужно, чтобы они каждые пять-десять минут связывались друг с другом по рации. Просто вызывали друг друга по имени. Так никто не потеряется, и они смогут идти вперед, не думая, что кто-то мог попасть в беду».

Им очень не хотелось опять нагружать себя, но пришлось. Когда астронавты помогли друг другу затянуть ремни, Чет повел их к выходу, и троица возобновила подъем.

Следующие несколько дней они провели в облаках пыли. Это ничего не меняло за исключением сужения пределов видимости до нескольких ярдов по всем направлениям. Они продолжали регулярно окликать друг друга по имени. Картер, как всегда, шел последним, и Чет приходилось несколько раз просить, чтобы он не забывал выходить на связь. И каждый раз Картер извинялся за свою оплошность.

Дорога была невероятно трудной. Им приходилось следовать по естественной расселине, потому что альтернатив не было. Они прошли десятки пещер, иные пришлось преодолевать ползком. Шли они по часам Чета и останавливались только тогда, когда находили удобное место. Иногда на это уходил лишний час-два. Иногда они останавливались на обед и отдых раньше положенного, если подворачивалась просторная пещера, потому что не рисковали оставаться спать на узкой, крутой тропе.

И каждое движение скафандров использовало электроэнергию из аккумуляторов. Если человек просто шел по ровной дороге, то энергии должно было хватить на десять дней. Но они несли много груза и лезли вверх по труднопроходимой, опасной тропе, и на это требовалась добавочная энергия. И пока продолжался этот утомительный подъем, аккумуляторы разряжались с тревожной быстротой.

Сами они тоже пребывали в непрерывном напряжении. Хотя скафандры и были с усилителями, но каждое движение все равно требовало усилий, от которых болели все мышцы. К тому же дышали они тяжело, так что приходилось увеличивать поступление кислорода в дыхательную смесь, и его запасы расходовались быстрее. К тому же они ели всего дважды в день, что тоже не прибавляло им сил.

Чет следил за уменьшающимися запасами энергии, воздуха и пищи. Но ничего не мог с этим поделать. Он даже не мог привлечь к этому их внимание, потому что боялся, как бы Картер вообще не бросил борьбу. Он и так все время находился в подавленном состоянии и двигался, точно робот, так что Чет опасался, как бы не стало еще хуже.

Когда они остановились на обед на пятый день пути, Чет заметил, что энергии у них осталось меньше, чем на два дня. Но он ничего не сказал, а попросил, чтобы они наблюдали за облаками. Поскольку они все время поднимались, идя сквозь пыль, облака наверху стали казаться лишенными пыли и потому более яркими. А один особенно яркий участок подсказывал, что в этом направлении находится солнце. Если так, значит, слой пыли становился все более тонким.

Картер смотрел, куда его попросили, без всяких комментариев. Куинси тоже был странно молчалив. После еды он вдруг подошел к Чету и Картеру и осмотрел их скафандры сзади. Картер молча подчинился, а Чет спросил, что он задумал.

— Просто проверил скафандры, шкип, — ответил Куинси и, повернувшись к ним спиной, направился к выходу из пещеры. Чет подумал о его странном поведении, но тут же отбросил эти мысли, чтобы не тратить на них остатки сил. Если уж Куинси сдаст, то Картер просто развалится на части, а Чет хотел использовать оставшиеся им два дня до последней минуты. Он мрачно приготовился

взвалить на себя груз, когда в наушниках раздались приступы кашля. Он резко обернулся, но Картер неподвижно стоял рядом. Тогда он подошел к Куинси, который стоял у выхода. Плечи его тряслись от сильного кашля, но все же ему удалось проговорить:

– Идите сюда, шкип, – выдавил он сквозь кашель. – Глядите.

Чет подошел. В голосе Куинси не слышалось никакой паники, приступы кашля прошли, хотя время от времени он еще подкашливал. Чет выглянул наружу, посмотрел на облака, но не увидел ничего необычного, кроме того, что видимость улучшалась.

– Что там, Куинси? – спросил он. – Я ничего не вижу.

– Нет, шкип, – ответил Куинси. – На меня смотрите!

Чет обошел его, обернулся и задохнулся от неожиданности. Лицевая панель шлема Куинси была откинута в сторону и покачивалась на креплении.

– Куинси! – закричал Чет.

– Все в порядке, шкип, – улыбнулся Куинси. – Здесь жарко и воняет какой-то кислотой. Но дышать можно. И это восхитительно!

ГЛАВА XI

Чет поспешно открыл свой шлем и отреагировал также, как и Куинси. Он поочередно задыхался, кашлял и смеялся, по его лицу текли слезы. Но несмотря на слезы и кашель, он был счастлив.

– Эй, Картер! – закричал он, когда кашель немного утих. – Можешь открыть шлем.

Картер подошел к ним и посмотрел сначала на Чета, потом на Куинси, но не сделал попытки открыть шлем.

– Давай же, – настойчиво сказал Куинси. – Открывай шлем. Здесь можно дышать!

Чтобы продемонстрировать это, он глубоко вздохнул и тут же опять закашлялся. К здешнему воздуху требовалось привыкнуть.

Не говоря ни слова, Картер поднял руку и стал ослаблять болты. Откинув стекло, он задержал дыхание, и затем стал дышать осторожно, короткими вздохами. В результате у него не случилось таких приступов кашля. Очевидно, его подход был правильной процедурой, помогающей более спокойно принять изменения, но Чет был не рад отсутствию у него волнения и энтузиазма. Если уж даже решение проблемы с кислородом не смогло вывести Картера из депрессии, значит, она крылась более глубоко, нежели казалась Чету.

Они отключили энергию и сняли скафандры. От внезапного перемещения из защитной брони с кондиционированным воздухом наружу им показалось, что здесь еще жарче, зато они, наконец-то, оказались свободны. Пока они разоблачались, Куинси пояснил, что он уже неоднократно проводил осторожную проверку состава атмосферы и температуры, пока не убедился, что здесь можно находиться без скафандров.

В то время как Чет был поглощен мыслями о подходящей к концу энергии, а Картер шел за ними, вообще ни о чем не думая, Куинси ждал наступления момента, когда они смогут выжить без скафандров.

— Как видите, таким образом, — закончил он, — я не хотел давать вам надежду, пока не буду окончательно уверен. Я также проверил ваши термометры и кислородные датчики, и их показания совпали с моими. Тогда я решил, что выйду наружу и тайком открою шлем, прежде чем праздновать победу.

Освободившись от скафандра, Куинси стал вести себя, как десятилетний мальчишка. Он плясал, прыгал и размахивал руками. В длинном нижнем белье он представлял собой комичное зрелище.

— Я считаю, это очень храбро, — уныло пробормотал Картер, ни к кому не обращаясь, а просто произнеся мысли вслух. — Возможно, ты мог погибнуть. Ты сделал это, чтобы спасти нас. Если бы воздух был ядовит... — Он помотал головой, голос его затих.

— Мне очень не хочется вас останавливать, — сказал Чет Куинси, — но вы только что израсходовали силы, которых хватило бы на весь день, а их у нас и так осталось мало.

Куинси сделал над собой усилие и немного успокоился. Затем подошел к Чету и Картеру и растянулся рядом с ними на земле. Чет же стал думать о том, что если воздух здесь стал пригодным для дыхания, то когда они поднимутся еще выше, внешние условия должны еще улучшиться. А значит, им больше не нужны скафандры и проблема с их энергией решена сама собой.

Но взамен появилась другая проблема. Раз они откажутся от скафандров, то все, что у них есть, им придется нести на себе самим, без усилителей. А еще по-прежнему им необходима еда, к тому же теперь тем более могли потребоваться лекарства. Надобность в рациях уже отпала — теперь они могли слышать и разговаривать друг с другом, как обычно, — но, по крайней мере, один комплект придется взять с собой, чтобы иметь возможность связаться с базой русских. А поскольку рации встроены в скафандры, то придется демонтировать одну из них с антенной, микрофоном, наушниками и аккумулятором. Они заново подогнали ремни рюкзаков и сняли нижнее белье, оставив только просторные комбинезоны, которые носили под скафандрами.

Куинси демонтировал рацию и сумел пристроить ее в рюкзак Чета. Нагрузившись, они возобновили поход. Температура держалась в районе ста десяти градусов по Фаренгейту. Жить при такой было можно, но самочувствие было не комфортным. Они облились потом прежде, чем прошли двести ярдов, и это тоже оказалось проблемой. Они смогли бы стерпеть мокрую одежду, но не потерю жидкости. В скафандрах вся влага очищалась и перерабатывалась, без них же такая возможность отсутствовала.

Во время подготовки в Агентстве, одним из методов выживания, которые преподавали Чет, было добывание влаги с исполь-

зованием контраста ночной прохлады с жарким днем. Но здесь разделение на день и ночь было чисто математическим, продиктованным лишь часами Чета, а температура воздуха при этом не менялась.

Они шли три часа, пока не достигли очередной серии пещер-туннелей. Внутри было заметно прохладнее, и Чет принял решение расположиться здесь на ночь. Они сбросили рюкзаки и какое-то время отдыхали, прежде чем приняться за пищу. Без скафандров сидеть и лежать было удобнее, и Чет с нетерпением ждал, когда можно будет лечь спать. Он чувствовал, что все нуждались во сне. Высосав тубик с питательной пастой, он почувствовал, что стало полегче. В пасте содержалась влага. Ее было недостаточно для того, чтобы перестать ощущать жажду, но хватало для предотвращения обезвоживания организма. А во всех остальных отношениях Чет чувствовал себя лучше с тех самых пор, как они начали поход. Он предложил разделить один туб воды между всеми. Куинси согласился, но Картер заявил, что не хочет пить.

— Выпейте, — настаивал Чет, протягивая ему туб. — Для общей пользы мы должны поддерживать хорошую форму. Так что нужно пить.

— Отдайте мою порцию Куинси, — отказался Картер, не сводя с него неподвижного взгляда. — Сегодня он проявил храбрость — спас нас всех.

— Картер, прекрати! — проревел Куинси, чтобы скрыть смущение. — Бери и пей, а то мы тоже хотим напиться. Но сделаем это после тебя!

Картер нехотя сделал то, что ему велели, но Чет заметил, что он сделал лишь один глоток. Потом они снова принялись обсуждать, что нужно взять с собой, а что — оставить. Это оказалось еще более сложной задачей, чем в прошлый раз. Предметы, выглядевшие жизненно необходимыми, оказывались заменяемыми, но только после

долгих раздумий. Разумеется, скафандры нужно оставить. Против этого никто не возражал. Но все же скафандры доставили их сюда, и бросить их на произвол судьбы казалось космонавтам предательством.

Одна часть сознания Чета цеплялась за вещи. Другая обдумывала возможность продолжения похода почти без ничего. Борьба за достижение равновесия между этими двумя половинами причиняла Чету боль. Работая таким образом, Чет составил новый список снаряжения. Куинси не во всем соглашался с ним, но все же принимал участие в обсуждении. А вот Картер просто говорил «да», когда решение было принято, или мрачно качал головой, когда ответ был отрицательным.

Они легли спать, только когда со всем разобрались. Чет уснул почти сразу. И во сне он увидел Землю, но не с тоской, а просто уже вернулся туда. Он водил машину, отвечал на телефонные звонки, посещал какие-то офисы, но его мучили какие-то проблемы, ответы на которые он мог получить только в недрах Агентства. Это был деятельный, но достаточно спокойный сон, и проснулся Чет отдохнувшим. Он потянулся, зевнул и приподнялся на локте. Куинси тоже зашевелился.

— Уже утро, — прокаркал Чет с пересохшим горлом. — Будем просыпаться, или как?

— Конечно, просыпаться, — сонно простонал Куинси. — Только не сразу. Еще минуточку...

Но несмотря на желание поспать еще, они все же проснулись, особенно когда вспомнили, что находятся на Венере, и впереди еще предстоит долгий поход.

— А где Картер? — спросил Чет.

— Я только что проснулся, — пожал плечами Куинси. — Откуда мне знать?

Картера нигде не было в поле зрения. Его рюкзак лежал вме-

сте с остальными у входа, а следы оттуда вели обратно вниз, туда, откуда они пришли вчера. Вдоль маршрута лежали несколько тубов с едой, так, чтобы от предыдущего был виден следующий. Они пошли по этому следу. Тубы с едой, водой, перчатки и прочие мелкие вещи привели их на узкий, не шире трех футов, выступ, похожий на мост, по которому они пришли вчера сюда. Слева и справа тянулись обрывы, заполненные пылью, не дававшей определить их глубину. Мост кончался на площадке, ведущей к туннелю. Прямо посередине его лежали сложенные в кучу последние вещи Картера.

Чет и Куинси стали звать его по имени. Тут же закашляли, но, откашлявшись, продолжили кричать. Время от времени они замолкали, тщетно ожидая ответа. Они звали и искали его целый час, прежде чем признали, что победила Венера. Тогда они медленно вернулись в лагерь, поднимая по пути оставленные Картером вещи. Вернувшись в пещеру, они сложили их в общую кучу.

— Дурак! Идиот! Тупой придурок! — Куинси ходил по пещере, стискивая кулаки.

Чет видел, что по его щекам текли слезы, пока он продолжал называть своего пропавшего напарника всякими грязными прозвищами. Потом он замолчал, только всхлипывания вырывались из-за его стиснутых зубов.

— Он действительно посчитал, что так будет лучше для нас, — сказал тогда Чет.

— Я знаю, — мрачно ответил Куинси. — Поэтому то, что он сделал, так трудно принять. Признаю, у нас вечно были разногласия, но, клянусь Богом, я считал, что мы все либо победим, либо умрем здесь.

— Ты здесь ни при чем, — возразил ему Чет. — Просто Картеру с самого начала не нравилась эта миссия, вот он и стал обвинять себя в том, что создает нам проблемы.

— Но в этом же не было его вины! — воскликнул Куинси.

— Конечно же, не было, — согласился Чет. — Но если человек падает в обморок от напряжения, это уже не важно. Я имею в виду, логика ему подсказывала, что он не должен здесь находиться, а он оставался здесь. Возможно, он уже не мог рассуждать логично, и решил таким образом освободить нас от себя.

— Мне так его жаль, — всхлипнул Куинси.

— Мне тоже, — вздохнул Чет.

Больше сказать было нечего. Слова не могли оживить Картера. Слова могли лишь помочь им немного успокоиться, но время поджимало, и если они хотели, чтобы жертва Картера не оказалась напрасной, они, оставшиеся в живых, должны идти дальше, воспользовавшись припасами, которые он им завещал.

Поэтому они пошли дальше.

Чет вскоре понял, что, оставшись с Куинси вдвоем, ему легче быть командиром. Чет по-прежнему оставался «старшим братом», главным, но они нуждались в компании друг друга и действовали сообща. Без скафандров было тяжелее нести поклажу, но теперь Куинси больше не рисовался со своим стремлением устанавливать какие-то там рекорды, не настаивал, чтобы они пропускали обед или отдых, не травил Чета замечаниями, что они уже могли бы достигнуть цели, если бы меньше отдыхали, а больше спешили.

Не подгоняя и не мешая друг другу, астронавты шли по горным хребтам сквозь туннели и глубокие расселины. По мере подъема воздух становился более чистым, и они меньше кашляли. Было еще жарко, но они уже почти привыкли к такой температуре. А затем Чет и Куинси вышли на плато. Плато было U-образным, достаточно ровным и полого вело к большому пролому в скалах. Когда добрались до него, ширина плато составляла около двухсот ярдов, но далее плато постепенно сужалось, а конец его они еще не видели.

Куинси был рад. Плато обещало легкую прогулку. Не ограниченные неуклюжими скафандрами, они могли бы идти по нему

с фантастической скоростью три мили в час. И если оно не кончится, то за день это составит около тридцати миль. Реакция Чета была более сдержанной. Скалы по обеим сторонам по-прежнему уходили в облака сплошной стеной. Конечно, всегда существовала возможность, что какой-нибудь длинный туннель проведет их на другую сторону этой стены. Возможно, как раз туда, где находится цель их путешествия. Но кто знает, может быть, им придется вскарабкаться на самую вершину этой гигантской горы.

Однако, несмотря на разные взгляды, они сходились в одном – плато все равно нужно преодолеть. И они шли без остановки до самого ланча. Какой-нибудь бизнесмен мог расценить этот поход, как невыполнимую задачу, но космонавтам она казалось легкой прогулкой.

Они не устали и решили не отдыхать после еды, так что принятие пищи заняло у них тридцать минут. А еще через два часа они подошли к стене, отмечавшей конец плато. Приблизившись, они увидели вход в пещеру там, где плато примыкало к стене. Еще издалека они поняли, что на этот раз пещера гораздо больше, чем те, через которые они проходили. Подойдя поближе, через входной проем они прикинули ее величину с футбольное поле. Кунинси собрался идти прямо туда, но Чет остановил его. Эта пещера отличалась от всех других. Прежде всего, ее заполнял пар. Стоя снаружи, они попытались увидеть, откуда он поступает, но ничего не обнаружили. Глядя с ярко освещенного плато в заполненную паром темноту, они угадывали лишь общие очертания пещеры.

У них теперь не было с собой ни баллонов с кислородом, ни масок, ни удобных шлемов, которые могли бы защитить их от ядовитых газов. Чет отошел назад и, запрокинув голову, осмотрел окружавшие пещеру скалистые стены. Они были неприступны.

ГЛАВА XII

— Ну? — спросил Куинси, глядя на Чета.

— Не знаю, — ответил Чет, стараясь скрыть странное ощущение в животе.

Живот у него будто свело судорогой. Неужели жертва Картера окажется напрасной, и все закончится в наполненной отравленным газом пещере? Чет почувствовал, что губы его задрожали, а сердце бешено заколотилось.

— Ну, мы ведь не можем вечно торчать здесь, — сказал Чет, справившись, наконец, с голосом.

— Да. Но меня волнует, — заметил Куинси, — что мы можем остаться *там* навечно. Я имею в виду, действительно навечно.

Чет снял рюкзак и положил на землю. Затем достал из него фонарь и закрепил на комбинезоне, сунув аккумулятор в задний карман.

— Я пойду туда, — заявил он.

— Нет, только не вы, — воскликнул Куинси. — Если кто и должен идти...

— Замолчите! — прервал его Чет. — Сейчас не время для споров. Оставайтесь на месте. Я войду туда и посмотрю, смогу ли дышать. Если окажется, что нет, то я успею задержать дыхание и выскочить из пещеры. Поэтому не стойте перед входом, а то я могу сбить вас с ног. Возможно, нам придется проделать это неоднократно, прежде чем мы найдем путь, которым сумеем пройти.

— Почему бы мне не пойти с вами? — предложил Куинси.

— Потому что мне может понадобиться помощь, — солгал Чет. — Если я потеряю сознание, то должен быть уверен, что кто-то приведет меня в чувство. Поэтому будьте наготове, но не стойте на пороге.

Чет сделал несколько глубоких вдохов и стремительно вошел

в пещеру, на ходу включая лампу. Пар оказался не таким густым, как виделся снаружи, но движение Чета заставило его колебаться, так что видимость сократилась почти до нуля. Легкие послали ему первое предупреждение, но тут Чет почувствовал на лице что-то знакомое, хотя и не мог определить сразу что именно. Пульсация в голове заставила его приготовиться выскочить наружу, но сначала он прикоснулся пальцами к щеке. А потом вылетел из пещеры навстречу товарищу, и довольно долго ему пришлось восстанавливать дыхание.

— Ну, и что там? — с тревогой спросил Куинси.

— Поглядите на мое лицо.

Куинси осмотрел его.

— Вы вспотели, — заявил он.

— Не знаю, не знаю, — задумчиво произнес Чет. — Давайте проверим наверняка.

Он достал туб с прессованным хлебом, выложил его содержимое в карман и протянул напарнику металлический контейнер.

— Посмотрите. Он сухой, не так ли?

— Ну, естественно, — ответил Куинси.

— А теперь поглядим.

Набрав в легкие побольше воздуха, Чет вернулся в пещеру и помахал вокруг себя зажатым в руке контейнером. Затем вернулся к Куинси.

— Смотрите, — показал он, — я ничего с ним не делал, только держал.

Куинси сначала подумал, что командир выжил из ума, но потом присмотрелся и увидел, что контейнер покрывает тонкая пленка какой-то влаги. Чет провел по нему кончиком пальца, затем поднес палец к носу Куинси.

— Чем пахнет? — спросил он.

— Ничем, — ответил Куинси.

— Правильно. Ничем. Вы знаете, что я об этом думаю?

— Вода? — осмелился спросить Куинси.

Чет несколько раз провел пальцем по контейнеру, собирая как можно больше влаги.

— Давайте узнаем, — предложил он и сунул палец в рот.

— Ну, и что это? — с тревогой поинтересовался Куинси.

— Леденец на палочке, — улыбнулся Чет.

Куинси рассмеялся и указал на пещеру.

— Значит, вы думаете, что это пар...

— Пар, — подтвердил Чет. — Причем водяной пар.

Они не помчались в пещеру вслепую, они подошли к ней с осторожной уверенностью, но Чет оказался прав. Из трещин в полу и стенах пещеры струился тонкий, горячий туман, который затем собирался в неподвижном воздухе. От входа они видели, как он медленно выходит наружу и растворяется в горячем, сухом воздухе. Сам по себе он не был для них полезен, но пар мог образовываться только из воды. Значит, где-то на этой мрачной планете была вода. Она могла бы спасти им жизнь после того, как у них закончится еда. Если они сумеют найти ее.

Сквозь пар Чет увидел, что дальше пещера сужается и тянется вверх, как и все предыдущие пещеры и туннели, которые они проходили. И там было сухо. Они нехотя покинули это место, хотя оно и было для них бесполезно. Даже если бы они сумели конденсировать пар, он не напоил бы и одного человека. Это всего лишь символ, и все-таки оказалось трудно оставить его позади.

Они поднимались вверх в течение еще двух дней, но скалы вокруг не кончались. Они экономили энергию, отдыхая и обедая при свете только одной лампы, спали же в полной темноте. Тубы из-под воды они больше не выбрасывали, потому что их мягкий металл легко сгибался, и из них можно было сделать чашки. Именно Чет подумал о том, что им еще может понадобится посуда.

На второй день перед ужином они попали в тупик, из которого вело единственное круглое отверстие под потолком. Они надеялись, что оно ведет наружу, но не видели дневного света, а когда пролезли в него, то оказались в очередном туннеле, который привел их в большую пещеру. Оказавшись там, Куинси издал возглас. В пещере был пар. Но не только. Их путь пересекал ручей воды, пузырящийся и исчезающий в темном отверстии в противоположной стене пещеры. Они подбежали к нему, Куинси сунул в него пальцы и тут же выдернул их и стал со стонами дуть на покрасневшую кожу. Бегущая вода кипела. Где-то наверху падал дождь или даже снег и просачивался сюда. Высокая температура от вулканической деятельности доводила его до кипения.

Воду можно набрать и охладить. Правда, они не знали, куда ведет этот туннель. Правда, у них почти не осталось провизии. Правда, рация в туннеле оказалась бесполезна, да и снаружи на нее не много надежды. Но здесь имелаась вода, и она одна могла помочь им выжить в течение многих недель.

Чет понял, под каким давлением он находился последнее время, только сейчас, когда почувствовал себя беззаботным, наблюдая на потом кипящей воды. Это их лучшее открытие со времени посадки.

Идти легче не стало, зато они чувствовали себя более счастливыми. Почти во всех пещерах или туннелях они сталкивались с паром или водой. Однажды, заметив впереди свет, Чет шагнул в мелкий поток и выскочил из него с криками боли и радости одновременно.

Давно уж прошло их обычное время сна. Наконец, они расположились на ночлег в маленькой пещере, вдоль стены которой протекал дымящийся поток. Из пустых туб они смастерили чашки и наполнили их водой. К утру она должна остыть настолько, что ее можно будет пить, а остатки они разольют по тубам с завинчива-

ющимися крышками. Впервые они спали беззаботно, пока наступивший день не вырвал их из глубокого сна.

Вода! Проснувшись, они выпили охладившуюся воду, а остатками умылись, впервые со дня прибытия на Венеру. Они ели, пили и шутили, а затем пошли дальше в свете ламп, которые стали уже совсем тусклыми, потому что садились аккумуляторы. Но когда они на мгновение выключили их, то заметили, что больше не находились в полной темноте. Они видели противоположную стену пещеры. Не включая лампы, они побежали к слабо освещенному повороту, а за ним увидели ярко освещенный высокий сводчатый выход. Выбежав наружу, ослепленные светом, почти пьяные от радости, они целую минуту кричали и хлопали друг друга по плечам и спинам, пока не успокоились и не огляделись. Невероятно, но они были насколько уверены, что окажутся посреди голых скал, что даже не заметили перемены вокруг.

Они очутились в лесу... Их окружали странные, отдаленно напоминающие папоротники заросли. Они не походили на земные, но все же выглядели не совсем чуждыми Земле, по крайней мере, насколько видели астронавты. Сквозь кроны из широких то ли ветвей, то ли листьев они наблюдали плотный слой облаков. И хотя это было совсем не голубое небо с солнечным диском, но облака сияли гораздо ярче, нежели пыльное небо у подножия гигантского плато.

Они добрались до его вершины, резко отличающейся от нагретой до нескольких сотен градусов поверхности Венеры. Как же появилось это образование?

Еще когда они поднимались. Чет размышлял о том, что все это похоже на астероид или маленькую луну, которая упала на Венеру. От удара появились обширные пылевые облака, которые продолжали висеть в воздухе десятки тысяч лет спустя после падения. Возможно, катастрофа замедлила вращение планеты. Основная масса этого маленького, по космическим масштабам, упавшего тела,

ушла вглубь, возможно, достигла до самого ядра Венеры, оставив овеваемую ветрами гигантскую стволую гору, на десятки миль вздымающуюся над равниной. И на ее вершине находилась область более низких температур, а также отсутствовали песчаные ураганы. Так или иначе, здесь могла существовать жизнь.

Они упали на колени, ища признаки насекомых или других животных. Но не нашли никого. Попались папоротники, какие-то грибы и что-то похожее на морские водоросли. Еще встретилось нечто, напоминающее траву, но величиной с дерева. Но не было видно ни насекомых, ни жуков, ни другой ползающей или летающей живности. Они почти час ползали на коленях, показывая друг другу ту или иную находку. Потом Чет встал и хлопнул себя по лбу.

— Рация! — закричал он. — Давайте включим рацию!

Сначала они слышали только белый шум и слабые, далекие статические разряды. Чет перебирал частоты и наконец, наткнулся на ясный и устойчивый сигнал русской радиостанции.

Тогда Чет выдвинул телескопический гибкий штырь с петлей на конце, который работал, как направленная антенна. Сигнал стал достаточно сильным, чтобы его можно было опознать. Нельзя было определить, в какой стороне находился его источник, но Чет пребывал в совершенной уверенности, что сигнал шел не из пещеры, а откуда-то из окружающих их зарослей.

Теперь космонавтамгодились складные ножи, которые были больше обычных, но меньше мачете. Однако, они легко прорубали проход в зарослях. Чет понятия не имел, ждет ли их впереди беспилотный модуль, автоматический посылающий сигналы, или советская база с посадочным аппаратом, который поможет им вернуться на Землю. Но он был убежден, что они должны найти его в любом случае. Даже если это будет автомат, возможно, они сумеют переслать с его помощью сигналы на Землю.

А в таком случае, им на помощь смогут послать спасательный

корабль, который прибудет через четыре-пять месяцев, и даже если он не смог бы вернуть их на землю, то на нем им могли отправить припасы, которые помогут продержаться до следующего корабля. По крайней мере, все это выглядело вполне осуществимым.

С такими мыслями астронавты поглядывали на ходу по сторонам в поисках растений, которые могли оказаться съедобными. К сожалению, они не изучали ботанику, а в курс выживания не сходило изучение венерианской флоры.

Некоторые грибы могли быть съедобными, другие отвратительными или даже ядовитыми. Но в любом случае, на них долго не протянуть. Поэтому Чет решил с ними не связываться, а искать растения, на которых они могли протянуть четыре-пять месяцев.

Вода уже не являлась проблемой в тех местах, через которые они проходили. Здесь попадались болота и повсюду встречалась влага — не озера или реки, а в растениях или под почвой. Но они продолжали загружать себя мыслями о еде и воде, пока шли к маяющему сигналу. Но несмотря на близость цели, когда пришло время, Чет остановился на ланч. Или это уже обед? Не важно. Просто время отдохнуть и восстановить силы.

— Откуда же появилась вся эта растительность? — спросил Куинси, выдавливая в рот пасту из туба.

— Наверное, прямиком от Матери-Земли, — задумчиво ответил Чет. — Венера не так уж далеко и в своем движении должна пересекать потоки газов, оторвавшиеся от нашей зеленой планеты. А вместе с ними переносятся споры. И они прорастают везде, где существуют малейшие условия для жизни. Может быть, это единственное место на Венере, где есть такие условия — вот земные споры и проросли. Заметьте, что здесь нет никаких плодовых деревьев, а только споровая растительность — папоротники, грибы.

— Кстати, это объяснило бы отсутствие здесь жуков и животных, — тут же подхватил его мысль Куинси. — Но как тут с бактериями?

– Наверное, они перенеслись сюда вместе со спорами. Надо иметь это в виду, – ответил Чет. – Но пока что меня интересует этот сигнал.

Он держал рацию в руках, перемещая ее туда-сюда по дуге. Сигнал теперь был очень сильный. Не осталось сомнений, что они направляются к нему. Сигнал был настолько силен, что они должны находиться близко к исходной точке, но вот вопрос: идут ли они прямо к нему или по касательной мимо? Если он начнет слабеть, они поймут, что миновали нужное место. Тогда придется вернуться и начать поиски. Чет понимал это и все время проверял сигнал.

– Чет! Смотрите! – вдруг дико закричал Куинси и застыл, глядя куда-то в заросли.

Чет посмотрел в том направлении и тоже завопил:

– Аллилуйя!

Они дошли до цели.

Посреди небольшой поляны стоял посадочный модуль, стоял вертикально, устремившись носом к облакам. Вокруг него разбит лагерь, а все вещи разложены аккуратными штабелями. Здесь же стояли три маленькие палатки, но входом они повернуты в противоположную от космонавтов сторону, так что Чет не мог заглянуть в них. Не видно никаких признаков жизни, и Чет думал, что, может быть, русские ушли в заросли, пока не присмотрелся к посадочному модулю. И рядом с ним уловил какое-то движение.

– Смотрите! – подтолкнул он напарника. – Это там не человек?

– Человек, – ответил Куинси.

Между опорными ногами модуля лежала, вытянувшись во всю длину, какая-то фигура. Она и шевелилась, словно пыталась дотянуться до чего-то. Рядом из люка модуля свисала лестница. Ее и нащупывал лежащий человек.

Чет с Куинси ломанулись через заросли и выбежали на поляну.

ГЛАВА XIII

Они упали на колени возле лежащего, который поглядел на них измученными глазами.

– Американцы? – выдохнул тот.

– Да, мы – американцы, – ответил Чет. – Что случилось?

– Вас прислали с лекарствами?

У русского была высокая температура, кожа горела, глаза остекленели. Чувствовалось, что он собрал все силы, чтобы разговаривать с прибывшими.

– У меня есть лекарства, – ответил Чет, – если вы это имеете в виду. Какие проблемы?

– Пенициллин не помогает, – прохрипел русский.

Губы его потрескались от жара. Он слабо махнул рукой в сторону палатки.

– Они мертвы, – прошептал он, затем его голова откинулась назад, и он потерял сознание.

Космонавты сняли рюкзаки. Чет достал опечатанный контейнер, в котором хранились лекарства, сломал печать и просмотрел его содержимое. Он не был врачом, поэтому не умел диагностировать болезни. В его обучение входил лишь осмотр внешних ран. Но он знал, что самым сильным антибиотиком является септрин. Это была комбинация недавно обнаруженного химиката и сульфатов. И то, и другое являлось мощным бактериологическим средством, но в комбинации их действие многократно усиливалось. Он мог быстро проникать в зараженные ткани и не вызывал аллергической реакции.

Чет понятия не имел, что подразумевал больной, когда сказал: «Пенициллин не помогает». Это могло означать, что пенициллин не справляется с болезнью, или что его организм не переносит его. Но в любом случае септрин можно использовать. Оставалось не-

известным, поможет ли он, но у Чета не оставалось выбора. Септрин был у него единственным антибиотиком.

Куинси подготовил русского к уколу. Чет наполнил шприц полуторной дозой и сделал укол так и не пришедшему в себя космонавту. Потом Чет представил, как он жил тут один, в компании двух трупов. Должно быть, сходил с ума от тревоги, а высокая температура высасывала из него все силы. Теперь ему надо поспать, пока септрин будет вести бой с бактериями.

Они положили его поудобнее, смочили губы водой и накрыли найденным тут же одеялом. Затем посмотрели на посадочный модуль.

— Как вы думаете, он в порядке? — спросил Куинси.

— Это не моя область, — ответил Чет, и оба рассмеялись, вспомнив о Пате Брэдли. — Но я бы предположил, что если споры, из которых выросло все это, — он указал на окружающие поляну заросли, — прилетели сюда с Земли, то вместе с ними совершили поездку и несколько миллиардов бактерий. Через несколько часов мы узнаем, помогли ли наши лекарства.

Завершив осмотр лагеря, они пришли к выводу, что болезнь пришла сразу после того, как русские закончили тут располагаться. Все вещи были аккуратно сложены, но не распакованы. В двух палатках лежали трупы космонавтов. Пустые шприцы и пузырьки с таблетками, валяющиеся рядом, свидетельствовали о тщетной борьбе с бактериями-убийцами. Чет и Куинси сняли с них идентификационные бирки, затем, найдя инструменты, вырыли неглубокие могилы и с почестями похоронили отважных людей, бросивших вызов неизвестности.

— Мне жаль, что с нами нет Картера, — произнес Куинси, закусив губу.

— В каком-то смысле он с нами, — ответил Чет. — Он здесь, потому что здесь мы. Он умер, чтобы мы добрались сюда.

Они не могли позволить себе роскошь расчувствоваться, впереди еще много дел.

— Давайте, осмотрим посадочный модуль, — предложил Чет.

Они забрались по лесенке и пролезли в люк. Внутри модуль отличался от их собственного. Тот был просторнее, и все там располагалось иначе, но астронавты быстро во всем разобрались. В частности, пункт связи представлял собой наименьшую проблему. Голубой индикатор указывал, что он включен. Чет сел и осмотрел его. Все надписи выполнены на непонятном русском языке, но он нашел передатчик и включил его, затем повысил громкость до максимума и произнес в микрофон:

— Говорит командер Чет Дункан, Космическое агентство Соединенных Штатов. Я вызываю Землю с русской базы на Венере. Пожалуйста, ответьте.

Он несколько раз повторил сообщение, динамики в каюте ожили, затрещали, и из них полился поток русских слов.

— Найдите кого-нибудь, кто говорит на английском языке, — спокойно попросил Чет.

Несколько минут динамики молчали, затем раздался голос со слабым акцентом:

— Здравствуйте, американцы. Говорит советский Космический Центр. Вы понимаете меня?

— Хорошо понимаю, — ответил Чет. — Пожалуйста, соедините меня с Космическим Агентством Соединенных Штатов.

Снова повисла длинная пауза, и через пять минут раздался ответ, точнее, короткий вопрос:

— С чем?

Чет повторил запрос и опять стал ждать.

— Это не возможно, — прозвучал, наконец, голос. — Вы на советской радиочастоте и связываетесь непосредственно с нами. Мы передадим информацию властям Соединенных Штатов по над-

лежащим каналам. А пока что объясните, кто вы, где находитесь, что с нашими людьми и все остальное.

— Ладно, приятель, — твердо сказал Чет, — мы попусту тратим время. Я командер Чет Дункан из Космического агентства Соединенных Штатов. Я говорю с вами с советской базы на Венере, с борта советского посадочного модуля. Остальную информацию я передам только тогда, когда директор Агентства Критон Кертис или капитан Александр Борг сумеют меня убедить, что получили мое сообщение и находятся в непосредственной связи со мной. Вы легко можете связаться с ними, если захотите. А пока этого не произойдет, вы больше ничего не услышите от меня.

Чет выключил передатчик и повернулся к широко улыбающемуся Куинси.

— Это должно их встряхнуть, — подмигнул он.

Они слышали несколько невнятных протестов, но Чет не стал на них отвечать. Прошел час, прежде чем снова ожили динамики.

— Командер Дункан, говорит советский Космический Центр. Директор Кертис и капитан Борг также находятся на связи и хотят поговорить с вами.

Короткая пауза.

— Привет, Чет, говорит Кертис. Мы подключились, — услышал Чет знакомый голос.

— Чет, я Борг. Скажите нам, в каких условиях вы находитесь и есть ли возможность вам всем начать возвращение?

— Послушайте, командер, — вмешался голос русского, — мы выполнили ваши условия. Теперь можете рассказать нам все. Вы находитесь в контакте с нашими космонавтами?

— Прежде, чем начать рассказ, — осторожно сказал Чет, — я требую, чтобы мне ответили на два вопроса. И должен предупредить, что любая задержка будет расценена, как неправильный ответ. Во-первых, кто такой «Скала»? Во-вторых, если я говорю «это не моя область», то кем я являюсь?

Чет следил по часам. Он не хотел давать русским время, чтобы найти ответы. Спустя почти шесть минут, которые требовались радиоволнам, чтобы преодолеть расстояние между Землей и Венерой и вернуться обратно, снова раздался голос Кертиса.

— «Скала» — это я, Чет, — ответил он со смешком, — а вы — Пат Брэдли. Это была хорошая проверка, но теперь вы убедились, что мы — это мы. Мы участвуем в разговоре на тех же частотах, но по независимой аппаратуре, поэтому нас нельзя отключить. Так что можете продолжать.

Чет рассказал в общих чертах о событиях с самого начала до настоящего момента. Он не стал углубляться в подробности, и свой посадочный модуль назвал «недействующим», а Картера Паррета «пропавшим без вести, предположительно, погибшим». Он сообщил о длинном, трудном походе, но ни словом не упомянул ни странное скалистое плато, ни заполненные паром пещеры, по которым они пробирались. Все подробности могли подождать, пока они не вернутся на Землю. Чет понимал, что теперь у американской команды гораздо больше информации о Венере, чем у русских, которые ограничены только местом своей высадки. И он не собирался разглашать никакой лишней информации. Затем он описал лагерь русских, рассказал, что нашел в нем и какие предпринял действия.

— Это все, что я могу сказать вам, — завершил рассказ Чет. — Нам потребуется время, чтобы понять, подействовало ли лекарство и как чувствует себя наш советский друг. К тому же, нам нужно осмотреться и отдохнуть. Мы свяжемся с вами ровно через шесть часов.

Кертис и Борг поблагодарили его, пожелали удачи и не стали задавать вопросов. Они поняли сложность стоявшей перед Четом задачи и не хотели давить на него. Завершил разговор русский.

— Большое спасибо, командер. Ждем вашего вызова, мы будем постоянно на связи на случай, если мы вам понадобится.

Советы тоже ни на чем не настаивали. Они оказались в деликат-

ном положении. Использовалась их радиоаппаратура, их модуль являлся штаб-квартирой на Венере, но все же главными были американские космонавты. Весь мир с нетерпением ждал известий с соседки Земли, а дать их могли только американцы. Таким образом, русские решили сотрудничать с ними.

Куинси нашел продукты. Там был яичный порошок, колбаса и жестяные банки с бульоном, а также микроволновка. За несколько минут он приготовил для себя и Чета банкет, сервировав стол этими невероятными продуктами. Завершили обед чашками крепкого русского чая. При этом они не спускали глаз со спящего космонавта и, когда тот пошевелился, тут же подбежали к нему. Выглядел русский гораздо лучше, хотя и был еще не здоров. Крепкий сон и сильная доза септрина сделали свое дело, и глаза его ожили. Чет дал русскому немного бульона.

Оказалось, это и есть подполковник Ярмонкин. Чет представился, назвал Куинси и ввел космонавта в курс дел относительно радиосвязи. Бульон придал русскому энергии, но Чет настоял, чтобы тот оставался лежать. Он вколол ему еще одну дозу септрина, на этот раз стандартную, и сказал, что дальше он будет принимать таблетки. Космонавт потерял место укола и улыбнулся.

— Хорошо, — выдохнул он. — Теперь мне гораздо лучше.

Один вопрос не давал Куинси покоя, и он не мог больше ждать.

— Ваш посадочный модуль в порядке? — спросил он.

Подполковник Ярмонкин серьезно кивнул.

— Модуль в порядке, — сказал он, — но ответ отрицательный. Нужна помощь.

— Так он может взлететь? — нетерпеливо спросил Куинси.

— Взлететь может.

— Управление работает?

— Да.

— А компьютер?

— Компьютер тоже в порядке.

— Тогда почему вы сказали, что ответ отрицательный? — взорвался Куинси.

— Потому что, дружище, — Ярмонкин указал на облака, — «Венеры» там больше нет. Ее больше нет на орбите. Она потерпела катастрофу и разбилась! — Он ударил кулаком по земле. — А с вашим модулем все нормально? — спросил он.

Куинси отрицательно покачал головой.

— Тоже разбился, — ответил он.

— С другой стороны, — спокойно заметил Чет, — «Маринер» в полном порядке. У вас есть посадочный модуль. У нас есть космический корабль. М-м-м, вы что-то хотите предложить, Куинси?

Было совершенно ясно, что тут можно предложить, но как добраться до корабля? Компьютеры на этих двух аппаратах никак не связаны друг с другом. «Маринер» не предназначен для стыковки с русским модулем. И у того нет технических возможностей состыковаться с американским кораблем.

Куинси предположил, что, возможно, лучшим выходом обождать и попросить Агентство прислать беспилотный «Маринер» с посадочным модулем, оборудованным дистанционным управлением. На советской базе имелись продукты, часть растений должна быть съедобной, так что, доказывал он, нужно просто проторчать здесь девяносто дней, а затем спокойно вернуться на Землю.

Чет сразу же отверг это предложение. Он напомнил Куинси, что если даже спасательный модуль немедленно покинет Землю, ему потребуется сто двадцать пять дней, чтобы достигнуть Венеры, которая в тот момент окажется на пятьдесят миллионов миль дальше от Земли, чем в день их прибытия. А полет на Землю займет еще столько же. Так что, если ждать спасения, то на возвращение понадобится в три раза больше времени, чем если бы они взлетели в ближайшие дни. Так что единственное решение — это придумать, как добраться до «Маринера» на русском модуле.

Наступило время радиосвязи, и Чет поднялся в модуль, оставив Куинси с подполковником. Он вызвал Землю и стал ждать ответа. Когда тот поступил, Чет начал свою вторую беседу с новостями о состоянии здоровья подполковника Ярмонкина. Затем он обрисовал в общих чертах возникшую проблему и попросил рекомендаций, как можно добраться до лежащего на орбите «Маринера».

Обе стороны были явно в курсе событий, потому что заранее собрали штат экспертов, знающих досконально свое оборудование. В Соединенных Штатах и в Советском Союзе эксперты вцепились в проблему и стали грызть ее, как стая терьеров. Чет сообщил, что свяжутся с ним через несколько часов.

Ярмонкин снова уснул. Куинси пощупал ему лоб и с удовлетворением отметил, что лихорадка спала. Потом он пошел к Чету, стоявшему около лестницы, откуда был бы слышен сигнал вызова.

— Забавно, — обратился Куинси. — Подполковник нам нужен, чтобы пролететь сто пятьдесят миль до «Маринера», а мы нужны ему, чтобы пролететь тридцать миллионов миль до Земли. Таким образом, мы равны.

Они разговаривали, стоя на легком ветерке, слыша шелест растительности и храп подполковника Ярмонкина. Затем раздался сигнал вызова, и обе поспешили по лестнице в модуль.

План в общих чертах был готов. Требовалось еще несколько дней, чтобы досконально проанализировать его и составить алгоритм действий, суть же состояла в том, что они вдвоем должны стартовать в посадочном модуле и выйти на орбиту. Подойдет любая орбита вокруг Венеры. Имелась частота, — русские тщательно разъяснили, как настроиться на нее, которая полностью совместима с ретрансляционным механизмом «Маринера». Когда они окажутся на орбите, то включат его, и дистанционный контроль будет доступен из главной диспетчерской Агентства. Чет пояснили, где лежат советские скафандры и попросили проверить их.

Чет нашел скафандры и сообщил, что они в рабочем состоянии.

— Прекрасно! — обрадовался Кертис. — Тогда, после включения ретрансляции, вам останется только оставаться на орбите и посылать непрерывный громкий сигнал. Все остальное мы осуществим с Земли и приведем к вам «Маринер». Мы подведем его к вам как можно ближе, а на последних ярдах подполковник должен вести модуль вручную. Но когда оба аппарата будут на одной орбите и двигаться с одинаковой скоростью, сделать это не сложно. Последнее несколько ярдов вы должны проделать, так сказать, «пешком». Мы откроем главный люк «Маринера», и вам придется перелететь на него при помощи кислородных баллонов, как реактивным самолетам. Первый человек закрепит трос, для остальных это выйдет легкая прогулка. Как только вы окажетесь на борту, мы направим «Маринер» в обратный путь, на Землю.

Оба космонавта заметили, что «Скала» прилагает все усилия, чтобы план походил на бойскаутский пикник. Странно, но после того, через что они прошли, они были готовы принять его очку зрения. Чет подтвердил прием сообщения и затем, пользуясь переданными ему инструкциями, настроился на нужную частоту и переключил ретранслятор реле «Маринера».

Потом они ждали, пока голос «Скалы» не сделался вдруг очень громким — это сработала ретрансляция. Чет тут же отрегулировал его до нормальной громкости.

— Вы сделали это! Прекрасно! Мы все подготовим. Приведите пока подполковника в хорошее состояние.

Увеличением громкости означало, что связь с Землей шла теперь через ретранслятор «Маринера». От этого они почувствовали себя более уютно.

Проснувшись, Ярмонкин сказал, что проголодался. Куинси предложил ему бульон, но тот презрительно фыркнул. Русский чер-

ный хлеб и колбаса — вот и все, что нужно, заявил он и упорно настаивал на этом.

— Это прекрасно восстановит мне силы, — повторял он.

Чет кивнул, и Куинси сделал ему бутерброды. Ярмонкин умял почти фунт колбасы с хлебом. Космонавты заметили, что глупо так наедаться после тяжелой болезни, но подполковник, смеясь, отмахнулся от них, выпил три чашки крепкого чая, проглотил две таблетки септрина и через пять минут захрапел громче прежнего.

На следующий день Ярмонкин неуверенно обошел лагерь. Он был еще слаб, но быстро набирался сил.

Чет и Куинси пока собирали образцы почвы, камней и растений. Они складывали их в одну кучу, которую предстояло вручную перенести на «Маринер». Ярмонкин действовал, как турист в отпуске, снимая все подряд, включая американцев. Куинси попросил у него камеру и сделал несколько снимков самого подполковника, который тут же принял горделивую позу. Прежде чем от «Скалы» пришло подтверждение готовности, Ярмонкин совсем ожил.

— Я готов вывести модуль на орбиту, — заявил он, ударив себя кулаком в грудь. — Могу вести корабль вручную хоть до самой Земли.

Тридцать миллионов миль это длинный путь, но Чет подумал, что русского, пожалуй, хватит на ближайшие сто пятьдесят миль. Он сообщил «Скале», что они готовы. Подполковник кратко переговаривал со своими по-русски и, не прерывая связи, повернулся к американцам.

— Я им сказал, что вы хорошие парни, — улыбаясь, сообщил он.

С помощью Ярмонкина они упаковались в скафандры и заняли свои места. Чет сел за пульт связи и начал передачу непрерывного сигнала. Подполковник включил главные двигатели модуля и проверил приборы. Куинси ничего не делал, он летел пассажиром.

— Двести миль полетим напрямик, — заулыбался Ярмонкин, — потом ляжем на орбиту, хорошо?

— Прекрасно, — пылко ответил Куинси.

— Давайте, подполковник, действуйте, — пробормотал Чет. — Пора возвращаться домой.

Двигатели взревели на полной мощности, и модуль с места ринулся в облака. Три человека из шести, первыми побывавшие на Венере, начали долгий путь домой.

ACE books (ACE Double), 1970

CONQUEST OF THE DEEP By WILLY LEY

THRILLING

WONDER

STORIES

15¢

JUNE

TERROR IN UTOPIA

A Novelet of
Super-Science
By PAUL
ERNST

A THRILLING
PUBLICATION

THE DUAL WORLD

An Interplanetary Novelet
By ARTHUR
K. BARNES

MURDER IN THE VOID

A Novelet of
Space-Ship Mystery
By EDMOND
HAMILTON

АРТУР К. БАРНС

МИР ДВОЙНИКОВ

Глава I. Затерянный Континент

Космический корабль таинственным чудовищем едва виднелся в горячем, дрожащем тумане. Он лежал неподвижно на широком пустом взморье. На западе, едва заметные в вечном тумане, простирались вялые серые просторы Маре Гигантум, величайшего из венерианских морей. Начался солнечный прилив, и дымящиеся волны бились в берег, как быки с опущенными головами.

Два человека в магнитной обуви ползали по мерцающему корпусу. На обоих были шлемы безопасности, и они медленно продвигались вперед от кормы к носу корабля. У первого был пистолет с высокотемпературным широким лучом. Каждый раз, когда он находил одно из многочисленных уродливых желтых пятен, усеявших корпус, он уничтожал его лучом, и люди продвигались дальше. Томми Страйк, капитан-помощник одного из самых мощных кораблей в Солнечной Системе, занимался монотонной работой, подходящей для распоследнего механика в команде.

— Можешь мне не верить, — ворчал Страйк своему долготерпеливому спутнику, — но я слыхом не слыхивал о ручной обработке такого флайера, как этот. Джерри сделала меня капитаном-помощником, и я обязан учиться всему. Но каждый раз, когда я вхожу в рубку, она выгоняет меня. Говорит, что я похож на человека, который торчит на кухне только для того, чтобы мешать.

— Да, сэр, — младший пилот Барроуз тщательно изучал пятно,

очищенное лучом оружия Страйка, в поисках точечной коррозии. И если находил ее, то быстро устранял повреждение расплавленным металлом. — Да, сэр, мне кажется, этот постоянный ветер стихает.

— И вы думаете, она позволит мне возглавить охотничью группу? Я знаю об обитателях этой проклятой планеты больше, чем все остальные. Но нет, один из капитанов должен оставаться на корабле, а Джерри Карлайл всегда сама отправляется на охоту! Так что мое предложение отвергается, и я опять сижу без дела, барабана пальцами... Никто бы не возражал побалдеть какое-то время, но я-то хочу жениться на этой женщине, а она меня в грош не ставит!

— Да, сэр! Полагаю, мы закончили, сэр, — отчаянно попытался сменить тему Барроуз.

— Говорю вам, Барроуз, я уже готов взбунтоваться!

Страйк мелодраматично взмахнул оружием, но в его шутке была лишь доля шутки.

— Да, сэр, — гнул свою линию Барроуз. — Просто удивительно, какие разносторонние колонии бактерий, особенно в этих широтах.

Словно в подтверждение его слов, на умирающих крыльях ветерка прилетела очередная колония бактерий и смачно шлепнулась прямо на табличку с названием «Ковчег». Противная, липкая бесформенность. Страйк злобно ударил по ней лучом.

— Вовсе не удивительно. Даже на Земле бактерии размножаются быстрее греха. Они прекрасно адаптируются ко всему, они подвижны, они выпускают кислоты или токсины. И ничего удивительного, что здесь, в гораздо лучших условиях, гигантские бактерии развились еще сильнее. — Он выпустил раскаленный луч, зашипевший в тумане. — Вот они и перелетают на постоянных ветрах и уничтожают все, к чему прикоснутся. Инфекция распространяется на Венере ужасно быстро.

Когда они закончили очередной налет на бактерии и грибки,

корабль был очищен. Оба неуклюже полезли к земле, к открытому люку.

Дальнейший их путь походил на продвижение в бедламе. Вся задняя половина корабля была разделена многочисленными перегородками для удобной транспортировки странных форм жизни, которые являлись целью экспедиции, и превратилась в источник ужасного шума.

Визг, вой, шипение, рев – любое выражение животной ярости било молотами по барабанным перепонкам. Охотничья экспедиция Карлайл, которую обычно называли «поймай все, что шевелится», была, как обычно, чрезвычайно успешна во время посещения ею неисследованных северных широт Венеры.

Чуть ли не ежечасно охотничьи группы возвращались с великолепными экземплярами – от невероятного краба Атласа до морской белки, небольшого грызуна с ногами, как морские сани, которое проворно носилось по поверхности океана и чье тело содержало столько нефти, что она капала из ее глаз и выплескивалась из открытой пасти.

Охотники добыли даже одну из самых редких, насколько это известно, птиц боло, единственное крупное летающее существо на Венере, с чувствительными инфракрасными глазами, способными видеть сквозь туманы. У нее были три костяные структуры, свисающие с тела на растягивающихся хрящах, которые использовались в качестве оружия для поимки жертв, как древние аргентинские боло. При этом птица боло была своим худшим врагом, частенько в суматохе преследования душа ими сама себя.

Страйк снял шлем, поморщился от шума и пошел по главному коридору к штурманской рубке на носу корабля. Там он нашел Джерри Карлайл, которая тщательно изучала далеко неполные карты, испещренные бледными пометками. Как всегда в присутствии этой удивительной девушки, у Страйка сдавило горло от ее несрав-

Tommy Strike

ненной красоты. Он секунду любовался ее профилем, упрямой линией подбородка, взъерошенной копной шелковистых светлых волос. Затем она почувствовала его присутствие и повернулась.

— Привет, Томми.

— Привет, Джерри.

Они усмехнулись друг другу. Не часто выпадали моменты, когда между ними не оставалось никаких барьеров.

— Готовишься вытащить нас отсюда? На этот раз у нас много хрупкого груза.

— Да, великолепные трофеи, — Джерри задумчиво взяла из пакета на столе маленькую таблетку и положила ее в рот.

— О, Господи! — с отвращением сказал Страйк. — Ты же можешь просто сказать, что в этих штуках нет ничего вредного. Зачем же...

— Люди «Энерджина» дали мне большую партию для последней проверки, а я верю в лояльность работодателей. Кроме того, они не так уж плохи. «Сосите «Энерджин» — будете энергичными!» — рассмеялась она. — Тем не менее, я собиралась сказать, что наша охота здесь завершена, и я готова улететь после того, как мы сделаем попытку найти Затерянный Континент.

Глаза Страйка сверкнули. Затерянный Континент Венеры, миф, легенда, романтическая выдумка журналистов, основанная на обрывках карт и полдюжине строк в бортовом журнале. Сидни Мюррей, величайший из ранних межпланетных исследователей, поспешно набросал несколько загадочных линий на венерианской карте, указывающих на континент или большой остров в Маре Гигантум,

а также написал шесть предложений в бортовом журнале о прохождении над этой неотмеченной на карте областью, когда они покидали планету. И с того дня ни один землянин никогда не видел эту таинственную землю, чтобы вернуться и рассказать о ней.

— Знаешь, — задумчиво сказала Джерри, — странно, но никто, кроме Мюррея, никогда не видел этот неуловимый континент или остров. Многие пытались его найти. Некоторые не вернулись назад. Странно...

Страйк вспомнил о своем недовольстве.

— Ну, мы узнаем о нем побольше, когда, точнее если, определим местонахождение этого места. Но бессмысленно постоянно размышлять об этом. И послушай, Джерри, я тут подумал...

— Я слушаю, слушаю.

— ...что, хотя экспедиция и прошла успешно, у нас все еще остались пустые клетки. Так вот, я подумал...

— Ну?

— Ну, я здесь более-менее бесполезный груз, и я подумал, что никто не станет возражать, если я поймаю себе несколько экземпляров животных. Я мог бы выгодно продать их на Земле. Возможно, этого будет достаточно, чтобы купить разрешение на брак и официально оформить нашу связь.

Дело было во время кратковременного пребывания у власти партии Семейного Равновесия — называемой оппозицией СРа, — одним из программных тезисов которой была неперенная платная регистрация отношения между возможными будущими мужем и женой,

Gerry Carlyle

для того, чтобы парочки реже расходились, а создавали крепкую, дружную семью.

На лице Джерри появилось сомнение.

– Видишь ли, существует стандартная плата за дополнительно собранные материалы и, знаешь ли, она довольно высокая. А, кроме того, на Земле не наберется и полдюжины зоопарков, оборудованных, чтобы поддерживать жизнь венерианцев. Ты ведь не рассчитываешь продать их нашим постоянным покупателям по цене ниже, чем у меня или других охотников?

– Боже мой, Джерри, нет! Я просто подумал продать их киношникам из «Девяти планет пикчерс»... – Голос Страйка постепенно затих.

Челюсти Джерри внезапно сжались, глаза заискрились гневом, как соль в пламени свечи.

– Для фильмов? – закричала она. – Никогда! Я абсолютно запрещаю это, Томми! Фильмы! Весь этот бизнес, основанный на фальшивках! Картонные ландшафты, звук, дублированный после того, как картина завершена, оловянные космические корабли... Но больше всего меня достает то, что они творят, когда хотят показать юпитерианских или венерианских чудовищ для своих дешевых мелодрам. Ты знаешь, что они делают? Их продажные биохимики производят полуживое создание, бездушное, как робот. Нажмите одну кнопку, и оно нападает на героиню. Нажмите другую – и оно пожирает злодея. И «Девять планет» с поразительным хладнокровием навязывает все это публике, как гениальное произведение искусства. Это фальшивка, Томми! Это все ложь! Они – обманщики!

– Но они великолепные обманщики, – пробормотал Страйк так тихо, чтобы Джерри его не услышала.

Вошел Барроуз и остановился, с тревогой пытаясь предотвратить ссору и восстановить в штурманской рубке мир и дружеские отношения.

Но Джерри уже попала в привычную колею, выплескивая кровную вражду на все то, чем восхищалась вся Солнечная система. Джерри всегда воспринимала, как личное оскорбление, когда кто-то хоть немного вторгался в ее любимую профессию и задевал иные формы жизни, с которыми она имела дело.

— Главная причина, почему я хочу найти Затерянный Континент, состоит в том, что «Девять планет» стряпают фильм под названием «Затерянный Континент». За неделю до того, как мы вылетели из Лондона, приехал этот бабуин фон Цорн и стал по-кошачьи обхаживать моего администратора. Он хотел узнать, не собираюсь ли я вернуться с какими-нибудь животными с Затерянного Континента. И хотя он знал, что будет выглядеть глупо, сделал мне предложение. «Моя дорогая мисс Карлайл, — Джерри всегда превосходно имитировала чужие голоса, — если бы вы могли... м-м... позволить «Девяти планетам»... м-м... представлять их в вашей предстоящей экспедиции... ах!.. это было бы очень ценно для нас. Нам нужно, знаете ли, что-нибудь захватывающее, чтобы затмить «Меркуриан» Фромена в ночь премьеры». При этом он превосходно знал, что, если я соглашусь, то тем самым нарушу условия контракта с лондонским Межпланетным зоопарком. Можете себе вообразить, что я ответила ему.

— Да, уж, могу себе представить, — Страйк почувствовал себя неудобно.

Барроуз содрогнулся.

— Таким образом, если мы найдем что-нибудь интересенькое, то придумаем, как заставить фон Цорна корчиться... Так что нет, Томми. Никаких животных для кино. Я сказала!

Обычно Томми Страйк спокойно воспринимал, когда Джерри начинала вести себя властно. Он прекрасно понимал, что ей это необходимо для того, чтобы держать в узде команду, сплошь состоящую из мужиков, так называемого сильного пола. Но иногда

ее поведение бывало слишком уж реалистичным, и Томми приходилось сдерживаться, чтобы не вспылить. Вот и на этот раз он с трудом заставил себя спокойно улыбнуться.

— Значит, капитан ненавидит кино, — сказал он.

— Правильно. И, кроме того, все парни заняты рутинной работой, Томми.

— Я мог бы поймать несколько экземпляров для продажи и сам, — тихо сказал он. — Ты ведь знаешь, что я здесь не совсем чужой. Я могу работать.

— Томми, ты что, ничего не понимаешь в дисциплине? — просто-нагла Джерри. — Ты давно читал инструкции? Они что-нибудь значат для тебя?

Страйк не посчитал нужным ответить, он знает инструкции наизусть.

Если правила, регламентирующие поведение команды на корабле кажутся не серьезными, то следует вспомнить, что они — результат многолетнего опыта, сформулированного так, чтобы отвечать интересам дела и личной безопасности.

У Джерри была слабость все усложнять. И она обклеила весь корабль табличками с цитатами из инструкций:

«Мы занимаемся опасной торговлей. Нарушение взаимодействия подвергает опасности жизнь ваших товарищей и грозит бедствиями кораблю».

Подобные «карлайлизмы» были развешены по кораблю, начиная от рубки и кончая туалетами, чтобы внушить строгое повиновение команде Джерри Карлайл. У Страйка всегда было чувство, что, хотя инструкции необходимы, чтобы свести несчастные случаи на этой странной планете к минимуму, они не относятся к нему, Томми Страйку, который знает Венеру так, как ее может знать лишь старый венерианский торговец.

Но вдруг Джерри подняла на него глаза, и на мгновение вся

не девичья эффективность и деловитая твердость вдруг слетели с нее, точно сброшенный впопыхах плащ, и вся она стала мягкой, нежной и желанной.

– Томми, – прошептала она, – разве ты не понимаешь, что эти инструкции очень нужны мне самой? Что станется со мной, если ты уйдешь один и не вернешься?

Томми почувствовал, что его сопротивление вмиг иссякло, словно резко вытащили затычку.

– Ладно, Джерри, – пробормотал он. – Ты победила.

Но в каюте Страйка лежал контракт, подписанный фон Цорном, который сулил Страйку большие деньги за животных с Затерянного Континента. Что бы там Джерри ни говорила, но ему нужны эти деньги, деньги, которые снимут со Страйка клеймо холостяка.

Он задумчиво посмотрел на Барроуза. Он всегда считал младшего пилота слабым звеном, но не мог рассчитывать, что ему удастся заставить кого-либо другого нарушить приказ Джерри. И он выбрал тактику внезапного нападения.

– Ну как? – повернулся он к Барроузу. – Вы со мной или против меня?

Барроуз подавился глотком воздуха.

– Прошу прощения, сэр, я не вполне...

– Вы чертовски хорошо понимаете, что я имею в виду. Я лечу на поиски Затерянного Континента прежде, чем Джерри успеет меня остановить. И если я отыщу его, мы будем купаться в деньгах.

Барроуз заколебался, но энергичные доводы, которыми в течение трех минут осыпал его Страйк, убедили парня. Украдкой оглядев металлический коридор, он пробормотал:

– Это совершенно против правил, сэр. Но если капитан мне прикажет....

– Bravo! Тогда это приказ! Собери необходимое оборудование

и установи траверз. Через мгновение у меня на берегу будет самолет.

Барроуза вдруг уколол приступ совести.

— А что скажет мисс Карлайл, когда узнает, что вы нарушили ее приказ?

По лицу Страйка, как тонкий слой нефти, расплылась блаженная улыбка.

— Не беспокойся, Барроуз. Она поймет, что ее возражения были поспешными, и все простит, — заявил он с непоколебимой уверенностью влюбленного юноши. — Потому что она любит меня.

Глава II. Аркетт

На маленьких самолетах невозможно установить большие энергостанции, а ракетное топливо слишком дорого, чтобы попусту тратить его. Таким образом, на корабле Карлайл оказались два маленьких самолета, летающих на этиле для воздушной разведки на планетах, в атмосферах которых можно летать. Один из них под названием «Аркетт» Страйк выкатил из задней части «Ковчега» на плоский берег.

Это был обычный цельнометаллический самолетик, но с тремя устройствами для безопасности. Во-первых, помимо выдвижных шасси, у него имелись выдвижные понтоны, так что он мог садиться как на землю, так и на воду.

Во-вторых, у него был семидесятидвухдюймовый гироскоп, который развивал статическое давление в тридцать фунтов на лошадиную силу, по сравнению с максимальной эффективностью пропеллера в шесть статических фунтов на лошадиную силу. Это, помимо экономии топлива, позволяло самолету развивать максимальную скорость до 1000 миль в час.

И, в-третьих, он был оборудован аккумуляторными электрон-

ными телескопами, которые, независимо от плотности атмосферы и толщины облаков, давали на обзорный экран картинки воздушного пространства выше пилота и ландшафта ниже его на много миль вокруг.

Страйк едва успел проверить топливо и оборудование, когда прибежал Барроуз. Он принес две винтовки с коробкой ампул со снотворным к ним, антигравитационное оборудование и крошечные рации, которые вставлялись в ухо, чтобы поддерживать связь друг с другом. А еще он прихватил лучевой пистолет Страйка и портативный телескоп.

Когда Барроуз шагнул внутрь, хвост самолета внезапно заскользил в сторону и описал по берегу точный полукруг. Младший пилот потерял под ногами опору и упал, уронив на себя все, что нес.

— Проклятые крабы Атласа, — выругался Страйк. — Они просто чувствуют себя несчастными, если не могут подползти и взвалить что-нибудь тяжеленькое себе на спину.

Он выстрелил под хвост самолета лучом и попал в фиолетового краба. Тот был размером с блюдо для пирога и весил пару фунтов. Барроуз сердито взглянул на него.

— Никогда не пойму, как, черт побери, эта сиреневая тварь может поднять тонну дюралюминия? Прошу прощения, сэр...

Страйк помог ему подняться и разложить оборудование.

— Нет тут ничего странного, если вспомнить земного жука-Геркулеса. Тот малыш весит не больше унции, но способен нести пять футов! Если увеличить вес пропорционально размерам, то в крабах Атласа нет ничего удивительного.

Ответ Барроуза был неразборчив. Его голова трещала от попытки представить все это.

— Все в порядке, сэр. Мы летим?.. А поглядите-ка! Это еще что за чума?

Страйк обернулся и увидел орду крошечных существ, несущихся от скрытого туманом леса. Это были размытые серые твари размером с кролика. Сходство с кроликом усиливалось прыжками и пучками белых хвостов. Но головой и плечами они больше напоминали голых обезьян с морщинистыми, как у старичков, личиками.

— Ты что, не видел их прежде? — буркнул Страйк. — Мы называем их безумными кроликами. Это мигрирующие существа. Потрясающие вредители.

Безумные кролики были охвачены любопытством и роились уже по всему протяжению берега, а самые смелые даже подпрыгивали возле самого «Ковчега».

— Безумные кролики? — переспросил Барроуз.

— Верно, — ответил Страйк. — Продолжительность их жизни около года, в конце которого они все сходят с ума.

Барроуз посмотрел на него так, словно подозревал, что его разыгрывают, но был слишком вежлив, чтобы заявить об этом.

— Это факт, — продолжал Страйк. — Они носят в себе болезнь мозга, подобную менингиту. Она стопроцентно смертельна и ежегодно стирает с лица планеты всю расу безумных кроликов. Забавно смотреть на это: они бьются в судорогах и кривляются, как клоуны в цирке.

— Гм... Но почему тогда эта раса не вымирает полностью?

— Все очень просто. Их самки откладывают яйца незадолго до наступления периода безумия. Молодняк вылупляется из яиц уже достаточно взрослым, чтобы самим добывать пропитание. Так что все они сироты! — Страйк на секунду задумался, затем подхватил трех попрошаек и закинул их в самолет. — Все разложено по местам? — спросил он.

Барроуз тревожно посмотрел на гостей, но Страйк его успокоил.

— Не волнуйтесь, они нас не тронут. Я взял их, потому что ино-

гда они бывают полезны. Как почтовые голуби – куда бы их ни привезли, они всегда найдут дорогу назад!

Он нажал стартёр и мощный двигатель самолета отозвался приглушенным гулом. При царящей снаружи жаре не было никакой надобности прогревать двигатель, поэтому Барроуз сразу же направил самолет по берегу, который стал разворачиваться на экране, как бесконечная лента из невидимой шпульки, все быстрее и быстрее, затем вдруг оказался далеко внизу и его тут же сменили свинцовые волны. Барроуз взял курс на северо-запад и повел «Аркетт» над Маре Гигантум. Они отправились на поиски Затерянного Континента Венеры.

Три кролика сперва испуганно заорали. Потом один от непривычного механического гула закрыл лапами уши, второй взглянул на исчезающий внизу берег и в панике прикрыл лапками глаза, а третий со смехотворным выражением удивления хлопнул лапкой по рту. Это было слишком даже для мрачно настроенного Страйка.

– Ничего не вижу, ничего не слышу, ничего никому не скажу! – весело завопил Томми Страйк, и оба мужчины залились громким смехом.

Позже Страйк всегда рассказывал, что открытие Затерянного Континента далось им так легко, что они даже испытали разочарование. На самом же деле он испытал растерянность и чувство, словно это таинственное место появилось специально для того, чтобы заманить их в какую-то хитрую ловушку.

После часа полета Барроуз был все еще за штурвалом, когда Страйк заметил любопытное поведение некоторых приборов.

– Странно, – сказал он. – Похоже, где-то поблизости источник радиации. А это должно означать землю.

Он оказался прав, это действительно была земля. Она появилась на экране прямо по курсу.

Барроуз сбросил скорость, смущенный показаниями прибо-

ров, и стал осторожно кружить. И почти сразу же нашел большое просветление в тумане. Разрыв в тумане позволил ему довольно легко посадить «Аркетт». И практически сразу же раздалось потрясающие раскаты грома, испепеляющий треск молний, шипение плавящегося металла и сильный запах озона.

Страйк и Барроуз обменялись изумленными взглядами. Сквозь ионизированный воздух их слегка тряхнуло электрическим разрядом, но оба были хорошо изолированы прорезиненными венерианскими спецкостюмами и резиновым ковриком под ногами. Страйк осторожно выглянул вперед.

Прямо перед носом самолета торчало любопытное растение, единственное живое существо, видимое во всем просветлении в тумане. Оно состояло из трех частей: двух вертикальных жестких, кожистых стеблей, высившихся по обеим сторонам самолета, а между ними висела большая плоская чаша, по стенкам которой стекало какое-то липкое вещество. Пока Страйк наблюдал, два стебля медленно передвигались вдоль самолета, словно выискивая уязвимое место. И снова от одного стебля к другому пролетела ослепительная молния, прошедшая, очевидно, прямо через двигатель.

— Клянусь Юпитером! — воскликнул Страйк. — Это электрическое растение. Два стебля действуют, как полюса. Чаша вырабатывает заряженный электричеством сок и выбрасывает молнии от одного полюса к другому. А потом затягивает в себя все, что оказывается поражено ими!

— Да, сэр.

Страйк осторожно открыл окно.

— К тому же еще и запах! — Это был тяжелый, пряный запах мускуса пополам с мятой. — Приманка с запахом, очевидно, имеет сеть чувствительных корешков, чтобы фиксировать приближение жертвы, а потом дает ей прикурить! Хорошим названием для такого растения стало бы Цирцея, а?

— Очень подходящее имя, сэр.

— Хотя, если подумать, растение заземлено, так что заряд должен уходить в землю. У него должен быть какой-то способ изолировать производящие ток отделы.

— Да, сэр.

Страйк нахмурился.

— Черт побери, Барроуз! Вы *задакаете* меня до головокружения. Скажите же хоть что-нибудь или замолчите.

— Хорошо, сэр. Думаю, нам нужно что-нибудь предпринять, чтобы избавиться от этого растения, пока оно не избавилось от нас. Если еще не слишком поздно, — с горечью добавил он.

— Что вы имеете в виду под «слишком поздно»?

— Просто у нас все электрооборудование на грани уничтожения.

Томми Страйк был не тем человеком, чтобы беспокоиться о несчастье, пока оно не произошло.

— Ну и что? — спросил он. — Наши акустические локаторы в порядке. Мы можем просто вернуться к кораблю по своему прежнему курсу. Нам прекрасно известно, что на море нет никаких препятствий, торчащих из воды.

Он достал лучевой пистолет, осторожно, чтобы не коснуться металлических частей самолета, высунулся из иллюминатора и сжег электрическое растение. Затем они оба, озираясь, вылезли наружу.

— Не удивительно, что это прояснение в тумане такое большое и совершенно пустое, — произнес Страйк. — Ничто не станет расти поблизости от дьявольского растения.

Страйка раздражала не вовремя пробудившаяся совесть Барроуза и его беспокойство о положении, в котором они очутились, так что он хотел поскорее закончить дело. Барроуз исчез в самолете и появился, нагруженный оборудованием. Он передал Страйку винтовку с усыпляющими ампулами и повесил себе на пояс электропистолет.

— Мне начать с рации, сэр? Нам будет нужен луч пеленгатора, чтобы не потеряться в тумане.

— Нет. — Страйк сделался более приветливым, когда они, наконец, принялись за дело. — У нас есть компас понадежней. — Он показал на «Ничего не вижу, ничего не слышу, ничего никому не скажу», которые уже носились возле самолета. — Они приведут нас обратно. Мы постоянно использовали их на торговом посту, когда они были под рукой.

Барроуз вспотел. За годы службы с Джерри Карлайл в него глубоко въелась необходимость в предосторожностях, железной дисциплине и строгом исполнении инструкций. Но чтобы отправиться блуждать в венерианских туманах лишь с тремя безумными кроликами, это уже слишком.

— Но, предположим, с ними что-нибудь произойдет, сэр. И что тогда?

— Но мы все еще принимаем локаторный луч от «Ковчега». Он всегда приведет нас в район самолета.

— Да, сэр, но ведь так просто включить свой автоматический радиолуч. Это избавило бы меня от беспокойства.

— Видите ли, Барроуз, кто-то преднамеренно вынул из самолетной рации кое-какие детали. Я подозреваю, кто это мог быть, но, во всяком случае, наше радио теперь не работает. Поэтому давайте приниматься за дело. Я не желаю торчать здесь до ночи.

— Отлично, сэр.

Они пошли через плотный, неподвижный туман, наполненный странными запахами и подозрительными звуками, особой скользкой походкой опытных венерианских путешественников, прочно держась на ногах на рыхлой земле. На самом краю прояснения мимо них скользнула в скудный подлесок какая-то ящерица. Это была обычная венерианская ящерица за тем лишь исключением, что ящериц было две, сросшихся, как сиамские близнецы. Страйк уставился на них.

— Гляди! Ты видел такое? Уродец. Стоило бы поймать его, как диковину.

Он ткнул стволом винтовки в заросли кустарника, и оттуда немедленно во всех направлениях выбежала целая орда чешуйчатых тварей. И все они были сиамскими близнецами. Ошеломленный Страйк даже забыл попытаться поймать их.

— Ну, будь я проклят! Целая разновидность двойных ящериц! Барроуз, мы должны поймать несколько таких. Внимательно ищи других.

Они пошли дальше, внимательно вглядываясь в экранчик переносного видеоскопа. И вскоре наткнулись на чых-то детенышей, сидевших с раскрытыми ртами в ожидании кормежки. Это тоже была сросшаяся пара, совершенно одинаковых по внешнему виду и расцветке существ. Потом они увидели сухопутных крабов, которые ползли, попарно соединенные хитиновыми панцирями. Даже деревья и кусты росли здесь парами.

Вскоре Страйк все понял.

— Это мир двойников! — со страхом выдохнул он. — Тут все сиамские близнецы!

— Я уже подумал об этом, сэр, — задумчиво сказал пилот. — Помните, как странно повели себя приборы перед приземлением? Здесь есть какая-то радиация, заметили вы. А может, это она влияет на яйцеклетки, заставляя их делиться, или на гены, чтобы все существа рождались попарно?

— Ну, да, земные ученые могут делать такое в лабораториях. Так почему это не может встречаться в природе? Фактически...

Страйк замолчал и, сощурившись, посмотрел на пару тонких, гибких деревьев в нескольких футах от них. До этого они высились футов на пятнадцать. Но...

— Барроуз, пока мы разговаривали, одно из растений обернулось вокруг вершины другого и протянулось к соседнему. Как рогатка...

Он заметил скрытое движение в плотной листве и, резко схватив Барроуза за руку, дернул его назад. Послышался скрип, шелест и звук, похожий на удар кнута, когда гибкий ствол ринулся к ним, точно катапульта. Оба человека были уже на безопасном расстоянии, но безумный кролик «Ничего не слышу» получил удар прямо в спину. Все кости в его тельце переломались, и он рухнул на землю, словно пустой мешок.

Дерево-рогатка целенаправленно переместилось к своей жертве, поворачиваясь, как подсолнечник, изящно, как кошка, нюхающая мусор, тронуло убитое существо и медленно удалилось.

— Экстравагантно, — медленно проговорил Страйк. — И жестоко. Я не жду от Венеры милосердия, но никогда еще не видел здесь убийства, совершенного не ради еды или самообороны. Этот Затерянный Континент — неприятное местечко.

Но неприятное или нет, однако, Страйк должен получить здесь реальную награду, сделать любимую девушку своей официальной невестой, и у него еще останутся кое-какие деньги. И он пошел дальше в обход дерева-рогатки. Минуты через три после ухода от «Аркетта» они поняли, что все, что увиденное, характерно для всех обитателей Затерянного Континента, и фон Цорн отлично заплатит за это.

Первым заметил это Барроуз.

— Мистер Страйк, — прошептал он, — прямо впереди. Вы видите то же, что и я?

Страйк всмотрелся в экран видеоскопа, и у него перехватило дыхание от восхищения.

— Господи Боже! — пробормотал он. — Что это?

Это вопрос, на который Барроуз не смог ответить. Это было одно из самых странных животных, которых он видел за пять лет работы с Джерри Карлайл. У существа было совершенно круглое тело фута четыре высотой, и бежало оно на четырех ногах. Но

что удивительно, оно несло на себе еще восемь запасных. Один комплект из четырех лап торчал из его спины с левой стороны под углом в сорок пять градусов, другой такой же – с правой, под тем же углом. В центре головы выделялся рот, окруженный тремя глазами, расположенными треугольником. Эта тварь была сиамской тройняшкой! И куда бы оно ни бежало и какой стороной не находилось книзу, оно всегда будет стоять на ногах.

Страйк прямо затрясся от нетерпения. Он уже представлял лицо фон Цорна, когда привезет домой этукую красотку. Он представлял позеленевшее лицо Джерри, когда покажет ей свой улов. Он представлял...

– Эй! Оно убегает! Не дайте ему уйти!

И Страйк ринулся в туман. Они с Барроузом прибежали вовремя, чтобы увидеть странный поединок.

Он оказался коротким и закончился буквально за несколько секунд. Это было единоборство между двенадцатиногим монстром и еще одним смертоносным деревом-рогаткой. Пока животное не спеша бежало вперед, раздался свист и треск напавшего дерева. Но двенадцатиног просто позволил, чтобы в него попали, перекатился на другой бок и побегал прочь от расстроенного дерева на другом комплекте ног.

Страйк восхищенно обхватил себя руками. Это было изумительно.

– Природное равновесие, – прошептал он. – У всех есть какие-нибудь преимущества...

– Да, сэр, я знаю. Но он убегает. Стреляйте же!

Страйк быстро прицелился из винтовки и выстрелил. Двенадцатиног, почувствовав изрядный укол, завертелся на месте, затем побегал дальше. Барроуз и Страйк ринулись за ним. Примерно через минуту препарат подействовал, и жертва, шатаясь, остановилась.

– Попался! – восторженно завопил Страйк.

Но было еще слишком рано. Двенадцатиног перевернулся на другой комплект ног и помчался прочь, как спринтер.

— Что? — завопил Страйк. — Это невозможно! Он не может сотворить такое!

— Может, если он — три разных существа! — закричал Барроуз, вскидывая свою винтовку. — В этом случае каждая часть может существовать отдельно от других. Поэтому препарату, парализующему одну треть, потребуется много времени, чтобы проникнуть к двум другим третям.

Барроуз выстрелил, и двенадцатиног растворился в тумане. Люди побежали вперед и вскоре снова увидели его, покачивающегося на подгибающихся ногах. И во второй раз он неуклюже перекатился на третий комплект ног и снова ушел. Но на это раз не столь энергично — препарат уже начал воздействовать на последнюю треть. Страйк завершил дело еще одним выстрелом. Двенадцатиног упал и замер, уснув.

Потребовалось совсем немного времени, чтобы обернуть его антигравитационными полосами и отрегулировать точный баланс между тяготением и центробежной силой. Пленник повис в воздухе на поводке, словно гигантская картофелина, давшая ростки во всех направлениях.

Страйк заметался в подлеске, пока не нашел «Ничего не вижу» и «Ничего никому не скажу», затем двинулся примерно в направлении самолета. Безумные кролики, казалось, поняли его и запрыгали впереди охотников, пользуясь своим загадочным умением ориентироваться. Они почти добрались до свободного пространства, когда Барроуз, идущий впереди, остановился так резко, что Страйк врезался в него сзади, а их обоих подтолкнул паривший в воздухе двенадцатиног.

— Что случилось, черт побери? — спросил Страйк.

Барроуз указал вперед трясущимся пальцем.

— Это человек! Клянусь Юпитером, это человек!

Глава III. Раса близнецов

Более близкий осмотр показал, что это все-таки не человек. Но в вечном тумане Венеры легко принять за человека все, что стоит вертикально на двух ногах. А незнакомец, конечно, стоял вертикально – едва ли он мог стоять иначе со своими шестью ногами. Они росли у него из длинной и стройной талии через равные промежутки. Две из них, очевидно, служили также в качестве рук, судя по тому, как он почесал одной из них округлый живот, зрелым фруктом висющий в лесу конечностей.

Ниже талии он напоминал Страйку земного осьминога или паука. Но выше талии существо определенно походило на человека с обычным туловищем, шей и головой.

– Он может быть опасным клиентом, – встревоженно заметил Барроуз. – Взгляните на его когти, броневые пластинки по всему телу и клыки!

– Да, но посмотрите на его лицо. Он обязан быть мирным, потому что врожденный идиот. Вы только взгляните на его выражение лица!

Оба зачарованно уставились на игру эмоций на лице существа. Выражения сменяли друг друга со скоростью быстро прокручиваемого кинофильма: страх, удивление, гнев, скука, любовь... а порой и просто пустота. Он был словно переигрывающий актер, старающийся выложить все, что умеет, в самое короткое время.

– Наверное, он изображает все эмоции подряд, наугад. Никакой селективности. И вообще никакого ума.

Страйк поднял ладонь в универсальном знаке дружбы.

– Привет, парень, – сказал он на всякий случай.

Безрезультатно. К незнакомцу присоединились еще трое такого же вида, и они стали толкаться вокруг с бесцельным любопытством.

Страйк попробовал несколько слов из языка туземцев, который он изучил, пока торговал в южных широтах. Никакого ответа. Четыре странных существа просто бродили в тумане, боролись, выказывали привязанность, дулись друг на друга и скакали в поразительной несогласованности.

Примерно через пять минут такого хоровода все четверо внезапно подняли головы, замерли на секунду, будто напряженно прислушивались, а затем побежали куда-то шеренгой друг за другом. Страйк схватил безумных кроликов и сунул за пазуху, чтобы не потерять их, а потом последовал за убегающими. Барроуз рысцой бежал за ним по пятам.

— Странно, они вдруг словно сговорились. Я ничего не слышал. А вы, сэр?

Страйк что-то проворчал на бегу. Бег в душной венерианской атмосфере заставил его шумно пыхтеть, точно древний паровой двигатель. Он был также слегка обеспокоен тем, что полностью отрезан от радарного луча с «Ковчега». Вскоре в его пыхтение вкрался прерывистый тревожный писк. Безумные кролики не умели ошибаться, но если они будут бежать и дальше...

К счастью, дальше они не побежали. Потому что четыре существа, улепетывающих впереди, остановились перед строением, напоминающим гигантский улей с многочисленными входами. Казалось, оно тоже своего рода сиамский близнец, состоявший из собранных в группу отдельных лачуг. Считать их, пожалуй, стоило по дверным проемам, а в каждом сидело по удивительной копии шестиногих идиотов. Они казались им братьями по внешнему виду, но явно не в умственном отношении. Их огромные черепа и измученное выражение лиц явно свидетельствовали о том, что здесь собрались существа, для которых единственная цель в жизни состояла в том, чтобы мыслить. А поскольку каждый из прибежавших занял место позади одного из мыслителей, Страйк начал кое-что понимать.

— Опять близнецы! — восхищенно воскликнул он. — Видите? Каждая пара — это близнецы. Вы сами сделаете такой вывод, если исследуете их элемент за элементом. А один из них состоит только из эмоций, понимаете, Барроуз? Это самый великий эксперимент эволюции. Полное разделение между разумом и эмоциями. Это то, о чем мечтали земные философы в течение многих столетий!

— Я сам начну мечтать об этом через некоторое время. Это же просто кошмар!

— Вы не видите всей красоты, Барроуз! Подумайте! Интеллектуалы продумывают все до последних мелочей со всеми возможными последствиями, а затем приказывают своим эмоциональным коллегам исполнять их решения. Эмоционалы являются активной, исполнительской частью этой комбинации, и они нужны только тогда, когда требуется выполнить какую-то работу. Именно потому у них есть клыки и когти — чтобы сражаться. Это их дело — приносить еду, защищать жилище и воспроизводить потомство. Теперь ты понял? Если Интеллектуалы решают, что что-то необходимо уничтожить, они, вероятно, велют Эмоционалам воспылать ненавистью, чтобы те пошли и выполнили задание. Если они решают, что настало время спариваться, они наполняют любовью своих близнецов и те... А?..

— Да, но как происходит их общение? Пока что я не слышал ни единого членораздельного слова.

— Разумеется, при помощи телепатии. Кто, кроме близнецов, более близко связан друг с другом?

— Гм... Мне тут пришло в голову, что, может быть, мы ведем себя слегка опрометчиво, капитан? Мы понятия не имеем, что происходит у них в головах, пока они не начнут действовать. А, судя по размерам голов, у них там бушуют мощные мысли...

— Я не согласен, Барроуз. Размер мозга не обязательно означает высший разум. Венера слишком молода, чтобы на ней успел

развиться колоссальный интеллект. Должно пройти еще несколько эпох, прежде чем наши здешние приятели достигнут космических высот. Но не сейчас. Поглядите на их дома. Самые примитивные постройки. Нет ни малейших следов никаких механизмов или изобретений. У них даже нет никакого оружия.

– Значит у них, естественно, не развиты и эмоции, – добавил Барроуз. – Высшие чувства им недоступны, да?

– Верно. Держу пари, их бы не заботило, живы они еще или умерли, если бы не инстинкт самосохранения. Они отвечают только на простые стимулы, такие, как усталость, голод и так далее.

– А о чем они тогда думают?

Страйк пожал плечами.

– Трудно сказать. Возможно, открытие, что два плюс два равно четырем, явилось бы для них гигантским философским постулатом.

Он подошел поближе и попытался испытать интеллектуальное развитие туземцев, но безрезультатно. Они просто сидели и молчали, уставившись на землян печальными глазами.

– Возможно, мы недостаточно развиты для их телепатии, – хихикнул Барроуз.

– Нет. Для установления телепатического контакта нужен или восприимчивый разум, или разум, которым легко управлять. Я тут подумываю, не можем ли мы взять с собой туземную парочку. Мы...

– Это нарушение закона, сэр. Запрещено вмешиваться в жизнь разумных существ определенного уровня... Кажется, восьмого, не так ли, сэр?

– Да, на этот раз вы правы. Кроме того, это могло бы вызвать суматоху...

И пока они стояли, наблюдая за странным племенем близнецов и раздумывая, что делать дальше, эту проблему решили за них. «Ничего не вижу» и «Ничего никому не скажу», сидевшие у Страй-

ка под полой куртки, внезапно стали извиваться, вырвались на свободу и прыгнули на землю. И тут же деревня взорвалась бешеной деятельностью.

Все это походило на хорошо отрепетированный спектакль. Бешеные кролики носились вокруг, пользуясь случаем размять ноги. Интеллектуалы быстро, но спокойно развернулись на неустойчивых ногах и скрылись в хижинах, все, до последнего человека. Эмоционалы, застывшие на мгновение с пустыми лицами, вдруг разразились отвратительными, неблагозвучными воплями и воем.

На лицах у всех возник написанный крупными буквами страх, и они ринулись в разные стороны искать убежища в тумане. Действие закончилось. Интеллектуалы загородили двери хижин чем-то, выглядящим как мерцающие щиты из какой-то темно-красной ткани. Вопли Эмоционалов замерли в отдалении, и вновь наступила тишина.

— Прекрасно! — воскликнул Страйк. — Значит, это блюдо вам не по душе!

Барроуз снова начал волноваться.

— Да, сэр. Может, у них аллергия на бешеных кроликов. Но мне кажется, было бы самым разумным убраться отсюда...

Но Страйк уже прошел вперед, изучая дверные проемы хижин.

— Взгляните-ка, Барроуз! Ведь эта красная штука — пищевод. У них в дверях что-то похожее на тропических рыб с широко разинутыми ртами! О, как же они живут на суше?

Страйк стал тыкать в них винтовкой и, наконец, разгадал эту тайну. Похожее на рыбу существо покоилось на колонии бактерий и грибковых спор, плавающих в воздухе и удаляющих из жабр воздух, чтобы не дать ему проникнуть внутрь. А поскольку рыба плотно закрывала вход в жилье, то воздух снаружи не мог попасть внутрь.

— Кондиционирование! — объявил, наконец, Страйк. — Венерианский стиль!

— Да, сэр. Это опять-таки природный контроль и баланс. Я помню, бабушка рассказывала, что в старину, когда люди брали воду из отверстий в земле, называемых колодцами, они бросали в колодец щуку, чтобы та сжирала всех червяков и жуков и сохраняла воду в чистоте.

— Верно, здесь тот же принцип. Они вешают в дверном проеме малышей этого венерианского варианта «сезам», те вырастают и плотно закрывают собой дверь. Естественно, Интеллектуалы не приспособлены бороться с болезнями или с любыми иными физическими опасностями — они не могут оказывать никакого сопротивления. А безумных кроликов они так боятся потому, что те несут в себе семена безумия. Вы уловили, Барроуз?

Страйк повернулся к Барроузу, но заметил лишь, как сверкают пятки младшего пилота, убегающего в туман. Он резко развернулся в другую сторону и понял, в чем дело. На него неслась вся орда Эмоционалов с выражением неопишуемой ярости и ненависти на лицах. Интеллектуалы отдали команду на убийство.

Страйк выхватил пистолет. Зашипевший луч вырвался из него широким конусом, но не оказал вообще никакого эффекта. Страйк сузил луч до диаметра вязальной спицы, но и он лишь слегка обжег нападавших. Слишком поздно Страйк вспомнил, в чем дело: этим пистолетом он недавно очищал «Ковчег», и его батарея почти разряжена. Одним движением Страйк сунул пистолет за пояс и пошел следом за Барроузом. Грозная смерть громыхла за ним по пятам.

Натренированные земным тяготением мышцы позволили ему легко опередить преследователей, а чудо удачи привело обоих охотников прямо к прогалине в тумане, несмотря на то, что Барроуз потерял во время бегства переносной видеоскоп. Времени затаскивать пойманный экземпляр внутрь уже не оставалось, так что Страйк топорливо закрепил веревку с антигравитатором на хвост самолета.

Полету самолета невесомый двенадцатиног никак не помешает, а позже они могут спокойно сесть на воду и сделать все, как надо. Страйк быстро побросал кроликов «Ничего не вижу» и «Ничего не скажу» в самолет, а когда хотел нырнуть туда сам, хвост самолета вдруг пополз сам по себе, Страйк промахнулся и ударился подбородком о нижнюю кромку люка.

— Опять?! — взревел он, быстро заглядывая под хвост. — Эти крабы Атласа меня доканают! Еще один безбилетник! — Он схватил крупного краба и тоже забросил его в самолет. — Я даже тещу не оставил бы в этом аду!

Из тумана вылетела дюжина Эмоционалов с дикими глазами и бросились к самолету с такой необузданной яростью, что у Страйка даже перехватило горло. Он выстрелил в них из своего бесполезного оружия, запрыгнул, наконец, в самолет и захлопнул дверцу.

Эмоционалы принялись злобно царапать когтями металл и стекло, и пытаться их грызть отвратительными слюнявыми клыками. Самолет от такого яростного нападения стал опасно раскачиваться.

— Милостивый Боже, капитан! — содрогаясь, завопил Барроуз. — Давайте убираться отсюда!

— Вперед!

Страйк нажал на стартер, но двигатель не запустился. Он пробовал снова и снова, но опять безрезультатно.

— Это все проклятая Цирцея! — взревел он. — Вероятно, она повредила проводку. А мы вряд ли можем вылезти наружу, чтобы отремонтировать ее.

Барроуз застонал.

— Тогда нам конец. Ни двигателей, ни рации. Я знал, что нельзя было нарушать инструкции мисс Карлайл. Она всегда права. Мы никогда не должны нарушать правила.

— Прекратите стенать о правилах и о Джерри, — вскипел Страйк.

— Мы проделали слишком длинный путь для того, чтобы все так просто закончилось. Дайте мне ваш электропистолет.

Он взял тяжелый пистолет, чуть приспустил стекло одного окна, высунул ствол наружу и нажал на курок. И снова ничего не произошло. Страйк выругался с досады. Начинка электропистолета состояла, в основном, из тонких проводников. Пистолет был закреплен на металлической приборной панели, и когда через него прошел разряд растения Цирцеи, его механизм так же закоротило.

— Может, попробовать винтовки? — безо всякой надежды предложил Барроуз.

— Нет смысла. Подкожные ампулы разрываются, как только входят в мягкую плоть. Они не смогут пробить броню этих дьяволов.

Страйк мог бы попробовать попасть им в глаза, но при подобных обстоятельствах меткая стрельба невозможна.

Нервы Барроуза не выдержали, и он задрожал от страха, безуспешно пытаясь скрыть свой позор.

— Не пылите, Барроуз, — попытался подбодрить его Страйк. — Все под контролем. Пока я здесь, вам не о чем беспокоиться.

— Мне только жаль, что здесь нет «Ковчега». Вот тогда у нас действительно не было бы забот.

— В вас так долго вколачивали инструкции, что теперь вы не можете поверить, будто сам человек может чего-то стоить. Говорю вам, я могу справиться со всем, что есть на этой планете. Думаете, я уже использовал все свои козыри? Вовсе нет. Помните мою шутку с гранатой? Вы её видели.

— Да, сэр, — совсем не сердечным тоном сказал Барроуз.

— Смотрите сюда.

Барроуз показал на «Ничего не скажу», который отступил в задний отсек самолета и пытался там бежать по кругу, как белка в колесе, но у него ничего не получалось. Он все время падал, корчась и извиваясь, как эпилептик, и бился головой о стенки.

— Периодическое безумие, — показал Страйк. — Я надеялся на это. Помните, все началось со страха Интеллектуалов перед безумными кроликами? А теперь предположим, что мы забросим «Ничего не скажу» во вражеский лагерь.

Барроуз медленно кивнул.

— Я понимаю, что вы хотите предложить...

Страйк бережно взял кролика на руки, затем резко повернулся к Барроузу.

— Что с вами? У вас из губы течет кровь.

— Все в порядке, сэр. Я просто подумал, что одному из нас нужно выйти из самолета, чтобы спасти безумного кролика...

Страйк коротко рассмеялся, пристально поглядывая на младшего пилота, которого он считал слабаком.

— Значит, вы были готовы принести себя в жертву ради кролика? Ну, ну, Барроуз, — буркнул он. — не нужно мелодрам. Я же сказал, что вам не о чем волноваться, пока вы со мной. А у меня есть план.

Страйк мог любой пустяк раздуть до размеров гениальной идеи, но на этот раз у него действительно нашелся симпатичный план. Он открыл лючок в полу кабины и выпустил безбилетного краба Атласа на землю. Тот быстро заполз под самолет и буквально взвалил его себе на спину.

Страйк высунул из лючка почти бесполезный пистолет и выпустил слабый луч позади краба, заставляя его ползти в нужном направлении, заодно переноса туда весь самолет. Таким образом, управляя крабом при помощи луча, они медленно пересекли прогалину в тумане и направились к жилищам сообщества Интеллектуалов.

Когда они добрались до цели, Страйк распрямился, мрачно усмехаясь.

— Они сами запросились на это. Барроуз, пораскачивайте немного хвост самолета, чтобы отвлечь наших приятелей. — Он поднял

безумного кролика. — Я причиню вам больше вреда, чем вы мне, но вы уж сами виноваты. Готовы, Барроуз?

Все сработало, как часы. Барроуз ушел в хвост и начал там прыгать. Хвост стал раскачиваться, и Эмоционалы помчались к нему. Страйк выскочил наружу и швырнул безумного кролика в ближайшую открытую дверь хижины, а затем мгновенно вернулся в безопасный самолет.

— Вы знаете, как я себе представляю то, что должно сейчас произойти? — спросил он профессорским тоном.

Барроуз сидел, зажав руки между коленями, и дрожал.

— Нет, — буркнул он.

— Ну, «Ничего не скажу» должен прикончить Интеллектуалов. Тогда Эмоционалы останутся без мысленного контроля. Им придется попытаться думать самим. А вы когда-нибудь слышали о случае со свиньей Оскаром? Это произошло много лет назад. Кажется, в тысяча девятьсот тридцать седьмом году. Психологи поставили экспериментальную свинью в такую ситуацию, где ей пришлось начать думать и рассуждать самостоятельно. Это оказалось слишком сложно для нее, Оскар получил нервный срыв и умер. Вы поняли, к чему это я?

Барроуз понял. Потом они сидели и спокойно ждали. Их ожидание было не долгим. В невероятно короткий срок вирусы «Ничего не скажу» нашли самого уязвимых носителей на всей Венере. И они ударили по ним со всей силой, распространяясь среди хилых Интеллектуалов со скоростью пожара в прерии. Даже Страйк был потрясен при виде кровавого ужаса, произошедшего здесь. Интеллектуалы полезли из всех дверей, обливаясь кровью соломенного цвета, потому что из-за кровоизлияний в мозг у них полопались черепные артерии.

Это казалось еще ужаснее из-за спокойного выражения серых лиц существ, которые должны были испытывать боль и отчаяние.

Самосохранение слепо толкало их наружу из хижин, логика велела им бежать от кролика с его смертоносным содержимым. Но все было напрасно. У них даже не нашлось времени проинструктировать своих эмоциональных близнецов. Они были поражены чумой и валились на сырую землю неопрытными сгустками.

Но стратегия Страйка не привела к желаемым результатам. Эмоционалы, казалось, даже не поняли, что их племя уменьшилось наполовину. Направляемые последним приказом своих наставников, они продолжали бессмысленное нападение на неподдающийся металл самолета, стуча по нему и царапая когтями.

— Признаю, что на сей раз я оказался не прав, — произнес, наконец, Страйк. — Несомненно, я полагал, что близнецы находятся в непрерывной телепатической связи друг с другом. И когда эта связь нарушится, Эмоционалы станут все равно что корабли без управления. Черт побери, но, кажется, Джерри опять оказалась права. Извините, Барроуз, но от меня действительно мало пользы.

— Перестаньте, капитан, — отозвался Барроуз. — В конце концов, не могут же они продолжать вечно. Они живые существа и рано или поздно устанут.

Страйк с сомнением покачал головой.

— Гнев впрыскивает в организм много адреналина. Сердитые люди более сильны, более выносливы, чем обычно. Так что наши приятели не уйдут, пока совсем не выбьются из сил.

И оказалось, что он был прав, так как бушевавшая вокруг самолета ярость не собиралась стихать. И кое-где металл, покрывавший багажный отсек, начал растворяться в неровных пятнах кислоты. Губы Страйка скривились от изумления.

— Похоже, у них в клыках не яд, а азотная кислота. А если муравьи могут вырабатывать муравьиную кислоту, то почему бы здешним жителям не производить азотную, — предположил он, запирая дверцу между каютой и багажным отсеком, потому что стенки

задней части самолета, не имеющие тепло- и звукоизолирующих слоев, будут разъедены первыми. — Хорошо, что у них нет мозгов, чтобы понять, что кислота — их лучшее оружие. Возможно, они уберутся, когда стемнеет, ведь для них станет слишком холодно.

— До темноты еще тридцать часов, — с трудом процедил младший пилот.

Ветер периодически усиливался, неся с собой колонии блуждающих микроорганизмов. Они постепенно оседали на поверхности самолета. Их кислотосодержащие токсины ускоряли работу Эмоционалов, которых явно не брали никакие инфекции.

Барроуз достал антисептические шлемы на тот случай, если бактерии проникнут в самолет, а затем просто сидел, уставившись невидящим взглядом на табличку над пультом управления:

«В экспедиции нет отдельных людей. Вы все — единая КОМАНДА».

Томми Страйк беспомощно взидал на чужой и враждебный мир, наблюдая, как тот пускает в ход все средства, чтобы погубить их.

ГЛАВА IV. Ротиферы¹

Когда Джерри Карлайл узнала, что Страйк самовольно покинул корабль, она лишь печально улыбнулась.

— Это все фон Цорн. Знаю я его. Фон Цорн очень хитер, но он не принял в расчет основательный здравый смысл Томми. Томми не полетит далеко. Он вскоре поймет, что я во всем права, и вернется. Кроме того, я вывела из строя рацию на «Аркетте», так что ему придется вернуться!

Прошло три часа, но Томми не возвращался.

¹Ротиферы — многоклеточные микроорганизмы, например, коловратки, стремящиеся пожирать все, что встретится у них на пути (*прим. автора*)

— Это всего лишь гордость, — хихикнула Джерри. — Он скоро вернется. Я знаю, что он не станет мне досаждать, потому что, — добавила она с упрямой верой молодой влюбленной женщины, — он меня любит!

Но когда прошло десять часов, а ее половинка все не появлялась, Джерри, наконец, почувствовала нарастающую тревогу. Она привычно стиснула челюсти и включила внутренний коммуникатор. Старший пилот Майклс, типичный англичанин, этакий поседевший орел средних лет, имевший на своем счету много тысяч полетных часов, поспешил явиться на ее вызов.

— Боюсь, что мой человек где-то застрял, — отчеканила Джерри. — У вас тридцать минут на сборы. Приготовьтесь к взлету, Майклс. Бегом!

И все произошло в размеренную суету. Охотничьи группы были срочно отозваны, наиболее шумные экземпляры пойманных животных успокоены анестетиками, все оборудование убрано, с эффективной точностью соблюдена сто одна мелочь, которая всегда отмечала выучку команды Карлайл. Еще не прошло получаса, а «Ковчег» уже был готов к взлету, вхолостую свистя гироскопами.

В пилотной рубке остались только Майклс и Джерри Карлайл.

— Какой курс, мисс Карлайл?

— Над морем прямо на северо-запад. Все, что мы можем, это последовать за лучом пеленгатора, который настроил Барроуз перед тем, как они покинули «Ковчег». Даже Томми не настолько глуп, чтобы отклониться от направляющего луча.

— Отлично! — Майклс включил электронный телескоп и мягко поднял «Ковчег» над берегом. — Могу я спросить... у вас есть какие-нибудь предположения относительно того, где может быть самолет, или мы полетим наугад?

Вместо ответа Джерри открыла встроенный шкаф и достала какое-то невзрачное приспособление.

— Это новинка, — показала она. — Его изобрел сын одного из директоров зоопарка. Он предназначен для того, чтобы обнаруживать на дальних дистанциях метеориты, но я забыла опробовать его в полете. Зато теперь мы устроим ему настоящую проверку, — мрачно улыбнулась она.

Прибор состоял из вертикальной металлической пластины, прикрепленной к сетке огромной электронной лампы, а позади нее крепилось несколько небольших трубок.

— Он работает, — пояснила Джерри, — как электрический конденсатор переменного тока...

— Но у него только одна пластина, а у всех конденсаторов должно быть две.

— Правильно. Но в данном случае роль второй пластины играет любое металлическое тело, которое окажется в пределах действия этого прибора. Когда я включу ток, в электронной лампе установится прекрасный баланс. Любое появление металла, естественно, нарушит его, все изменения будут зарегистрированы, и зазвонит сигнал тревоги.

— Очень изобретательно, — растягивая слова, хмыкнул Майклс. — Как специально для Венеры, которая бедна металлами. Не волнуйтесь, мисс Карлайл, мы разыщем мистера Страйка. Он сильный парень и не даст так просто укокошить себя.

— Не говорите глупости, Майклс. Надеюсь, вам не кажется, что я выгляжу взволнованной.

Майклс улыбнулся одной из своих редких улыбок.

— Нет, мисс. Вы не выглядите взволнованной. Но я все понимаю. — И он по-отечески похлопал ее по плечу. — Почему бы вам не прилечь в кресло и не попытаться расслабиться?

Губы Джерри чуть дрогнули, но тут же опять крепко сжались.

— Дружеские отношения с капитаном здесь не поощряются, Майклс. Пожалуйста, знайте свое место!

Майклс знал эту девушку даже лучше, чем Страйк. Поэтому он просто отдал честь и кивнул:

— Принято, мисс Карлайл.

А потом обратил все внимание на управление «Ковчегом».

Приблизительно в восьмистах милях от материка Майклс обратил внимание на странное поведение некоторых приборов. Он указал на это Джерри.

— Осмелюсь сообщить, что поблизости находится какой-то источник радиации. А значит, земля...

Его голос внезапно прервался пискom сигнала тревоги металлоискателя. Джерри подскочила к нему, стрелки на его циферблатах бешено дергались.

— Стоп кораблю! — закричала она. — Самолет где-то рядом!

Оба нетерпеливо уставились на светящийся экран телескопа, в то время, пока корабль, чуть вздрагивая, летел сквозь густой туман.

— Да, это земля. Вероятно, так называемый Затерянный Континент.

Но в голосе Джерри не слышалось никакого энтузиазма, потому что «Аркетт» так и не появлялся в поле зрения.

— Я изменю настройку конденсатора и уменьшу диапазон. Затем мы медленно полетим в одном направлении, — скомандовала она. — Если не будет сигнала, вернемся и попробуем другое направление. Таким образом, каждый раз сокращая радиус действия прибора, мы отыщем самолет.

Это не заняло много времени. Рыская в тумане, как собака, потерявшая след, они разыскивали «Аркетт». Он был уже мало похож на самолет. Окруженный странными шестиногими яростными существами, уже почти прорвавшимися в багажный отсек сквозь разбейденный кислотой металл, и от носа до хвоста испещренный пятнами колоний бактерий, он походил, скорее, на гниющий ствол какого-то растения, покоящегося в болотах Венеры.

Джерри Карлайл приказала «Ковчегу» сесть, затем с железным спокойствием оценила ситуацию. Последовательность событий была не вполне ясна. Трупы Интеллектуалов уже разложились до неузнаваемости. Двенадцатиног слабо подергивал конечностями, вися на антиграве над самолетом, потому что действие анестетика уже заканчивалось. Но Эмоционалы, неустанные, как роботы, постепенно разбирали самолет на кусочки.

— Они могут сидеть там, едва живые, — заметила Джерри недогнувшим голосом. — Идите в радиорубку, Майклс. Передайте радистам, чтобы они попытались наладить связь с самолетом. Рация на «Аркетте» не работает, поэтому попробуйте послать сообщение на частоте радарного луча. Они могут принять его через акустическую систему, если... — она на мгновение замолчала. — В общем, велите Томми покачать элеронами, если... если он жив.

Сообщение посылали много раз. Вся команда вместе с Джерри пристально наблюдала за «Аркеттом» в ожидании ответа. Но время шло, а ответа все не было.

Лицо Джерри постепенно становилось все более осунувшимся.

— Очевидно, я убила того, кого любила, — пробормотала она. — Предполагается, что это — прерогатива мужчин. Но я, наверное, слишком долго носила штаны. — Она говорила это небрежно, слишком небрежно, чтобы обмануть Майклса.

— Все это чепуха, мисс Карлайл, — попытался он. — Никакой ошибки...

Джерри внезапно оттолкнула его, и старший пилот отступил, смущенный горем, пылавшим в глазах девушки.

— Больше ни слова вашего проклятого сочувствия, Майклс! — закричала она. — Томми не любил слез и сентиментальности. Он был бойцом, и если бы он мог выбирать, то выбрал бы эпитафию бойца. Мы отправим всю эту свору обратно в ад! Кранц! — рывкнула она в коммуникатор. — Приготовьте электропушку, чтобы растереть в порошок эту толпу снаружи!

Внезапно Майклс прыгнул вперед и оттолкнул ее.

— Стойте, Кранц! — рявкнул он и повернулся к своему капитану.

— Подождите, мисс Карлайл. Они могут быть живы, но без сознания. Электропушка уничтожит самолет и все живое внутри него.

Девушка нерешительно покусала губу, все еще охваченная жаждой мести.

— Вы правы, Майклс. То же касается и лучевого оружия. Мы можем воспользоваться им, только если самолет будет не на линии огня.

— Парализующий луч?

— Еще хуже. Если люди без сознания, он убьет их. Конечно, Томми попробовал бы усыпляющую винтовку.

— Анестезирующий газ?

— На таком ветру? Заткнитесь, Майклс, вы просто не думаете...

Майклс заткнулся. После секундного молчания Джерри заговорила сама с собой:

— Приманка будет бесполезной, раз эти дьяволы игнорируют даже этот двенадцатиногий кошмар, болтающийся над самолетом. Но что, если нечто нападет на них... Майклс! А что, если мы напустим на них ротифер?

— Вы имеете в виду тех слизистых уродин, которые пожирают все, что попало? Да, мисс, можно попробовать.

— Почему бы не выпустить на них одну из нашего зверинца? Она покончит с ними и не повредит самолет.

— Прекрасная идея, мисс, только вот я боюсь, что даже ротиферы не выиграют это состязание. Посмотрите на их бронированные тела, на их когти. И, судя по тому, как выглядит самолет, у них есть также и кислота. Нет, хотя ротиферы жрут, кого угодно, мне кажется, это блюдо будет не по зубам даже им.

— Ну, во всяком случае, стоит попробовать.

— Ладно. Но почему бы заранее не согласиться с поражением?

— Как так?

— Если эти красавцы могут сожрать ротифер, а не наоборот, давайте, угостим их. Накачаем ротифер ядом, который не подействует немедленно на самих ротифер.

— Вы изумительны, Майклс! — Джерри повернулась к коммуникатору. — Кранц! Вы слышали, о чем мы говорили? Тогда действуйте. Найдите на складе все яды, какие только там есть, и поспешите.

Через пять минут из коммуникатора раздался голос Кранца.

— Простите, капитан. На борту нет ни ядов, ни смертоносных наркотиков. Только лекарства.

На мгновение показалось, что кто-то сейчас пострадает от гнева Джерри Карлайл. Но она с трудом взяла себя в руки.

— Конечно, там нет ядов. Мы ведь ловим живых существ. Но мне нужно все, что может послужить ядом. Должно же быть там что-то... что-то медийское! На складе есть галлоны люминала. Это стандартное средство от космической болезни. А вы знаете, что делает люминал? Он сильно тормозит нервную систему, не позволяя организму вырабатывать адреналин. Это гасит все эмоции. А если не будет эмоций, не будет желания и убивать! Кранц? Вы...

— Уже действую, мисс Карлайл, — глухо раздалось в коммуникаторе.

План капитана был быстро осуществлен. Огромному, шестифутовому, похожему на комок серого теста шару впрыснули под кожу громадное количество люминала. Потом из заднего люка спустили трап, и ротифера спокойно скатилась по нему. Освободившись, она полежала неподвижно, исследуя тонкие колебания воздуха лесом своих ресничек. Затем слепая пожирательница, мусорщица Венеры, безошибочно покатила прямо на шум, который устроила орда нападавших вокруг «Аркетта».

Никогда еще, при всем своем опыте, команда «Ковчега» не видела такого сражения, протекавшего с такой необузданной, ужасной свирепостью. Ротифера, хотя и двигаясь немного вяло из-за накаченного в нее люминала, поначалу имела преимущество из-за

эффекта неожиданности. Два бронированных Эмоционала были поражены хитиновым панцирем ротиферы и тут же исчезли в ее обширном пищевode.

Это безжалостное нападение вынудило Эмоционалов неохотно перенести свою ярость с самолета на нового врага. И когда это произошло, итог битвы стал неизбежен. Сотни когтей дикарей вонзились в ротиферу и порвали ее в дюжине мест. Кислота закипела на хитиновой броне. Будучи белком, она сделалась желтой и стала легко ломаться. Ротифера боролась, как бульдог, не отступив ни на дюйм, но дикари продолжали рвать и тут же пожирать ее обнажившуюся мягкую плоть. Вскоре от нее осталось лишь несколько разбросанных кусков.

Эмоционалы, не избавившись от своей фанатичной ярости, вернулись к крушению самолета. Но их энтузиазм быстро угасал. Внезапно один из них покачнулся и резко сел с совершенно безучастным, лишенным выражения лицом. Потом парочка других бесцельно ушла прочь в туман.

А вскоре все они полностью лишились эмоций, а умные их половинки были мертвы. У самих у них не было ни мозгов, ни желаний, никаких прочих импульсов. Их существование обуславливалось совершенно пустыми, простыми нервными рефлексам на боль, жару, холод или голод.

Они по-дурацки усталились на причиненный ими же разгром и стали бесцельно шататься в тумане.

Джерри возглавила мрачную группу мужчин, но прежде, чем они покрыли половину расстояния до самолета, оттуда донеслись яростные крики, и на свет, шатаясь, выбрались два растрепанных силуэта. Они были грязны, окровавлены в тех местах, где оставили свои отметины когти, а кое-где обожжены кислотой, но весьма даже живы. Позади них скакал серый кролик, обезумевший от радости.

Вся горечь, тщательно скрываемое горе, самобичевание, ненависть и жажда мести вымыслились из души Джерри в едином по-

рыве, оставив ее слабой, задыхающейся от радости женщиной. Она стала женщиной только на краткий момент, хрупкой, испуганной и трясущейся за мужчину, которого любила.

— Томми! — завопила она и ринулась в его объятия.

Антисептический шлем Страйка, защищавший его лицо от кислоты так же, как и от инфекции, развалился на части, когда они заключили друг друга в объятия. И Страйк тут же воспользовался ситуацией, немедленно и со знанием дела, в то время, как команда стояла вокруг, усмехаясь. Тогда все стали расспрашивать и поздравлять Барроуза, который, все еще стуча зубами, объяснил, что они не могли сигнализировать в ответ, потому что провода, управляющие элеронами, разъела кислота.

Но вскоре годы тренировки взяли свое. Джерри высвободилась из объятий и призвала к порядку своих людей.

— Нужно всегда соблюдать дисциплину, — холодно заметила она. — Вы знаете правило, запрещающее покидать корабль во время сезонных ветров без антисептической защиты. Вы все лишены двухдневной зарплаты, включая и меня. А сейчас возвращаемся на корабль.

Команда поспешно повиновалась.

— Что же касается тебя, — Джерри неодобрительно взглянула на Страйка. — Ты не подчинился приказу капитана и нарушил практически все правила, которые у нас есть, уйдя в несанкционированный поиск, без достаточной экипировки и даже без рации. Ты помешал работе всей экспедиции, выбил нас из графика и чуть не заплатил за это двумя жизнями.

— Я заслуживаю твоей самой ужасной ругани, — кивнул Страйк. — Так что не стесняйся оскорблять меня.

— Это не шутки, Томми. Посмотри на самолет. Прикинь общую сумму убытков. Неужели ты думаешь, что даже лондонский Межпланетный зоопарк может позволить себе выбрасывать несколько тысяч долларов в каждый экспедиции только затем, чтобы убедить

некие молодые горячие головы, что они не правы? Так ты ошибаешься. И все это будет вычтено из твоей зарплаты.

Страйк заерзал. Звонкий голос Джерри был слышен отлично, и им наслаждалась вся команда. Джерри продолжала тренировать свое красноречие, перечисляя по пунктам каталог его грехов.

— А теперь я хочу получить твое честное слово, что ты никогда больше не попробуешь повторить свой трюк. Нет больше одинокого волка-охотника, понятно?

— Хорошо, Джерри. Не нужно так кричать.

— Я не кричу. Кроме того, ты работаешь только на меня. Никаких больше контрактов с фон Цорном, понятно?

— И как ты только могла предположить?.. — вздохнул Страйк.
— Ладно, все более-менее ясно.

— И еще...

Страйк взглянул на часы, продолжавшие каким-то чудом работать, и прервал ее.

— Джерри, время. Я выслушал тебя и принял все, как и положено джентльмену. Я обещаю все, что хочешь, но теперь лекция закончена.

— Неужели? Томми, я только начала тебе говорить...

— О, нет. Ты закончила мне говорить, потому что я собираюсь использовать один верный способ заставить тебя замолчать, — усмехнулся он.

— О-о... — Джерри слегка затаила дыхание. — О, дорогой. Ты собираешься меня поцеловать?

— Совершенно верно.

«Ничего не вижу» печально мяукнул и изящно прикрыл лапками глаза. Очевидно, для этих людей, как это свойственно и его роду, настало время сойти с ума.

ace
double
F-195 40¢

WAS THE STAR OF LOVE
A WORLD OF WAR?

BATTLE ON VENUS

WILLIAM F.
TEMPLE

Complete Novel

УИЛЬЯМ Ф. ТЕМПЛ

СРАЖЕНИЕ НА ВЕНЕРЕ

I

На каждом документе стояло его имя «Капитан Дж. Фрайбург». Он так подписывался – «Дж. Фрайбург». Друзья называли его «Шкипом» или просто «Дж».

Он никогда не рассказывал, если не приходилось по службе, что означает это «Дж.» Он и прежде был к этому чувствителен, а теперь и вовсе стал прямо-таки суеверен.

Его звали Джона, и однажды он разбил корабль, а вот теперь он предчувствовал, что разобьет еще один. И он ничего не мог с этим поделать. Дело было не в умении, он был хорошим специалистом. Дело было в удаче. В этом полете он исчерпал все лимиты удачи и чувствовал, как ее последние капли утекают прямо из рук.

Свет в космическом корабле становился невыносимо ярким. Фрайбург чувствовал себя так, словно стоял в фокусе дуговых ламп. Приборы сияли, как зеркала, и не давали снять показания. Поручни сверкали, как добела раскаленные прутья, и любой заколебался бы, прежде чем взяться за них.

Но это был всего лишь свет, и ничего больше. Температура же не повысилась ни на градус, несмотря на то, что корабль сейчас находился на двадцать шесть миллионов миль ближе к Солнцу, чем их родная Земля, настолько хорошо работали кондиционеры.

Фрайбург сложил руки чашечкой вокруг хронометра, загора-

живая его от яркого света. По его расчетам, при существующем темпе торможения, корабль достигнет внешних облаков Венеры примерно через четырнадцать минут.

— Закрепите световые заслонки, — скомандовал он в микрофон.

Из динамика донесся голос помощника.

Медленно, слишком тяжелой при двух «g» рукой, Фрайбург потянулся к единственному иллюминатору его каюты, закрыл янтарный диск кварцевой крышкой и щелкнул защелкой. Моментально ярчайший свет, отражаемый Венерой, стал прохладного лимонного оттенка.

Фрайбург вспомнил, как в детстве, когда он плыл на атлантическом лайнере, они попали в плотный морской туман. Где-то неподалеку был еще один корабль. Лайнер медленно полз и отчаянно гудел без передышки. И в ответ со всех сторон из белой завесы тумана звучал такой же сигнал.

Мальчик представил себе взволнованного шкипера на мостике и не завидовал ему. Но он шкиперу доверял. Шкипер, подумал он, не занимал бы такую должность, если бы не имел достаточно квалификации. И они тогда прошли через туман без происшествий.

Теперь же он сам был шкипером другого корабля, собирающегося войти в непроницаемый слой облаков. На всех экранах видна лишь такая же плотная белая завеса. Но он сейчас в более трудном положении, чем тот морской капитан. Он не мог остановить свой корабль или резко изменить его курс. Он передал управление компьютеру. Тот имел дело с массой и скоростью корабля, массой Венеры и показаниями радара-альтиметра.

Он доверял компьютеру, но не альтиметру. На таком расстоянии его данные слишком приблизительны.

Стрелка нерешительно прыгала по делениям, каждое из которых означало сотню метров. Это было бы прекрасно, если бы

они садились на Землю. Но здесь каждое деление могло значить больше, чем сотня метров на Земле.

Это весьма плохо для корабля, не говоря уж о команде.

Если бы он мог видеть поверхность, то чувствовал бы себя более счастливым, ведя корабль на ручном управлении. Но по последней теории, облака на Венере простираются почти до самой земли. Следовательно, корабль должен идти по приборам. А это означало – автопилот. Но он не чувствовал, что должен переложить свою ответственность. Экипаж считал, что капитан лично отвечает за их безопасность.

Все шло хорошо, пока у него было все на контроле, и он знал, что происходит. Вот только существовала тенденция неожиданно забрасывать его необъяснимыми явлениями. Из-за этого у него существовала глубоко закоренелая ненависть к неизвестному. Оно редко оказывалось в его пользу. Так что он доверял себе, но не своей удаче.

Свой первый корабль он потерял именно так. Прошла буря, он рискнул взлететь, но буря неожиданно помчалась назад, как фурия, и швырнула корабль о землю. Прочие несчастные случаи тоже происходили из-за неудачного выбора времени и странных обстоятельств.

Да, его имя было Джона.

И он терял самообладание и становился слишком старым для той жизни, которую вел. Если это последнее, самое опасное приключение закончится благополучно, он удалится на покой.

Вошел Джордж Старки, держась за поручни, со слегка подгибающимися коленями не из-за возраста, а из-за двух «g». Но Старки все равно должен уже испытывать кризис среднего возраста – исчезающий оптимизм и растущее беспокойство.

– Ну, шкип, начинаем... Третий и последний раунд.

Старки понятия не имел ни о какой дисциплине, но он и не

был членом команды. Он был профессиональным исследователем: стойкий, находчивый и... удачливый. Он хорошо поработал на Марсе, так что имел право быть включенным в первую экспедицию на Венеру. В нем кипела неутолимая жажда узнать, «что находится за холмом». И это чистое любопытство снабжало его неослабевающей энергией.

Фрайбург не дал никакого ответа на прямой намек. Джордж взглянул на инфракрасный видеозэкран. На нем были лишь неопределенные пятнистые тени.

— Большая же от него помощь, — вздохнул он. — Если это лучшее, что он может показать, то я думаю, что облака действительно доходят до самой земли.

— Возможно, Старки, — согласился Фрайбург. — А возможно, это означает, что в облаках находятся толстые слои каких-то частиц.

— Атмосферная пыль?

— Кто знает? — пожал плечами Фрайбург. — Возможно, чистые химические элементы в виде порошка. Там много углекислого газа, но что там есть еще?

— Скоро мы узнаем, когда Фиркин получит образцы.

Джордж опустил в амортизационное кресло. Тормозные двигатели увеличивали тягу, говорить стало трудно, и оба замолчали.

Капитан вспомнил свой дом в Вермонте, крыльцо с креслом-качалкой и видом на лес. Джордж думал о Венере. Эти минуты взволнованного ожидания и были для него венцом жизни. И Джордж был возбужден до предела.

Венера была самой таинственной планетой в Солнечной системе, и все же, не считая Луны, она была самой близкой соседкой Земли. Марс тоже был интересен, но о нем знали слишком много, еще то того, как добрались туда. Было известно, что так называемые каналы — просто естественные трещины в земле. Было известно, что там нет никаких городов, никаких следов разумной жизни. Однако,

жизнь там все же существовала — экспедиция отыскала там насекомых. Но пейзаж оказался довольно плоским — во всех смыслах, — так что мало чего оставалось добавить к астрономическим картам.

Венера оставалась тайной: сестра Земли в маске. Никто никогда не видел ее лица. Она могла быть уродливой сестрой — или же еще более прекрасной, чем Земля.

И Джордж стремился заглянуть ей под маску.

Капитан Дж. Фрайбург уставился на тусклый инфракрасный экран, потом на пылающую зеленым цветом радиолокационную картинку, пытаясь сложить их данные в какие-то внятные, конкретные контуры. Он боялся даже подумать о горных вершинах. Важно определить уровень моря. И, наконец, он решил, что, если правильно понимает экраны, под ними нет никаких возвышенностей.

Если бы нижняя кромка облаков заканчивалась не у самой земли, и оставалось пространство для маневра, он мог бы чего-то достигнуть, послав туда самолеты. А пока что ему оставалось лишь сидеть, наблюдать и позволять увеличивающейся силе тяжести стараться надвинуть амортизационное кресло ему на уши.

Потом они вошли в облака. Лишь чуть двигая глазами (было почти невозможно повернуть голову) Фрайбург мог охватить взглядом все экраны и иллюминатор.

Желтый свет становился янтарным и быстро перерастал в сумрак. Фотоэлемент откликнулся на это и включил внутреннее освещение. Ослепительный дневной блеск превратился в тусклое свечение. Облака были чем-то большим, чем просто водяным паром или углекислым газом.

На высоте 17 000 метров произошел первый взрыв. В рубке на секунду блеснул желтоватый отблеск. Корабль загудел, как гонг, и, казалось, отскочил куда-то вбок, содрогнулся и наклонился. Гироскопы тут же вернули его в исходное положение.

Потом то же самое произошло опять, но с другой стороны. Желтые вспышки, корабль скачет, как кролик, а снаружи раздаются глухие удары взрывов.

Было адски трудно инертно сидеть здесь, словно чучелу, неспособному даже говорить. У обоих стоял в глазах вопрос: Что происходит? Что идет не так, как надо?

Капитан думал: я неправильно расшифровал данные экранов и пытаюсь посадить корабль в жерло действующего вулкана. Вот она, удача Джоны...

Джордж думал: Из чего состоят эти облака? В них что, из-за трения началась какая-то химическая реакция?

Еще одна вспышка и снова резкий удар. Затем снаружи начало становиться светлее. Капитан понял это, хотя сосредоточил взгляд на высотомере.

11 000 метров.

У облаков все же имелась нижняя кромка, и корабль теперь вылетал из нее. Фрайбург украдкой взглянул на экран. Поверхность Венеры уже проглядывалась на нем, в тускло-сером свете, точно дождливым днем. Вдали по всему горизонту высились горы, увенчанные белыми шапками. А под ними раскинулась волнистая равнина, серовато-коричневая, но с проплешинами грязно-зеленого цвета.

И тут взгляд зафиксировал на экране далеко внизу белую вспышку. Из вспышки начал стремительно расширяться шар черного дыма, протягивая к ним неровные щупальца. Корабельные двигатели тут же раскромсали их в клочья.

В этот миг Фрайбург все понял. Вспышки были взрывами снарядов. Их обстреливала какая-то архаичная зенитная артиллерия или батарея управляемых ракет.

Причины могли быть безумными, но сам эффект вполне понятен. Фрайбург тут же успокоился. Теперь он видел, что происходит, и знал, как следует поступить — начать маневры уклонения.

Движением пальца на подлокотнике кресла он отключил автопилот, и одновременно ослабил ногу на педали, управляющей скоростью полета. К черту компьютер! Теперь он поведет корабль сам.

Корабль, выполняющий маневр торможения, внезапно устремился к земле, точно лифт. Тяжесть исчезла, и их на мгновение подняло с кресел.

– Летим... к... земле? – отрывисто спросил Джордж.

– Именно.

У капитана не было времени объяснять ему, не космонавту, почему нельзя мгновенно изменить направление движения ракеты в воздушном пространстве, чтобы уйти из зоны обстрела. Единственной возможностью было внезапно уйти вниз в надежде, что орудия, – если это вообще были орудия – потеряют вас. Возможно, где-то там существовала некая мертвая зона...

Но слишком мало шансов найти такую зону, они приближались к земле слишком быстро. Нога Фрайбурга снова уткнулась в педаль. Толчок выбил воздух из легких. Корабль дернулся, нога капитана сорвалась с педали. Он попытался одновременно возобновить дыхание и вернуть управление кораблем. Земля казалась ужасно близко. Корабль вошел в последний разрыв прежде, чем они достигли ее. Этого было достаточно, чтобы спасти их жизни, но удар сорвал их с кресел.

Корабль стоял на земле вертикально, неподвижно, носом вверх. Гражданские могли бы подумать, что все кончилось, все прекрасно, все в порядке, что, при необходимости, корабль может быстро взлететь и убраться отсюда ко всем чертям.

Но Джона Фрайбург знал, что он погубил еще один корабль.

Если бы только он не вмешался в управление, давая, таким образом, своей неудачливости шанс проявить себя, запрограммированный электронный мозг не забыл бы выдвинуть посадочное устройство – амортизатор с паучьими лапами.

А Джона Фрайбург забыл.

Конечно, он попал под огонь, неожиданно, в критический момент, но это не снимало с него ответственности. Фрайбург знал, в чем его вина — в полном служебном несоответствии.

Он также помнил удар по стабилизаторам корабля. Они не были рассчитаны на такое. Даже если они лишь немного погнуты, попытаться взлететь будет чистым самоубийством. Корабль начало бы вращать, и он бы вышел из-под контроля.

Фрайбург лежал на полу с закрытыми глазами. Он не хотел открывать их. Он чувствовал, как падает в пропасть страданий.

Джордж Старки подполз к нему, положил руку на лоб, потом стал ощупывать тело в поисках сломанных костей. Капитан вздохнул, нехотя открыл глаза и устало сел.

— Я в порядке, Джордж, — прошептал он и отметил, что впервые назвал исследователя по имени.

«А кто я такой, чтобы корчить из себя представителя власти?» — мазохистски подумал он.

Джордж критически посмотрел на него.

— Не будьте таким подавленным, кэп. Надеюсь, вы ни в чем не вините себя?

— Я забыл выдвинуть посадочное устройство, Джордж. Должно быть, я разбил стабилизаторы.

— Да? Но ведь мы угодили под обстрел, верно?

— Ну... Похоже на то.

— Ладно, тогда вы сделали единственную вещь, капитан. Вы спасли нас всех. Вы увели нас с линии огня. Да нас бы там разорвало на части. Возможно, у корабля немного погнуты стабилизаторы, зато он сел, а не валяется по кускам. Вы же не можете думать обо всем, когда все происходит так быстро.

— Капитан обязан всегда думать обо всем, — медленно отчеканил Фрайбург, потом встал и добрался до микрофона. — Эй, вы там?

Голос помощника слегка дрожал.

— Да, сэр.

— Как все? Кто-нибудь пострадал?

— Всего лишь несколько ушибов, сэр. Я еще не знаю о Фиркине... Как раз собирался пойти проверить.

— Хорошо.

Джордж включил экран внешнего обзора и стал смотреть на Венеру. Там было все спокойно. Серые облака висели над головой безо всяких просветов, насколько видел глаз. Они казались темными, полными влаги, словно в любой момент мог хлынуть дождь.

Но земля была сухой, желтовато-коричневой, местами покрытой редкой травой. Кроме того, она выглядела рябой от кратеров пяти, десяти и двадцати метров в диаметре. И никаких признаков жилья, никаких живых существ. Свет слишком слаб, чтобы отчетливо видеть горизонт, но вдоль него, казалось, простиралось какое-то темное пятно.

Капитан посмотрел через плечо Джорджа.

— Едва ли это место годится для проведения солнечного отпуска, — ухмыльнулся Джордж.

— Здесь мрачно... — Фрайбург чуть не добавил, мрачно, как у него на душе, но заставил себя замолчать. Он должен препятствовать распространению отчаяния, а не способствовать ему.

Динамик щелкнул и ожил. Голос помощника был еще более дрожащим.

— Сэр, Фиркин, кажется, мертв.

Фрайбург почувствовал, как еще один груз рухнул ему на плечи. Значит, теперь его назовут «убийца»? Это несправедливо, и в душе загорелось пламя негодования.

— Почему «кажется»? Вы что, не можете определить точно? Что там произошло?

— Не знаю, сэр. Думаю, вы должны сейчас же пройти в его каюту.

— Иду.

Капитану не нравился Фиркин, как человек, и, как человек, он был небольшой потерей. Самоуверенный, эгоистичный, скучный нытик, он поочередно то хвастал, то жаловался. Но как опытный, добросовестный аналитический химик, он являлся ценным членом экспедиции.

Джордж шел за шкипером по проходам и лестницам вниз. Помощник капитана стоял на страже у двери каюты Фиркина и выглядел взволнованным.

— Не входите, сэр. Просто взгляните в глазок.

Каюта Фиркина, которая одновременно являлась и его лабораторией, была герметична. В ней он должен был изучать венерианскую атмосферу. В двери имелось маленькое стеклянное окошко, в которое следовало заглянуть, чтобы понять, можно ли заходить в каюту. Фиркин ведь мог одеть защитный костюм, а вы были незащищены. И вы не могли знать, что может просочиться из нее в корабль.

Капитан заглянул в окошко. Фиркин был без шлема, значит, еще не начал работать. Он лежал на спине, очень тихий, но его лицо и тело искажила судорога. Рот полуоткрыт, как и глаза. Лицо иссиня-черное, влажная кровь испачкала его подбородок и запятнала пол. Но в этом нет полной уверенности, потому что по каюте струился белый туман, похожий на сигаретный дым, и видимость не слишком хорошая.

Однако, две вещи видно отчетливо. Разбитая кварцевая бутылка на полу. И зубчатый разрез во внешней стене каюты.

— Что вы думаете, Джордж? — спросил капитан.

Джордж в свою очередь оглядел каюту.

— Гм... Похоже, он, согласно плану, взял образец состава облака, но в каюту угодил осколок снаряда и разбил бутылку прямо у него под носом. Газ из облака, похоже, ядовитый: он кашлял кровью.

— Я согласен, — кивнул капитан. — И в каюте все еще остается

немного газа: его можно увидеть. Вы правильно сделали, помощник, остановив нас у двери. Однако, у нас остается проблема. Теперь, когда наш специалист погиб, как мы определим, можно дышать наружным воздухом или нет?

— Не думаю, что он опасен сэр. По крайней мере, он не ядовит, — заметил помощник. — Взгляните сюда.

Он провел их по проходу туда, где во внешней стене имелась еще одна пробоина, сантиметров пять шириной, и через нее можно было выглянуть наружу.

— Я думаю, нас накрыло после того, как мы вышли из облаков, — сказал помощник. — Но нам это не повредило.

Джордж провел пальцем по отверстию и почувствовал дуновение воздуха. Тогда он понюхал его и фыркнул.

— Осторожно, — предупредил Фрайбург.

— Мне кажется, все в порядке. Состав близок к нашему, им можно дышать. Есть какой-то запах, и он несколько плотнее, чем земная атмосфера, потому что дует внутрь, чтобы уравновесить давление.

— Ну, хоть в чем-то нам повезло, — проворчал капитан. — Возможно, нам не понадобятся скафандры. Как радио? — обратился он к помощнику. — Спаркс уже связался с Землей?

— Нет, сэр. Оно... гм... немного разбилось при посадке. Спаркс возится с ним.

— Вот черт! — выругался капитан.

Венера ближе к Солнцу, чем Земля, и при полете к ней связь с Землей становилась все хуже из-за помех, создаваемых потоками электронов от светила, пока статика совсем не прервала ее. А теперь Фрайбург не мог сообщить о том, что они все-таки сели на Венеру. С другой стороны, его отчет о случившемся при посадке тоже откладывался.

— Давайте выберемся наружу и оценим размеры ущерба, — командовал он с какой-то смесью облегчения и раздражения.

Воздух вполне годился для дыхания, но резкий запах заставлял кашлять. И повышенная плотность раздражала. Все время ощущалось, как воздух давит на барабанные перепонки, а окружающие говорили, казалось, на повышенных тонах. Все это, да серый свет, да нахмуренные облака сводили на нет небольшой душевный подъем, который давало немного меньшее тяготение.

Фрайбург хмуро осматривал раздавленные стабилизаторы.

— Чтобы привести их в норму потребуется больше недели, — проворчал он.

Джордж принес подзорную трубу и осмотрел окружающий горизонт.

— Вон в том направлении высокие горы, — сообщил он. — Километров, примерно, шестьдесят отсюда, я бы сказал. Все остальное, насколько я могу видеть, одна большая равнина.

— Равнина, — проворчал капитан. — А также и поле битвы. Эти отверстия в земле очень напоминают мне воронки. И они довольно свежие. Ну, я надеялся отыскать на Венере разумную жизнь, а теперь сомневаюсь, что мы будем этому рады. Должно быть, венерианцы — кто же еще? — обстреляли нас, но тогда они должны быть отсталой расой, раз палят из орудий, известных на Земле еще сотни лет назад. Так что мы можем только радоваться, если уберемся живыми с этой проклятой планеты.

Джордж, хмурясь, уставился в подзорную трубу. Ему не нравились эти пораженческие разглагольствования. Не успели они прилететь на Венеру, а шкипер уже думает, как бы улететь с нее.

По трапу из корабля спустились еще трое из команды, горя желанием посмотреть на Венеру. Радиооператора оставили в покое на корабле, пусть чинит рацию и восстанавливает связь. Все стали бродить вокруг, осматривая ландшафт.

Капитан покопался в одном из больших кратеров и нашел металлические куски оболочки снаряда или бомбы. Конечно же, где-то здесь шла война.

Внезапно закричал, подзывая его, Джордж. Капитан подошел.

— А что вы скажете на это? — сказал Джордж, указывая куда-то рукой.

Это был совершенно прямой разрез в земле, сантиметра три-четыре шириной. Он тянулся в обеих направлениях, насколько хватало глаз, — простая прямая линия.

— Я прошел вдоль него. Он, вроде бы, не кончается, — показал Джордж.

— Странно, — пробормотал капитан. — Выглядит так, словно кто-то провел по земле гигантским ножом. Есть ли какие-нибудь параллельные отметки?

— Я ничего не увидел.

— Какой же дьявол держал этот нож? — спросил капитан. — Я имею в виду, если бы это был какой-то плуг, то должны остаться следы от колес или чего-то подобного.

— Я ничего такого не нашел, шкип.

— Что же это может быть? Межа? Граница?

— Возможно. Не знаю. Думаю, единственный способ узнать состоит в том, чтобы проследовать по этой линии и посмотреть, где она кончится.

— Да, Джордж, и мы можем наткнуться на того, кто ее сделал. Не станем слишком спешить. Мы должны побыть здесь какое-то время, подождать и посмотреть, не придут ли сюда туземцы. Они не кажутся слишком дружелюбными. Возможно, нам понадобятся все, способные держать оружие, чтобы отбить нападение. Мы устроим командный пункт в одном из этих кратеров. У меня есть подозрение, что под землей мы будем в большей безопасности, и если...

Капитана прервал чей-то тонкий, резкий вопль, который становился все громче. Вся команда закричала, тыча куда-то руками. Что-то быстро передвигалось по равнине.

— Подзорную трубу! — рявкнул он, и Джордж поспешно вручил ее ему.

Но даже через трубу было трудно разглядеть в слабом свете мчащуюся к ним штуку. Капитан Фрайбург как-то раз видел, как оторвалось колесо гоночного автомобиля и помчалось само собой, гудя, как горн. Что-то подобное и катилось сейчас к ним примерно на такой же скорости, только это колесо было метров семь в диаметре. Одно колесо из мерцающего металла, сужающееся от центра к краю до тонкости лезвия. Оно походило на колесо от огромного ножа взбесившейся мясорубки.

– Все в кратеры! – закричал Фрайбург.

Возрастающий звук от колеса почти заглушил его голос. Он отчаянно махнул рукой, и команда побежала к отверстиям в земле. Когда он увидел, что все нашли себе убежище, то бросился вместе с Джорджем к ближайшему кратеру. Он был достаточно неглубокий, но колесо на такой скорости в любом случае перескочит через него, не задев их. Капитан не сомневался, что именно эта штука оставила странный след на равнине, и, насколько он помнил, след был не слишком глубоким.

Визг колеса заставил дрожать воздух, и земля, казалось, затряслась с ним в унисон. Фрайбург был рад этому, потому что так вышло проще скрыть собственную дрожь.

Они лежали, уткнув лица в землю, ожидая, пока колесо промчится мимо, но вой, сопровождаемый свистом, как от электрического вентилятора, продолжался.

И все это и не думало прекращаться.

Капитан с Джорджем осторожно подняли головы и выглянули из кратера. Колесо бежало по широкому кругу вокруг целой группы кратеров. Оно следовало своим курсом так стремительно, что казалось целым десятком туманных, мерцающих фигур семи метров в высоту.

Космический корабль стоял почти точно в центре этого круга.

– Это проклятое колесо само роет канавку! – закричал Джордж в самое ухо капитану.

Фрайбург решил, что не время дискутировать.

– Следуйте за мной! – рявкнул он и побежал к кораблю.

Джордж удивился, но выпрыгнул из кратера и побежал по дрожащей земле за капитаном. Из кратеров тут и там высунулись головы членов команды, вопросительно глядя на них. Фрайбург на бегу махнул им, чтобы скрылись обратно.

На корабле было немного потише.

– Найдите Спаркса! Отправляйтесь с ним в оружейку, – велел капитан, переводя дух.

Джордж кивнул. «Надеюсь, тот закончил с рацией», – подумал он, поднимаясь в радиорубку.

При подготовке экспедиции велись некоторые споры о том, должна ли первая экспедиция на Венеру лететь вооруженной или нет. Высказывалось огромное количество чепухи, поскольку никто не знал, воинственные венерианцы или мирные, гуманоиды или негуманоиды, чудовища или насекомые – и существуют ли они вообще.

Все соглашались лишь в одном пункте: нельзя брать никакого атомного оружия. Использование подобного могло начать то, что никогда не закончится.

С другой стороны, отдать экипаж корабля с голыми руками на ужин плотоядным динозаврам...

Легкое, ручное, но мощное оружие показалось всем золотой серединой. И, наконец, сошлись на старой доброй базуке. С ней просто управляться, и вся команда быстро прошла тренировку.

Но надеялись, что в ней не возникнет необходимость.

Джордж нашел Спаркса глядящим в иллюминатор и пытающимся понять, что происходит снаружи. По пути к оружейке он приложил все усилия, чтобы быстренько обрисовать Спарксу картину происходящего.

Капитан распаковал треногу и ствол базуки.

— Я понесу это, — сказал он, — а вы по два магазина каждый. Коробки были тяжелые на Земле, да и здесь не такие уж легкие. Джордж, идущий сразу за Фрайбургом, закричал:

— Вы что-нибудь увидели там, шкип?

— Нет, — ответил Фрайбург. — Нужно попытаться остановить это чертово колесо.

Когда они вышли из корабля, внушающие страх звуки колеса снова с полной силой ударили по ушам. Капитан принялся устанавливать треногу в нескольких метрах от входа. Джордж и радиооператор свалили коробки рядом, открыли и подготовили плавкие предохранители снарядов.

Возможно, сыграло роль воображение, но Джорджу показалось, что колесо немного замедлило скорость. По крайней мере, по периметру вроде бы стало меньше его двойников. Но периметр все еще был явно непроходим. Если кто-нибудь попробовал бы перебежать через него, то бешено несущееся колесо вполне могло разрезать смельчака пополам.

Капитан возился с треногой, но отклонил предложенную нетерпеливым Джорджем помощь.

Спаркс, зачарованно пялящийся на колесо, внезапно закричал:

— Оно приближается к нам!

Джордж бросил взгляд в его сторону. Все верно. Вырытое колесом углубление стало уже мелкой траншеей и неуклонно расширялось в их сторону, расчищаемое острой кромкой колеса.

Он вспомнил рассказ Эдгара По «Колодец и Маятник», и это воспоминание не прибавило ему радости.

Капитан пнул ученого в лодыжку и проревел:

— Снаряды! Быстро!

Джордж выложил восемь снарядов в линию и вставил первое в трубу базуки.

Фрайбург стал целиться в середину периметра, по которому носилось колесо.

Свист! Таща за собой шлейф огня и дыма, первый снаряд вылетел из заколдованного круга.

Свист! Свист! Свист! Еще три снаряда ушли один за другим.

Заряды проходили сквозь стену, словно это только марево, падали на землю и взрывались в полукилометре далее.

Свист! Свист! Свист! Сви... Взрыв!

Все бросились на землю, поскольку мимо завизжала шрапнель. Последний снаряд попал в цель. И немедленно вой стал вдвое тише.

Они осторожно подняли головы. Стена стала была все еще там, но уже не такая монолитная. Теперь можно было разглядеть огромный диск с группой источников дневного света, вращающихся вокруг ступицы. Это было единственное отверстие возле центра, но вращение колеса заставляло его казаться целой группой.

Само же колесо оказалось отброшено к противоположной стороне траншеи, которую рыло.

Прежде чем кто-то успел сказать хоть слово, раздался рев, словно рядом взлетал авиалайнер. И внезапно позади них, сотрясая землю, появилось большое облако черного дыма. Осколки снаряда отчаянно разорвали воздух.

Все это случилось в опасной близости.

Фрайбург оставил базуку.

— Прячьтесь! — крикнул он и нырнул в ближайший кратер.

И тут ад вырвался на свободу.

К ним с завываниями полетел целый залп снарядов. Земля загудела, точно гигантский барабан. Всех троих в кратере перемешало, как игральные кости в коробке. Появились густые облака желтого газа, заставившие людей беспомощно кашлять. Всюду стоял запах сгоревшего пороха. Градом сыпалась шрапнель.

Наконец, все прекратилось, но в ушах продолжало звенеть от

происшедшего. И они с трудом различили гул колеса. Теперь он превратился в простой треск.

Джордж вытер слезы и пот со щек.

— Добро пожаловать на Венеру, планету Любви, — хрипло про-
бормотал он.

Спаркс ничего не ответил. Он сильно прокусил губу и теперь прикладывал к ней окровавленный носовой платок.

Фрайбург осторожно высунулся из кратера и помахал рукой, тщетно пытаясь разогнать остатки желтого газа.

— Ни черта не видно, — проворчал он. — Ну вот, теперь немно-
го яснее... Там что-то движется. Джордж, дай-ка твою подзорную
трубу...

Джордж протянул ему трубу. Слышался отдаленный хруст, перекрывающий жужжание колеса.

— Танки, — сказал капитан, всматриваясь. — Ну, это все объясня-
ет. Танки старого образца, с пушками... Ну, прямо Средневековье.

Он медленно поворачивал трубу, осматриваясь по сторонам.

— Мы окружены, — сказал он, наконец. — Они приближаются.
Сжимают кольцо, чтобы проще было уничтожить нас.

II

— Я за базукой! — закричал Джордж.

— Бесполезно, — невнятно пробормотал Спаркс. — Она получи-
ла прямое попадание. Ее разнесло на куски.

— На корабле есть еще, — огрызнулся Джордж.

— Оставайся на месте, — приказал Фрайбург, — или на куски раз-
несет тебя. Не стоит и пытаться. Я насчитал двадцать пять танков, а
позади них вообще какой-то механический монстр. Погляди сам.

Джордж взглянул в подзорную трубу. Колесо, непрерывно бе-
гущее по периметру, заставляло все, находящееся вне его пери-

метра, мигать. Но Джордж увидел танки меньше чем в километре отсюда. С низкой посадкой, широкими треками и приземистыми башенками, они, казалось, прижались к земле. Они медленно ползли вперед, и все орудия были нацелены прямо на корабль.

А за ними возвышалась громадная торпеда на колесах, метров пятидесяти длиной. Нос ее цилиндрического тела резко заострялся, а вся она казалось выполненной из какого-то тусклого металла, со стабилизаторами по бокам и стремительно вращающимися колесами.

Из хвоста торпеды вырывалась струя белого, раскаленного газа.

— У нее реактивный двигатель, — заметил Джордж. — Я бы предположил, что это мобильный, бронированный командный пункт, который управляет всем полем боя. Да эта проклятая штука почти так же велика, как наш корабль!

— Я думаю, вы правы, Джордж, — согласился Фрайбург. — Нам противостоит целая механизированная армия. У нас нет ни малейшего шанса. Мы должны поднять белый флаг и попытаться начать переговоры. Во всяком случае, я хотел бы узнать, что они имеют против нас, прежде чем нас уничтожат... Эй, они прекратили движение. Интересно, почему?

Все с волнением ждали. Не остановилось только колесо, по-прежнему мчащееся по периметру, но даже его свист превратился в тихие вздохи. И скорость его тоже упала, так что теперь отчетливо проглядывалось отверстие в центре.

Затем колесо остановилось, его по инерции повело в сторону, конструкция упала на бок и осталась неподвижно лежать.

— Оно выполнило свою цель, — сказал капитан, снимая куртку. — Пожалуй, оно было нужно затем, чтобы не дать нам разбежаться, пока не подтянутся основные силы. Вы заметили воздушные желобки на ступице? Мы уничтожили часть их, когда попали в

колесо, он остальные уцелели. Именно из них неся этот вой, чтобы ошеломить и деморализовать нас. Это как древние японские воины, вопящие: «Банзай!»

— Не думаю, что мне нравятся эти венерианцы, — нахмурился Спаркс.

Губа его перестала кровоточить, и он не хотел шевелить ей.

— Да мне тоже, — ответил Фрайбург. — Но все равно мы должны вести себя разумно. Нравится или нет, но мы должны постараться выглядеть дружелюбными. Жесткое поведение ничем нам сейчас не поможет.

— Это чисто земное понятие, — скептически произнес Джордж, когда капитан принялся размахивать белой рубашкой. — Они могут нас просто не понять...

Банг! Банг! Банг! Три снаряда с ревом прилетели и разорвались около корабля.

Капитан поспешно убрал рубашку.

— Это что-то означает. Очевидно, нас неправильно поняли.

Спаркс издал невнятный звук.

— Корабль! — простонал он.

Все повернулись. Снаряды разорвались возле поврежденных стабилизаторов и оторвали их от земли. Корабль заскрипел и начал клониться на бок. Теперь он походил на Пизанскую башню и продолжал клониться все ниже.

— Раздавит! — крикнул Джордж.

Но им повезло. Корабль клонился в сторону, пока не рухнул, подпрыгнул и прокатился несколько метров. Над ним широким коричневым облаком взметнулась и стала медленно оседать пыль. Больше не было никакого движения. Упавший корабль лежал столь же неподвижно, как и упавшее колесо.

Рубашка оказалась капитану полезной лишь для того, чтобы вытереть ею пот со лба.

— Последний штрих, — сплюнул он. — Теперь вы уж точно можете списать свою радиостанцию в лом, Спаркс.

Радиооператор молча кивнул. Ее нижняя губа снова кровоточила — он прикусил за то же место.

Все резко повернули головы в другую сторону, потому что со стороны равнины раздался громкий рев.

— Черт побери, здесь явно не место для отдыха, — чертыхнулся Фрайбург. — Мне что-то не по себе. И что там на этот раз?

— Бронированный командный пункт, — ответил Джордж, стараясь выглядеть твердым. — Он пулей летит к нам.

И действительно, большая торпеда неслась к ним с реактивным ревом. Они видели лишь ее острый нос. Она мчалась сквозь кольцо неподвижных танков, и земля тряслась под ее бешено вращающимися металлическими колесами.

— Все вниз, — устало скомандовал Фрайбург.

Он устал пребывать в своеобразном эпицентре землетрясения, когда все вокруг постоянно носилось и нападало с шумом, ревом и взрывами. Падение корабля стало последней каплей, и капитан впал в состояние циничного отчаяния.

Рев оборвался, раздался рвущий нервы визг, словно нажали на гигантские тормоза. И наступила тишина. А потом послышался хруст земли, размалываемой двадцатью пятью двинувшимися одновременно танками.

Джордж поймал остекленевший взгляд Фрайбурга и криво усмехнулся ему. Фрайбург попытался ответить тем же, но губы не повиновались.

— И сколько это будет продолжаться? — мрачно спросил он.

Джордж не ответил. Наступила такая неожиданная тишина, что сама по себе казалась шумом.

Но капитана уже ничто не волновало. Он просто тупо ждал дальнейших событий. Спаркс тоже сдался и неподвижно лежал на боку, прижав к губам пропитанный красным платок.

Но любознательность темпераментного Джорджа не угасла. Он выглянул из кратера — и был несказанно удивлен, поскольку танки, все до единого, отказались от наступления. Они развернулись и отступали, длинные стволы орудий нацелились в противоположную сторону. Кораблю и землянам они открыли свои явно незащищенные спины.

И громадная торпеда на колесах тоже разворачивалась, показывая им свою заднюю часть. Она не доехала до них метров двести и теперь замерла, словно в ожидании чего-то. Только вокруг ее хвостовой части дрожал нагретый воздух. Вообще это был точно пейзаж, нарисованный в мрачных тонах, с нависающими, неподвижными, свинцовыми облаками.

Джордж вопросительно взглянул на своего капитана.

Капитан, прищурившись, пристально посмотрел на него в ответ.

— Теперь мне понятно, что все это лишь игра, — проворчал он. — Теперь они хотят, чтобы мы преследовали их. Черт с ними! Пойду посмотрю, как там остальные.

Он отказался от помощи Джорджа, вылез из ямы и не спеша пошел к кратерам, где пряталась остальная часть команды. Одного кратера вообще не стало. Его засыпало, и он превратился в братскую могилу. Во втором лежали помощник и еще один член команды. Вокруг них разбросало, как уличный мусор, массу осколков шрапнели, но оба казались целы.

— Проснитесь, мужчины, — бросил капитан. — Время обедать.

Он стоял на гребне кратера, хорошо видимый со всех сторон, но его это больше не волновало. Судьба всю жизнь использовала его в качестве мишени, а сейчас он впервые мог признаться себе, что на него не обращают внимания.

Помощник медленно приподнял грязное лицо. Снаряды не раз разрывались возле его убежища, много раз наплывали потоки гу-

стого газа, и на его щеках были светлые борозды от слез. Возможно, он плакал. А может, слезы текли только от действия газа.

— Милман мертв, сэр, — прошептал он.

— Вы уверены? — нахмурился капитан. — Он вроде бы цел.

— Всего лишь крошечный осколок. Точно в правый глаз.

Капитан Джона Фрайбург вздохнул.

— Баркер и Хайнц тоже мертвы. И похоронены. Так что нас осталось всего четверо. Именно столько нужно для бриджа. У вас есть карты?

Помощник сел прямо.

— Нет, сэр. — Он был озадачен этими циничными словами.

Джордж как раз подошел к ним, все слышал, но не был удивлен. Он понимал состояние Фрайбурга.

Он обследовал Милмана, тело которого походило на камень, мертвое и быстро остывающее. Потом выбрался из кратера и стал осторожно разглядывать окрестности в подозрную трубу. Там было столь же оживленно, как на кладбище после ливня.

Фрайбург уселся на край кратера и стал лениво покачивать ногами, набивая трубку.

— Отдохните здесь немного, шкип, — сказал Джордж. — А я пока сбегаю к этому командному пункту, посмотрю, может, сумею вступить в контакт и пойму, что здесь происходит, кто и против кого воюет.

Фрайбург рассеянно кивнул, занятый трубкой.

— Можно, я с вами, мистер Старки? — спросил помощник.

— Конечно, друг.

Они оба направились к длинному, тускло мерцающему корпусу торпеды. Спаркс поколебался и присоединился к ним. На его подбородке засохла кровь.

— Попробуем установить перемирие? — поинтересовался он.

— Как? — ответил Джордж. — Просто будьте готовы упасть на землю, если что-то начнет происходить.

Но ничего не происходило. Они подошли к этому монстру на колесах. Не было никаких признаков люков или иллюминаторов, а когда они пошли вдоль него, то увидели, что корпус сплошной, лишь из спины чудища, поближе к носу, торчат несколько коротких гибких прутьев – точь-в-точь антенны.

Джордж встал на цыпочки, схватил один из прутьев и потянул. Прут легко согнулся, а затем распрямился, когда Джордж выпустил его. Чудовище не казалось оскорбленным или в какой-то степени потревоженным. Оно полностью проигнорировало его.

Тогда Джордж поднял камень и несколько раз ударил им по корпусу. Помощник и Спаркс осмотрительно отступили назад, чтобы их не задело, если чудище вдруг решит тронуться с места. Но ничего не произошло.

– Никого нет дома, – съязвил Джордж, выбросив камень. – Или они играют в опоссума, наблюдая за нами – может, в корпусе есть какие-то односторонние экраны.

На всякий случай, если это было так, он дружелюбно помахал руками. Торпеда оставалась совершенно безразличной. Джордж махнул рукой.

– Ну, может, у водителей танков будет что нам сказать. Давайте, пойдем к ним.

Они поплелись по сухой земле к ближайшему танку, внутренне сжимаясь от ожидания, что вот сейчас он развернется и направит на них пушку (длинный ствол торчал прямо из корпуса, а не из башенки, слишком маленькой для того, чтобы нести орудие). Но все танки остались неподвижными.

Однако, они были более многообещающими, чем торпеда без окон, без дверей. Потому что в каждой башенке была крышка люка с ручкой. Джордж, к которому вернулась храбрость, вскарабкался на первый танк и попытался открыть люк. Это оказалось очень просто. Крышка поднялась после первого же поворота ручки.

Джордж заглянул вниз и увидел тыльный конец орудия. Там нашлось определенно зарядное устройство с автоматической подачей снарядов. Еще имелся радар с крошечным экраном. И было водительское сидение, вполне пригодное для человека, с удобно расположенной приборной панелью, включая видеозэкран.

Там было все — кроме водителя.

Тем временем Спаркс и помощник осмотрели другие танки и вернулись с тем же ответом. Во всех танках отсутствовали водители.

— Итак, что произошло с водителями? — задал вопрос Спаркс.
— Они не могли убежать — мы бы это заметили.

— Может быть, они очень маленькие и спрятались к черту в карман? — сказал помощник, делая попытку состричь, чтобы скрыть свое разочарование.

— Хотя танки и оборудованы водительскими местами, должно быть, они управляются дистанционно, — предположил Джордж.
— Вопрос в том, где эти операторы? Спрятались в той сигаре на колесах? А может, сидят в некоем Центре где-нибудь у линии горизонта?

— Держу пари, что они в сигаре, — высказался помощник. — И прячутся там. Потому что потерпели неудачу. Смотрите, этот хот-дог на колесах прибыл, чтобы поубивать всех нас. Затем передумал и развернулся, чтобы уехать обратно. Но тут у него разрядились батареи или что-то в этом духе. И все танки остановились, потому что управлялись из этой штуки. Они застряли здесь, потому что у них кончилась энергия. И может быть, прямо сейчас они перезаряжают свои батареи. Мы узнаем об этом, если они внезапно включатся.

— Хорошая теория, — согласился Джордж, почесывая голову. — А что вы думаете об этом знаке?

Он указал на белое «О», нарисованное на боку ближайшего танка.

— Отличительный знак подразделения, — ответил помощник. — У всех танков точно такое же «О».

— Или ноль, — добавил Спаркс. — Но более вероятно, что это просто круг. Не думаете же вы, что венериане используют наш алфавит или систему счета.

Но помощник пропустил его слова мимо ушей, к чему-то прислушиваясь. Послышалось отдаленное тяжелое гудение.

— Вроде как с неба, — решил Джордж. — Что-то похожее на самолеты.

— Нужно вернуться к кратерам, — занервничал помощник.

Они пошли назад. Грозно гудело уже прямо над головами. Космонавты оглядывались через плечо, но видели только серое небо.

Фрайбург сидел на том же месте, покуривая трубку. Если он и слышал гудение, то не придавал этому значения.

— Привет, мальчики. Быстро же вы вернулись. Что-нибудь узнали?

— И да, и нет, — ответил Джордж. Гудение нервировало его, он то и дело поглядывал вверх. — Под самыми облаками или даже в них, — сказал он, наконец. — Сомневаюсь, что они могут рассмотреть нас, да даже просто узнать, что мы существуем...

И в этот миг закончился спокойный период. С нарастающим воем вниз полетела первая пачка бомб. И два танка взметнулись в воздух, как игрушки, подброшенные капризным ребенком. Ударил взрывная волна. Все кинулись в углубление, где по-прежнему лежало тело Милмана, только капитан с удивленным видом остался сидеть на краю кратера. Джордж схватил его за ноги и утащил вниз.

— Моя трубка! — страдающим голосом воскликнул Фрайбург и попытался подхватить ее.

Снова началась бессмысленная война. Вдалеке раздались залпы невидимых зенитных орудий и ракетных батарей, палящих по невидимому в небе врагу. На сей раз танки и большая торпеда на

колесах не приняли участие в бое, не считая того, что являлись мишенями для бомб.

Люди в кратере много слышали, но мало видели. Они были засыпаны кучами камешков, кашляли от серых ядовитых облаков дыма. С неба сыпались бомбы, но среди них попадались и бесформенные куски аэропланов, сбитых наземной артиллерией. Кругом все гремело, лился смертоносный ливень шрапнели, и не оставалось ничего другого, как только неподвижно лежать и молиться.

Затем гул, слабея, сместился на запад. Бомбежка поблизости прекратилась, хотя с запада все еще доносился унылый грохот.

И, наконец, опять все стихло.

Джордж встал, пересчитал всех по головам и облегченно вздохнул, потому что единственным мертвецом среди них был по-прежнему Милман. Остальные разглядывали ушибы, но единственная кровь сочилась из поврежденной ранее многострадальной губы Спаркса.

Фрайбург выглядел задумчивым, и Джордж понадеялся, что это хороший знак.

— Что мне действительно нужно, так это био-клей, но может, у кого-нибудь есть хотя бы запасной носовой платок?

Джордж отдал ему свой платок и высунулся из кратера. Все танки остались на местах, хотя некоторых сдвинуло взрывами, а четыре опрокинуло. Торпеда на колесах стояла на прежнем месте без видимых повреждений: возможно, у нее была броня которую не могли пробить осколки.

Где-то вдалеке Джордж уловил неясное движение, повернул туда подозрительную трубу и громко простонал. Начинаясь еще одна танковая атака.

Он предупредил остальных. Капитан только пожал плечами, помощник выглядел испуганным, а Спаркс принялся ругаться.

И внезапно ожили ближайшие танки, которые недавно атако-

вали их — все, кроме четырех опрокинутых. Загудели двигатели и они медленно поползли назад, образуя меньший, но более плотный круг. Затем остановились. Торпеда на колесах не сдвинулась с места.

— Вы что-нибудь понимаете? — спросил помощник.

— Сумасшедший дом, — выругался Джордж. — И знаете, что? Я не думаю, что ваша гипотеза о том, что у них закончилась энергия, была правильной. Они заняли круговую оборону, чтобы защитить нас. Бомбы проделали в их круге бреши. И теперь они сомкнули ряды, чтобы повысить свою обороноспособность.

Помощник почесал голову.

— Я этому не верю. Они первыми начали стрелять в нас. Так какого черта они должны переменить свои убеждения?

— Тогда придумайте свое объяснение, — хмыкнул Джордж.

Фрайбург ничего не сказал, но внимательно слушал, снова заинтересовавшись окружающим. Он внимательно смотрел на наступающие танки.

Но первыми открыли беглый огонь танки вокруг них. И для этого нашлась причина. Скоро стало ясно, что нападающие меньше в размере и более быстры, но и оружие у них, соответственно, меньшего калибра. Таким образом, крупные танки использовали свое преимущество в дальности стрельбы.

Однако, маленьких танков было вдвое больше. Они носились по полю, словно песчаные жуки, не давая в себя попасть. Тактика их выглядела простой. Они приближались, делали несколько быстрых выстрелов и зигзагами отходили подальше. Это не всегда сходило им с рук, несколько уже подбили.

Наблюдать за этим было увлекательно, но опасно. Снаряды летели во всех направлениях. Но люди в кратере держали полный нейтралитет, поэтому нелогично чувствовали себя в безопасности.

Но это ощущение длилось недолго. Маленький вражеский танк

проник через брешь в защитном кольце (земляне уже стали разделять танки на «своих» и врагов) и ринулся к их кратеру, стреляя на ходу. Пули свистели над головами и барабанили по лежащему сзади космическому кораблю.

Этот танк уже приближался, но прежде чем снова успел открыть огонь, с сердитым ревом ракетных двигателей ожила гигантская торпеда на колесах.

Мгновенно набрав скорость, она буквально снесла с пути маленький танк, как бык сметает несчастного зазевавшегося пикадора.

Раздался звук, словно столкнулись две гигантские тарелки. Танк беспомощно опрокинулся на спину, точно черепаха, молотя по воздуху гусеницами. Чудовище на колесах с диким визгом тормозов сумело остановиться, продвинувшись по инерции не дальше длины собственного корпуса, и опять стало неподвижно.

— Эти парни в командном центре не зевают! — прокричал Джордж в самое ухо капитану.

Фрайбург кивнул и указал на беспомощный танк. Он что-то крикнул в ответ, но его фразу заглушил шум продолжавшейся во круг битвы, и Джордж уловил лишь слово «Треугольник!».

Он внимательно взглянул на поверженный танк и увидел у него на боку большой зеленый треугольник, на том же месте, где у «их» танков нарисован белый круг. «Если я останусь в живых, — подумал он, — то непременно решу эту загадку». Обладатели белого круга безо всякой причины напали на только что севших землян. А затем, тоже безо всякой причины, стали защищать их от «зеленых треугольников». Тогда за что они сражаются? И кто эти воюющие стороны? Война идет по всей Венере, или это им посчастливилось угодить в самую гущу какой-то местной заварушки?

Внезапно все маленькие танки одновременно развернулись, словно повинувшись единой команде, и стремительно помчались на-

зад, туда, откуда прибыли, оставляя позади клубы пыли и с дюжину своих товарищей, подбитых и горящих.

Защищающиеся танки прекратили стрельбу.

— Мы отбили атаку! — торжествуя произнес Фрайбург.

— Мы? — эхом отозвался Джордж. — Кто это «мы»?

— Хороший вопрос, — кивнул Фрайбург, оглядывая картину бегства, и внезапно застыл. — Ага! Джордж, трубу!

Джордж подал подозрную трубу.

— Это еще не конец, — сказал немного погодя Фрайбург. — Если вообще не начало конца. По крайней мере, выглядит именно так.

Джордж напряг зрение, пытаясь рассмотреть то, что увидел капитан, и где-то у самого горизонта уловил темное пятнышко, которого там прежде не было.

— Что это, шкип?

— Это — дедушка всех танков, мой мальчик. Раз в пять побольше наших здешних друзей. И гораздо выше, чем то проклятое колесо — не меньше десяти метров, думаю. Должно быть, он адски тяжелый, и непонятно, почему вообще не увязает в земле. И он движется в нашем направлении. Не очень быстро, скорее, медленно. И выглядит очень мрачным. Единственное, остается надеяться, что у него нет собратьев.

— Может, он идет нам на помощь? Возможно, это именно он спугнул танки с треугольниками?

— Хотел бы я думать так же, Джордж, но, боюсь, не все так просто. Те мелкие скоты мчатся к нему, как детишки, к матери. Возможно, он — их мать. Во всяком случае, он в них не стреляет. Что-то в его облике напоминает мне о большом пауке женского пола и его выводке. Теперь они грудятся позади него — как детишки виснут на материнском переднике... Да, Джордж, все бесполезно. На нем их знак: старый веселенький зеленый треугольник. Так что у нас впереди большая головная боль. У вас случайно нет аспирина?

Он с улыбкой протянул Джорджу трубу. Джордж с любопытством взглянул на него.

— Кажется, вы приободрились, шкип? Какое-то время я боялся, что вы сдались.

— Так и было, Джордж, но я ожил... Теперь я понимаю, что происходит. Сперва мне казалось, что все и всё против нас. Но когда парни в командном пункте решили нас защищать, мне стало гораздо лучше. Приятно узнать, что хоть кто-то на твоей стороне. Но теперь, боюсь, пошла серьезная игра.

— Понятно, — сказал Джордж и подумал, что был свидетелем какого-то странного психологического грима Фрайбурга.

Фрайбург терпеть не мог отсутствия самостоятельности, а также ответственности за все происходящее, когда он совершенно беспомощен и не может ничего изменить. Сейчас он был по-прежнему беспомощен, но хотя бы не один: неизвестный командующий в штабе на колесах принял их под защиту. Фрайбург приобрел союзника своего уровня. Казалось, он забыл, что двое из экипажа убиты именно танками с белыми кругами, иначе бы он расценил их действия просто как ошибку...

Спаркс и помощник присели у основания кратера, бледные, утомленные сражением.

Вдалеке прозвучал тяжелый удар. Это был первый выстрел танка-чудовища. В воздухе завыл снаряд крупного калибра. Джордж бросился на землю возле помощника и почувствовал, как тот дрожит в ожидании взрыва.

И взрыв не заставил себя ждать. Снаряд промахнулся и упал метрах в трехстах позади их корабля. С треском, словно лопнула все земля, в тоскливое небо взлетел огромный фонтан коричневой грязи. Вокруг все заволкло черным дымом.

Ничуть этим не испуганный, Фрайбург остался на гребне кратера, наблюдая за происходящим.

Танки с белыми кругами начали стрелять, до упора подняв длинные стволы орудий.

— Наши снаряды не долетают, — сообщил Фрайбург. — Он остановился вне досягаемости и собирается расстреливать нас оттуда.

Еще один удар, снова вой с нарастающей амплитудой, а затем грохот взрыва. И снова перелет, но на этот раз снаряд упал ближе.

Спаркс искоса посмотрел на Джорджа. Глаза его были круглые и испуганные над носовым платком с красными пятнами, который он прижимал к лицу. «Они пристреливаются, — подумал Джордж, — и исправляют свои ошибки, так что только вопрос времени...»

Новый звук дернул их натянутые нервы. Это включились реактивные двигатели бронированного командного пункта. Они почувствовали, как задрожала земля, когда он тронулся с места. Все, даже Спаркс, взобрались на гребень кратера, чтобы посмотреть, не отступает ли он, бросив их на произвол судьбы.

Но, ревя двигателями и гремя колесами, чудовищная торпеда летела стрелой к громадному тусклому танку, застывшему вдалеке.

Она и не думала убегать, напротив, она продолжала их защищать.

Эмоционально взвинченный, Джордж почувствовал, как у него перехватило горло. Это был Давид против Голиафа, проявлявший бесполезную, безумную храбрость. Чудовищный танк был слишком велик и тяжел, чтобы его можно было смести с пути, как до этого торпеда на колесах смела маленькую танкетку. Пойдя на таран, торпеда бы только разбилась вдребезги, как налетевшая на скалу лодка.

«Нет, — подумал Джордж, — он не сделает такую глупость, он просто стремится потрепать им нервы. Он хочет выманить чудовищный танк вперед, как собака, выманивающая медведя прямо на

охотника. Он будет бросаться на него, используя свою скорость, чтобы держаться вне опасности».

Используя внезапно появившиеся мелкокалиберные скорострельные пушки, гигантский танк прекратил стрельбу из главного орудия. Стремительно несущаяся к нему торпеда прошла сквозь огневой заслон неповрежденной, а затем повернула направо, словно собиралась объехать большой танк, но тут же резко сменила курс и напала на него с фланга.

Ее острый нос нацелился танку прямо в бок.

Возникла ослепительная вспышка, казалось, расколовшая и землю, и небеса.

Наблюдатели на какое-то время ослепли. Взрывная волна ударила их, сбила с ног и разбросала, как кегли.

Они, ошеломленные, поднялись на ноги. Эхо взрыва все еще катилось от горизонта.

Спарксу требовалась немедленная медицинская помощь. Его нижняя губа теперь превратилась в кусок сырого мяса, красного, как помидор. Он стонал от боли. В ход снова пошла рубашка Фрайбурга. Он порвал ее на грубые полосы и туго перевязал челюсть радиооператору, хотя это означало завязать ему рот.

Когда же они посмотрели на громадный танк, на его месте пылало пламя. Танк-монстр был разнесен буквально на части. Его башня, разорванная пополам, лежала в полукилометре позади, орудия были поломаны, как палочки, а в лобовой броне зияла громадная зазубренная щель. Теперь это был не танк, а просто груда металлолома.

Одно колесо командного центра было унесено назад и лежало неподалеку, совсем целенькое. Но это все, что осталось от торпеды, по крайней мере, Джордж не видел других обломков.

Маленькие танкетки, сгрудившиеся позади своего лидера, были разметаны, как мусор в бурю. Оставшиеся неповрежденными уносились сломя голову за горизонт.

Их же собственная охрана из танков с белыми кругами перестала стрелять и застыла.

Капитан отвернулся от поля боя.

— Да, это крутые ребята, — сказал он Джорджу. — Они катались на грузе динамита, и до поры до времени это их не беспокоило. Наверное, взорвались топливные баки...

— А мы даже не узнаем, кем они были... если они вообще существовали.

— Что ты хочешь этим сказать? — резко спросил Фрайбург.

— Ну, мы ведь только предполагаем, что у этой торпеды была команда, не так ли?

— Могу поставить свою жизнь на то, что там были люди, которые понимали, что делают, — заупрямился капитан.

Джордж не стал спорить. С одной стороны, как можно спорить, не зная фактов. С другой, очевидно, у Фрайбурга была эмоциональная потребность полагать, что венерианцы, принявшие его сторону, готовы были пойти на смерть, чтобы его защитить, что не вся планета враждебно настроена к землянам. Это покончило с его отчаянием и вернуло ему некую веру. Какая разница, правильная это вера или не правильная, раз она есть? И в любом случае, он мог оказаться прав.

Они от и до осмотрели свой корабль. Все внутри перенесло ужасный удар, но единственной, не подлежащей ремонту, оказалась радиоаппаратура. Стабилизаторы гротескно покорежились, но их можно выправить.

Самой большой проблемой осталось поставить корабль вертикально на хвост, в стартовое положение.

— Если бы только у нас были лебедки, — пробормотал Фрайбург.

К этому времени его помощник уже взял себя в руки и полностью пришел в себя.

— Может, мы могли бы как-то использовать танки, чтобы поднять корабль... — предложил он.

— Гм-м... — задумчиво протянул Фрайбург. — Я подозреваю, что все эти танки управлялись из торпеды, которую мы назвали командным центром. А поскольку ее разнесло на куски, то об этом нечего и говорить. К тому же, нужны тросы... а тросов у нас нет.

— Помню, я читал в старинных книгах о войне, — начал Джордж, — что танки часто вязли в болотах или в грязи. И что в обязательный комплект к ним входили тросы и лебедки, чтобы их можно было вытащить. Стоило бы повнимательней осмотреть эти штуки...

Они нашли у каждого танка позади специальный шкаф, в котором хранилось около пятидесяти метров смазанного стального троса — толстого и прочного.

— Похоже, кто-то ответил на наши молитвы, — проворчал Фрайбург. — Мы можем соединить их вместе. А если... если бы мы смогли каким-то образом запустить восемь-девять этих танков...

— Знаете, — сказал Джордж, — я все время думаю о водительских сидениях в них. Мне кажется, они указывают на то, что танки не всегда управлялись дистанционно. Возможно, и теперь в них где-нибудь есть переключение на ручное управление. Я собираюсь найти его, а вы... отойдите на всякий случай подальше.

Он залез в ближайший танк.

Ни на одном из выключателей и рычагов не было ни надписей, ни значков, и Джордж начал действовать методом проб и ошибок. Со второй попытки он нашел рычаг движения вперед. Двигатель ожил и вздрогнувший танк двинулся вперед.

Он прополз пару десятков метров, прежде чем Джордж догадался, как его остановить. Поэкспериментировав еще немного, он понял, что средства управления на самом деле очень просты, и запомнил, что за что тут отвечает. Видеоэкран давал неплохой обзор.

Двадцать минут спустя он уже давал Фрайбургу первый урок вождения.

Капитан быстро освоился с танком, затем остановил его и сидел, задумчиво поглядывая на изображение упавшего космического корабля на видеоэкране.

— Нам понадобится две недели на то, чтобы исправить стабилизаторы, — пробормотал он, наконец. — Даже если на нас опять не нападет банда с треугольниками и нас оставят в покое, всегда существует опасность, что этим танкам взбредет в голову убраться туда, откуда они пришли, а ведь мы собираемся их использовать. Интересно, есть ли какой-нибудь способ выключить у них дистанционное управление?

— Можно попробовать, — ответил Джордж.

Поэкспериментировав, они обнаружили, что если снять одну из антенн, то двигатель танка останавливается и все его приборы становятся мертвыми.

— Так, — промычал Джордж. — Дистанционное управление выключить можно, но это значит, что ручное управление тоже становится бесполезным. Фактически, если вы управляете танком, то должны быть готовы к тому, что в любой момент управление могут перехватить дистанционно.

— Здорово будет, если это произойдет, когда мы станем поднимать корабль, — заметил Фрайбург. — Это вызовет первую классную катастрофу. Послушайте, Джордж, я хочу, чтобы вы связались со Ставкой Белого Круга, кем бы они ни были и где бы ни находились. Я знаю, вы жаждете полетать вокруг на вертолете и лучше рассмотреть Венеру. Таким образом, вы можете полетать с определенным заданием.

— Было бы здорово, шкип. Но как мне начать с ними общаться, чтобы они сперва не сняли с меня скальп?

— Скажите им, что мы ценим их защиту и надеемся, что они продолжают в том же духе. Скажите, что мы прилетели с миром. Спросите, не возражают ли они, если мы позаимствуем их танки, чтобы

установить корабль вертикально. Скажите, что мы были бы благодарны за любую помощь, которую они могут предложить нам. Может, у них есть передвижные мастерские? И еще скажите им, какое впечатление на нас произвело действие их товарищей, которые пожертвовали собой, чтобы спасти нас.

— Конечно, шкип, я сделаю это. Я не стремлюсь покинуть Венеру, не встретив венерианцев и не осмотрев подробнее окрестности. А теперь давайте выгружать вертолет.

Сделать это получилось легко. Вертолет был разобран на части, хорошо упакован, поэтому остался неповрежденным. Раньше его части пришлось бы спускать из люка на землю, но теперь, когда носовой люк корабля оказался почти на уровне земли, это напоминало разгрузку железнодорожного товарняка.

Люди собрали вертолет и изменили наклон лопастей винтов так, чтобы они справлялись с более плотным воздухом. Вертолет взлетел неуклюже, но Джордж вскоре разобрался в изменении режимов, и все пошло как по маслу. Описав широкий круг, он не увидел поблизости никаких танков, ни дружеских, ни вражеских, и вернулся.

Тем временем остальные приготовили запас пищевых концентратов и проверили Телео.

Телео помог превратить Землю в Единый мир с одним языком. Выглядел он просто, хотя простым не являлся. Это была легкая ермолка, связанная двойным кабелем с маленькой коробочкой, закрепленной на поясе. Единственное управление — двухконтактный выключатель.

Двое или несколько человек могли общаться через Телео, даже если говорили на разных языках. Поскольку мысли являются электрическими импульсами клеток головного мозга, Телео принимал их, измерял и передавал на коротких волнах. Или мог получать такие импульсы — как двухстороннее радио. Принятые импульсы

становились в приемнике мыслями, которые интерпретировались на языке получателя.

Причем Телео имел дело только с сознательными мыслями, подсознание оставалось ему недоступным.

Диапазон действия Телео составлял всего лишь три метра. В этом были и преимущества, и недостатки.

Джордж решил взять шесть комплектов, упакованных в ранец.

– Если я действительно повстречаюсь с венерианцами, – сказал он, – то надеюсь, у них окажутся головы, на которые можно это надеть.

Он проверил груз, обменялся рукопожатиями и попрощался с остальными.

– Держитесь подальше от облаков, – предупредил его Фрайбург. – Помните, они ядовиты. Ищите белые круги и избегайте зеленых треугольников. Удачи, Джордж!

Джордж взлетел и стал медленно набирать высоту. Лица оставшихся превратились в белые пятнышки, а затем и вообще исчезли. Космический корабль уменьшался, пока не превратился в брошенную на землю палку. Палка уплыла назад и затерялась вдали. Неясное пятно впереди на горизонте превратилось в гряду остроко-
нечных гор с белыми вершинами.

Вскоре он пролетел между пиками и спустился в пустынную долину. Равнина внизу простиралась во все стороны. Видимость оставалась неважной.

Джордж опустил вертолет поближе к земле, ища дружественные механизмы или признаки белого круга. И почти сразу же увидел большое металлическое колесо, подобное тому, что создавало барьер вокруг корабля и его команды.

Оно деловито катилось вперед, пересекая равнину строго по прямой. Оно было одно-одинёшенько на равнине, но выглядело

вполне уверенным в себе. Джордж решил последовать за ним, надеясь, что его конечная цель, чем бы она ни оказалась, будет из когорты белых кругов.

Однако, сверху колесо выглядело таким тонким, что Джордж вскоре потерял его из виду. Он стал кружить, мельком заметил его вдалеке, размером не больше серебряного доллара. Но оно было слишком далеко и двигалось слишком быстро, чтобы Джордж мог надеяться догнать его.

Тогда он стал искать другие, но колесо оказалось единственным объектом до тех пор, пока из облаков не выпал и не пронесся мимо реактивный самолет. При этом он стрелял, хотя, слава Богу, не попал в вертолет. Джордж на секунду ясно рассмотрел его: короткий фюзеляж, загнутые назад крылья. И на каждом крыле белый круг.

Сердце екнуло. Дружественный самолет. Возможно, он привел бы его к штаб-квартире командования. Возможно, он прибыл как раз для этого.

Дружественный самолет, изменив траекторию полета, направился теперь вертолету в лоб, недружелюбно плюясь реактивными снарядами. Беспорядок в мыслях Джорджа был отражением беспорядка вокруг него.

Раздались оглушительные удары, все заволочло дымом. Джордж потерял контроль над вертолетом. Тот воспользовался этим и стал прыгать в небе, словно резиновый мячик. Зеленовато-коричневая равнина то занимала место облаков, то превращалась в стену сначала с одной, потом с другой стороны. Дым добросовестно старался закрыть весь обзор.

Джордж так и не понял, специально он нажал кнопку катапульты или нет. Но внезапно он оказался снаружи вертолета и стал падать. Потом автоматически раскрылся парашют, и его закачало под колеблющимся куполом.

Вертолет, почему-то без хвоста, летел по пологой дуге куда-то вбок, к земле. А его убийца исчез, очевидно, снова нырнув в облака.

Сердитый, изумленный, с ощущением, что его предали, Джордж наблюдал, как вертолет врезался в поверхность Венеры. Почему самолет с белым кругом подстрелил его?

По ошибке? Но у команды белого круга наверняка имелись ракеты. И информация о землянах к настоящему моменту должна была распространиться среди всех противоборствующих сил. Но тогда, выходит, пижонам с белыми кругами не до помощи каким-то там чужакам, и не стоит рассчитывать на них?

А может быть, они снова поменяли свое мнение относительно землян? Выходит, им ни на мгновение нельзя доверять.

Когда Джордж достиг земли, у него затекла нога. Местность выглядела почти так же, как и та, где приземлился их корабль. Мрачная равнина, усеянная кратерами от снарядов или бомб.

Но теперь Джордж был один, невооруженный, и ему казалось, что за ним охотятся обе стороны.

Он сбросил ремни парашюта и поплелся туда, где упал вертолет. Он должен попытаться спасти провизию. Гораздо меньше Джорджа заботила участь комплектов Телео. Сейчас это казалось не таким уж и важным. Независимо от того, имеются ли у венерианцев головы, стало ясно, что следует держаться от них подальше...

III

Мара вернулась со связкой сочных стеблей лууго даже раньше, чем Докс выпустил их из хорошо охраняемого склада. Она была стремительна, как всегда, но все же опоздала. Мать сидела на кровати с открытым ртом, словно требовала есть. Но она боль-

ше никогда не будет есть. Рот у нее открылся только потому, что отпала челюсть.

Мара взглянула на ее жирное, неподвижное тело и пожала плечами. «Хорошо, что кончилось рабство, — подумала она. — Я не голодаю, и никто не скажет, что я плохо выполняю свои обязанности».

Она рассеянно принялась грызть стебель. Она не чувствовала горя, только облегчение. Теперь она избавилась от бремени кормить эту прорву.

Теперь неплохо бы покинуть Фэми. Но с этим тоже проблема. Единственным известным ей способом покинуть Фэми был путь, которым пошла ее мать (она уверена, что очень неохотно) — отправиться по дороге Смерти.

Возможно, Липу и известны другие способы. Ему много что известно. Все еще грызя стебель, Мара пошла к его пещере. Лип сидел на корточках перед входом и что-то писал на полоске отбеленной ткани.

— Уходи, — сказал он, заметив Мару. — Даже моим ученикам нельзя находиться здесь, когда я сочиняю.

Она тихо присела, наблюдая за ним, и жевала.

— Дай мне стебель лууго, и можешь остаться.

Мара осталась бы в любом случае, но протянула стебель.

— Твоя мать умерла, — сказал Лип с набитым ртом.

Мара кивнула, не спрашивая о том, откуда он это узнал. Лип часто знал о событиях, о которых ему никто не рассказывал. Он был мистиком, провидцем, версификатором, хотя и очень ленивым. Из-за этих редких качество у него сложился круг приверженцев, которые воровали для него.

— Возьми, это для тебя, — и Лип протянул ей полоску ткани.

Мара медленно, с запинками прочитала то, что написано на ней:

«Все лишь бессмысленная игра,
Игра забытыми именами.
Полководец – и ребенок,
Бессмертный, скучающий Сенильд,
В доме хитростей,
В доме из кирпичей.
Под зеленеющей башней.
Кто обладает властью
Прервать его дыхание?
Кто принесет ему смерть?»

– Стань моей «художницей», и я напишу тебе много таких стихов, – произнес Лип.

Мара тщательно сложила полоску и убрала в карман. Ее стоило сохранить. Ткань была редкостью. А полоска из хорошей ткани. Она может для чего-нибудь пригодиться.

Она покачала головой.

– Я хочу покинуть Фэми. Как это сделать?

– Есть только один путь: последовать за своей матерью.

Мара кивнула, спокойно соглашаясь.

– Все пути ведут к смерти, – напыщенно проговорил Лип. – А уйти отсюда – один из них. Все здесь скоро умрут, потому что по Фэми скоро пройдет ледник.

Мара снова кивнула и ушла. Возвращаясь через деревню Фэми, она озиралась. Эта широкая, плодородная горная долина с пещерами, лачугами и овощными грядками, эта странная ошибка природы на самом краю громадного ледника была единственным миром, который знала она, да и все здешние жители.

Их предки убежали сюда, в горы, ища убежище от безжалостной, бесконечной войны, охватившей большой мир.

Но война следовала за ними по пятам.

Аэропланы сбросили с неба огонь и гром, сдувая целые гор-

ные цепи. Путь обратно исчез в тех камнепадах. Оставив позади деревни настоящую пропасть.

А с другой стороны только ледник, почти нависающий над деревней, и до него было рукой подать. Он такой крутой и гладкий, что, спустившись по нему, уже невозможно подняться назад – если вообще вы бы пережили спуск.

А выше ледника снежные склоны уходили в бесконечные облака. Вероятно, по ним действительно можно достичь облаков – но лишь затем, чтобы встретить там смерть – дыхание облаков смертельно.

А на выступе-долине земля была хорошая. Выжившие предки решили остаться здесь, и сделали лучшее, что могли. Из своих автоприцепов они построили хижины, вырыли пещеры, распахали и засеяли землю, и назвали долину «Фэми», что означало просто «Дом».

Большинство людей было Дезертирами, и они принесли с собой армейские обычаи. Они так долго жили грабежами, что стали считать это единственным благородным способом добывания еды и собственности. Но чтобы жить таким образом, особенно среди соратников, требовалось все их остроумие и изобретательность.

Если вы слишком глупы, слабы или трусливы, чтобы стать настоящим вором, то должны трудиться, чтобы вырастить еду, смастерить посуду и все прочее для жизни. Однако, человека, вынужденного кормиться простым трудом, считали неудачником, несущим на себе социальное клеймо позора.

Маре повезло. Отец отца ее отца был армейским командиром, знал все уловки и хорошо обучил свое потомство.

Отец тоже хорошо выучил Мару. Фактически, она даже превзошла его, но никогда не воспользовалась этим.

Но однажды он попался в зернохранилище Фило. По закону, если вор попадался на краже, то хозяин имел право убить его. Та-

ково правосудие: неудачники должны быть наказаны. Это единственный способ поддерживать воровство на высоком уровне, достойном названия «искусство», а сам вор носил титул «художник».

Таким образом, отца Мары казнили, а его последние слова Маре были: «Теперь мое бремя ложится на тебя. Следи, чтобы твоя мать никогда не голодала, а то тебя обвинят в этом».

Но мать была вечно голодна. Это было ее естественное состояние. Мара зарабатывала и давала ей вдвое больше еды, чем кто-либо еще имел в Фэми, но мать требовала еще и еще. Мара даже начала подозревать, что отец попался нарочно, потому что ему надоела такая жизнь.

Так что, когда вечером соседи положили голое (ткань слишком ценилась в Фэми) тело матери на краю ледника и дали ему церемонный толчок, Мара не чувствовала грусти, пока смотрела, как оно катился по леднику и стремительно превращается в пятнышко, которое тут же поглотил туман.

Потом Мара вернулась домой и долго трудилась над большим, набитым тканью матрасом, в который уже давно собирала трофеи от своих ночных походов (Это одна из причин, почему ткани в деревне не хватало). Закончила она его поздно вечером, затем тащила через спящую деревню к леднику. Она осторожно положила матрас на самый край церемониального пятачка, легла сверху и стала изо всех сил толкать...

И внезапно поехала на все возрастающей скорости в темноту.

Она буквально последовала совету Липа – и своей матери. Она была простой девчонкой и фаталисткой. Никакой другой житель Фэми не посмел бы сделать даже при свете дня то, что она небрежно проделала ночью.

Она лежала, распластанная, на шероховатой материи, и ветер хлестал по ней, как буря. Она понятия не имела о том, что находится впереди даже на расстоянии вытянутой руки.

Быстрое скольжение продолжалось довольно долго. Мара приспособилась к нему и даже стала задремывать, когда матрас серией толчков стал тормозить.

Затем он остановился. Мара встала и провела вокруг рукой. Почти во всех направлениях пальцы ее погружались в холодную воду. Тогда она разрезала матрас посередине и залезла в него. Вскоре она уже спала в тепле. Главная цель достигнута: она сбежала из Фэми. Теперь осталось дожидаться утра, чтобы поглядеть, где она оказалась.

Она проснулась вскоре после рассвета и увидела, что ее постель балансирует на узкой косе из твердого снега. Рядом несколько более длинных языков ледника протянулись по отмели широкого озера, образованного их таянием.

У края озера она увидела четыре неплохо сохранившихся тела, в которых узнала жителей Фэми, умерших за последние несколько лет. Матери среди них не оказалось, и Мара предположила, что ее жирное тело по инерции унесло далеко в озеро. Где-то здесь, под слоем ледяного снега или воды, должны лежать кости ее предков и многих старых друзей.

Кроме озера здесь высились холмы. Мара обогнула озеро, прошла через них и долго спускалась вниз, пока к вечеру не оказалась на широкой равнине, где воздух был слишком теплым, даже угнетающим. Она уснула прямо на земле, а следующим утром съела последний из своих стеблей лууго и пошла через равнину.

Потом вдалеке она услышала грохот, а сверху донесся тяжелый гул, словно бы от невидимого самолета. Такие звуки часто можно услышать в Фэми. За всю ее жизнь они не причинили никому вреда, поэтому Мара их не боялась.

И она не испугалась, когда увидела высоко в небе недолгую схватку двух странных птиц, одна из которых полетела к земле, словно мертвый листок. Но ей стало любопытно, когда она уви-

дела человека, планирующего вниз с небес, над которым было что-то вроде большого белого листа. У человека могла найтись еда – а лист походил на громадный кусок ткани. Так что она пошла туда, где, по ее суждению, он должен приземлиться.

И действительно, там она нашла брошенный парашют и пришла в восторг от тонкого, гладкого, невероятно красивого шелка. Она собрала его и связала шнурками. Вдалеке она увидела человека, бредущего к изувеченному телу упавшей птицы. Она положила тюк на голову и пошла за ним.

Джордж копался в обломках вертолета. Он нашел коробку с провизией и соорудил большой бутерброд. Откусив изрядный кусок, он положил остальное на расколотый фюзеляж и стал осматривать комплекты Телео. Они выглядели неповрежденными. Тогда Джордж потянулся за половиной бутерброда, но ее не оказалось на месте.

Он обернулся, решив, что бутерброд упал на землю, но тут же увидел, что это не так. На земле лежал его парашют, свернутый в тюк не больше подушки. А на нем сидела, поглядывая на него и доедая его бутерброд, молодая девушка с напряженным, красивым бледным лицом. На ней было лишь изорванное платье, обнажавшее руки и ноги. Черные, как уголь, волосы и невыразительные карие глаза.

– Ну, привет, – удивленно и заинтересованно сказал Джордж. Девушка продолжала сидеть, жевать и смотреть на него.

– Ты голодна? – Джордж бросил ей второй бутерброд. Она аккуратно поймала хлеб, внимательно проследив, откуда Джордж его достал.

В свою очередь, Джордж смотрел на первого живого венерианца, которого видел землянин. «Если все они такие, – подумал он, – то все будет в порядке. У нее не только есть голова, у нее оча-

ровательная головка, да и все остальное тоже на месте, причем чертовски привлекательной формы».

Джордж достал пару комплектов Телео и проделал тщательно продуманную пантомиму, имевшую цель заверить венерианку, что аппарат ей не повредит. Девушка сидела, спокойно приказывавая второй бутерброд, ее пристальный взгляд блуждал от него до коробки с провизией, и обратно. С полным безразличием она позволила ему надеть на ее черные волосы ермолку.

Проецирование мыслей на Земле давно стало практикой, столь же обычной, как речь, и могло быть описано, как речь.

– Как тебя зовут? – спросил Джордж.

– Мара, – ответила девушка, не показывая удивления от того, что обрела кроме дара речи способность общаться мысленно.

– Откуда ты, Мара?

Она махнула липкими пальцами в направлении туманных гор, затем поднесла их ко рту и тщательно облизала.

– Понятно. Я – Джордж. Я прилетел с другой планеты, с Земли.

Она ничего не спросила о нем. Слова «другая планета» вышли бессмысленными, они не создавали мысленного образа. Гораздо больше она заинтересовалась тканью парашюта.

– Я могу тебе отдать ее, – любезно предложил Джордж.

– Естественно. Она же моя.

– Было ваше – стало наше, да? – усмехнулся Джордж. – Послушай, Мара, ради чего вся это война. Ты на чьей стороне – белых кругов или зеленых треугольников?

Она ничего не ответила. Он не уловил от нее ни единой мысли, словно ее Телео выключили. Когда она чего-то не понимала или чем-то не интересовалась, ее ум, казалось, становился совершенно пустым.

– Ты не понимаешь? Круги. Треугольники. Вот, смотри.

Джордж схватил острый обломок вертолета и стал вырезать

их на дерне. Пока он занимался этим, она совершила налет на продовольственную коробку и схватила горсть сухариков.

— Эй, Мара, так что тут идет за игра?

Она помолчала.

— Игра?

Она достала из кармана полоску ткани и протянула ему. Глядя на странные значки, Джордж только понял, что это надпись на незнакомом языке. Он вернул ей полоску и попросил прочитать вслух.

— Всего лишь бессмысленная игра, — прочитала она начало стиха.

Когда она закончила, Джордж выключил свой Телео и некоторое время сидел, задумавшись, затем снова включил переводчик, отнял у нее коробку с едой и сказал:

— Послушай, Мара, я буду выдавать тебе еду строго по норме. Однако, я дам тебе еще один сухарик, если ты скажешь мне, что означают эти дурные стишки?

Мара ответила, что знает не больше его, что означает стих, но Лип странный человек и... Она рассказала ему о Липе, о матери, о Фэми и истории поселка, о леднике и ее спасении.

Джордж дал ей обещанный сухарик и произнес:

— Жаль, что мой вертолет разбит. А то мы полетели бы в Фэми и побеседовали с твоим другом Липом. Кажется, ему многое известно.

— Да, он много знает. Он написал на ткани много таких стихов. Они предсказывали то, что потом происходило.

— Деревенский Нострадамус, да? Полезно иметь под рукой такого парня. — Джордж подумал, затем сказал: — Ну, он единственный лидер, которого я нашел. И раз он не идет к нам, тогда мы пойдем к нему сами.

— Но ледник очень скользкий, по нему не подняться.

Джордж закончил копаться в фюзеляже и достал оттуда целую охапку инструментов.

— Мы будем рубить ступени, — заявил он. — А теперь идем. У меня не так уж много времени.

Джордж не смог убедить Мару оставить парашют: для нее это была слишком драгоценная находка. Он нес коробку с едой, запасные комплекты Телео и подзорную трубу. Она следовала за ним, неся тюк с парашютом на голове. И они оба не снимали Телео.

Ледник оказался больше, чем Джордж решил вначале: шире, выше и круче. Шел пятый день их медленного подъема. Каждую ночь они вырубали нишу во льду, где спали, завернувшись в парашют. Но Джордж, даже в своем плотном, теплом костюме, страдал от холода.

Он поражался смелостью Мары. В одном только легком платье, смело ставя босые ноги на ледяные ступени, которые он вырубал, она поднималась за ним без единой жалобы или признаков утомления. И при этом она даже не спрашивала, зачем понадобилось такое трудное возвращение в Фэми, откуда она сбежала. Она имела дело только с сиюминутными фактами.

Джордж подозревал, что цепь ее рассуждений крайне проста: у этого человека есть еда — он, дурак, делится ею — поэтому, если я буду с ним, у меня будет еда.

На пятую ночь, когда они лежали в искусственной пещерке, Джордж решил поговорить с ней.

— Ты ведь не интересуешься войной, Мара, не так ли? Тебе все равно, являются ли носители белого круга нашими союзниками или нет?

— Да.

— И ты не хочешь возвращаться в Фэми?

— Нет.

— Ты идешь со мной только потому, что я кормлю тебя, а на равнине нет никакой еды?

— Хорошо, когда кормят. Раньше я всегда должна была кормить других.

Джордж вздохнул и почувствовал странную печаль. Он предпочел бы, чтобы она составила ему компанию просто потому, что он понравился ей. Конечно, приятно было встретить ее в этой холодной, тоскливой пустыне. Она оказалась не такой обременительной попутчицей, как, например, капитан Фрайбург, потому что была простая, легко управляемая, и не боялась настоящего или будущего. И он вдруг обнаружил, что в глубине души может думать о ней с мягкой улыбкой.

— Конечно, если бы я захотела, то могла бы забрать еду в любое время, — внезапно произнесла она.

— Нет, Мара, не можешь, — ответил Джордж. — Коробка заперта, а ключ лежит у меня в кармане.

Она ничего не ответила и какое-то время ворочалась, словно искала более удобную позу для сна. Джордж уже начал задремывать, когда вдруг подумал об оставшихся в космическом корабле. Как они там? Были ли еще нападения? Как движется работа по восстановлению стабилизаторов? Он отсутствовал почти неделю, и за это время там могло произойти все, что угодно.

И еще Джордж подумал, как он собирается возвращаться к кораблю? Если бы он сумел связаться с венерианцами с белым кругом, и если бы они оказались в соответствующем настроении, то могли бы снабдить его каким-нибудь транспортом. А вот если он их не найдет, обратная дорога будет весьма трудной.

Автоматический регистратор пути вертолета сломался во время падения. Так что Джордж имел весьма смутное представление о том, где находится корабль. Он лишь знал, что где-то там равнину пересекает горная цепь, а корабль лежит по другую ее сторону.

Но даже если бы он знал его точное местоположение, было бы трудно наметить путь даже при помощи подозрной трубы.

Он легко мог заблудиться и пройти мимо.

И опять-таки, на возвращение понадобятся недели. А за это время Фрайбург со своей паранойей может посчитать его мертвым и улететь на Землю.

Джордж прервал свои мрачные мысли, когда почувствовал, как что-то упало рядом на грубую подушку. Он протянул руку: это оказались сухарики из продовольственной коробки.

Он сел и уставился в темноту. Затем протянул руку и коснулся неподвижно лежащей Мары. Другую руку сунул в карман: ключ по-прежнему лежал там.

– Да? – спросила Мара, не шевелясь.

– Я что, оставил коробку незапертой? – спросил Джордж.

– Нет. Но мне не нужны ключи. У меня свои способы.

– О-о...

Джордж откинулся на спину. Что-то не так было с анализом рассуждений Мары. Ей следовало забрать еду и раствориться в ночи. Это было бы естественно, поскольку воровство являлось ее профессией. Они поспорили об этике честной работы как противоположности честному воровству. Джордж объяснил ей моральный кодекс Земли, но Мара не впечатлилась им.

– Мара, – спросил Джордж, – ты ведь могла украсть еду и покинуть меня. Почему ты не сделала этого?

– Тогда мне пришлось бы самой нести еду, а коробка тяжелая.

Джордж ощутил разочарование.

– Значит, все дело лишь в этом? Я не нравлюсь тебе?

– Ты нравишься мне.

– Интересно, и чем же?

– Ты не хочешь, чтобы я воровала для тебя. Все, кого я знала, кроме моего отца, думали, что единственный смысл моего суще-

ствования в том, чтобы быть их «художницей». Ты не предъявлял мне таких требований. Поэтому нравишься мне.

— Гм-м... — все еще неудовлетворенно протянул Джордж. — Ты тоже нравишься мне, Мара. Спокойной ночи.

Он повернулся на другой бок, но долгое время не мог уснуть, лежал и думал о том, чем же нравится Мара ему самому.

Утром они дошли до того места, откуда могли увидеть Фэми. Вернее, могли бы увидеть, если бы там нашлось на что смотреть. Джордж через подзорную трубу искал место, на которое указывала Мара, и не мог различить ни следа этого выступления. По нему пронесся ледник и теперь лежал, точно гигантское белое кружевное полотнище, задрапировавшее пропасть более чем километровой глубины.

— Лип сказал, что это вскоре произойдет, — невозмутимо заметила Мара.

— Тогда он просто дурак, раз остался там, — расстроился Джордж. — Он сам и мешок его книг похоронены там навсегда. Мы не сможем убрать весь этот лед. Так что, я думаю, война навсегда останется тайной.

Его просто взбесили пустая трата времени и сил, мысли о том, что ему предстоит еще долгий спуск — а что потом? Куда пойти? Где эти, с белыми кругами? От кого он получит помощь?

Пока он впустую тратил время, расхаживая взад-вперед, яростно пиная ледышки и громко ругаясь, Мара спокойно приняла создавшуюся ситуацию. Она сложила парашют широкой, плоской подушкой. Потом взяла тяжелую коробку с провизией и столкнула ее вниз по леднику. Джордж попытался схватить ее, но не успел. Коробка моментально набрала скорость и пулей исчезла вдали.

Тогда Джордж переключил свой гнев на Мару.

— Какого черта ты это сделала?

Мара села на шелковую подушку, вцепилась в нее одной ру-

кой и похлопала рядом с собой другой, показывая жестами, чтобы он присоединился к ней.

Когда Джордж понял, что она хочет, его потрясла ее идея. Она не собиралась тратить массу времени, спускаясь прежней дорогой. Она собиралась пройти тем же путем, что и тогда, когда сбегала из деревни, и ждала, что он поедет с нею. В первую секунду он хотел отказаться, но его страх был уничтожен ее удивлением и даже презрением. Тогда Джордж аккуратно сел рядом с ней.

– Ладно, поехали. Я всегда хотел запулить себя в Ниагару.

Они покатались, лежа на спине, самым коротким путем. Затем Джордж почувствовал, что они больше не скользят, а падают. Он бросил взгляд на вздымающиеся по бокам в облака высокие крепостные стены гор, быстро несущиеся назад, и желудок его прыгнул куда-то в горло. От потоков холодного воздуха мерзли щеки.

Джордж понял, что нет никакого способа нажать на тормоза, и ему стало совсем плохо. Он сильнее вцепился в Мару, закрыл глаза и стал ждать, чем все закончится.

Прошла, казалось, целая жизнь, пока не наступил конец.

На него нахлынула и поглотила целая стена ледяной воды. Джордж задохнулся и стал метаться, внезапно утратив все умение ориентироваться. Вода, казалось, втыкалась сосульками в глаза, нос и уши. А потом Джордж обнаружил, что стоит по грудь в озере, задыхаясь, как вытщенная на берег рыба.

Рядом по шею в воде стояла Мара, откидывая назад мокрые волосы. Потом она поправила на голове ермолку с Телео. Торжествующая улыбка внезапно осветила ее лицо, когда она заметила его. Он попытался заговорить, но тут же задохнулся – вода парализовала его холодом. Он жестом позвал ее и повернулся к берегу, а когда обернулся, Мара была на прежнем месте, бредя в воде маленькими кругами.

Затем она внезапно по-утиному нырнула и исчезла.

Джордж прождал секунд тридцать, но Мара не появлялась. Полуиспуганный, полурассерженный, он пошел было к тому месту, где только что стояла девушка. Но тут она выскочила из воды на несколько метров ближе к берегу, что-то сжимая в руках. Это была коробка с едой. Джордж пошел помочь ей.

– Т-ты л-ледян-ная, к-как р-рыба, – попытался сказать он, стуча зубами от холода.

Она не поняла. Только на берегу Джордж обнаружил, что потерял свой Телео. Тогда он достал из водонепроницаемого ранца новый комплект. Но, не успев обсохнуть, Мара решила вернуться в воду и забрать парашют.

– Оставь его, – бросил Джордж. – После такой поездки он наверняка весь в дырах. А пропитавшись водой, весит теперь не меньше тонны. Я подарю тебе новый, когда мы найдем корабль.

От такого щедрого обещания она стала совершенно счастливой, лицо ее засияло. Влажное платье облепило округлости тела, и внезапно на Джорджа нахлынуло желание. Он схватил ее, прижал к себе и поцеловал крепко, почти что яростно. Она ответила на поцелуй столь же отчаянно.

Между поцелуями он лепетал ей какие-то глупые обещания:

– У тебя будет одежда по лучшей парижской моде... Шелковые платья, меховые манти... Драгоценности и много такого, о чем ты даже и не мечтала...

Мара хихикала, как ребенок, и ласкала его, как опытная женщина.

Вокруг лежали останки ее предков, как прошлая любовь, или как воспоминания, или как обещание жизни...

Днем они выбрали новое направление.

Вместо того, чтобы возвращаться по долине к знакомой Джор-

джу равнине, они стали подниматься по холмам на западе, ища место, откуда будет хороший обзор. И они нашли его на гребне самого высокого холма и, взявшись за руки, стали всматриваться вперед. А потом рука Джорджа сжалась сильнее, и он показал куда-то свободной рукой.

Там, среди скал и утесов, стоял обособленный пик. В отличие от других скал, растительность цеплялась за его практически отвесные стены. Пик высился над искусственно выровненным полем, окруженным редким подлеском, возле которого стоял длинный дом, серовато-коричневый, с плоской крышей, многочисленными окнами и нависающими портиками.

— Под зеленеющей башней... Дом из кирпичей, — медленно процитировал Джордж.

Что это, простое совпадение, что они наткнулись на дом, похожий на описанный в стихе Липа? Или Лип в своих стихах действительно предсказывал будущее?

— Пойдем, Мара, — проговорил, наконец, Джордж. — Давай-ка посмотрим, дома ли нынче Сенильд?

Она кивнула, улыбнулась и вместе с ним стала весело спускаться с холма.

— А вот здесь, — добавил Джордж, когда они уже подходили к дому, — когда-то был парк.

— Ага, — кивнула Мара, пристально оглядываясь вокруг: по инкрустированным какими-то рисунками каменным скамейкам, заросшим дорожкам, заглохшему декоративному пруду и всему остальному, задавленному дикой растительностью.

В дальнем конце парка стоял дом, почти такой же высокий, как скала позади него. Мара заметила, что зеленый цвет пику придавали густые растения с широкими листьями. Но на доме с его забавными портиками ничего не росло.

Джордж заметил, что Мара на пару шагов опередила его по

главной дороге к дому. Но это не она ускорила шаг, а он пошел медленнее из чувства предосторожности. И тут же гордость заставила его нагнать девушку.

Они подошли к большому причудливому металлическому фонтану. Его покрывала ярь-медянка, а окружающий бассейн был сухой и совершенно сухой. Джордж удивился тому, как походил этот венецианский парк на земной. Он подумал, что точно так же может выглядеть парк Версаля после столетнего запустения.

Когда они проходили мимо фонтана, тот внезапно, без предупреждения, выбросил поток грязной воды далеко за пределы бассейна и окатил их в ног до головы.

Джорджу показалось, что он услышал где-то в доме тонкий, высокий смех. С негодованием озираясь, он вытер лицо. Он ненавидел, когда из него делали дурака. А Мара хихикала.

— Здесь живет какой-то шутник, — проворчал Джордж. — Но когда я доберусь до него, он забудет свои шуточки.

Вода оказалась кислой и вонючей. В ботинках захлюпало. Рядом с дорожкой стояла каменная скамейка, и Джордж сел на нее с намерением снять обувь и вылить из нее воду. Скамейка под ним бесшумно и плавно ушла в землю, и Джордж повалился на спину, болтая ногами в воздухе.

Тихий смех из дома заглушил взрыв хохота Мары.

С багровым от ярости лицом Джордж вскочил, бросил на веселившуюся Мару бешеный взгляд и поспешил к дому. Ему хотелось немедленно найти шутника и свернуть ему шею.

Дорожка под ногами поросла густым мхом, и с каждым шагом мох становился все более мягким, липким и клейким. Ноги Джорджа погрузились в него по лодыжки.

Джордж упрямо пытался идти вперед, но мох не пускал. Пришлось идти, точно в замедленной съемке, при каждом шаге стряхивая его с ноги и стараясь сохранить равновесие. И вскоре Джордж понял, что не может продвинуться дальше ни на шаг.

Тогда он сошел с дорожки на твердую землю. Его достоинству был нанесен сильный удар. Мара бежала к нему по краю, но он не глядел на нее. Он попытался очистить ноги от мха, но тот тянулся, как прилипшая жевательная резинка, и Джордж только усугублял свое положение.

Невидимый наблюдатель все время хихикал. Усмехаясь, Мара достала нож и срезала или соскоблила большую часть этого мха.

Когда она закончила, из дома на унылый дневной свет вышел человек. Он казался низеньким и широким в монашеском одеянии, завязанным на талии. У него были красные щеки, а на вид лет пятьдесят. Рот у незнакомца был приоткрыт, а большие бледные глаза без страха смотрели вперед.

Выглядел он глупым и безопасным, и что-то произнес слабым, резким голосом Джорджу, который лишь хмурился на него. Мара ответила на том же языке, и у них завязалась беседа.

– Это Сенильд, – повернулась, наконец, Мара.

– Я так и думал, – мрачно ответил Джордж.

Он понял, что если хочет получить от этого дурня информацию, то глупо начинать с конфликтов. Поэтому приложил усилия и загнал свою уязвленную гордость в самый дальний уголок души.

Вытащив из ранца запасной Телео, он кивнул Маре:

– Расскажи про него Сенильду.

– Уже, – ответила Мара, забирая Телео. Она по-прежнему на пару шагов опережала Джорджа.

– Когда-то, давным-давно, я изобрел подобное устройство, – сказал Сенильд, надев Телео.

– В самом деле? – поинтересовался Джордж. – И где же оно теперь?

– Я его выбросил, – небрежно махнул рукой Сенильд. – Я выбрасываю все свои игрушки. Надоедают... Однако, я рад, что вы

пришли и позволили мне немного поиграть с моим садом. Я уже много лет не могу найти для этого жертву. На планете, знаете ли, осталось очень мало людей. Наверное, я переусердствовал.

– Переусердствовали в чем?

– В войне. Это игра, в которую я играл прежде.

– Игра... Бога ради, вы называете это игрой?!

– Все лишь бессмысленная игра... – процитировала Мара.

Джордж вспомнил убитых товарищей и едва справился с гневом.

– Игра, в которую вы играли прежде? Но мне кажется, эта игра все еще продолжается.

– Ну, да, и будет продолжаться, я думаю, еще пару столетий, пока все эти штуки не разобьют друг друга, – хмыкнул Сенильд.

– Мне они надоели, и я просто позволил им действовать самостоятельно. Чисто автоматически, знаете ли.

– Вы хотите сказать, что все эти танки и самолеты беспилотные?

– Естественно.

Джордж подумал о Фрайбурге и его вере в союзников с белым кругом. Он вспомнил свои эмоции, когда торпеда на колесах помчалась защищать их. Страшно было осознать, что все это действовало автоматически. Джордж почувствовал, что с ним сыграли злую шутку.

– Какого черта вы позволяете им разносить все вокруг? – грубо спросил он.

– Почему бы и нет? – пожал плечами Сенильд. – Это не имеет никакого значения.

– А для меня имеет! – рявкнул Джордж. – Вы чуть было не убили меня. Вы убили нескольких моих товарищей и, кто знает, может к настоящему моменту убиты уже все остальные. Вы можете остановить это?

– Да, если захочу.

– Тогда остановите прямо сейчас, будь вы прокляты.

– А почему я должен из-за вас останавливать свою игру? – раздраженно спросил Сенильд.

Джордж выхватил у Мары нож.

– Потому что я убью вас, если вы не сделаете этого.

– Дорогой друг, вы не смутили меня ни в малейшей степени. Я хороший целитель. Фактически, все мои раны заживают немедленно, так что вы не можете причинить мне боль или убить. Я, видите ли, бессмертен.

– Сейчас мы это проверим, – мрачно прорычал Джордж, шагнув к нему с ножом в руке.

Но Мара схватила его за руку.

– Нет, Джордж, насилие здесь не поможет. Всегда есть способ получить то, что вы хотите, не создавая проблем. Жестокость не заменяет ума.

Сенильд посмотрел на нее с некоторым одобрением.

– А ты не только красивая молодая девушка, ты, также, весьма разумна. Джордж – что за странное имя?! – отдай мне свою девушку, и я выключу войну.

Вместо ответа Джордж вlepил ему хук слева, целясь в солнечное сплетение, и Сенильд отскочил, точно резиновый. Его тусклые глаза загорелись, и он слюняво улыбнулся.

– О, новая игра! Как вы ее называете? И что теперь делать мне?

Джордж застонал.

– Ладно, Мара, теперь твоя очередь пошевелить мозгами.

– Может, ты покажешь нам свой дом, Сенильд? – спросила Мара. – У тебя есть еще здесь такие штуки, как фонтан?

– Да, много. Раньше я так забавлялся с посетителями. Конечно, я не могу показывать их все сразу – это испортило бы впечатление. Я бы хотел, чтобы вы сами наткнулись на них. Вы будете так удивлены. Пойдемте...

Мара пошла с ним в дом. Джордж пожал плечами и последовал за ними. Он внимательно смотрел, куда ступает Сенильд, и шагал точно след в след, поскольку хотел избежать клейких участков.

Порог дома вел себя совершенно нормально, когда проходили Сенильд с Марой, но тут же ушел из-под ноги Джорджа, и он полетел по скату куда-то в темноту, слыша позади раскаты смеха.

В конце пути его поджидала все та же липкая штуковина.

Джордж лежал в темноте, беспомощный, как насекомое на клейкой бумаге для ловли мух, и пытался придумать какой-нибудь способ прикончить этого старого маньяка.

Потом он подумал, жив ли еще Фрайбург? «Если шкипер все еще жив, – прикинул Джордж, – то надо надеяться, что он ждет моего возвращения с дружелюбными и умными венерианцами, готовыми прийти нам на помощь. Слава богу, Фрайбург не знает о том, что происходит, о том, как бесстрашный исследователь Джордж Старки падает и дурачится, точно клоун в цирке, в безумном мире Льюиса Кэрролла».

Вспыхнул свет. Джордж лежал в совершенно пустом подвале, где лишь вдоль стены стояли скамейки. Очевидно, в счастливые времена Сенильда они предназначались для гостей, желающих поглазеть на участь своих менее неудачливых компаньонов.

Потом появился Сенильд с глупой усмешкой, и Мара, вновь разразившаяся переливами смеха.

Глядя на нее, Джордж нахмурился.

– Ты разочаровываешь меня, Мара, – пробурчал он. – Я думал, ты уже взрослая. А в этой детской клоунаде нет ничего забавного.

– Все зависит от того, с какой стороны ты наблюдаешь эту сцену, – захихикала девушка.

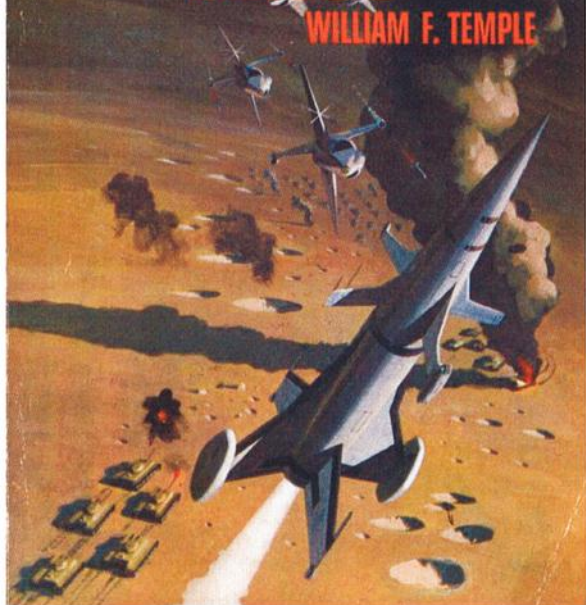
– Что же касается вас, глупый, маленький, толстый дурачок, – обратился Джордж к Сенильду, – то вы ведете себя не по возрасту. Во всяком случае, сколько же вам лет?

ace
double
76380 95¢

BATTLE ON VENUS

The first men on Venus—
caught in a remote-controlled,
thousand-year-old war!

WILLIAM F. TEMPLE

— По моему, тысячи три, может, четыре, — ответил Сенильд. — Память у меня уже не та, что раньше, так что не могу сказать точно. И, разумеется, годы на Венере немного короче, чем у вас.

— Я не верю ни единому его слову, — грубо сказал Джордж. — Освободи меня.

— Всенепременнейше... — Сенильд нажал скрытую кнопку. В отверстиях на полу запузырилась какая-то жидкость. Это оказался растворитель, освободивший Джорджа из липкого плена.

Представление продолжалось. Дом был переполнен такими же идиотскими розыгрышами. Дверные ручки оставались в руке, или рука приклеивалась к ним, или они били током. Лестница превращалась в гладкую наклонную поверхность, сбрасывающую вас обратно к подножию. Цветы выпускали из себя облако пылицы, вызывающей неудержимое чихание. Пол в коридорах начинал перемещаться под ногами назад, так что, в каком бы направлении вы ни пошли, приходилось шустро перебирать ногами, чтобы оставаться на месте.

Джордж молча преодолел весь этот цирк. Ему становилось немного легче, когда Мара тоже попадала в какую-нибудь глупую западню.

Наконец, все закончилось. Так и не встретив на пути ни единой живой души, они вошли в зал, обставленный с восточной роскошью. Стулья, ковры и диваны здесь были мягкими и встретили их многоцветной гаммой, потому что в окна бил яркий солнечный свет, заставляя пылать шелка и атласы.

— Солнце? — с любопытством спросил Джордж и подошел к окну.

Окно выглядело, словно покрытое толстым слоем изморози: Джордж не увидел неба — а только белую матовую белизну. А в центре яркий диск, похожий на солнце, сияющее сквозь густой туман.

— Это мое личное солнце, — тонким голосом сказал Сенильд.

— На деле маленькая штучка, но она будет светить вечно, и свет ее по качеству не отличается от солнечного. Знаете ли, став старше, мне не хочется уже ничего, а только нежиться здесь в солнечном свете. Последние годы я вообще не выходил из этой комнаты. Слишком уныло там под облаками. Я иногда даже сожалею, что отключил эту планету от солнца, потому что она стала угнетающим меня местечком.

— И чем вы развлекаетесь теперь? — задал вопрос Джордж.

Мара опустилась на диван, и подушка громко запищала под нею. Сенильд глупо захихикал.

Раздражение Джорджа возросло. Он схватил Сенильда за плечи и стал трясти.

— Слушайте сюда, я хочу знать, что вы еще понаделали с этой несчастной планетой. Я хочу получить от вас подробный отчет о проделанной бессмысленной работе. Ничего не скрывайте и не воображайте, что я не могу причинить вам вреда. Могу! Я поселюсь в вашем доме и стану бездельничать здесь с Марой. И куда тогда денетесь вы, старый сибарит, без ваших забав, солнечного света и мягких подушек?

Какой-то время он тряс вопящего Сенильда, точно пустой мешок. А в следующий момент Джордж оказался лежащим на спине на ковре, а мозги его пребывали в более сумрачном состоянии, чем венецианское небо.

Постепенно он пришел в себя. Мара лежала рядом с ним, очевидно, без сознания. Джордж подполз к ней и, когда осторожно дотронулся, девушка с ошеломленным видом приподнялась на локтях.

— Все в порядке? — прошептал Джордж.

— Наверное. Джордж, мне показалось, что он убил вас, и я нанесла ему удар прямо в сердце. А затем... Не знаю, что затем произошло.

На ковре между ними лежал нож. Они подняли головы.

Сенильд стоял рядом, держал язык за зубами и выглядел не так глупо.

— Возьмите свою игрушку назад, моя дорогая. Я же говорил вам, что все это бесполезно. Столько людей пробовало убить меня прежде, в конце концов, это стало просто утомительным. Поэтому я ношу при себе устройство, которое при малейшем прикосновении ко мне создает электрическое поле, поражающее любого, кто трогает меня. Жизнь так скучна без забав.

Но он при этом не улыбался. И они тоже.

— Больше никогда не угрожайте мне, Джордж (фу, какое глупое имя!), — продолжал Сенильд. — Не пытайтесь применить силу ко мне или к моим вещам. Ничего из этого не выйдет, а вы можете убить себя. Все, что у меня есть, в некотором роде защищено. Я человек осторожный. А теперь сядьте поудобнее, и я расскажу вам историю. Свою историю. Все равно вы не уйдете отсюда, не выслушав ее. Всем нужна аудитория, а у меня так долго не было слушателей...

IV

— Природа допускает много грубых ошибок, — начал Сенильд, — и одна из них, как я всегда думал, заключается в том, что людям приходится умирать. Одноклеточные существа просто делятся пополам, те в свою очередь пополам, и так далее. Но все их части продолжают жить. Любое из одноклеточных, можно сказать, потенциально бессмертно. Вы можете взять ткань любого человека или животного и держать ее неопределенно долго в надлежащей питательной среде. Отдельные клетки или их небольшие группы могут жить бесконечно. Но как только они соединяются в многоклеточный организм, например, в человека, как он умирает. Почему? Ведь единственная разница — это размер. Размер группы. Как только группа вырастает больше определенного ей размера, она идет к гибели.

— Критическая масса, — пробормотал Джордж.

— Вы знаете об атомной энергии? — немного заинтересованно спросил Сенильд. — Да, конечно же. Скажите, а вы уже делали какие-нибудь восхитительные атомные бомбы?

— Не лично я, — сказал Джордж.

— Когда-то это были мои любимые игрушки. Какое зрелище! Но даже они надоели мне... Эти игрушки разбросаны по всей планете, но я давно уже не беру на себя труда выйти и поискать их. Где-нибудь наверняка хранится большой их запас... Я думаю...

— Наши астрономы регистрировали некоторые ваши взрывы, — перебил Джордж. — Большие атмосферные беспорядки, сосредоточенные в отдельных местах. В ноябре 1985. В июне 1927 года обсерваторией на горе Уилсона. И еще в феврале 1913 года.

— В самом деле? — безразлично пробормотал Сенильд.

— Не знаю, о чем вы оба талдычите, — вмешалась Мара. — Почему бы не продолжить рассказ о бессмертии?

— В настоящее время у меня развивается рассеянность, — признался Сенильд. — Так на чем я остановился?

Мара напомнила ему, где.

— Я обнаружил, — продолжал Сенильд, — что причина состоит в том, что продолжительность жизни напрямую связана с прохождением через живую клетку космического излучения Вселенной. Так что, чем больше рост организма, тем меньше внутренние клетки получают этого живительного излучения. Они запираются внутри организма и отключаются от солнечного света и космического излучения.

— Все равно я не понимаю, что вы несете, — надулась Мара.

— Лет пятьдесят назад на Земле, — задумался Джордж, — человек по имени... гм... Бенедикт... да, Г. М. Бенедикт, пришел к тому же заключению после изучения причин старения растений.

— А он продолжал исследования?

— Чего именно?

— Я продолжал. Природа ошиблась в структуре протоплазмы. Я ее исправил. Небольшая инъекция в вену вечного растворителя, который циркулирует по крови и уменьшает плотность белков. Клетки человеческого тела специализированы. Они неподвижно находятся на одном и том же месте и постоянно омываются кровью. Неподвижность и специализированность приводит к смерти. Мои же соматические клетки свободные, жидкие, амебообразные. Когда они чувствуют потребность всплыть на поверхность, то так и делают. Конечно, двигаются они медленно, но все же двигаются. Кроме того, они универсальные и все время меняют свои функции. Я мог бы сделать вас бессмертными, если бы принял такое решение, но не буду. Вы простые безопасные люди. Зачем мне обрекать вас на кошмарную скуку, которую терплю я?

— Что, это настолько ужасно? — спросил Джордж.

— Молодой человек, я миллионы раз испытывал все удовольствия: от обычных чувственных удовольствий до более редкого удовлетворения трудом или аскетизмом, интеллектуальные удовольствия и удовольствия физические, удовольствия от удовлетворения жажды, власти, смирения или мученичества. И исчерпал все. Моя жизнь утратила необычность. Повторение удовольствия не увеличивает само удовольствие. Вспоминая прошлое, я понимаю, что самым счастливым временем моей жизни было то, когда я ребенком был увлечен какой-то игрой. Так что я пытаюсь вернуть хотя бы часть этого удовольствия теми детскими шалостями, которые вы осуждаете. Вы должны не сердиться, а пожалеть меня.

— Мне вас жаль, — согласилась Мара.

Но с Джорджем вышло не все так просто. «На что, черт побери, жаловаться Сенильду? — подумал он. — У него же есть все».

— Мара, в вас есть кое-что еще, помимо ума и красоты, — сказал Сенильд. — Вы — нечто редкое. Мне не очень нравятся люди.

Если бы вы прожили столько, сколько я, то утратили бы все иллюзии о людях. У большинства из них мелкие душонки, и они слышат лишь мелодию своих личных интересов.

– Джордж не такой. Он дает мне еду, – возразила Мара.

Но Сенильд ее не услышал: он размышлял о себе.

– Мальчишкой я любил играть игрушечными солдатиками и организовывать небольшие войны. Став скучающим бессмертным, я подумал, что может быть забавно снова поиграть в войну – с живыми людьми. Потому что большинство людей – просто марионетки. Как легко играть на их страхах, тщеславии и жажде власти! Я хорошо проводил время, изобретая все новое оружие, тактику нападения и защиты, а затем наблюдая, как людишки применяют их – от имени того или этого, в местных стычках, национальных войнах, затем идеологических войнах и, наконец, в единой всепланетной гражданской войне. Что вы там искали, Джордж, штаб белого круга? Это я. И я же – командующий.

– Думаю, что вы также и штаб зеленого треугольника?

– Снова верно. Я – командующий. Раньше, генералы обеих сторон приезжали ко мне для получения приказов, думая, что я командую только их стороной. Это развлекало меня: они были такими жестокими, серьезными, добросовестными и так хотели быть благородными. И они всегда благодарили меня за руководство. Сейчас я уже забыл, что означают их глупые символы, наверное, какой-то «изм», Тот или Этот Образ жизни. – Сенильд рассмеялся булькающим смехом. – Я постоянно давал новое оружие в руки одной стороны, а затем другой. Битва танков против колесных торпед, атомные бомбы против нервно-паралитических газов... Наконец, я устал от людишек и их мелких интриг. Я был сыт по горло их ревностью и мелочной борьбой за мое расположение. Я стал больше уважать машины: по крайней мере, они не грызлись между собой, точно крысы. А так называемые люди становились

ненужными в этой механизированной войне. Затем я изобрел оружие, которой само обнаруживало, опознавало и поражало цели. После этого люди стали помехой, прячущейся за машинами в надежде, что уцелеют. Они просто мешали, а когда не успевали вовремя прятаться, то забивали нужное машинам пространство своими грязными телами.

— Любите же вы людей, — саркастически вставил Джордж.

Сенильд не обратил на него внимание.

— Тогда я решил обойтись вообще без людей и любезно подарил обеим сторонам газ мекнитрон. Они наполнили им планету и любезно истребили себя почти полностью. Остались изолированные кушочки, такие, как деревня Фэми. Механическая война продолжалась — и длится до сих пор. Но я потерял интерес даже к ней. Теперь я в основном сплю, загораю и жду, когда на небо вернется настоящее солнце.

— Настоящее солнце? — эхом отозвалась Мара.

— Уже очень долго облака мекнитрона медленно поднимаются вверх. Теперь они поднялись на такую высоту, что их касаются лишь самые высокие горы. И они продолжают подниматься и рассеиваться. Меньше, чем через тысячу лет, настоящее солнце станет прорываться сквозь них. И когда-нибудь это снова будет такая небольшая солнечная планетка. Я действительно люблю солнце.

— Ваш мекнитрон, — с нажимом сказал Джордж, — убил члена нашего экипажа, когда корабль проходил через облака.

— В самом деле? — протянул Сенильд и зевнул.

— Я, конечно, не жду, что вы разрыдаетесь, — продолжал Джордж. — Однако, пока вы еще не заснули, не могли бы вы объяснить, почему танки с белыми кругами сначала напали на нас, а потом внезапно переключились и стали защищать нас от танков с зелеными треугольниками.

Сенильд нахмурился.

— Странная история. Расскажите подробнее, что произошло. Джордж подчинился.

— Понятно, — произнес, наконец, Сенильд. — Возможно, вы заметили, что танки белого круга и треугольника, а также другие машины построены по разным проектам и имеют разные размеры. Это специально так сделано. У каждой машины в банке памяти заложены схемы всех машин, включая и самолеты, принадлежавшие к их блоку. Если танк обнаруживает радаром или видеоэкраном другую машину, то он ищет в банке памяти соответствующую образцу схему. Если там нет такого образца, это означает, что данный танк — враг.

— И что?

— Когда ваш космический корабль приземлился, он встал вертикально. У танков белого круга нет в памяти вертикальных образцов. Поэтому они открыли огонь. Но их снаряды повалили ваш корабль в горизонтальное положение, так что он стал напоминать торпеду на колесах — достаточно для того, чтобы его опознали как «своего». Точно так же танки с зеленым треугольником опознали его как врага. Теперь вы понимаете?

— Да, понимаю. А на чьей стороне большие стальные колеса?

— Ни на чьей. Они борются со всем, что движется. Я добавил их просто ради разнообразия. Они относятся к тому времени, когда люди еще существовали, и использовались для того, чтобы разнести людишек в пух и прах, или напугать до смерти, или просто заставить оставаться на месте, пока их не накроет артиллерия.

— У вас громадное чувство юмора, Сенильд. Если бы я... — внезапно Джордж замолчал, потому что ему в голову пришла ужасная мысль. — Послушайте, — быстро затараторил он, — когда я покинул своих друзей, они планировали вернуть корабль в вертикальное положение — и собирались использовать для этого танки с белыми кругами.

Сенильд громко рассмеялся.

— Кстати, о моем чувстве юмора, Джордж. Вот уж они удивятся! Представляете, в тот момент, когда танки закончат работу, они снова распознают корабль, как вражеский, и нападут на него.

Джордж почувствовал, как у него судорогой скрутило живот. Даже не при мысли о капитане и остальных — хотя он думал о них. У Сенильда существовал пунктик насчет людей. Он ненавидел их. А ведь если корабль будет уничтожен, он, Джордж, навсегда останется на этой мертвой планете во власти всемогущего, аморального бессмертного.

— Вы говорили, — быстро продолжил Джордж, — что управляли войной отсюда, из штаба. Правда ли, что все военные машины могут приводиться в действие прямо отсюда?

— Да, по радио.

— Тогда, Бога ради, сделайте это прямо сейчас. Если еще не поздно, то это спасет корабль и моих друзей.

— О, нет, я не могу этого сделать.

— Что? Почему не можете? Вы же сказали, что война больше не имеет для вас значения!

— Все верно, Джордж. Но тогда мне пришлось бы подняться на верхний этаж и заняться всеми этими кнопками и переключателями. Это утомительно. Кроме того, я очень не люблю подниматься по лестнице.

У Джорджа опять зачесались руки, но он вовремя вспомнил про удар молнии, защищавший старика.

— Тогда пойду я, — решительно сказал он. — Где это? И что мне там сделать?

— Вы никогда не найдете диспетчерскую — есть там парочка секретных панелей, и все виды устройств безопасности. А, кроме того, я не хочу, чтобы вы совали туда свой нос...

Зазвонил висевший высоко на стене звонок.

— Ах! — воскликнул Сенильд. — Какой сегодня удачный день! У меня еще один гость. Кто же это может быть? Пойду посмотрю.

Он вышел из зала. Джордж и Мара уставились друг на друга. Джордж взмахнул рукой.

— Я просто схожу с ума от желания убить человека, которого не могу убить! Куда теперь пошел этот старый дурак?

— Лучший способ узнать, это последовать за ним, — спокойно заметила Мара и вышла из зала.

Джордж отправился за ней по пятам, ему тоже стало любопытно, кто мог там прийти.

Сенильд стоял в покоем на мрачную пещеру вестибюле и глядел в сад. По дорожке к фонтану приближалась далекая фигурка человека. Сенильд весь дрожал от предвкушения ликования.

Джордж достал подозрную трубу. Вновь прибывший был ничем не примечательным человеком, старым, высохшим, не твердо держащимся на ногах, в такой грязной тунике, что невозможно определить ее первоначальный цвет. Однако, он выглядел неприужденным, шел медленно и спокойно. Когда фонтан включился в нужный момент, он продолжил идти, не меняя темпа, только лицо его стало выражать отвращение.

Мара захотела посмотреть в подозрную трубу, и Джордж передал ее девушке.

— Это Лип, — без удивления отметила она.

Сенильд взглянул на нее и спросил, что это у нее за инструмент. Или он никогда не видел биноклей и подозрных труб, или они вышли из употребления на Венере так давно, что он забыл о них. Мара подала ему трубу. Сенильд был очарован и в нее наблюдал за Липом.

Тот не стал садиться на скамейки, а когда приблизился к липкому участку дорожки, то словно предвидел его существование и тщательно обошел стороной. Сенильд прямо вздохнул от разочарования и прошептал:

– Порог поймает его.

Но Лип не стал перешагивать через порог, а прошел сквозь боковой проем портика.

Мара поздоровалась с ним на их языке. Телео передал это, как: «Привет, Лип».

Лип небрежно ответил.

– Нет, я только что пришла сюда, – сказала Мара. – Я возвращалась посмотреть на Фэми, но тебя уже там не было.

Джордж достал еще один комплект Телео, вручил его Липу, Мара объяснила, для чего это нужно, и провидец надел ермолку. Сенильд наблюдал за Липом, надувшись, всем своим видом показывая, что этот сверхосторожный пришелец весьма его разочаровал.

– Я предупредил всех, что грядет ледник, – начал Лип. – Естественно, мне поверили, но абсурдно понадеялись, что все обойдется. Так что все остались в Фэми. Но я не хотел умирать, поэтому спустился по леднику тем же способом, что и ты, Мара. Затем я блуждал в предгорьях, разыскивая этот дом. Я знал, что он существует, но мог определить его местоположение лишь весьма приблизительно. Я шел очень долго и проголодался. Сильно проголодался. Здесь есть еда?

Сенильд потерял к Липу всякий интерес и забавлялся с подзорной трубой.

– У меня есть немного еды, – вступился Джордж. – Пройдемте внутрь.

Сенильд наверняка услышал, но не стал возражать. Он вышел в сад и стал рассматривать окрестности в подзорную трубу. Джордж прошел в зал и открыл коробку с едой. Лип громко захрустел сухариками.

– Почему вы пришли сюда? – спросил Джордж.

– Я полагал, что здесь может быть Мара. Я хотел найти ее.

– Зачем? – удивилась Мара.

— Когда мои глупые ученики исчезли подо льдом вместе со всеми остальными, — ответил ей Лип, — у меня не осталось никого, кто бы воровал для меня. Ты, Мара, была лучшей «художницей» в Фэми, и я надеялся, что ты согласишься красть для меня. У Сенильда должно быть где-то в доме много еды.

— Возможно. Но мы ничего такого не видели, — произнесла Мара.
— А почему я должна красть для тебя? Почему ты не крадешь для себя сам?

— Мой талант заключается в уме, — печально сказал Лип. — Я живу, чтобы думать. Идеальным существованием для меня было бы бесконечное размышление. Я, знаешь ли, довольно непрacticен. Я умру с голоду, если не найдется кто-то, кто станет давать мне еду.

— А что вы можете дать взамен? — спросил Джордж.

— Плоды моих знаний. У меня дар знания вещей, своего рода ясновидение. Оно непостоянно, фрагментарно. Я не могу им управлять. Странные обрывки всплывают у меня в уме, пока я медитирую. Иногда они полезны мне самому, иногда — другим. Но чаще они ни с чем не связаны и потому бесполезны. Я могу принимать лишь то, что касается меня. Иногда информация неопределенна, как местоположение этого дома — и никакими усилиями я не могу ее уточнить.

— Выходит, вы — экстрасенс? — уточнил Джордж. — Такие способности известны на моей планете. Некоторые земляне обладают ими. Это проверено экспериментами, но, как вы и сказали, они слишком фрагментарны, обрывочны.

— Так вы прилетели с другой планеты? Это уж слишком для моих способностей — я этого даже и не предполагал.

Джорджу всегда нравились люди откровенные и здравомыслящие. И он принялся рассказывать Липу о Земле и людях, о полете на Венеру и о том, что произошло здесь, начиная с приземления.

— Поскольку мы с Марой любим друг друга, — закончил он, — я

хочу забрать ее с собой на Землю. Поэтому мне жаль, но она не станет вашей личной «художницей». Но у меня есть лучшее предложение. Отправляйтесь с нами на Землю. Настоящие живые венерианцы здесь редкость. Вы были бы моим ценным призом – но не пленником. Понимаете, вы могли бы совершенно свободно медитировать или делать все, что захотите. Обещаю, что земляне позаботятся о вас, будут уважать вас, слушать ваши речи и уж наверняка кормить.

Старик подумал, затем кивнул:

– Выбор у меня невелик. Я должен идти туда, где есть еда. Быть голодным ужасно, это мешает мне сосредотачиваться.

– Вот и прекрасно, – обрадовался Джордж. – А теперь послушайте, Лип. Где-то в этом доме есть комната с выключателями, управляющими этой идиотской войной. Можете ли вы увидеть, где она, а затем... – Он замолчал, потому что вошел Сенильд.

– Эта подозрная труба – самая замечательная игрушка, Джордж, – добродушно улыбнулся Сенильд. – Что я могу дать вам за нее? Вы готовы к сделке? Вам действительно нужна эта девочка Мара? Знаете ли, на этой планете есть и другие прекрасные девушки, и я могу найти для вас любое количество...

– Заткнись, – грубо перебил толстяка Джордж.

Мара больно ушибнула его. Джордж вопросительно поглядел на нее. Он понял, что она таким образом намекнула ему на поворот выключателя, повернулся к Сенильду и отрывисто произнес:

– Выключите войну, и вы получите подозрную трубу.

– И это все? – нетерпеливо спросил Сенильд. – Хорошо, сделка заключена.

– Я хочу удостовериться, что вы сдержали свое слово, – настаивал Джордж. – Я хочу увидеть, как вы это делаете.

– Конечно, – бесцеремонно бросил Сенильд.

Джордж поднялся с дивана, все еще держа в руках сухарик, и протянул его Сенильду. – Еще я добавлю это.

— Что это?

— Хорошая еда. Питательная и может долго храниться.

Сенильд отстранил руку.

— Я никогда не ем. По крайней мере, последние тысячелетия. Физическое бессмертие полностью изменяет метаболизм. Я получаю все, что нужно, прямо из окружающей среды, без этой ужасной — уж извините — промежуточной процедуры.

Лип сидел выпрямившись, насторожив уши, точно животное. Джордж, неправильно поняв его реакцию, отдал ему сухарик.

— Ну что ж, счастливчик, — повернулся он к Сенильду. — Давай-ка пойдем к той ужасной лестнице.

Мара присоединилась к ним.

— Вы с нами, Лип? — спросил Джордж.

— Не сейчас... Я чувствую, что наступает время медитации. Мне нужно побыть одному какое-то время.

Сенильд тяжело поднимался по лестнице. Несмотря на то, что его организм был совершенно здоров, столетия недостатка физических нагрузок сделали свое дело. Но в одном он оказался прав: Джордж никогда бы не нашел диспетчерскую. Верхний этаж походил на китайскую головоломку: тут и там попадались раздвижные панели, тайные ходы в тайных ходах, скрытые пружины, которые срабатывали, только если предварительно нажимали другие скрытые пружины.

Сама диспетчерская, когда они, наконец, добрались туда, была заполнена пультами управления. Всюду мигали огоньки, отовсюду доносилось гудение электроприборов. Приборы, напоминающие устройства биржевых маклеров, непрерывно печатали какие-то сообщения на лентах, которые рывками двигали ряды шпукел.

— И все в разных кодировках. Которых я уже и не помню, — глупо усмехаясь, указал на них Сенильд. — Конечно, я могу прочитать их, если уж очень захочу, но это не просто.

— И где-нибудь на них есть местоположение моего корабля?
— спросил Джордж.

— Почти наверняка. Знать бы только, где именно. Я не могу расшифровать ни слов, ни даже чисел.

Джордж промычал что-то среднее между недоверием и разочарованием.

Сенильд начал хвататься за выключатели. Сначала один за другим, затем целыми группами гасли индикаторы и останавливались машины сообщений. Гул медленно слабел, а затем все стихло и встало неподвижно.

— Вот и все, — опустил руки Сенильд.

Джордж вздохнул. Облегчение показалось ему дуновением теплого ветерка. Он сделал все, что возможно, дыбы спасти капитана и экипаж — и себя самого, в том числе.

— Спасибо, а теперь позвольте нам уйти.

Они пошли через лабиринт секретных проходов, которые Сенильд методично закрывал за ними. Когда вернулись в зал, Лип продолжал сидеть неподвижно.

— Ну и как, предсказатель, вас посетило какое-нибудь вдохновение? — вежливо спросил Джордж.

Лип задумчиво посмотрел на него.

— Да. Я думал о вашем космическом корабле, и внезапно в уме вспыхнули его точные координаты.

Лицо Джорджа просияло.

— Великолепно! Вы действительно умный, Лип. И где находится корабль?

— Телео дает несколько значений слову умный, — заметил Лип.
— Вы правы в том смысле, что у меня хорошо развит инстинкт самосохранения.

— Конечно... как и у всех нас. Естественно, в ваших интересах помочь найти корабль, чтобы полететь с нами на Землю.

— Мне уже не особенно хочется на Землю, — задумался Лип.
— Если я полечу с вами, то буду все время хорошо питаться. Но меня будут постоянно изматывать и докучать, чтобы использовать мой дар, превратить меня в общественную гадалку. Я — старик, мне осталось жить не так уж много. Поэтому меня раздражает, когда мне мешают размышлять. Меня всегда раздражало, что приходилось тратить массу времени для получения еды. Нет, я готов добровольно передать свое место на корабле Сенильду.

— Чтобы полететь на Землю? — удивленно спросил Сенильд. — С чего вы решили, что я хочу полететь на Землю?

— Вы исчерпали все удовольствия Венеры, — спокойно ответил Лип, — и теперь вы смертельно скучаете. На Земле должны существовать новые неисчислимые удовольствия, каких вы никогда не испытывали и о каких даже не грезили. С другой стороны, земляне очень мало живут. С вашей мудростью, знанием, опытом, властью и неуязвимостью вы быстро станете их правителем — бессмертный неизбежно должен повелевать простыми смертными.

Мара рассмеялась над его холодной логикой.

Джордж побагровел от гнева и, запинаясь, воскликнул:

— Вы... вы оба дадите сто очков вперед самому Маккиавели! Я не пушу вас теперь на борт корабля даже ради спасения собственной жизни!

— Вы не сможете улететь, поскольку не сумеете в одиночку найти корабль, — тихо продолжил Лип. — Могу вас уверить: он очень далеко отсюда. Потребуются недели, чтобы добраться до него, даже если вы будете идти в нужном направлении. В противном же случае, вам понадобятся годы.

— Вы укажете нам направление, а взамен мы возьмем на корабль Сенильда, чтобы он улетел с нами на Землю, — проницательно заметила Мара. — И за это вы хотите, чтобы Сенильд сообщил вам тайну бессмертия, не так ли?

— Все правильно, — кивнул Сенильд. — Я уже говорил, что ты умна, Мара. Очевидно, ты более умна, чем этот выживший из ума провидец, который решил, что может торговаться со мной.

— Я хочу стать бессмертным, — настаивал Лип, — чтобы погрузиться в размышления, не отвлекаясь на поиски еды!

— Чепуха! — рявкнул Сенильд. — Ты становишься так же скучать, как и я, и жаждать смерти, как часто жажду ее я. Бессмертие — это проклятие. Я буду добр и спасу тебя от него.

— Тоже мне, альтруист, — саркастически хмыкнул Лип. — Правда в том, что ты ревнуешь всех к своей уникальности, Сенильд. Ты боишься конкурентов. Фактически, тебе нечего бояться меня. Единственная власть, которую я ищу, кроется в лабиринтах моего разума. В голове каждого человека таится целая вселенная. И каждый человек может постигать ее с помощью простых размышлений — если только будет жить достаточно долго.

— Я жил достаточно долго, — обиделся Сенильд, — но не обнаружил ничего стоящего вечной жизни.

— Я говорил об уме человека, — презрительно возразил Лип. — Твой же разум младенческий и никогда не повзрослеет. Смышленный младенец с некоторыми техническими способностями — вот кто ты такой. Эмоционально, духовно, нравственно и интеллектуально ты остался незрелым младенцем с единственной потребностью — получать чистое удовольствие. В тебе нет ни бесконечного спокойствия, ни стремления к созерцанию. Не удивительно, что тебе надоело жить. Благо бессмертия потрачено на тебя впустую. Так дай же его мне. Я знаю, как его использовать. А ты отправляйся на Землю и купайся в своих детских забавах. Возможно, земляне оценят твои неожиданно включающиеся фонтаны и пищание подушки. Там ты станешь ходить в детский сад, где тебе самое место.

Дряблые губы Сенильда отвисали все больше, но внезапно он мрачно сжал их. Его блеклые глаза засияли ненавистью. Лип высказал ему правду, неприятную правду.

— Мне вообще не стоило бы отвечать такой злобной твари, как ты, — зашипел он на Липа. — Земля не сможет предложить мне никаких удовольствий, сравнимых с теми, что я испытаю, глядя, как ты подышаешь от голода. Никто не смеет сказать мне такое и остаться безнаказанным. Ты больше всего боишься голода и смерти. Ладно — тогда ты испытаеть и то, и другое... причем очень медленно. А чтобы доказать, что твое так называемое преимущество не стоит ни гроша, я сам найду корабль. Джордж и Мара, идите за мной.

Он привел их в крыло дома, которое они еще не посещали. Они проследовали за ним через дверной проем в помещение, обширное, как авиационный ангар. Почти все пространство занимал самый громадный танк из всех, когда-либо виденных Джорджем — ученому даже пришлось вытянуть шею, чтобы увидеть верхушку. Танк был даже больше того, с зеленым треугольником, который разрушила торпеда на колесах. Но на этом не было ни знаков различия, ни оружия. И он имел совсем другую конструкцию, с высокой башней, увенчанной наблюдательной площадкой, обнесенной перилами.

— Моя боевая колесница, — похвастался Сенильд. — Я ездил на ней, чтобы самому наблюдать за сражениями. Его схема есть в памяти и белых кругов, и зеленых треугольников, так что и те, и другие определяют его, как «своего». А на случай ошибочных попаданий он хорошо бронирован. Он может противостоять чему угодно, кроме колесной торпеды. С ним у меня не было никаких проблем, и я оставался на площадке даже во время самых жарких сражений.

— Мне кажется, у вас прямо масса хлопот, чтобы оберегать свое бессмертие, — сухо заметил Джордж.

— Если бы в меня попал снаряд, — серьезно ответил Сенильд, — то понадобилось бы много времени, чтобы вырасти снова.

Джордж содрогнулся, представив себе такое зрелище, и подумал, а уж не пытается ли Сенильд одурачить их или себя самого. Должны же быть пределы у его бессмертия.

Сенильд нажал рычаг. Дальняя стена раскололась на две створки громадных дверей, которые начали открываться, обнажая серый венерианский пейзаж.

— Вероятно, поиски займут несколько дней, — прикинул Сенильд. — Я чуть было не забыл, что вам обоим необходимо питаться. Вам придется пойти и взять с собой часть своей провизии, Джордж.

Джордж ушел. Когда он вернулся с коробкой в руках, танк уже стоял в заросшем саду с ровно стучащим двигателем. Сенильд и Мара ждали его на наблюдательной площадке. Джордж поднялся к ним по стальным ступенькам, неловко зажав коробку под мышкой.

— Ты оставил еду для Липа? — спросила Мара.

— Разумеется, нет, — раздраженно ответил Джордж. — После того, как он пытался продать нас? Кроме того, у нас пока нет гарантий, что мы отыщем корабль. Если мы потерпим неудачу и вернемся, возможно, голод к тому времени смягчит Липа. И если мы помашем у него перед носом пакетом с едой, он сдастся и сообщит нам, где искать корабль.

— Лип не сдастся так легко, — покачала головой Мара.

— Я тоже, — буркнул Джордж.

Сенильд слушал их, празднично перебирая указатели на дисках, затем сказал:

— Все, что нам нужно от Липа, так это два числа — координаты, которые необходимо набрать на этих дисках. Тогда мы сможем расслабиться, потому что колесница доставит нас туда автоматически. Вероятно, мне все же придется помучить его, — тусклые глаза Сенильда начали стекленеть, а язык облизал толстые губы.

— Давайте поедим, — поспешно предложил Джордж.

V

Очень долго громадный танк, систематически прочесывая квадрат за квадратом, грохотал гусеницами по поверхности планеты.

Плохая видимость заставляла их колесить взад-вперед, чтобы ничего не пропустить. Сенильд очень дорожил подзорной трубой и не выпускал ее из рук.

Джорджа нервировала медленная скорость их танка.

– Черт поberi эту штуку. Почему бы вам не выбрать что-нибудь побыстрей, например, колесную торпеду? – обратился он к Сенильду.

– Потому что у них нет мест для пассажиров. Потому что, в отличие от этого танка, они не предназначены для свободного перемещения. Чтобы привести их в действие, мне пришлось бы снова запустить войну. И еще потому, что торпеды – главная мишень для всех вооруженных сил с треугольниками. Достаточно причин?

После однообразной недели бесплодных усилий, Сенильд заскучал и повернул колесницу к дому. Джордж попробовал спорить, но Сенильд уперся:

– Я не хочу, чтобы Лип умер, пока я тут зря трачу время. Я хочу сперва позабавиться с ним.

Джордж подумал, что у Липа было достаточно времени, чтобы одуматься. Возможно, к настоящему моменту он уже готов говорить.

Но он ошибался. Лип выглядел слабым только физически. Но когда Сенильд и Джордж стали соблазнять его едой, он лишь слегка улыбнулся им в ответ.

– Вы знаете мои условия.

– Даю тебе время до завтрашнего заката, – пригрозил Сенильд. – Надеюсь, ты не умрешь к этому моменту. А затем я покажу тебе некоторые из своих старых игрушек. Вот это электронатор для попыток током. Это глазной магнит – он может медленно вытянуть твои глаза. А этот маникюрный набор предназначен для пальцев ног. Кстати, тебе когда-либо плющили пальцы гидравлическим прессом? Это может быть сделано мастерски, и уверяю тебя, что я в этом деле художник.

Джордж почувствовал тошноту, но промолчал. Он надеялся, что Лип сдастся и заговорит, но в любом случае он не позволит мучить старика.

Мара задумчиво поглядела на Сенильда и тоже ничего не сказала.

Ночью Джордж уснул, используя коробку с едой в качестве подушки. Мара всегда хорошо отзывалась о Липе, и Джордж ей не доверял.

Посреди ночи Мара подползла к Липу с охапкой пакетиков с едой.

— Спасибо, детка, — пробормотал он и съел все без остатка. — О, Мара, ну почему мой разум находится в проклятой зависимости от еды? — вздохнул он после трапезы. — Почему мы не можем питаться одним воздухом, как Сенильд? Почему ты украла для меня еду, детка?

Они разговаривали шепотом на своем языке, выключив Телео.

— Я женщина. Я не так тверда, как мужчина. И я благодарна тебе. В Фэми ты часто давал мне хорошие советы — просто так, без всякой платы. Я не могу позволить тебе умереть. Почему ты не попытаешься украсть для себя сам, Лип? Это же так легко...

— Джордж спит с головой на коробке. Это невозможно.

— Вовсе не невозможно. Я просто поддерживала его голову, пока открывала коробку.

— Я не гожусь для таких подвигов... Мара, а ты украдешь для меня снова?

— Я... не уверена. В коробке осталось очень мало пакетиков, а Джордж не должен голодать.

— Я не имею в виду еду. Пока вас не было, я обыскал дом — и физически, и мысленно. Наверху есть стальная комната, а в ней — как я предугадываю, хранится запечатанная бутылка, содержимое которой дарует бессмертие. Сенильд хранит ее на всякий случай. Нуж-

на лишь маленькая доза, но стальная дверь заперта и окружена ловушками с острыми зубами, которые могут откусить руку, или с отравленными стрелами, вылетающими из потайных гнезд... Я знаю, где все они расположены. Но я не знаю, как их обезопасить. А ты знаешь, потому что такие ловушки использовались в Фэми. Такая квалифицированная воровка, как ты, плюс мои знания — мы смогли бы преодолеть их. Тогда мы могли бы стать бессмертными и бросить вызов этому несчастному Сенильду.

— Я не хочу быть бессмертной, — отрезала Мара. — С другой стороны, я не хочу и умирать. А Сенильд попытается меня убить, когда обнаружит, что я сделала.

— Если ты сумеешь скрыть следы, он не обнаружит этого еще очень долго. А тем временем вы оба должны убежать.

— Но почему я должна рисковать для тебя? Что я получу взамен?

— Я не прошу, чтобы ты сделала это задаром. Взамен я сообщу вам координаты корабля. Тогда вы с Джорджем сможете уехать в боевой колеснице Сенильда — единственном транспортном средстве, и он не сумеет догнать вас.

— А если сумеет?

— Нет, Мара, ты слишком высоко его ценишь. Тело его бессмертно, но разум впадает в детство. Я вижу все симптомы этого: частые ошибки памяти, рассеянное внимание, припадки раздражительности... Человек, который так и не вышел из детства, всегда склонен к раннему распаду личности. Через несколько лет Сенильд превратится в полного идиота, забудет даже, как его зовут, и будет слоняться кругом, не в силах умереть.

Мара содрогнулась.

— Это ужасно!

— Но это факт. Ну, так как, Мара?

— Я сделаю это, — решила она, помолчав несколько секунд, и сразу же принялась за дело.

Лип отвел ее к двери стальной комнаты наверху и рассказал о ловушках. Мара ощупала дверь кончиками своих чувствительных пальцев, потом осторожно исследовала ножом.

— Я уверена, что смогу обезвредить ловушки и открыть замок, — произнесла она, наконец. — Но мне нужны нитки.

В ее руке блеснул нож, и прежде, чем Лип понял, что она хочет сделать, он лишился одного рукава своей туники, из которой Мара стала вытягивать нити.

— Мне нужна вода, — неожиданно сказал Лип и спустился вниз.

Вернувшись некоторое время спустя, он принес с собой две фляжки, одну пустую, другую с водой.

Мара к тому времени обезвредила ловушки и держала дюжину нитей, вставленных в замок, ловко управляя ими, точно кукольник. Скоро почти одновременно раздалась три щелчка.

— Открыто, — объявила девушка.

Лип вздохнул, сунул фляжки в карманы, взялся обеими руками за ручку двери и резко потянул.

Тяжелая дверь распахнулась, и на них накатило облако желтого тумана. Его запах ударил в ноздри, на глаза навернулись слезы. Несколько ужасных секунд удушья они думали, что угодили в последнюю ловушку и комната наполнена ядовитым газом под давлением.

Но затем газ, более тяжелый, чем воздух, начал оседать, сначала до пояса, потом до колен, и медленно поплыл над полом к выходу.

А они остались, задыхающиеся, полуослепшие, но живые.

— Прости, Мара, моя способность пропустила эту ловушку, — прохрипел Лип. — Надеюсь, это последняя.

— Почему газ не убил нас? — кашляя, спросила Мара.

— Может, он обладает замедленным действием, — прошептал Лип.

— Но это нас спасет.

И он указал рукой вперед. В комнате, уже почти свободной от похожего на туман газа, оказался серый металлический стол. На нем стояла стеклянная бутылка в три четверти литра, полная бесцветной, как вода, жидкости.

— Эликсир жизни, — сказал Лип, подходя к столу.

Довольный осмотром, он аккуратно перелил жидкость в пустую фляжку, а бутылку заполнил до прежнего уровня водой из второй фляжки и поставил на место.

— Надеюсь эта уловка не заставит его появиться, — улыбнулся Лип, — на первый взгляд, ничего не тронута, только газ выпущен из комнаты.

Он рассовал фляжки по карманам, вышел из комнаты и стал наблюдать за Марой, удаляющей из двери нити.

— Я не могу оставить их здесь, — сказала девушка. — Когда мы закроем и снова запрем дверь, у него не будет причин ничего подозревать...

— А я все-таки заподозрил, — раздался голос Сенильда прямо позади них.

Они обернулись. Сенильд тихонько поднялся по лестнице и стоял за ними, усмехаясь.

— Я всегда был подозрительным, — продолжал он. — Отсюда все мои механические сторожевые псы. Вы, кажется, заткнули пасти большинству из них. Но, думаю, газ удивил вас. Это безопасный газ — я вовсе не хотел, чтобы из-за какого-то глупого ворья по дому расплывался ядовитый газ. Не то, чтобы это повредило мне, но раньше у меня бывали гости... Нет, это всего лишь вонючий газ, нужный, чтобы поднять тревогу. Ему достаточно попасть вниз, чтобы я почувал его и проснулся — я всегда чутко сплю. Конечно, я понял, что кто-то пытается украсть мой эликсир. А теперь отойдите.

Они попятились, и Сенильд подошел к двери, чтобы осмотреть комнату.

— Отлично, — осклабился он, увидев бутылку на столе. — Я поймал вас прежде, чем вы...

Мара всем весом ударила его плечом в спину, прежде чем он успел включить свою защиту. Сенильд пошатнулся и рухнул внутрь комнаты, упав на стол. Стол опрокинулся, бутылка слетела на пол и разбилась.

Его сердитый крик оборвался, когда Мара и Лип вместе хлопнули тяжелую стальную дверь. Она автоматически заперлась быстрым тройным щелчком.

Лип с Марой обменялись улыбками.

— Это, — отдышался Лип, — весьма упрощает ваше спасение. Теперь Сенильд не сможет воспользоваться никакой боевой машиной, чтобы гнаться за вами. Он навсегда останется в доме и будет здесь гнить.

— О, Лип, ты не можешь быть таким жестоким!

Мару ошеломил образ Сенильда, заключенного, как в тюрьму, в пустую комнатку и даже неспособного умереть.

— По-моему, ты забыла, что он собирался морить меня голодом и до смерти замучить пытками.

— Нет, но ты должен сделать скидку на его возраст и распад сознания. Ты же сам говорил, что он теперь как ребенок. Обещай освободить его после того, как мы с Джорджем улетим на Землю в космическом корабле.

Лип поколебался, затем пожал плечами.

— Ладно, обещаю.

— Но ты обещал мне кое-что еще...

— Ты имеешь в виду координаты. О, да, это очень просто. Пять три восемь два и девять девять четыре пять.

Мара постаралась запомнить цифры, затем быстро спустилась в зал. Газ, от которого не осталось и следа, похоже, был уже слишком слаб, чтобы потревожить Джорджа, который все еще крепко спал, опустив голову на коробку с едой.

Мара потрясла его и, когда он проснулся, в общих чертах обрисовала ситуацию, хотя сонный мозг ученого не сразу воспринял информацию.

Наконец, Джордж промолвил:

– Нужно убираться отсюда сейчас же. Ждать, пока наступит день, опасно. Сенильд любит держать в рукаве запасных тузов и вполне способен вытащить из той же шляпы еще одного кролика.

– Вы уверены, что сумеете вести колесницу? – спросил Лип, входя в зал.

– Я знаю, как тронуть ее с места и остановить. Она начинает ехать, когда на карте установлены нужные координаты, а мы теперь знаем их, – ответил Джордж. – Пойдем, Мара.

Он поднял коробку, затем нахмурился. Коробка явно полегчала. Джордж открыл ее и уставился на оставшиеся пакеты с едой.

– Мара! – сурово покачал он головой.

– Нам хватит еды, чтобы добраться до корабля, – быстро пробормотала она. – А там у вас нет проблем с питанием. А Липу продукты здесь больше не потребуются.

Лип достал из кармана фляжку, потряс и улыбнулся.

– Это вся пища, в которой я буду когда-либо нуждаться.

Военная колесница Сенильда ехала всю ночь, светя прожекторами перед собой. И хотя было холодно, Джордж оставался на смотровой площадке. Он знал, что впереди еще долгий путь и что колесница едет медленно. Так что он не мог ожидать увидеть корабль, по крайней мере, до наступления дня. Но тревога не покидала его, он все равно бы не уснул.

Мара спокойно спала в нижней каюте.

Капитан Дж. Фрайбург поднялся на рассвете и оглядел окрестности. Вокруг ничего не изменилось. Корабль лежал на боку, ста-

билизаторы были выправлены и всё восстановлено, кроме радио. Все работы завершили раньше его пессимистического графика.

От корабля до танков с белыми кругами, расставленными по дуге, протянули тросы. Все было готово, чтобы поставить корабль в вертикальное положение.

Существовала лишь одна помеха. Примерно неделю назад они обнаружили, что ни один танк не работает. И с тех пор ни один самолет не появился в небе, не замечен никакой движущийся транспорт, и они не слышали никаких оружейных залпов.

Ежедневно, ежечасно они проверяли танки. Но те оставались мертвыми.

Этим утром Фрайбург уже привычно залез в танк и повернул выключатель двигателя. Затем пощелкал другими переключателями. Все без толку. Никакой реакции. Фрайбург почувствовал, что теряет надежду.

Он действительно потерял надежду на возвращение Джорджа Старки. Фрайбург был уверен, что исследователь погиб. Однако, в силу привычки, внимательно осмотрел унылое небо. Ни единого пятнышка, которое могло бы превратиться в вертолет.

Зевая, к нему подошел помощник.

— По-прежнему ничего, сэр?

— Нет. Перемирие продолжается. А может, война закончилась раз и навсегда. И боюсь, это означает и наш конец, если мы не сможем найти командование войсками «белого круга». Я подожду еще пару дней, но если танки не заработают, то вам придется взять с собой Спаркса и отправиться на поиски штаба.

— Есть, сэр, — невесело козырнул помощник.

В ярком свете искусственного солнца тощее, как скелет, тело Липа, неподвижно лежащее на диване, больше походило на труп, покоящийся на катафалке. Но внутри его горела вечная жизнь, а мысли пронзали Вселенную.

Он думал о темной бездне, откуда взялись все звезды и Галактики. О минералах и элементах, медленно передвигающихся в коре Венеры. О клетках его собственного тела. Об электронах и протонах, электромагнитных волнах и прочих силовых полях...

Но в его размышления внезапно грубо вторгся Сенильд.

Сенильд, который казался Липу наименее важным из этих видений и который исчез, теперь вернулся, знаменуя собой куда больше, чем все чудеса бесконечного космоса.

Он сбросил Липа с дивана на пол и несколько раз пнул ногой.

Лип подумал, что медитировать в таких условиях несколько затруднительно, и сел на полу.

— Ты, грязный маленький интриган, ты помог им сбежать! — ревел Сенильд. — Они укатили на моей колеснице, а в ней осталась подозрная труба!

Он бушевал и громогласно горевал о пролитом (как он думал) эликсире, о своем заключении, о потере Мары, которую он намеревался оставить себе. Но больше всего его рассудок туманила потеря вещи, которую он считал своей — этой новой игрушки, подозрной трубы.

— Джордж нарушил сделку! — вопил он. — «Выключите войну, и я отдам вам подозрную трубу», так он сказал. Ты же слышал это, Лип. И вот теперь он забрал у меня подозрную трубу. Ну, хорошо же, тогда я верну войну. И уж на сей раз это будет война-войнища! Я разнесу на куски всю планету!

И он направился к лестнице.

Лип встревожился. Он также заключил сделку, в результате которой Джордж и Мара должны были улететь на Землю. Но если снова начнется война, то космический корабль может быть уничтожен прежде, чем они доберутся до него.

Он вскочил на ноги и побежал за Сенильдом, безуспешно крича:

– Подожди!

Он настиг толстяка, пыхтящего на лестнице, и схватил его за плечи. И тут же сделал открытие, полетев по ступенькам вниз тор-машками. Бессмертие не защищало от электрического разряда.

Сенильд повернулся, сверкая глазами, и направил на него пистолет.

– Ты мне надоел, проклятый дурак!

Бац! Радиоактивная игла вонзилась в грудь Липа, распластавшегося у подножия лестницы. Но он ничего не почувствовал и вско-чил на ноги.

Глаза Сенильда расширились от удивления.

Бац! Бац! Еще две иглы попали в цель с тем же успехом.

– Ты не сможешь убить меня, Сенильд, – произнес Лип. – Теперь мы находимся в равных условиях, так что давай, обсудим все рационально. Не начинай войну. Я обещаю, что так или иначе верну подзорную трубу.

– Ты украл мой эликсир! – с пеной у рта завопил Сенильд. – Ты украл его! Не говори мне об обещаниях! Я не желаю больше слышать обещаний! О, как меня обманули! – Он продолжал взбираться дальше по лестнице, издавая громкие стоны от жалости к себе. – Я старый дурак... Меня обманули, ограбили, избили, бросили в камеру, предали со всех сторон...

Лип бежал за ним, но Сенильд первым достиг конца лестницы и, все еще мучительно стенося, щелкнул каким-то переключателем. Лестница мгновенно превратилась в крутую наклонную плоскость, и Лип опять покатился к ее основанию. К тому времени, как он нашел другой путь на верхний этаж, Сенильд уже скрылся в своей потайной диспетчерской.

И почти сразу же вдалеке послышались залпы орудий и за-гремели взрывы. Война началась снова.

Лип присел на корточках в коридоре и попытался проникнуть

своим умом в тайны скрытых проходов и фальшивых стен. Но его неуправляемая способность показала ему вместо этого потайную дверь в одной из стен стальной комнаты, где прежде хранился эликсир. Он даже увидел комбинацию замка, которую, прежде, чем ему удалось освободиться, много часов пытался вспомнить страдающий провалами памяти Сенильд.

Но ясновидение упрямо отказывалось даже намеками показать ему путь в диспетчерскую. Лип понял, что слишком перенапрягается, а нахрапом здесь не возьмешь. Он должен расслабиться и позволить ясновидению плыть своим собственным собственным курсом.

Но вместо этого Лип продолжал задаваться вопросом: ну, предположим, я найду путь в диспетчерскую. Я все равно не смогу ничего сделать с Сенильдом. Я даже пальцем не могу его тронуть. Я не могу закончить то, что начал он. Я не могу закончить то, что начал я...

Лип почувствовал вспышку предчувствия. Теперь уже не было пути назад. Он вступил на дорогу с односторонним движением. И когда-нибудь... Когда-нибудь...

Наступил день. Боевая колесница катила по однообразной венерианской равнине. Джордж нашел свою подозрительную трубу, которую оставил здесь Сенильд, и не отрывался от нее, надеясь увидеть впереди корабль.

Мара бодрствовала вместе с ним.

— Послушай, — внезапно сказала она.

Оба прислушались. Постепенно сквозь гул двигателя и бряцанье гусениц прорвался быстро нарастающий гул.

— Самолеты! — воскликнул Джордж. — Война опять началась! Должно быть, Сенильд освободился.

Небо превратилось в великолепный резонатор для тысяч са-

молетов. Их гудящий хор повторял зловещий рефрен: дуу-ум, дуу-ум, дуу-ум... Это был самый страшный звук, какой Джордж когда-либо слышал. Внутри у него все похолодело.

С воем понеслись к земле бомбы...

Капитан Фрайбург и его команда услышали гул самолетов и далекую бомбежку. Они бросились к танкам. Возобновление войны означало, что танки должны ожить. Так оно и случилось.

— Это наш последний шанс, — обратился Фрайбург к своим товарищам. — И мы не можем позволить себе упустить его. Ради всего святого, придерживайтесь составленного мною плана. Не думайте о взрывах, просто сосредоточьтесь на выполнении своей работы. Не забудьте поставить танки на первую передачу. И избегайте рывков — тросы могут не выдержать. Наблюдайте по видеозэкранам за моим танком. Когда я подниму это — начинайте. Когда я заторможу — быстро останавливайтесь.

«Это» было старой рубашкой Фрайбурга, на сей раз привязанной, как флаг, к длинной антенне.

Все заняли свои места. Двигатели ровно заурчали. Фрайбург вытолкнул антенну через открытый люк над своей головой. Танки медленно тронулись с места, тросы натянулись.

Корабль громко застонал, между ним и землей показалась полоска дневного света. Все тросы выдержали. Подъем начался хорошо.

Война бушевала вокруг колесницы, которая ни на метр не отклонялась от заданного курса. Никто специально не целился в нее, потому что в банках памяти у всех сторон она определялась, как «свой». Но в воздухе было полно снарядов, и некоторые разрывались в опасной близости.

Громяхающего монстра догнала несущаяся как экспресс тор-

педа на колесах. Из ее реактивного двигателя вырывалась раскаленная добела струя газов. Она непрерывно стреляла.

Вокруг нее сновало множество танкеток, иногда подбиравших так близко, что, казалось, столкновение неизбежно, но всегда в последний момент им удавалось убраться с дороги гиганта. Весь горизонт усыпали вспышки выстрелов.

Главную опасность представляла бомбежка. У Джорджа сложилось впечатление, что она становилась довольно хаотичной, словно Сенильд в диспетчерской бешено щелкал переключателями и нажимал кнопки, надеясь хотя бы случайно попасть в космический корабль.

Джордж заставил Мару спуститься вниз, но сам остался на площадке, обозревая бушующую равнину...

Напрягающиеся изо всех сил танки, точно собаки на поводках, продвигались вперед с трудом, но ни один из них не останавливался. Корабль достиг критической точки наклона в сорок пять градусов. Когда они минуют ее, центр тяжести переместится и задача станет гораздо легче.

46... 47... 48... 49... 50 градусов наклона. Тросы держались.

Растопыренные лапы посадочного устройства готовились принять на себя тяжесть корабля...

Высоко над ними то и дело проносились громадные снаряды каких-то дальнобойных орудий, устремленные к неизвестным целям. Безумная бомбежка сдвигалась к северу, и Джорджу с Марой уже стало безопасно вести наблюдения с открытой площадки.

Потом они услышали доносившийся откуда-то спереди далекий визг. Джордж направил туда подозрную трубу и увидел странное сооружение, вертикально стоящее на равнине. Его окружали какие-то механизмы, и от него, словно паутина, тянулись во все стороны

какие-то тросы. Они все сходились на вершине сооружения, где присутствовали какие-то колеса, вращающиеся со страшной скоростью.

Пока Джордж разглядывал эту картину, изнутри сооружения выдвинулся раздвоенный рычаг, который прошел вдоль оси одного из колес и выбил его из креплений. Колесо полетело на землю и, оставаясь вертикально, быстро покатилося куда-то в сторону. Окружавшие сооружение колеса стали поочередно покидать свои места и катиться по своим делам, так что визг начал понижаться в тональности.

Колеса с воем катились по равнине в разные стороны.

Джордж передал подзорную трубу Маре.

— Посмотри-ка, что там происходит.

— Интересно, — задумчиво произнесла она через некоторое время.

— Да, интересно, если смотреть на это с бронированной колесницы, — ответил Джордж.

— Так это одно из тех туманных колес, о которых ты мне рассказывал? — спросила Мара.

— Да. Хорошо, что они не преграждают нам путь.

Они поочередно смотрели, пока последнее стальное колесо не сорвалось с места и не исчезло вдали. К этому времени пусковая установка уже превратилась в смутное пятно и вскоре тоже исчезла из виду.

Джордж печально вздохнул. Мара утешила его поцелуем. Какое-то время они обнимались, затем Джордж обратил внимание на пейзаж впереди и почти сразу же воскликнул:

— Черт меня побери!

Он увидел космический корабль. Тот находился еще очень далеко, всего лишь темное пятнышко в тумане. На таком расстоянии тросы было невозможно разглядеть, и Джорджу казалось,

что корабль волшебным образом застыл под углом в двадцать градусов к перпендикуляру.

Конечно, Джордж сразу же понял, что происходит – то самое, что он должен предотвратить. Казалось, целую жизнь назад он, Фрайбург и помощник капитана обсуждали возможность установки корабля вертикально при помощи тросов.

И еще Джордж ярко вспомнил предсказание Сенильда: «Как только танки закончат работу, они опознают корабль, как «чужой» и откроют по нему огонь».

Он подавил панику и стал всматриваться, изо всей силы напругая глаза. И вскоре он различил танки, дугой расположившиеся вокруг корабля, и даже тянувшиеся от них ниточки тросов. Он только не мог понять, неподвижен ли корабль или неощутимо медленно поднимается.

Он ударил кулаком по перилам площадки.

– Если бы только мы могли заставить этот ящик двигаться быстрее!

– А что тебя тревожит? – спросила Мара.

Джордж коротко объяснил ей, в чем дело.

Мара взяла подзорную трубу.

– Мои глаза острее твоих, Джордж, – сказала она и через некоторое время добавила: – Боюсь, что корабль продолжает подниматься. Очень медленно, но безостановочно. И если он будет продолжать в том же темпе, а мы не сумеем увеличить свою скорость, то он встанет вертикально прежде, чем мы доберемся туда. Это вопрос простых...

Для Мары Телео перевел этот термин, как «расчетов», а для Джорджа, как «арифметика».

– Как же их предупредить? – с мукой в голосе простонал Джордж.

– Они уже должны заметить нашу колесницу, – прищурилась Мара. – Возможно, они прекратят подъем корабля и спрячутся.

Но прежде, чем капитан увидел колесницу на видеоэкране, приборы его танка засекли ее прибытие по дрожанию почвы. Однако, танк не сделал ни малейшей попытки, чтобы приготовиться к сражению, и по-прежнему стоял на ручном управлении.

Фрайбург задался академическими вопросами: «Почему? Этот механизм принадлежит какой-то нейтральной силе? Каким-то нормальным венерианцам, которые направляются к ним, чтобы помочь?»

Или он опять обманывает себя, принимая желаемое за действительность?

Может быть, это какая-то новая уловка нападающих?

Космический корабль поднимался теперь быстрее. Если бы Фрайбург сейчас отдал команду остановиться, тросы могли не выдержать и лопнуть.

Фрайбург взглянул на висящую на его антенне вместо флага белую рубашку. Он знал, что люди в танках наблюдают за ней, готовые дать по тормозам в тот момент, когда он уберет ее.

— Черт! — выругался он и оставил рубашку на месте.

Первым делом нужно установить корабль вертикально, в устойчивое положение. И тогда можно уделить внимание приближающемуся механизму, чем бы он ни оказался.

Корабль продолжал подниматься.

69... 70... 71... 72... 73... 74 градусов наклона.

Джордж с Марой замахали руками, чтобы привлечь к себе внимание, но чувствовали, что это бесполезно. Они еще слишком далеко.

Теперь Джордж и сам видел, что корабль продолжает подниматься. Ему оставалось меньше двадцати градусов до точной вертикали, может, градусов пятнадцать...

Через несколько минут полезные и послушные танки закончат

свою работу, развернутся и откроют огонь по кораблю. И нанесут ему непоправимый ущерб. Тогда все будет кончено. Выжившие люди останутся на Венере почти без шансов на спасение, и совсем уж без шансов найти здесь пищу... Они или умрут от голода, или их уничтожит безумная военная кампания Сенильда.

Колесница неуклонно везла их вперед, и так же неуклонно поднимался космический корабль землян.

78... 79... 80... 81... 82 градуса.

Капитан Фрайбург был напряжен, как любой из тросов, связывающих танк с кораблем. Сейчас в любой момент центр тяжести переместится и мгновенно поставит корабль вертикально без дальнейшей помощи.

Он сердито взглянул на приближающуюся бронированную машину, совершенно неуместную в такой критический момент, и отметил, что на ней нет никакого видимого вооружения. Так же он не увидел на ней ни кругов, ни треугольников. Возможно, она не собирается причинить им вред. Но все равно не вовремя она тут появилась.

Но в ситуации, в которой они находились, ничто не происходит вовремя, а скорее, наоборот.

Затем Фрайбург увидел, как что-то мельтешит на самой вершине громадного, безобразного механического чудища. Пятнышко. Точнее, два пятнышка. Люди?

«Черт побери, – выругался Фрайбург, – ничто меня сейчас не остановит». Слишком часто он терпел неудачи из-за неожиданно, несвоевременного вмешательства внешнего мира в его планы. Всю жизнь он сносил эту несправедливость.

Но на сей раз ничто не должно ему помешать. Фрайбург стиснул зубы и продолжил управлять танком, следя, чтобы тросы были постоянно натянуты.

84... 85... 86 градусов.

Откуда-то издалека донесся и тут же оборвался тоненький крик.

Страшный толчок чуть не выбросил его с водительского сиденья. Танк Фрайбурга отскочил на несколько метров назад. Капитан резко нажал на тормоза и громко закричал, выплескивая в крике весь гнев и отчаяние.

Судьба по-прежнему была против него, и опять нанесла неожиданный удар.

Фрайбург опустился на свое место, перед его внутренним взором мир стал мрачно-серым и траурно-черным. Он набил трубку, глубоко затянулся... и, словно очнувшись, выглянул наружу.

Космический корабль слегка развернулся, отбросив назад все танки, кроме одного, оставшегося на месте. Это был танк помощника капитана.

Сам помощник стоял возле него, держа в руках конец оборванного кабеля. Лицо у него побелело, и он глядел то на надвигающуюся на них громадную колесницу, то на свой танк, совершивший ошибку.

– Эй! – закричал ему Фрайбург, по-детски пытаюсь переложить на помощника хоть часть своей вины. – Вы же обещали, что тросы выдержат!

Помощник покачал головой, снимая с себя всяческую ответственность, и показал куда-то себе под ноги. Фрайбург взглянул туда и в растерянности увидел новую, совершенно прямую дорожку-канавку, только что проделанную громадным стальным призрачным колесом. Он тут же понял, что это оно пронеслось между танком помощника и кораблем, перерубив по пути трос. И еще Фрайбург понял, что колесо выпустила приближающаяся к ним громадная машина.

Капитан погрозил ей кулаком, понимая, что бесполезно пы-

таться обстреливать его из того маломощного оружия, что находилось в их распоряжении.

И в любом случае, уже слишком поздно, чудовищная машина уже придвинулась к ним почти что вплотную...

И внезапно остановилась. Мотор замер, наступила звенящая тишина. И затем Фрайбург увидел на самом ее верху Джорджа Старки и какую-то странную девушку.

Многое предстояло объяснить, но сейчас для этого не место и не время. Где-то вдалеке эскадра бомбардировщиков сбросила на равнину груз бомб, а в дыму их разрывов нестерпимо визжало еще одно стальное колесо.

— Это Мара, — поспешно представил Джордж. — Она моя девушка, и она на нашей стороне. И больше с нами нет никого. Поймите, шкип, все танки, бомбардировщики и прочая техника — все против нас. У нас нет здесь друзей. Военной техникой управляет сумасшедший командующий — мы поговорим о нем позже. А сначала быстро положите корабль обратно на землю.

— Что? — сморщился Фрайбург. — Мы же почти подняли его. Он бы уже стоял, если бы это чертово колесо не перерезало кабель.

— Вам просто очень повезло, — отчеканил Джордж. — Наверняка все это время на вашей стороне было мое провидение. Но об этом я расскажу позже. Сейчас же, ради Бога, сделайте, что я сказал! У нас нет времени на споры. В любую секунду командующий может перехватить управление танками и погнать их назад. Если он сделает это, корабль снова упадет и разобьется. И на этот раз, вероятно, окончательно.

Фрайбург не стал больше спорить. Он отдал приказ, и экипаж, управляя танками, медленно опустил корабль в горизонтальное положение.

— А теперь, — скомандовал Джордж, — отсоедините у танков антенны. Тогда они не смогут напасть на нас.

— Но тогда мы не сможем поднять корабль, — возразил помощник капитана.

— Верно, — согласился Джордж, показывая на громадную колесницу. — Мы не сможем управлять танками, но на этой штуковине нет дистанционного управления, которое можно перехватить. А силы тяги у нее побольше, чем у всех этих танков, вместе взятых.

— Приступайте к делу! — зарычал Фрайбург на помощника.

Даже когда они, в конце концов, заперлись в корабле, снаружи доносились звуки бесконечного сражения. Налетали волны самолетов, подвергая равнину систематической бомбардировке. И был бы лишь вопрос времени...

Взревели двигатели корабля, он поднялся на хвосте из пыли и дыма, на секунду замер, затем, набирая скорость, устремился в низкие облака, насыщенные ядовитым мекнитроном. Корабль невредимым прошел сквозь них и выпрыгнул, точно лосось из воды, в яркий солнечный свет, по которому люди так соскучились.

Когда они уже были далеко в космосе, где и Земля казалась лишь яркой точкой, а Венера походила на шарик из шерсти ягненка: такая белая, пушистая и безопасная, Джордж все еще рассказывал свою историю остальным.

Притихшая Мара смотрела на свою планету — шарик, плывущий в бездонной черноте космоса.

Неожиданно она вскрикнула, тыча в экран рукой. Белый шарик внезапно запятнали многочисленные яркие точки, словно веснушки на лице ребенка.

Все молча смотрели, как точки расплываются бледнеющими пятнами, и пробовали представить себе масштабы вызвавшей их катастрофы.

— Сенильд окончательно свихнулся, — подвел черту Джордж. — Это же широкомасштабная атомная война. Я представить себе

не могу, как они с Липом ее переживут, несмотря на свое бессмертие.

– Возможно, земляне когда-нибудь снова полетят туда и побеседуют с победителем – если таковой отыщется, – ответил Фрайбург.

– Знаете что? – усмехнулся Джордж. – Это буду не я. Теперь я мечтаю лишь о трубке, кресле-качалке и шлепанцах.

– Что ты имеешь в виду, Джордж? – вопросительно посмотрела на него Мара, сбитая с толку дословным переводом Телео.

Джордж прижал девушку к себе.

– Скоро ты это увидишь, дорогая. Знаешь, у меня никогда раньше не было собственного дома. И я с нетерпением мечтаю о нем.

Она ответила на его поцелуй, как всегда, неистово. Смущенный Фрайбург отвернулся и стал смотреть на уменьшающийся шарик Венеры, который все больше покрывали темные облака разразившейся на ней катастрофы.

Но Джордж и Мара уже и не думали о Венере.

Ace Books, Inc., 1963

STRANGE ADVENTURES ON OTHER WORLDS—

PLANET stories

TRADE
MARK
REG.

A.N.C.

JULY

25¢

"The 39th Dynasty shall fall
with the Mating of the
Moons. An Outlander shall
seize the Queen—" so ran
the Prophecy

The VIRGIN of VALKARION

A Barbarian-Worlds Novel

by POUL ANDERSON

The TIMELESS ONES

by FRANK B. LONG

ДЖЕЙМС. Т. МАКИНТОШ

КРУШЕНИЕ НА ВЕНЕРЕ

Искалеченный корабль с ревом падал на Венеру, медленно вращаясь вокруг оси. Серые облака окутывали его стабилизаторы и струились, крутясь, мимо гладких боков. В носовой рубке Уоррен Блэквелл напрягал глаза, пытаясь проникнуть взглядом сквозь их серое кипение, но он знал особенности венерианской атмосферы и понимал, что пустую тратит время. Они увидят поверхность, когда корабль будет на высоте пятидесяти футов, и окажется слишком поздно.

Щелкнула дверь, и в носовую рубку вошла девушка, которая во время приема пищи сидела за столом напротив него.

— Меня послал капитан на случай, если я могу чем-нибудь помочь, — произнесла она.

— И чтобы избавиться от вас, — заметил Уоррен.

— Не сомневаюсь, — невесело усмехнулась она.

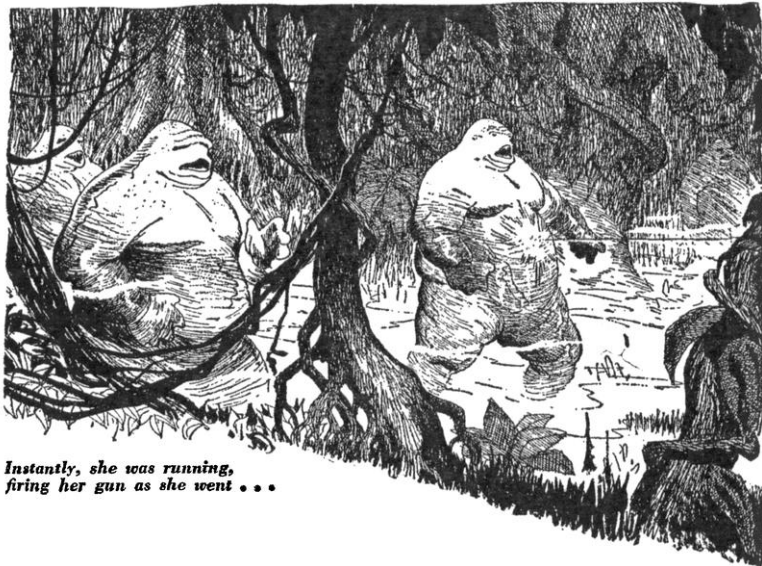
— Как вас зовут? — поинтересовался Уоррен.

— Вирджиния Стюарт. Но вы можете называть меня просто Вирджиния. У нас осталось слишком мало времени, чтобы заниматься формальностями... А вы Блэк... вел? Блэквелл, не так ли?

— Если вы имеете в виду того, кто выиграл все медали, то да, это я. Сколько человек там осталось?

— Из команды? Капитан и второй помощник. И состояние капитана неважнецкое, радиация скоро доконает его.

Уоррен пристально взглянул на нее и решил, что она говорит правду.

*Instantly, she was running,
firing her gun as she went . . .*

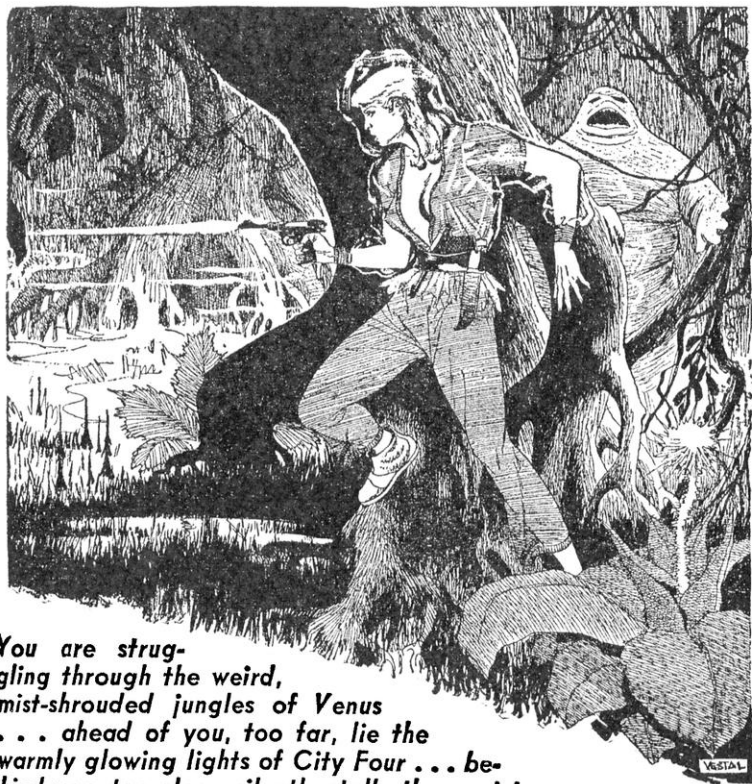
◀ VENUS MISSION ▶

A NOVELET

by J. T. M'INTOSH

— Возвращайтесь туда и организуйте мне с ними связь, — обратился он к девушке. — Чтобы я мог обратиться к ним, когда мне понадобится вся оставшаяся энергия. У нас мало шансов, но все-таки они есть.

— А связь что, не работает? — спросила она.

You are struggling through the weird, mist-shrouded jungles of Venus . . . ahead of you, too far, lie the warmly glowing lights of City Four . . . behind you, too close, silently stalks the most terrible Death in the System!

— Нет. Только сигнал тревоги.

Девушка кивнула и вышла. Уоррен снова уставился в серые облака. Он был пассажиром на «Миркланде», но пригодился, когда произошла утечка радиации. Он знал о Венере больше всех из

команды корабля. Хотя вряд ли сейчас это имело большое значение. Он мог всего лишь сидеть, где сидел, и сообщить, когда увидит поверхность. И тогда, любой из членов команды, кто останется к тому моменту в сознании, включит тормозные двигатели, и в случае удачи, корабль все равно упадет, но, по крайней мере, не разлетится на куски. Но на это требовалась очень большая удача.

Но там, внизу, мало на кого можно положиться. Уоррену в носовом отсеке было лучше, чем остальным пассажирам, запертым на складе в средней части корабля. Никто из них не мог бы ничем помочь, и, очевидно, капитан выбрал его и девушку, как единственных, кто мог оказаться полезным в чрезвычайной ситуации. Капитан был способным и храбрым офицером, и, возможно, ему следовало самому остаться в безопасности в носовом отсеке, если бы он мог переложить проблему утечки радиации на кого-то другого. Но он понимал, что только он или кто-либо другой из экипажа могут управлять двигателями, и что жизненно важно включить их точно в нужный момент.

Девушка вернулась, и вместе с ней пришел капитан Моррис.

— Я считаю, что мы где-то на высоте двадцати тысяч футов, Блэквелл, — сказал капитан. — Как вы думаете, я не ошибаюсь?

Девушка не ошиблась, когда сообщила, что капитан плох. Он находился на последней стадии отравления плутонием. Уоррен немного цинично подумал, что капитана можно назвать героем, потому что он уже был мертвецом. Но Уоррен и сам неоднократно оказывался на грани смерти. Орденские ленточки в его в багаже могли это подтвердить.

— Я не могу увидеть Венеру с такой высоты, — произнес он, — как и с любой другой. Но я бы предположил, что мы еще на приличной высоте. Только не слишком полагайтесь на мое мнение.

Капитан тяжело опустился в кресло. Он не мог остановить дрожь во всем теле, но пытался, расслабившись, хотя бы уменьшить ее.

— Мы можем взорваться через пять секунд после того, как я включу двигатели, — выдохнул он. — При нашей скорости это значит, что мы должны запустить их на высоте сто двадцать футов.

Уоррен покачал головой.

— На поверхности еще можно что-нибудь разглядеть на расстоянии ста двадцати футов. Но только не сверху вниз. Самое большее — футов на шестьдесят.

— Именно поэтому я и пришел к вам. Мы все в ваших руках, Блэквелл. Вы знаете об этой атмосфере больше всех на борту. Нам нужны всего лишь ваши предположения. Не ждите, пока увидите поверхность — тогда будет уже слишком поздно. Просто постарайтесь прикинуть, когда мы будем на нужной высоте — только и всего.

Уоррен кивнул. Моррис поднялся на ноги. У двери он остановился.

— До свидания, — еле слышно произнес он.

Девушка осталась с Уорреном.

— У вас есть шанс получить еще один орден, — улыбнулась она.

— Я прожил бы и без него. Когда закончилась война с венерианцами, я подумал, что больше не будет опасностей.

— Опасность будет всегда. Она следует за храбрецом по пятам.

— Может быть, может быть, — пробормотал Уоррен. — Вот только я не храбрец. И никогда им не был.

Глаза девушки расширились, но она промолчала. Она никогда не встречала Уоррена Блэквелла до этого полета. Собственно, она не встречалась с ним и во время полета, пока не познакомилась несколько минут назад. Но, как и все люди, она читала о нем во время войны. Человек, который относился к жизни, как миллионер мог бы относиться к десятицентовику, найденному у себя в ботинке. Но он был то ли удачлив, то ли умен, так что опасности всегда оказывались менее грозными, чем выглядели вначале. Он много раз был ранен и дважды попадал в плен. А ведь никто дру-

гой не мог сбежать от Серых даже один раз. Несколько месяцев, пока он оправлялся от ран, о нем перестали говорить в новостях. А после этого он собрался вернуться к новым деяниям, заставлявшим подумать, что он полон решимости покончить с собой.

«Что им движет? — подумала девушка, глядя, как он пристально вглядывается в большие кварцевые иллюминаторы. — Его что, действительно так мало волнует жизнь, раз он заявляет, что совсем не храбрец?» Она читала, что он воспитывался в приюте, даже высказывались предположения, что он побывал в исправительной школе, но такие подробности о герое были не популярны.

«Не может этого быть», — наконец, решила она. Сидящий возле нее человек неистово любит жизнь. Она видела, что он весь сосредоточился на своей задаче. Он не пытался спасти ее и других пассажиров. Если бы это было так, то он выглядел бы холодным и спокойным. Он пытался спасти себя — а остальные являлись бесплатным приложением и только.

Внезапно он тряхнул головой и отвернулся от окна.

— Через несколько минут, — потер он глаза. — Если я буду смотреть дольше, то стану нервничать и дам сигнал запустить двигатели слишком рано. Вы не желаете устроить стриптиз, чтобы скоротать время?

— Это не смешно, — холодно процедила девушка.

Он задумчиво смотрел на нее и видел, что она начинает думать о нем уже без пафоса и легко может утратить все свое восхищение и уважение к нему.

На вид она была крепкой девушкой, скорее, типа работницы, а не красавицы, но если бы захотела, то могла бы выглядеть значительно привлекательней, чем сейчас. На ней были широкие темные брюки и темно-синяя рубашка, и хотя эта одежда не делала ее изящней, но и не отрицала природной красоты. У нее были пышные каштановые волосы и молодое, волевое лицо. Жаль, если придется наблюдать, как эта девушка погибнет. Таких осталось не так уж и много.

— Чем вы занимаетесь? — спросил он.

— Да много чем. В настоящее время я на правительственной службе.

— В каком правительстве?

— ООН. В этом нет ничего секретного, я просто...

Она замолчала, когда Уоррен повернулся к иллюминатору.

— Кажется, я начинаю что-то чувствовать, — пробормотал он.
— Мы должны быть где-то в районе Нормандского Леса. Но довольно долго корабль летел по касательной. Возможно, мы миновали Нормандские Холмы. Когда... — его голос понизился до шепота и внезапно прервался. — Нужно дать сигнал. Сейчас!

Вирджиния оказалась готова. Она бросила взгляд на палец Уоррена, нажимающий кнопку, затем на иллюминатор и увидела неожиданный просвет в сером тумане, потом она почти ослепла и смутно различила, как на нее летит вставший на дыбы пол. Она еще успела понять, что, наугад или точно, но Уоррен выбрал правильный момент.

Удар ошеломил ее, но сознания она не потеряла, в отличие от Уоррена. Девушка заметила, как он летит прямо на иллюминатор, и успела ухватить мужчину за лодыжку, но остановить не сумела, хотя он влетел головой в кварцевое стекло уже не с такой силой. Потом завизжал трущийся о камни металл, и этот звук становился все громче и выше, пока она не перестала его слышать.

Постепенно она поняла, что корабль приземлился, и, вероятно, настолько благополучно, как только возможно. В иллюминатор Вирджиния видела лишь серый туман и черную землю. Она раньше бывала на Венере, но только в городах под куполами и никогда под открытым небом. Однако, она поняла, что сейчас самый разгар дня. Освещение почти такое же, как на Земле туманной ночью при луне. Видимость составляла ярдов сорок, что на Венере являлось практически пределом.

Уоррен пошевелился. Он очнулся, как она и ожидала, и лежал неподвижно, пока не осмотрелся.

— Вы не дали мне вылететь в иллюминатор, — прохрипел он.
— Когда-нибудь я тоже что-нибудь сделаю для вас.

— Вы уже сделали, — ответила Вирджиния. — Вы посадили корабль.

Он с трудом поднялся на ноги.

— Нужно взглянуть, как там остальные, — отряхивался он.

По молчаливому согласию сначала они искали капитана. Но он, второй помощник и остальные члены команды, которые были еще живы до приземления, остались в машинном отделении, которое смяло при падении и превратило в плоский стальной лист. Они так и не смогли добраться до них. Тогда Уоррен и Вирджиния пробились к складу и отперли дверь.

В сложившейся ситуации приземление вышло не таким уж ужасным. На складе находилось пятнадцать человек, и семеро из них остались в живых, хотя двое явно никогда не придут в сознание. При ударе корабля о землю, Уоррен с Вирджинией в носовой рубке были в наибольшей безопасности, но никто этого не знал.

Уоррен осмотрел раненых, не обращая внимания на стоны и крики. Мертвых он проигнорировал. Раз они мертвы, то уже неважно, от чего именно они погибли. Значение имели лишь те, кто остался в живых. У актера Уолтерса шла кровь изо рта и ушей, и только по этому можно было понять, что он все еще жив. Его жена дышала, но лежала в ужасной позе, очевидно, у нее сломана шея.

Пятеро других выглядели почти невредимыми. К счастью, доктор Уильямсон оказался уже на ногах и чувствовал себя нормально. Возле него стоял, явно только в шоке, Старый Мартин, которому стукнуло девяносто и который перенес катастрофу лучше всех. Трое остальных ворочались на полу, а Смит со сломанным запястьем был наиболее серьезно травмирован, хотя женщины громко стонали и кричали.

Миссис Мартин вряд ли можно было за это винить, поскольку во время удара воздушной волны, которая пронеслась по помещению во время падения корабля на поверхность, она потеряла большую часть одежды, а оказаться полуголой в чужой компании – такое приключение не для семидесятипятилетней старухи. Но гламурная девица, имени которой Уоррен не знал, визжала только потому, что визжала всегда, что бы ни произошло.

Уоррен быстро окинул взглядом помещение, но корабль оставался воздухонепроницаем, и он не услышал шипения выходящего воздуха. Давление на складе казалось высоким, даже выше нормы. Если и имелась какая-то пробоина, то корабль закрыл ее своим весом. Во внутренних стенах виднелись трещины, но они были не так опасны, как во внешнем корпусе.

– Все в порядке, доктор? – спросил Уоррен. – Вы выступаете во владения всем этим.

– Не смотрите на меня так, будто я могу что-то сделать, – сдавленным голосом парировал Уильямсон.

– Не скромничайте, – подмигнул Уоррен.

Доктор выглядел безучастным. Вирджиния бросила на Уоррена быстрый взгляд. «Очевидно, она снова понизила мне оценку», – подумал он.

Гламурная девица схватила его за рубашку.

– Выведите меня отсюда! Выведите меня! – закричала она.

– На улицу? – холодно поинтересовался Уоррен. – Там вы бы умерли через восемь часов. Но задолго до этого вас бы схватили Серые.

У ее платья было вызывающее декольте, и можно подумать, будто оно разорвано взрывом, но декольте было естественным. Даже ее волосы не растрепались. На ней не было ни царапинки, и она была очень красива. «Жалко», – подумал Уоррен, потому что она не имела ни малейшего права на существования, когда лучшие люди погибли в катастрофе.

Вирджиния тихонько оттащила ее подальше.

— Вы что-то говорили о Нормандских Холмах, — спросила она, вернувшись к Уоррену. — Вы знаете, где мы находимся?

— Всего лишь предполагаю, — признался он, — хотя и не беспочвенно. Почти уверен, если я вообще в чем-то прав.

— Как это?

— Мы лежим на открытом склоне на мягкой почве. Но сперва мы ударились о скалу, и если бы после этого падали прямо, то лежали бы сейчас в лесу. Значит, мы находимся где-то на узком отрезке в двадцати-тридцати милях от города Фор-Цефор, если говорить кратко.

— И каковы наши шансы?

Уоррен оглянулся на остальных, притихших и прислушивающихся к его словам, даже мисс Гламур и миссис Мартин, на которую муж накинул свой пиджак. Не было никакого смысла тянуть с ответом. Лучше покончить со всем разом.

— Наши шансы сейчас больше, чем тогда, когда мы падали, — жестко отрезал он. — Но чтобы подсчитать их, понадобится логарифмическая линейка, и это будет число со многими знаками после нуля.

На какое-то время наступила тишина, пока они пытались осознать его ответ. Потом мисс Гламур с визгом бросилась на него, пытаясь ногтями впиться в лицо, словно он лично повинен в их незавидном положении.

Вирджиния схватила его за руку, когда он пытался оттолкнуть мисс Гламур, и совершенно не по-женски развела их в стороны.

— Давайте пойдем и проверим это, — предложила она.

Уоррен усмехнулся. Вероятно, вскоре мнение Вирджинии о нем упадет еще ниже, но, в конце концов, он оказался единственным, с кем она могла говорить серьезно. Безопасность их всех зависела от Вирджинии и от него.

Вирджиния привела его обратно в носовую рубку.

— Это не может быть настолько плохо, как вы сказали, — заявила она.

— Почему же?

— Потому что наверняка они видели, как мы снижаемся. И будут организованы поиски. Или в худшем случае, кто-нибудь из нас сможет отправиться за помощью, раз, по вашим словам, до Города всего двадцать миль.

— Я не просто сознательно пессимистичен, — ответил Уоррен. — Я также хочу выжить. Но давайте начнем с самого начала. Капитан подтвердил бы мои слова, если бы был с нами. Никто не мог увидеть нас в Цефоре. Мы не пролетали над ним, а летели к нему. И они не смогли бы увидеть пылающий метеор даже в пяти милях, не говоря уж о двадцати. Радар работает в здешнем киселе даже хуже, чем в воде, то есть — никак. И сейсмограф тут не помог бы, потому что на Венере землетрясения так часты, что никто не поинтересуется толчком, вызванным падением корабля. Это раз. Два: мы направлялись в Нью-Париж в другом полушарии Венеры, и когда сутки спустя начнутся поиски, они станут искать где-то в том районе. По моим грубым оценкам, пройдет месяцев шесть, прежде чем они найдут корабль. Помните, им придется исследовать чуть ли не каждый дюйм земли. И чтобы заметить нас, вертолет должен очутиться от нас на расстоянии броска камня.

Девушка пристально посмотрела на него.

— Но, значит, существует опасность, что в любой момент в корабль сможет проникнуть ядовитый наружный воздух, и все погибнут. А я-то думала, что единственная опасность ждет нас во время аварийной посадки.

— Да, — тихо сказал Уоррен, — обычно так и бывает. Но обычно радиоаппаратура не выходит из строя до посадки. А наша вышла. Так что никто не знает, где мы.

— Ясно. Но мы не можем ждать шесть месяцев. Через неделю мы все будем мертвы. На таких кораблях нет больших запасов.

— Вы правы, — кивнул Уоррен.

— Ну, — пожала плечами девушка, — тогда мы просто должны отправиться к Цефору...

— Только не я, — резко прервал ее Уоррен. — Если мне суждено умереть, то я умру здесь.

Вирджиния озадаченно поглядела на него.

— Я вас не понимаю. Мы же герой. Вы же совершали более трудные дела, чем поход к Цефору. Вы же получили за них ордена.

— Вы и не должны ничего понимать, — холодно улыбнулся он. — Я уже говорил вам, что я никакой не герой. До войны я был никем и ничем. Я пробовал то одно, то другое, и потерпел неудачу во всем. Два-три раза я даже попробовал совершать преступления, но и в этом мне не повезло. Когда началась война, я понял, что это мой последний шанс. Во всем мире меня не ждало ничего, кроме голода или тюрьмы. Таким образом, я подумал, что у меня будет работа. И стал профессиональным героем. Я думал, что если погибну, то так тому и быть. Но если выживу, то потом получу хорошую работу. У гражданских короткая память, но я думал, что сразу после войны коллекция орденов послужит хорошей рекомендацией. И оказался прав. После войны я мог выбрать себе рабочее место. Я стал работать в фирме, занимающейся импортом, и преуспел в этом. Да, когда-то я был героем, но тогда мне пришлось рискнуть всем, чтобы купить себе жизнь, которую стоит прожить. Я купил именно такую и полностью расплатился за нее. Но ставить на кон всё можно только раз в жизни. Я не собираюсь поставить всё, что заслужил, против попытки добраться до Цефора. Конечно, я знаю Серых. Я сражался с ними. Но это случилось давно. Теперь я предпочитаю остаться здесь и ждать, пока меня спасут, но не давать Серым шанса добраться до меня.

Девушка долго не сводила с него внимательных глаз, потом покачала головой.

– Возможно, я не вправе так говорить, – пробормотала она, – но раньше вы не были плохим человеком. Вы стали им теперь. Вы стали просто слизняком.

– Конечно, я стал слизняком, – согласился он. – Я рискнул всей своей жизнью, чтобы однажды получить шанс превратиться в такого слизняка.

– Ну, раз не пойдете вы, тогда пойду я.

Он пожал плечами.

– Делайте что хотите.

По ее лицу пробежала гримаса отвращения.

– Видят Небеса, никогда не думала, что стану апеллировать к рыцарству. Я никогда не плакала и не оправдывалась тем, что я женщина, но...

– Это не имеет значения. Серые доберутся до всех, кем бы кто ни был.

– Я считала, что война закончилась.

– Так и есть. Но это будут не цивилизованные Серые. Серые, которые вас поймают, никогда не подписывали никаких соглашений. Они не рискуют нападать на города, но нападут на любого человека, который появится вне города.

Девушка повернулась к встроенному шкафу, в котором висели кислородные костюмы.

– Я должна пойти немедленно, – пробормотала она.

Уоррен наблюдал, как она достала пластиковую оболочку, явно не зная, что с ней делать, и попыталась натянуть на себя, потом сунула руки в рукава. Тогда он взял ее за руку.

– Я не могу позволить вам идти, не рассказав, почему вы не должны этого делать, – сказал он.

Она выдернула руку и продолжила борьбу с костюмом.

— Прежде всего, хотя это мелочь, — заметил он, — не нужно носить под этим костюмом верхнюю одежду. Вы изойдете потом, не преодолев и ста ярдов. Большинство из нас надевало костюм прямо на голое тело, но если вам это не нравится, можете надеть под низ что-нибудь легкое и свободное.

Не говоря ни слова, она стала снимать костюм.

— Вам не составит труда найти город, — продолжил Уоррен. — Он на вершине холма. Нужно все время идти вверх по склону, и вы не пройдете мимо. Если же вам придется идти в обход, то спускайтесь вниз по склону. — Он помолчал. — Но еще проще вас отыщут Серые.

Вирджиния ждала, пока Уоррен продолжит свою мысль. Она ненавидела его, но понимала, что полностью зависит от его знания венерианских реалий.

— Ни у каких обитателей Венеры нет органов обоняния, — продолжал Уоррен. — Но вместо запахов они ощущают мысли. — Он заметил, как она вздрогнула, и усмехнулся. — Они могут определить местонахождение любого существа, которое мыслит. Они не телепаты. Они знают, о чем вы думаете, не больше, чем собаки, слыша ваш голос, знают, о чем вы говорите. Они просто знают, что в таком-то и таком-то направлении идет нечто, что мыслит, и по типу мысли могут определить тип существа. Так что, неважно, о чем вы думаете, они все равно разыщут вас.

Уоррен снова улыбнулся. «Безжалостно», — подумала Вирджиния.

— Когда вас найдут, они не станут вас сразу же убивать. Они станут преследовать вас, показываясь время от времени мельком, измотают вас и напугают до полусмерти. Они позволят вам почти добраться до ворот Цефора. Вы когда-нибудь видели, как кошка играет с мышью? Точно также Серые станут играть с вами. В самую последнюю минуту, когда вы решите, что уже в безопасности, они

утащат вас в лес и будут пытаться до смерти. Возможно, вам позволят два-три раза сбежать от них. Но потом им все это надоест.

Она отвернулась, уверенная, что услышала все могущее оказаться полезным, и вышла из комнаты, чтобы пойти к себе в каюту и переодеться. Он последовал за нею тихо, как кошка.

— Внимательно послушайте, что произойдет дальше, — сказал он, — потому что это очень важно.

Она попыталась обойти его, но он уперся руками по обе стороны, прижав ее к стене.

— Они не дадут вам умереть. Они искалечат вас своими ножами так, что вы будете умирать, и лучшие врачи Земли, Венеры и Марса не сумеют вас спасти, но вы будете еще долго мучиться. Тогда вас унесут в ближайший город, в данном случае, Цефор, и оставят у городских ворот. Их забавляет то, что мы, люди, не убиваем своих соотечественников, даже когда те сами хотят умереть. Вы умрете на больничной койке, под наркотиками, которые не сумеют заглушить боль.

Он отпустил Вирджинию, поскольку она слушала его с испуганным восхищением.

— Но и это не важно, — небрежно закончил он. — Важно то, что потом, в городе, вы сможете рассказать о нас. Мы все будем вам благодарны. Мы даже можем поставить вам памятник. Вы умрете, но своей смертью сумеете нас спасти.

Он замолчал. Она с ужасом смотрела на него. Теперь она испугалась Серых, но не так сильно, как испугалась его самого.

Уоррен подждал в воздушном шлюзе и усмехнулся, увидев ее. Девушке было буквально плохо. Хуже всего то, что Уоррен почти наверняка прав. Она должна сделать это, потому что этого больше никто не сделает. Он это знал. И он позволит ей поступить так. И окажется спасен. Она расскажет в Цефоре о корабле. И Уоррен здесь не один, здесь есть и другие люди, ожидающие спасения.

Уоррен осмотрел ее и кивнул.

— Вы в порядке, — улыбнулся он. — Умеете пользоваться оружием?

Она невольно кивнула в ответ.

— Возьмите второй пистолет, — посоветовал он. — У вас не будет времени на перезарядку.

Он протянул ей пистолет. Вирджиния взяла оружие и укрепила на поясе. Она переделалась в пижаму, такую тонкую, что девушка дрожала при нормальной температуре на корабле. Пластиковый костюм покрыл ее фигуру, сверху она надела пояс с оружием.

— Нет ли какого-нибудь способа скрыть мысли от Серых? — нехотя спросила она.

— Только думая, как Серый. За все время этому научились с полдюжины человек — но и они не могут продолжать это долго.

Вирджиния боролась с вопящим в ней желанием умолять Уоррена пойти вместе с ней. Она верила всему, что он сказал — и считала, что идет на смерть. Но она также считала, что если останется на корабле, то тоже умрет. И остальные умрут вместе с нею.

— Удачи, — бросил Уоррен.

Она попыталась ударить его, безумно, наугад. Но он уклонился от удара и вытолкнул ее в шлюз.

Когда она вышла наружу, на нее пахнуло жаром, будто открылась дверца духовки. Корпус корабля был защищен и от холода, и от тепла. Обычно он не пропускал космическую стужу, но на Венере царила влажная жара. Предполагалось, что костюм Вирджинии тоже защищает от жары, но когда корабль еще не скрылся из поля зрения, она уже оказалась вся в поту.

Она бросила последний взгляд на корабль и стала подниматься вверх по склону. Девушка прошла лишь пятьдесят ярдов и все еще могла вернуться. И она начала понимать кое-что еще. Она всегда легко найдет город, но не сможет отыскать корабль, едва потеряет

его из виду. Корабль мог лежать где угодно по периметру, но ей не помогут все навыки ориентирования.

Она попыталась подумать об Уоррене спокойно. Должно быть, он понимал все это, раз не пытался пройти в Цефор. Но она не могла просто сидеть и ждать смерти. Она не из таких.

И дикие, бесчеловечные обычаи Серых служили гарантией тому, что пойти должен лишь один человек. У нее свело живот от ненависти к Уоррену. Хуже всего то, как считала она, что он имел шансы спастись. Она по-прежнему верила в его компетентность. Кем бы он ни был, он способен благополучно добраться до города.

Но он не хотел рисковать, раз имелся кто-то другой, кто мог рискнуть вместо него. Даже девушка, но это не имело значения для того, кто утратил все свое самолюбие.

Она шла, казалось, много часов, и стала совсем мокрой, словно только что вылезла из горячей ванны. Но часы показывали, что с тех пор, как она покинула корабль, прошло всего шестьдесят три минуты. Но шла она быстро и прошла за это время больше четырех миль. Она всегда была в хорошей форме, а несколько меньшая сила тяжести на Венере помогала идти.

Затем на склоне начался лес. Венерианские деревья не подходили на земные, хотя и состояли, главным образом, из массивного ствола, но на этом сходство кончалось. Если вы протягивали к ним руку, они тут же обволакивали ее. Но они были не опасны. Человек мог пробраться через их заросли, если он достаточно силен.

Вирджиния начала опасаться, что не заметит Серых. Она шла в размеренном ритме, как автомат. Сил у нее хватало. Она могла пройти двадцать миль, не выбившись из сил. Единственной трудностью было то, что все время приходилось подниматься вверх по склону. Но даже к этому она привыкла.

Когда она прошла десять миль и решила, что город уже близ-

ко, то увидела Серого. Он появился впереди на расстоянии всего лишь двадцати ярдов. Она выхватила пистолет, выстрелила и не удивилась, когда он скрылся в тумане, целый и невредимый.

Так это началось и, если верить Уоррену, будет продолжаться. Серые являлись гуманоидами и походили на незавершенных Создателем людей. У них не имелось волос, но были руки, ноги, туловище и голова. Все в них выглядело округленным, без плеч, бедер и ступней. Они были однородно серыми и почти невидимыми на планете, где висел постоянно туман, и видимость не превышала двадцати ярдов. Сило им только повернуться или отступить на шаг, как они исчезали из виду.

Вирджиния задумалась. Возможно, она сумеет переиграть их, исходя из того, что рассказал Уоррен. Очевидно, ничто не будет иметь значения, пока она не доберется до Цефора. До этого она должна обороняться. Серые умеют бегать чуть быстрее обычных людей, но не намного. А прежде она пробегала сто ярдов быстрее, чем за двенадцать секунд. У цивилизованных Серых имелось огнестрельное оружие, но, очевидно, после войны их разоружили, так что оставались ножи. Если бы она только смогла увидеть горod, то могла бы спастись.

Она начала слегка пошатываться и замедлила шаг, понимая, что за ней наблюдают. Возможно, ей удастся обмануть их и оттянуть момент заключительного нападения. А пока что она может идти не спеша и немного отдохнуть. Значение будет иметь лишь последняя миля.

Она пошатнулась и упала. Потом медленно поднялась на ноги, притворяясь усталой. Но чуть не бросилась бежать, когда увидела четырех Серых, спокойно наблюдающих за ней с расстояния в десять ярдов.

Вирджиния почти мгновенно выстрелила, и один упал. Остальных, казалось, это не озаботило, хотя они и скрылись из поля зрения.

Она побежала вперед в ужасе, который был почти что непритворным. Но остатки самоконтроля все же не дали ей бежать слишком быстро.

В ней начала расти надежда. Пройдя двенадцать миль, она была по-прежнему полна сил, а Серые считали, что она едва держится на ногах от усталости. Они должны позволить ей увидеть Цефор, иначе их дьявольская попытка останется незавершенной. Если она увидит город, то сумеет домчаться до ворот, а там сможет обороняться, пока не выйдут привлеченные выстрелами люди.

Она подумала, что может начать стрелять раньше, в надежде поднять тревогу. Но это наверняка спровоцировало бы Серых на нападение, а она хотела дотянуть до последнего момента.

Внезапно что-то подвернулось ей под ноги, она запнулась и упала. Было не больно, но когда она встала, то начала хромать. Случайность сыграла ей на руку. «Уоррен сделал это, — подумала Вирджиния. — Он дважды сбежал от Серых. И, вероятно, он не знал столько, сколько знает теперь она».

Серые оставили ее в покое. Они не появлялись так долго, что она начала надеяться, что они сами устали и ушли. Но она продолжала медленно идти, хромая. Они могли бы попытаться заставить ее показать, сколько у нее осталось сил.

Она почувствовала сзади прикосновение теплой, сырой кожи, когда меньше всего ожидала этого. «Это они», — в ужасе подумала она, и не ошиблась. Но они лишь повалили ее на землю, и сбивали с ног всякий раз, когда она пыталась подняться. Их было около дюжины. Она не решалась стрелять в них — оружие висело на поясе, и она боялась, что если выхватит пистолет, то они попытаются выбить его.

Наконец, они закончили игру. Они порвали ее костюм, но только штаны. Сначала она не поняла, зачем, но потом сообразила. Без кислорода она умерла бы через восемь часов, а сознание потеря-

ла бы через шесть. А они хотели, чтобы она прожила как можно дольше.

Вирджиния срезала пластик ниже пояса, оставив свободными ноги. Тонкие пижамные штаны облепили их так, что казались второй кожей. «Интересно, — подумала она, — что бы они сделали, если бы она сбросила весь костюм? Насильно надели бы его на нее?»

Она знала, что прошла уже двадцать миль, и пожалела, что Уоррен не сумел поточнее определить расстояние. Он сказал, двадцать-тридцать миль, и Вирджиния рассчитывала на нижний предел. Но пока что не видно никаких признаков Цефора.

«У двоих было бы больше шансов, — подумала она. — Они смотрели бы в разные стороны и могли держать круговую оборону от Серых». Как бы то ни было, Серые двигались так тихо, что могли находиться всего в нескольких ярдах позади. Она не стала оборачиваться, пока не приготовилась мгновенно выстрелить, если что-то увидит.

Когда она обернулась, ей стало даже жаль, что она ничего не увидела. Вирджиния знала, что Серые находятся сзади, но они мгновенно исчезали в тумане, едва она начинала поворачивать голову. Одного этого вполне достаточно, чтобы свести ее с ума.

Серые видели примерно на тридцать-сорок ярдов меньше, чем она. Если бы только туман поднялся, она увидела бы их гораздо раньше, чем они ее. Но туман на Венере не поднимался никогда. Таковы особенности атмосферы этой планеты. В ней содержалось много кислорода, но присутствовали и другие газы.

Внезапно она увидела впереди слабые отблески. Она заставила себя оставаться холодной, как лед. Яркий свет города под куполом был бы виден издалека даже сквозь туман. До него могла быть еще целая миля, хотя более вероятно, что оставалось не более половины. Наступало время, о котором говорил Уоррен, когда ей станет казаться

ся, что она спаслась. Она заставила себя еще сильнее замедлить шаг. У нее теплилась слабая надежда, что Серые, вероятно, еще не видели города, — хотя они наверняка знали, где он находится, — так что могли оставить ее на некоторое время в покое.

Она шла, пошатываясь, и все еще раздумывая, пришло ли время, когда тело восстало против разума и само ринулось на свет.

И тут же она увидела Серых. Она бежала, стреляя из обоих пистолетов и не заботясь о попаданиях, и тут же с разочарованием поняла, что туман приглушает все звуки, и что она еще слишком далеко, чтобы ее услышали в Цефоре.

Но все же она опередила Серых. Она выбросила на бегу опустевшие пистолеты, потому что даже их вес мешал ей бежать, и твердила себе, что победила. Серые недооценили ее, так как она уже много часов притворялась измотанной.

Внезапно она услышала позади крик. Женский крик. Это вышло так неожиданно, что она сбилась с шага, но тут же снова вошла в ритм. Крик был одной из уловок Серых.

Затем он раздался снова, и она разобрала слова. Никакие это не Серые. Позади нее все слабее кричала девушка. Вирджиния снова сбилась с шага, но, разозлившись на себя, приложила все усилия, чтобы бежать ровно. Кричала, должно быть, Ивонна Янг. По каким-то причинам мисс Гламур отправилась следом за ней. Это очень плохо. Долг Вирджинии по отношению к себе, остальным и даже к самой Ивонне состоял в том, чтобы добраться до Цефора. И она рванулась вперед с такой силой, что прежний бег показался бы легкой трусцой.

Но Серые уже неслись за ней по пятам. Вирджиния так и не узнала, убежала бы она от них или нет, если бы не крик Ивонны. Но Серые все же настигли ее.

Она боролась так отчаянно, что даже не представляла себе прежде, что способна на такое. Если бы Серые было десять или

даже двадцать особей, она бы вырвалась на свободу. Но их было множество. Вырвавшись от одной группы, она тут же попала в гущу другой.

Наконец, она прекратила бороться, ей показалось, что у нее кончились силы. Но когда она увидела, что ее уносят прочь от огней Цефора, то у нее открылось второе дыхание. Хотя это уже не имело никакого значения.

Она не видела Ивонну, если это вообще была Ивонна. Ей показалось, что ее несут много миль. Серые были с ней очень мягки и даже не поцарапали ее. Потом они примотали ее к подножию дерева и чем-то вроде виноградной лозы привязали за шею.

На мгновение Вирджиния испугалась, что они собираются ее задушить. Но вместо этого они обрезали ниже веревки пластиковый костюм, а пластиковые края дыхательной маски приклеили к коже каким-то клеем. Затем веревку удалили.

Очевидно, они хотели, чтобы она продолжала дышать через фильтр в маске и никак не смогла ее снять. Затем они отвязали ее от дерева, и она вздрогнула, ожидая, что сейчас ее разденут, но они только связали ей запястья и лодыжки и ощупали все тело, проверяя, не спрятано ли где оружие.

Потом ее положили на землю и оставили в покое. Через мгновение в поле зрения уже не осталось ни одного Серого.

Она была беспомощна и даже не могла причинить себе вред. Она могла кататься с боку на бок и тереться пластиковой маской о землю в надежде порвать ее и надышаться ядовитым воздухом, но на это потребовалось бы много часов, а она не думала, что ее оставят в покое так надолго.

— Не говорите, что я вас не предупреждал, — раздался голос Уоррена.

Вирджиния закрутила головой, но ничего не увидела. И вдруг возле дерева возникла его голова. Он стоял вплотную к стволу.

— Уоррен Блэквелл! — выдохнула она. — Вы здесь!

— Я все время находился в пределах ста ярдов от вас с тех пор, как вы оставили корабль, — прошептал он. — Извините, Вирджиния, но это единственный способ. Можно научиться мыслить, как Серый, но Серых не одурачить так в течение многих часов. Они все равно почувствовали бы человеческие мысли — если бы поблизости не было другого человека, который мыслит, как человек. — Уоррен усмехнулся, глядя на нее сверху вниз. — Я не мог рассказать вам все заранее. Я говорил вам, что они не могут читать мысли. Но это не совсем так. Они могут читать эмоции, например, страх. Они бы поняли, что вы не боитесь. Стали бы прикидывать, почему. И нашли бы меня.

— Но...

— Они полагаются на свои способности, как собаки полагаются на нюх, а не на зрение. Они не пытались увидеть меня глазами — и не увидели. Если бы не вмешалась эта глупая мисс Гламур, мы бы уже были в городе. Я собирался идти впереди вас, а когда Серые решили бы вас схватить, то стал бы стрелять в них, и вдвоем мы бы отбились. Но Гламур все испортила. Бог знает, что она собиралась сделать. Я велел всем оставаться в корабле, когда мы уйдем. Может, она думала, что это будет легко и тоже захотела славы. Не знаю. Во всяком случае, я понятия не имел о ней еще несколько минут назад. Она находилась позади нас. И между вами и ею оказалось столько Серых, что мне пришлось спрятаться.

— Ну, так не тратьте напрасно время, — попросила Вирджиния. — Развяжите меня, и мы...

— Нет, так не получится. Они схватят вас задолго до того, как мы доберемся до Цефора — неважно, найдем ли мы Гламуршу или оставим ее здесь. И тогда они узнают обо мне. Нет, есть только один способ. Мне придется подождать, пока они не перестанут перекрывать направление к Цефору, а затем попытаться пройти. Ждите меня. Я вернусь.

— Вы сможете добраться один?

— Надеюсь. Я в безопасности, пока вы поблизости. А к тому времени, когда они засекут меня, будет уже слишком поздно. Но послушайте, Вирджиния. Если они почувствуют, как мы приближаемся — я и люди из Цефора, — они уташат вас и Гламуршу подальше отсюда, и тогда вам конец. Вы должны задержать их здесь.

— Я? — она кивнула на пути. — Что же я могу сделать.

— Вам решать. — Он коротко вздохнул и напряженно продолжал: — скоро они начнут мучить вас и увлекутся этим. Они будут слишком возбуждены и не заметят, как мы подойдем. Не играйте в благородство. Пусть они начнут с этой дурочки. И не пытайтесь убежать. Они могут и не вернуть вас сюда. — Он опять усмехнулся. — Думаю, теперь можно начинать. Удачи вам.

И Уоррен исчез в тумане. Вирджиния уставилась ему вслед, но уже ничего не увидела. Если бы он только предупредил ее заранее, рассказал о своих планах... Но она поняла, что он, вероятно, был прав, когда сказал, что не мог этого сделать. Если бы она все знала заранее, то была бы уверена, что пройдет благополучно, и не стала бы так бояться, тогда — она ненавидела Уоррена, но не сомневалась в его компетентности, — тогда Серые бы точно поймали их обоих.

Тишину тумана нарушил шум. Серые привели Ивонну — мисс Гламур, как называл ее Уоррен. Она кричала, пиналась, пыталась царапаться. И Серые обращались с ней не так мягко, как с Вирджинией. «Возможно, они испытывают какое-то уважение к моей смелости», — подумала Вирджиния. Она не вела себя так, как Ивонна, и не выказывала такого страха. Возможно, поэтому с ней обращались деликатно.

«И возможно поэтому, — она не смогла сдержать эти мысли, — они начнут с Ивонны...»

Это походило на сон — но не кошмар, потому что Серые выгля-

дели смешными, а не опасными. Их были здесь сотни. Они заполнили всю большую поляну, краев которой Вирджиния уже не видела. Когда ее поставили на ноги и, по-прежнему связанную потащили туда, где она только что видела Ивонну, это казалось больше шуткой, чем чем-то серьезным.

А потом вдруг внезапно это перестало быть шуткой.

Они сорвали с Ивонны пластиковый костюм, оставив лишь маску, приклеенную к коже шеи. Под костюмом на Ивонне оказалась блузка с шортами, в которых она напоминала героиню кинокартины о джунглях. Потом она закричала и кричала непрерывно, когда Серые начали резать ее ножами.

Через какое-то время у нее не осталось сил, чтобы кричать, и Серые потеряли к ней интерес. Дальнейшие пытки не производили нужного эффекта. Ивонна оставалась в сознании, но, казалось, не чувствовала новых порезов.

Должно быть, Серые использовали какие-то средства, чтобы не дать пленникам потерять сознание. Потом Ивонна заметила Вирджинию и попыталась подползти к ней, но Серые остановили ее, пришив руки к земле двумя ножами. Вопли, которые при этом она исторгла, иглами кололись в голове Вирджинии.

Четверо Серых держали Вирджинию так, что ей приходилось наблюдать происходящее. Она закрыла глаза, но когда Ивонна снова начала кричать, невольно раскрыла их.

Если бы Серые кричали, танцевали и били в барабаны, происходящее выглядело бы менее ужасным. Но единственными звуками оставались вопли Ивонны, и это оказалось хуже всего.

Чтобы сохранить рассудок, Вирджиния стала отчаянно думать об Уоррене, пробирающемся в Цефор. На это ему требовалось время. Потом внезапно, после долгого периода бездействия, Вирджиния вырвалась от Серых и бросилась к Ивонне, упала рядом с ней на колени и увидела, что с ней не так уж все плохо. Не

считая прибитых к земле рук, порезы, нанесенные ей Серыми, были болезненны, но поверхностны.

— Уоррен пошел за помощью, — прошептала ей Вирджиния. — Потерпи немного, и он вернется.

Когда Серые поставили Вирджинию на ноги, Ивонна дико закричала:

— Почему вы не трогаете ее? Почему мучаете только меня? Я больше не могу! А она может долго терпеть. Она сильная. Пожалуйста, оставьте меня. Пожалуйста... А-а... — завопила она, когда Серый склонился над ней с ножом. Больше она ничего не говорила, только кричала...

Почти час спустя Серые привели Уоррена. Вирджинии к этому моменту казалось, что прошли дни, а Ивонне — столетия. Увидев его, пытающегося отчаянно вырваться из толпы Серых, Вирджиния пришла в ужас. Она считала, она надеялась, что он пройдет. Вопрос был лишь в том, вернется ли он вовремя. Уоррен даже не взглянул на Вирджинию. Вместо этого, он спокойно смотрел на Ивонну.

Вирджинию Серые все еще не трогали — но ее время приближалось. Если они не хотели позволить Ивонне умереть, то должны дать ей передышку. Серые облепили себя травой, которая закрыла им всю кожу, придав ей угрожающий фиолетовый оттенок. То же самое они сделали с Ивонной, которая стала почти полностью фиолетовой.

Вирджинии показалось, что Серые вроде как-то стали переговариваться друг с другом. Внезапно, словно по сигналу, они повернулись к Вирджинии, и внутри у нее все сжалось. Она поняла, что настало ее время.

— Мне всегда было интересно, — произнес вдруг Уоррен, — какая у вас фигура.

Но, не будучи людьми, Серые не стали раздевать девушку. Они просто растянули ее на земле и перерезали пути, ожидая, что она бросится на них. Это было частью их забавы.

Внезапно Уоррен вырвался у своих конвоиров, но вместо того, чтобы попытаться бежать, он бросился к Вирджинии.

— Поддержите меня, — шепнул он. — Они не поймут, что происходит, и захотят посмотреть, что будет дальше. Им захочется посмотреть, как мы деремся.

— Так вы побывали в городе?

— Конечно. Я же сказал, что пройду туда. Но мы должны чем-то отвлечь их, чтобы они не ощутили приближение людей. Деритесь, черт вас возьми. Мы пока что в лесу. Если мы дадим им время подумать...

У него прервалось дыхание, потому что твердый кулак Вирджинии врезался ему в живот.

Серые и раньше видели, как люди дерутся за свою жизнь. Но не друг с другом. Это для них было в новинку. Вирджиния с Уорреном трудились всерьез, не жалея друг друга. Если бы драка оказалась поддельной и не взволновала бы Серых, им бы пришлось куда хуже. Для Серых не имело значения, что они мужчина и женщина. Сами Серые были моногенетичными и не отличали мужчин от женщин.

Маска Вирджинии порвалась, и она подумала, не остановят ли Серые драку. Она уже вдыхала яд, но это было неважно. Через шесть часов она или будет в безопасности, или смерть окажется для нее избавлением. Она сорвала маску и бросила ее под ноги, откинув с глаз волосы.

Уоррен вскрикивал от боли больше, чем этого заслуживали ее удары. Вирджиния вскрикнула только раз, когда Уоррен ударил сильнее, чем намеревался. И внезапно она поняла, что, поскольку Серые ощущают страх, они так же ощущают и боль, и в этом кроется корень их бесчеловечного садизма. После этого она тоже перестала смягчать свои удары.

Неожиданно кулак Уоррена, уже летящий к ее ребрам, изменил направление и сбил с ног ближайшего Серого. Как-то вдруг

поляна заполнилась людьми в скафандрах. У них не было огнестрельного оружия, а только длинные ножи. И началась резня, поскольку ножи Серых не могли проткнуть скафандры.

Вирджиния с удовольствием участвовала в этой резне. Черная земля была залита кровью, причем вовсе не красной. Серые и не подумали бежать. Возбужденные жаждой крови, они не смогли быстро переключиться, чтобы начать размышлять и испугаться. Они стояли на своем, и были разнесены в пух и прах. Вплоть до последней особи.

— Теперь вы можете всем говорить, что знаете Серых, — сказал Уоррен.

Они находились вдвоем в комнате, цивилизованной комнате в городе Цефоре. Пушистый ковер, мягкие кушетки и кресла. Вирджиния бросилась в одно из них, так и не сменив своего костюма. От ее пижамной курточки мало что осталось, помимо воротника, еще меньше осталось от штанов, и Уоррен разглядывал ее с удовлетворенным любопытством или самодовольным удовлетворением, но ее это не беспокоило.

— В Цефоре оказался муж мисс Гламур, — пробормотал Уоррен. — Он шел со спасательной экспедицией, бедняга. Конечно, она дуручка, но...

— Я понимаю. Она умерла?

— Еще нет. Я сказал ей, что она спасла всех нас. Эта ложь не принесет никакой пользы ни ей, ни ее мужу, но, может, так ей будет приятнее.

— На самом деле, это не ложь. Она дала вам час времени. — Вирджиния вздрогнула. — Хотя, если бы не она, он бы нам не понадобился. Почему вы позволили им схватить себя?

— Чтобы дать время подкрасться остальным. А может, чтобы проверить, насколько вы можете быть жестокой. — Уоррен осторож-

но потрогал свои ребра. — Пока кончать с бизнесом героя. В следующий раз, когда произойдет что-то подобное, я действительно позволю рискнуть кому-нибудь другому. Кому угодно, кроме кое-кого... — Он усмехнулся, встал на ноги и пошатнулся. — Впервые вы заговорили со мной примерно часов девять назад. И с тех пор большую часть времени вы ненавидели меня. Как вы думаете, это достаточный срок для того, чтобы вы меня поцеловали?

— Ничто не заставит меня подняться с кресла, — пробормотала Вирджиния.

— Ничто? — усмехнулся Уоррен. — Вы хотите подраться еще раз? Вирджиния поспешно поднялась.

— Ничто, — сказала она, — кроме этого.

Planet Stories, 1951 № 7

WHITE LAND

Five million dollars in *solium* lay at the heart of the legendary White Land—but its guards were the blind and fearsome *kathals*.

OF VENUS

By Frederic Arnold Kummer, Jr.

ФРЕДЕРИК АРНОЛЬД КАММЕР-МЛАДШИЙ

БЕЛАЯ ЗЕМЛЯ ВЕНЕРЫ

Густые венерианские джунгли походили на горшок с тушеным шпинатом. Кругом стояли растения, такие же высокие, как земные секвойи, обильно произрастали гигантские сорняки самых гротескных очертаний, и все это переплетали виноградные лозы толщиной от карандаша до человеческого бедра, создавая со всех сторон непроницаемые стены. В джунглях царила стопроцентная влажность, клубящиеся белые облака тумана пытались скрыть пышную растительную массу. Туман и полог виноградных лоз погружали этот зеленый ад в темноту, где видимость ограничивалась несколькими футами. Кроме того, там царила жара, от которой нервы землян натягивались, как струны.

Карл Дрэвот пробыл в этом аду много дней, и нервы его были натянуты до предела. Шатаясь под тяжелым рюкзаком, он глядел на существ с высокими антеннами, с тремя налитыми кровью глазами на стеблях и волосатыми телами, которые маячили впереди. Их было двое, нагруженных всеми необходимыми вещами для лагеря, венерианцев с кроткой, пугливой натурой. Возглавлял же их маленький отряд Джефф Викерс, худощавый, с бронзовой кожей и мрачным лицом, в мокрой рубашке, облепившей его мускулистый торс. С мачете в руке он прорубал путь сквозь зеленую стену, нанося удары с монотонностью автомата.

Дрэвот с горечью смотрел на своего собрата-землянина. «Интересно, а Викерс когда-нибудь устает? – подумал он. – Или он вообще не человек. Уже три недели он шагает впереди, с тех пор, как они покинули последнюю заставу. И ради чего? Где...»

Уголком глаза Дрэвот заметил алый проблеск и прервал свои размышления. Длинная, похожая на щупальце лоза, покрытая красным блестящим пухом, метнулась к нему. Слишком поздно он узнал злую гукро, венерианский растительный аналог электрического угря.

С придушенным криком Дрэвот отпрыгнул назад, но тяжелый рюкзак не дал ему сделать это достаточно быстро. Точно удав, лоза мгновенно обвилась вокруг его горла, и тело Дрэвота свело судорогой от сильного электрического удара. Он отчаянно пытался порвать лозу, но все было напрасно. Разрядившись, гукро стала неподвижной и твердой.

– Джефф! – просипел Дрэвотт. – Помогите!

Венерианцы испуганно присели на грязную землю. Мимо них бросился Викерс с потемневшим лицом. Один быстрый удар мачете отсек лозу в нескольких футах от Дрэвота. Отрубленная лоза тут же стала мягкой и отпустила шею землянина. Дрэвот со стоном упал на колени.

– Держи! – Викерс протянул компаньону флягу. – Ты, должно быть, опять мечтал, раз не заметил гукро. – И когда Дрэвот сделал большой глоток, добавил: – Ну как, все в порядке?

– В порядке? – Дрэвот с трудом поднялся на подгибающиеся ноги, сверкая глазами. – Жара, вечные туманы, дьявольские лозы... и ты спрашиваешь меня, все ли в порядке? Я сыт всем этим по горло, Джефф! Мы забрались в этот зеленый ад дальше, чем кто-либо из землян. И ради чего? Что мы ищем? К чему все это?

Викерс сунул большие пальцы рук за ремень и холодно взглянул на компаньона.

– Ты что, подписывался на это вслепую? – спросил он. – Забыл наш договор? Три месяца ты должен идти со мной и не задавать никаких вопросов. И должен получить ровно половину от любых доходов, какие принесет наша экспедиция.

– Доходы? – резко рассмеялся Дрэвот. – Какие доходы можно из-

влечь из этой дымящейся оранжереи? Нет, с меня хватит. Я больше не сделаю ни шага вперед, пока не узнаю, куда мы идем и зачем!

Серые глаза Викерса вдруг сделались ледяными.

— Я ждал этого. Ну, думаю, теперь мы достаточно близко. — Он повернулся к высоким венерианцам. — Разбивайте здесь лагерь, Джао Латул.

Венерианцы покорно принялись за работу. Они очистили большую полянку, поставили две палатки из прочного материала, электрогриль, поскольку окружающая влажная зелень ни за что бы не стала гореть. Из рюкзака Дрэвота достали маленький, но мощный атомный генератор, подсоединили его к грилю и принялись готовить еду.

Пока венерианцы занимались этой работой, Викерс отвел Дрэвота в сторону и быстро, но тихо заговорил:

— Ты хочешь знать, куда мы идем, — начал он. — Возможно, ты думаешь, что я действую так таинственно, потому что пытаюсь что-то скрыть от тебя, но это не так. Я боялся... боялся, что ты случайно проговоришься при венерианцах. Достаточно слова о том, куда мы идем, и они разбегутся, как перепуганные кролики. — Викерс еще понизил голос. — Ты знаешь, что лежит в центре этих проклятых джунглей?

На лице Дрэвота появилось изумление.

— Ты имеешь в виду то, что они называют Белой Землей? — проворчал он. — Я слышал о ней венерианские легенды. Предположительно, это родина катхалов, злых духов или подобной ерунды. Но что ты надеешься найти...

— Послушай, — зашептал Викерс. — Ты когда-нибудь слышал об «Астрелле»?

Дрэвот кивнул и щелчком сбил с запястья желтого венерианского муравья.

— Да, было что-то такое, — кивнул он. — Похожее на старую земную историю о «Титанике».

— И то, и другое — грандиозные катастрофы, — пояснил Викерс, — хотя и отделенные друг от друга несколькими столетиями. «Астрелла» — один из первых космических кораблей. Он вез группу беженцев от войны Телиста 2103 года. Их было более двухсот человек, все очень богатые и полные решимости создать для себя новый дом максимально далеко от пораженных войной земель. После того, как они наняли «Астреллу» и нагрузили ее припасами, у них осталось примерно пять миллионов долларов. На Земле эти деньги просто пропали бы, и тогда беженцы купили на них солиум и взяли с собой. Они рассчитывали, когда войны на Земле закончатся, купить на него дополнительные припасы. Они поспешно взлетели 19-го сентября 2104 года, отбываясь от эскадрильи самолетов, которую Телист послал им наперехват, и полетели к Марсу. На полпути они узнали по радио, что Телист выслал на Марс крейсер, явно охотясь за этими пятью миллионами. Тогда беглецы поменяли курс, никому не сообщив, куда направляются, чтобы избежать преследования. 8-го декабря, спустя почти три месяца после ого, как «Астрелла» покинула Землю, Лунная станция приняла ее позывные и несколько бессвязных слов: «Двести землян... пять миллионов в солиуме... потеряны!...»

— Пять миллионов! — пробормотал Дрэвот. — Тогда моя доля будет составлять два с половиной миллиона! Но с чего ты взял, что они потерпели крушение на легендарной Белой Земле?

— Вот с чего! — Викерс достал из кармана кусочек сероватого металла, похожего на мундштук. — Знаешь, что это такое?

Дрэвот осмотрел его и покачал головой.

— Это наконецник топливопровода реактивных двигателей! — воскликнул Викерс. — Из субхромита! Такие использовались на старых кораблях! Здесь даже сохранилось название голландской фирмы-производителя. А «Астрелла» была построена в Голландии. Я нашел наконецник на шее одного венерианского вождя. Он сказал, что это амулет, обладающий великой силой, потому что пришел из

легендарной Белой Земли, где живут духи, в самом центре великих джунглей!

— О, господи! — Дрэвот взволнованно уставился на металлическую штучку. — Значит... значит, если твое предположение верно, мы должны добраться до Бе...

— Тише! — Викерс схватил компаньона за руку.

Один из высоких венерианцев повернулся, направив в их сторону подергивающиеся антенны и неподвижные глаза на стеблях.

— Чего тебе, Хону?

— Еда готова, — венерианец указал на горшки, стоящие на электрогриле. — Вы будете есть сейчас?

— Конечно, — Викерс сунул кусочек металла в карман. — Идем, Дрэвот!

Следующие три дня они шли сквозь влажный белый туман, по колено в грязь, через наполненные вредными испарениями джунгли, буквально шатаясь от усталости. Рои больно кусающихся муравьев, облака комаров, слизистые змеи попадались на каждом шагу. А окружающая опасная венерианская растительность делала их путь еще опаснее — электрические гукро, источающие кислоту ятхзы, ярко цветущие, душистые плотоядные орхидеи, метко названные мухоловками Венеры. Жара стояла, как в турецкой бане, а от сырости было трудно дышать. И с каждой пройденной милей джунгли становились все темнее, туманы плотнее, и они уже не видели впереди ничего дальше кончика собственного носа.

А на утро четвертого дня они обнаружили кое-какие изменения. Викерс, прорубая мачете дорогу, заметил это первым. Поскольку темнота сгущалась, растения тоже начали изменяться. Более высокие деревья и гигантские папоротники, заслоняющие собой солнце, оставалась теми же самими, но изменялся подлесок: трава и высокие сорняки. Они постепенно становились все менее зелеными и все более белыми!

Среди этих растений, бледных, как люди, лишенные солнца, начали преобладать бледные грибы, бесцветные мхи, белые, как кости, лишайники, вытеснявшие траву. Викарсу они напоминали колонии разросшихся земных поганок. Даже неизменные лозы стали бледными, восковыми, словно были покрыты грязью.

— Карл! — повернулся с ликующим лицом Викарс. — Мы... мы добрались!..

Он замолчал при виде венерианцев, неясных фигур во мраке, стоявших позади него, точно причудливые роботы. Их квазичеловеческие лица были вытянуты от страха, а тонкие антенны нервно дрожали.

— Белая Земля! — печально простонал Хону, который был пониже сотоварища. — Это место духов, катхалу, живущих кровью! Дальше мы не пойдем! Возвращаемся! Сейчас же, пока...

— Ничего подобного! — серьезно сказал Дрэвот, выхватывая из-за пояса атомный пистолет. — Если попытаетесь бежать, я размажу вас по джунглям! Я не промахнусь даже в такой темноте! — Он замолчал, вытирая со лба пот. — Как насчет пятиминутного перекура, Джефф?

— Конечно! — раздался из темноты голос Викарса. — Мне все равно нужно свериться с картой. Насколько я могу судить, мы где-то в районе аварии «Астреллы». Согласно легендам, Белая Земля не такая уж и большая. — Он высокомерно взглянул на рослых, трясущихся венерианцев, и вытащил из кармана карту. — Мне нужен свет.

— Иди сюда! — луч фонарика Дрэвота пробился сквозь темноту. — Я... — он осекся, глядя, как странное, похожее на белый гриб создание, попавшее на свет, поникло к земле, явно умирая. — Смотри, Джефф! Оно умер...

— Нет! — один из венерианцев прыгнул к Дрэвоту, выдернул из его руки фонарик и швырнул в туманную мглу. — Здесь никогда никакого света! Никогда! Катхалы не знают света! Он приманит их!..

— Вот ты где, — Викарс появился из темноты с мачете в руке. — Ну, что еще случилось?

— Катхалы! — простонал венерианец. — Здесь никогда не бывает света! Они придут на свет, чтобы узнать...

— Очередная из чепуха! — прорычал Дрэвот. — Они думают, что злые духи Белой Земли придут поглядеть на свет. — Он тревожно осмотрелся. — Не думаю, что я стал бы их винить. Ничего не видно на расстоянии вытянутой руки! Хорошо еще, что подлесок белесый! Что же касается этих предполагаемых злых духов, катхалов... — Внезапно он замолчал, наступила напряженная тишина. — Что... что это?

Джефф Викерс напряг все свои чувства. Они услышали тихий звук, похожий на шелест плотной листвы, словно в подлеске двигалось множество тел. Обе венерианца что-то забормотали, из волосатые тела затряслись, глаза на стеблях расширились от ужаса.

Внезапно Дрэвот глухо вскрикнул, и Викерс почувствовал, как ледяная рука сжала ему желудок. Что-то ползло через грибы... нечто такое, что они никогда даже не представляли себе. Неопределенное, бесформенное, оно казалось полупрозрачным и влажно блестело во мраке. Что-то вроде чудовишной медузы размером с бочонок, перемещавшейся при помощи коротких щупалец, напоминающих бескостные руки. Не было заметно ни глаз, ни рта, ни других внешних органов. И от нее исходила отвратительная вонь разложения.

Все это обе землянина увидели в одно жуткое мгновение, когда это порождение кошмара ползло к ним из темноты. Внезапно клокочущий крик ужаса сорвался с губ одного из венерианцев, и он опрометью бросился в джунгли. Он успел пробежать три шага, затем его крики слились в единый отчаянный вопль. Двигаясь с удивительной быстротой, жуткий слизняк обернулся вокруг колен венерианца, и тот рухнул наземь. Тотчас из бледной листвы появились еще четыре желеобразных существа, и венерианец был погребен под массой их корчащейся, дряблой плоти.

— Господь Всемогуший!

10¢

ASTONISHING

STORIES

FEB.

CHAMELEON PLANET

by POLTON CROSS

WHITE LAND OF VENUS

by FREDERIC
ARNOLD KUMMER JR.

HALF-BREED

by ISAAC ASIMOV
AND OTHERS

Дрэвот с трудом узнал собственный голос. Дрожащими пальцами он выхватил из-за пояса атомный пистолет, но прежде чем успел начать стрельбу, из сплетения лоз наверху на его плечи внезапно рухнула бесформенная масса.

Падая под ее тяжестью на колени, Дрэвот выронил пистолет. Существо на его плечах походило на громадную беспанцирную улитку, гигантского садового слизня. По его шее прошлись скользкие щупальца, ноздри забила гнилостная вонь. Дрэвот начал отчаянно вырываться из щупалец, но слизняк не ослаблял захвата.

Вооруженный мачете Викерс помчался через поляну. Удар острого лезвия — и чудовище на плечах Дрэвота развалилось почти пополам и рухнуло наземь.

— Спа... Спасибо... — задыхаясь, пробормотал Дрэвот, с трудом поднимаясь на ноги.

Внезапно он заметил, что по шее течет кровь: очевидно, этот слизняк, подобно земным пиявкам, мог безболезненно прокусывать кожу.

Поляна представляла собой жуткое зрелище. Оба венерианца лежали на земле, зарытые в корчащиеся холмики слизистой плоти. Весь лес, казалось, кишел гигантскими слизняками. Пока Дрэвот пытался нашарить в темноте потерянный пистолет, сверху рядом с ним с унылым бульканьем спустилось еще одно из желеобразных существ.

— Забудь ты о пистолете! — заорал Викерс, хватая компаньона за руку. — Прочь, прочь отсюда! Немедленно! Бежим!

Они побежали через поляну. Один из слизняков попытался перегородить им дорогу, но Викерс ударом мачете разрубил его на две половины, из которых полилась темная, тягучая жидкость. Когда поляна кончилась, земляне стали проламываться сквозь заросли белесой растительности.

Уже в джунглях они услышали позади громкие, влажные шлепки. Слизни медленно, неуклонно следовали за ними!

Охваченные паникой беглецы удвоили свои усилия. Тяжелые рюкзаки мешали бежать, но у них не было времени сбросить их. Они слышали позади шелест подлеска и скольжение громоздких шупалец. С бешено колотящимися сердцами, прерывистым дыханием они бежали в темноте, понимая, что рано или поздно у них кончатся силы, и тогда они станут добычей мерзких слизняков.

Внезапно Викерс, бегущий первым, издал предупреждающий крик. Земля под его ногами неожиданно стала мягкой, и он провалился в нее по колено.

Отчаянно он попытался вылезти на свободу, но грязь, словно выбучий песок, засасывала его.

– Дрэвот! – крикнул он. – На помощь! Трясина...

Безуспешно пытаясь остановить кровь из прокушенной шеи, Дрэвот, спотыкаясь, пошел на голос Викерса. Подойдя, насколько осмелился, к болоту, он схватил компаньона за руку и стал вытаскивать его из черного липкого «окна». Оказавшись на сухой земле, Викерс сел, задыхаясь и кашляя. Шелест позади них стал громче, и во мраке стали уже вырисовываться еле заметные призрачные тени.

– Все кончено! – хрипло захихикал Дрэвот. – Вот тебе выбор: смерть в болоте или...

– Это моя ошибка, – Викерс с трудом встал на ноги и растерянно гляделся: он был с пустыми руками, мачете утонуло в болоте. – Все мои разговоры о миллионах, вложенных в солиум... Теперь у нас нет шансов отыскать их. Жаль, Карл. Эти белесые дьяволы...

Его прервал громкий шелест позади. Оба в панике обернулись. Звук доносился из заросшего сорняками болота. «Гигантские слизняки окружили нас», – мелькнуло в голове у Дрэвота. Он стиснул кулаки, сощурился и уставился в заросли. Внезапно у него перехватило дыхание. Толстые бородавчатые стебли двух громадных сорняков разошлись, и между ними проскользнула девушка.

Она была бледная, как и всё, обитающее на Белой Земле, но

с темными волосами и глазами, напоминающими полированный оникс. Одета она была в широкие листья, поддерживаемые лозами.

— Кто вы? — прошептала незнакомка, уставившись на их грязные лица и взъерошенные волосы.

— Земляне, как и вы, — прошептал Викерс и обернулся через плечо, глядя на ползущих к ним, мертвенно бледных слизняков. — Катхалы!

— Ага!.. — голос девушки прервался при виде этих существ. — Сюда! Следуйте за мной! Бегом! — И она повернулась к болоту.

— Но... — заколебался Викерс, — там же трясина...

— Есть тропинка, — бросила через плечо девушка. — Слизняки ее не знают. Они слепые. Не могут видеть. Быстрее!

Поддерживая слабого от потери крови Дрэвота, Викерс кивнул и смело шагнул в болото за девушкой. Затем наступил кошмар, из которого он мало что запомнил. Все болото заросло вечно-бледной растительностью с толстыми стеблями и широкими листьями, повсюду торчащими из ила. Громадные растения да вечный туман погрузили трясину во тьму и скрыли в ней беглецов. Они задыхались от жары, неподвижный воздух пропитался смрадом гниения.

Точно бледное бесшумное привидение, странная девушка уверенно вела беглецов через загадочные венерианские болота. Она то прыгала с кочки на кочку, то смело вступала в лужу черной грязи, которая, несмотря на зловещий вид, оказывалась глубиной всего в несколько дюймов, то уверенно балансировала, идя по упавшему стволу гигантского папоротника, лежащего поперек маслянистого потока.

Викерс, тащась за ней, давно прекратил задавать себе вопросы. Сейчас не имело значения, кем могла быть эта странная, напоминающая нимфу земная девушка, и что она делала на Белой Земле. Важно лишь то, что гигантские слизняки потеряли их след, и в настоящее время им ничего не угрожало.

Устало поддерживая шатающегося Дрэвота, Викерс шел за своим стройным гидом через болото.

Казалось, что прошло много часов прежде, чем Викерс заметил, что земля под ногами становится более твердой. И тут они вышли из болота на остров – единственное сухое место посреди трясины. Темноволосая девушка остановилась и как-то по-особому пронзительно свистнула.

Впереди из тумана появились какие-то люди.

– Зора? – раздался низкий голос. – Зора, это ты? – К ним подошел высокий человек, одетый, как и девушка, в листья, скрепленные лозами. – Я... О! А это еще кто?

– Незнакомцы. Земляне, – ответила девушка. – Один из них ранен слизняками. Не знаю, как они попали сюда.

– Землянин? – в голосе человека послышалось волнение. – Может быть, они из экспедиции... Эй, сюда! – позвал он остальных. – Ведите их в лагерь!

Тощие мужчины, бледные и, как подумал Викерс, привыкшие голодать, подхватили их и повели через заросли высоких растений. Внезапно схлынуло напряжение нескольких последних часов, и Викерс погрузился в черные пучины беспамятства.

Джефф Викерс медленно приходил в себя. Все тело затекло, болела каждая мышца. Со всех сторон был лишь вечный мрак Белой Земли, и Викерс подумал, увидит ли он когда-нибудь солнечный свет? А затем он окончательно проснулся. Он лежал в постели, на какой-то койке... возле железной переборки. Влажная, с отслаивающимися кусками ржавчины, но это явно переборка космического корабля!

Измученный Викерс сел и попытался осмотреться. В каюте было темно, но он все же сумел разглядеть, что она устаревшего вида. На койке напротив лежал неподвижный Дрэвот.

– Карл! – воскликнул Викерс. – Мы в космическом корабле! Но откуда в этом проклятом венерианском болоте...

— Не знаю, — Дрэвот с трудом приподнялся на локте. — Я сам думал об этом... думал... и мне показалось...

Застучали шаги, и в каюту вошла темноволосая девушка Зора.

— Вам нужно лежать, — сказала она и заставила Дрэвота снова лечь на койку. — Вы потеряли много крови. — Затем она повернулась к Викерсу. — Ну как, чувствуете себя лучше?

— Все тело болит, и хочется есть, — кивнул он. — Но как... откуда здесь космический корабль?

— Ну, он потерпел здесь крушение. Много лет назад, еще до моего рождения. Мама с папой рассказывали мне о нем. Погибло больше половины людей. А у оставшихся в живых было лишь одно желание — перебраться через болото и добраться до цивилизации, или, по крайней мере, до безопасных мест, где можно основать колонию. Они трудились день за днем, искали через болото дорогу, которая вывела бы их из этих мест. Старый Хокинс говорит, что на это потребовалось много месяцев. А когда они все же нашли тропу, по которой я привела вас сюда, и вышли из болота, то на них напали существа, которых вы назвали катхалами. Многие погибли, а остальные отступили сюда к кораблю. Ведь это были всего лишь мирные беженцы, у них не оказалось никакого оружия.

— Беженцы! — эхом отозвался Викерс. — Значит, это — «Астрелла»!

— Конечно! — сказала девушка таким тоном, будто не существовало других кораблей. — Идемте! Все ждут вас снаружи!

Викерс вышел из каюты и пошел за ней по едва освещенному коридору. Крушение, а впоследствии коррозия окончательно разрушили корабль. Все носовые секции смялись, как гармошка, в проржавевшем корпусе повсюду зияли пробоины. В конце коридора девушка прошла в воздушный шлюз и прыгнула на мокрую землю.

На маленькой полянке перед кораблем собралось около дюжины бледных, худых, большей частью молодых людей. «Потом-

ки беженцев», — подумал Викерс. При виде его они нетерпеливо подались вперед, их лица загорелись надеждой.

— Так это действительно спасательная экспедиция? — дрожащим голосом спросил старик. — Там, за болотом, есть другие земляне?

Викерс помолчал, прежде чем ответить, оглядел внушающую страх странную сцену. Густые заросли мертвенно-бледной, высохшей растительности, ржавый остов космического корабля, бледные, полудикие земляне...

Глубоко вздохнув, он начал свою историю.

Когда Викерс закончил рассказ, группа беженцев долго стояла в безнадежном молчании.

— Ах, вот как! — вздохнул, наконец, старый Хокинс, длинноволосый, с седой бородой. — Значит, никто не знает про ваш маршрут, а ваши проводники убиты катхалами! Тогда вы с вашим другом в ловушке... как и все мы!

— Но... — Викерс нахмурился. — Неужели нет никакого способа справиться с ними? Если бы мы могли отогнать гигантских слизняков...

— Как? — покачал головой старик. — У нас нет никаких источников энергии. Корабль — просто ржавая коробка. Какое мы можем сделать оружие против тысяч катхалов? Только атомные пистолеты могли бы уничтожить их — но у нас их нет. Даже еду, — он указал на несколько пластин растущих поблизости грибов, — нам приходится есть сырой, потому что ничто не способно гореть в этом сыром, окутанном вечным туманом болоте. Из трех групп, которые мы посылали, чтобы они добрались до цивилизации, не вернулась ни одна. Хотя катхалы и слепы, но они хорошо чувят запахи и стремительно убивают. — Старик замолчал, его глаза подернулись дымкой воспоминаний. — Из команды «Астреллы» в живых остался лишь я. Целых пятьдесят лет прожил я в этой туманной мгле, наблюдая, как мои друзья умирают один за другим, как дети растут, точно

дикари, одетые в листья болотных растений. Наши дети, — он обвел всех взглядом, — слабые, бледные от отсутствия солнечного света, они знают только, как прятаться и убегать от гигантских слизняков. Дикари! А у нас были такие надежды построить великолепную колонию, где развивались бы науки и искусство, где люди могли бы жить в мире и благополучии, вдали от нетерпимости и ненависти поразивших Землю войн! Такая прекрасная мечта... и такая горькая действительность! Даже вчера, когда появились вы со своим товарищем, у меня возродилась надежда на спасательную экспедицию. Я подумал, что мы, наконец-то, сможем убраться из этого мрачного болота, и снова увидим зеленые поля, яркий солнечный свет и чистый, прохладный воздух... А теперь, вместо того, чтобы помочь нам, вы и ваш друг можете лишь стать такими же, как мы. Тоскующими по солнцу дикарями, обреченными жить на этой ужасной Белой Земле до самой смерти!

— До самой смерти!.. — Викерс пристально оглядел полукруг бледных лиц и содрогнулся. — Но должен же найтись какой-то способ... Какое-нибудь оружие, чтобы уничтожить слизняков! Какой-нибудь способ убраться... — Он замолчал, потому что из тени к ним выбежал еще один человек.

— Скорее! — устало споткнувшись, человек ухватился за руку старого Хокинса. — Катхалы! Я пошел за продовольствием и... Они нашли путь через болота! Кровь раненого незнакомца оставила след, по которому они прошли! Смотрите! — Он повернулся, тыча рукой в заросли.

Среди мертвенно-бледных стеблей показались бесформенные, ползущие в их сторону слизняки. Дюжина, пятьдесят, сто гигантских слизняков ползи по сухому перешейку к разбитой «Астрелле». При виде их Викерс почувствовал, что волосы у него на голове встают дыбом. Кошмар этот казался слишком ужасным даже для планеты кошмаров Венеры.

— Быстрее! — нарушил напряженную тишину крик Зоры. — Все на корабль!

Толкаясь, изможденные беженцы набились в воздушный шлюз и захлопнули люк. В течение пяти минут «Астрелла» оказалась окружена слизняками, которые неуклюже карабкались по корпусу, искали трещины в ржавых пластинах...

Зора выглянула сквозь трещину в переборке и задрожала.

— Мы погибли! — выкрикнула она и заплакала.

Викерс вышел из группы испуганных людей и обнял ее за худенькие плечи.

— Все будет хорошо, — попытался ободрить он девушку. — Так или иначе, мы спасемся.

Но, несмотря на эти слова, долгие часы превращались в дни без малейшей надежды на спасение. Отрезанные от источников воды и еды, беженцы шлепали по кораблю, точно живые мертвецы. Дрэвот, ослабленный потерей крови и отсутствием пищи, был в бреду и все время лихорадочно бормотал что-то о ярком солнечном свете и прохладном ветерке Земли. «Астрелла» превратилась в большой металлический мавзолей, откликающийся гулким эхом на слабые голоса и звуки шагов. Вокруг корабля царила вечная тьма, населенная слизистыми желеобразными тварями, которые с мрачным упорством жаждали пробраться в запертый корабль. Время от времени голодные беженцы плакали, как дети, и винули Вickersа и Дрэвота за свое бедственное положение. Но у них было мало сил и смелости, чтобы попытаться напасть.

Одна только Зора, казалось, сохраняла твердость характера. Она ежедневно сопровождала Вickersа в блужданиях по кораблю в поисках какого-нибудь оружия. Ее глаза, с детства привыкшие к темноте, могли видеть там, где ему приходилось пробираться наощупь. Он блуждал из помещения в помещение, натываясь на прожавевшие останки корабельного оборудования, пустые контейнеры из-под топлива или продуктов, почти неузнаваемые останки радиоаппаратуры. Здесь была масса каких-то ненужных деталей:

устаревшие инструменты, ржавое кухонное оборудование, огромные медные посадочные прожектора, разъеденные ржавчиной навигационные инструменты – все совершенно бесполезное.

Один раз Викерс наткнулся на квадратный свинцовый ящик и хотел было открыть его, но Зора остановила.

– Это солиум, – сказала она, облизав сухие губы. – Красивый, но бесполезный. Старики, кажется, считали его ценным, не знаю уж, почему.

Викерс откинул крышку ящика и уставился на сверкающие синие горошины. Этот драгоценный металл стоил пять миллионов долларов – их бы хватило, чтобы нанять целый флот спасательных кораблей... Пять миллионов, а они с радостью обменяли бы его на один атомный пистолет! Рассмеявшись, Викерс закрыл ящик и двинулся дальше.

В рюкзаках, которые принесли они с Дрэвотом, тоже не нашлось ничего полезного. В рюкзаке Викерса было полно лекарств, в том числе препарат для очистки воды. Дрэвот нес в рюкзаке атомный генератор, который прежде требовался им для электрогриля. Это был источник почти неограниченной энергии, но каким образом они могли бы использовать ее? Какое-то время Викерс обдумывал идею поджарить слизней на электрическом стуле, но при мысли, что придется гоняться за ними с оголенными проводами, ему стало смешно. В отчаянии он бросил обыскивать корабль.

На утро четвертого дня умер старый Хокинс. Остальные беженцы едва могли ползать. Они слизывали влагу, оседавшую на ржавых стенах корабля, и это немного помогало бороться с жаждой, но нечем было заглушить муки голода. Мысль о том, что похожие на грибы растения, которые являлись их основной пищей, растут повсюду менее, чем в сотне футов от корабля, сводила с ума.

Викерс, который то и дело всматривался через иллюминатор в окружающую темноту, беспомощно покачал головой. Тускло-белые твари по-прежнему окружали судно. Они перестали ползать

и лежали, точно гигантские капли желатина, на ржавом корабельном корпусе, ожидая, когда голод выгонит землян наружу. Около Викерса неотлучно находилась Зора. На койке у противоположной стены каюты бессвязно бредил Дрэвот.

— Все это моя ошибка, — пробормотал Викерс. — Моя жадность. Она привела к смерти Дрэвота, тебя и всех остальных... Если бы я только не пытался найти «Астреллу».

— Тогда бы я не встретила тебя, — прошептала ему Зора. — Все это не имеет значения, Джефф, теперь, когда я с тобой.

Но Викерс не хотел утешаться этим.

— Независимо от того, что думаешь ты, — медленно проговорил он, — остальные умирают, обвиняя меня, проклиная меня, ненавидя. Должен же быть какой-то способ спасти их! Какой-то способ... Нет, все бесполезно! Нет никакого спасения! — Плечи его поникли, и он замолчал.

Зора ничего не ответила. В каюте настала тишина, не считая лихорадочного бормотания Дрэвота:

— Свет, — бормотал он. — Свет в мире темноты! Убийственный свет!..

— Бедный юноша, — прошептала Зора. — Если в ближайшее время мы не найдем для него еду...

Внезапно Викерс жестом велел ей замолчать, подошел и склонился над Дрэвотом.

— Свет убивает, — бредил раненый. — Симпатичные белые цветы, они увяли... Они все увяли... умерли!..

— Джефф, — прошептала Зора. — Что это? О чем он говорит?

— О чем говорит? — Внезапно Викерс расправил плечи. — Великий Боже! Я и думать забыл об этом! Жди меня здесь!

С возродившейся надеждой он выбежал из каюты.

Когда Джефф Викерс вернулся спустя минут пять, он шатался под тяжестью атомного генератора и большого медного прожек-

тора, который раскопал на складах «Астреллы». Прожектор был устарелой конструкции и состоял из двух толстых углеродных штырей и зеркального отражателя. Работая как можно быстрее, Викерс открыл стеклянную пластину, начистил отражатель до прежнего зеркального блеска и подсоединил клеммы генератора к углеродным штырям. Закрыв прожектор, Викерс включил генератор, и зажужжала мощная, но компактная динамо-машина.

Темноту каюты прорезал ослепительный, бело-голубой луч.

— О! — Зора отшатнулась, закрывая руками глаза. — Что это?

— Что это? — озадаченно переспросил Викерс, но тут же улыбнулся. — Конечно же! Прости меня! Я забыл, что вы родились в темноте и никогда не видели яркого света! — Он махнул рукой остальным истощенным беженцам, столпившимся перед дверями каюты. — Дайте дорогу! Если это сработает, мы спасены! Если же нет...

Вместо того, чтобы закончить предложение, он вышел из каюты, прошел по коридору и раскрыл люк воздушного шлюза.

Когда распахнулась массивная металлическая дверь, к ней тут же поползла дюжина гигантских слизняков, почуявших живых людей. Зора закричала, остальные застыли от ужаса. Викерс быстрым движением взмахнул прожектором, направляя на них яркий луч. И странная штука начала происходить при прикосновении света к их телам. Бесформенные медлительные твари начали увядать и высыхать! На их белых слизистых телах появились большие красные пятна, они замахали короткими щупальцами, точно от невыносимой боли! Викерс направлял луч света на одну тварь за другой, пока вся поляна перед старым кораблем не стала усыпана скрученными, корчившимися существами. Не прошло и десяти минут, как все они были мертвы!

— Джефф! — полуослепленная ярким светом Зора наткнулась на него. — Как... почему эта яркая белая штука убивает их? Я... Я не понимаю...

— Все очень просто, — усмехнулся Викерс. — Все дело в условиях жизни. Здесь, в этих местах, царит вечная тьма и никогда не бывает света. Поэтому и растительность, и слизняки непривычны к нему. Даже на Земле яркий солнечный свет убивает грибы или земных слизняков и улиток, которые живут в темноте. И некоторые насекомые, такие, как *grylloblatta campodeiformis*, тоже умрут, если их осветить фонариком. Даже люди, кожа которых непривычна к солнечному свету, могут сильно обгореть на солнце или даже погибнуть. Гигантские слизняки, этот продукт темных венерианских болот, развивались при полном отсутствии солнечного, да и любого другого, света. Поэтому они, влажные, полупрозрачные, не научились от него защищаться. Вот почему яркий свет прожектора оказался для них смертелен. Незадолго до того, как они напали на нас в джунглях, мы заметили, что белая растительность мгновенно увядает и погибает при свете фонарика Дрэвота. А когда он стал бормотать в бреду об убийственном свете, я вспомнил это. — Викерс замолчал и улыбнулся. — Понимаете? Свет — это один из видов излучения. И природа не может дать живым существам защиту от тех излучений, с которыми они никогда не встречались. Солнечный свет, который необходим нам, людям, оказался смертельным для гигантских слизней!

— Значит... значит... — пробормотала Зора, — после того, как мы наберемся сил, то сможем выйти из болота и вернуться к цивилизации?

— И даже больше, Зора, — прошептал Викерс. — Мы вернемся на Землю! Улетим домой! О войнах Телиста уже почти все забыли, и твои люди будут героями, а не беженцами. Впереди всех их ждет новая жизнь... А также и нас с тобой!

PAGANINI-MAN OR DEVIL?

See PAGE 129

fantastic **ADVENTURES**

GRIM DANGER
IN A LOST WORLD

JONGOR OF LOST LAND

By Robert Moore Williams

OCTOBER
20c

FANTASY — MYSTERY — ADVENTURE

THORNTON AYRE ★ HENRY KUTTNER ★ JAMES NORMAN

ТОРНТОН ЭЙР

СПЕЦИАЛЬНЫЙ АГЕНТ НА ВЕНЕРЕ

Глава I. Задание невыполнимо

Пол Уэйн четко отдал честь часовому, проходя в здание нью-йоркского сектора Д.Г.К. Потом он терпеливо ждал, пока автоматические лучи и устройства обшарят каждый дюйм его массивного шестифутового тела, записывая все, что у него было с собой, включая оружие на поясе. В Д.Г.К. не любили рисковать.

Затем ему разрешили следовать дальше. Массивные, предохраняющие от излучения двери разъехались в стороны, когда он преодолел последнюю преграду с фотоэлементами, и Уэйн, наконец, вошел в просторный, увешанный автоматическими картами и различным радио- и телеоборудованием нью-йоркский штаб громадной армии Земли, ведущей самую ожесточенную войну из всех, что когда-либо гремели в этом мире.

Уэйн остановился перед пультом управления. Семеро сидящих за ним специалистов не обратили на него никакого внимания, но восьмой, седой, с квадратной челюстью и жестким выражением лица, обернулся к нему.

— Майор Уэйн, вам будет поручено чрезвычайно деликатное и опасное задание. Такое опасное, что вы имеете право отказаться от него, если захотите.

Командующий замолчал и, пока ожидал ответа, его мрачная усмешка разбилась о непроницаемое выражение лица Пола Уэйна. Даже ледяной взгляд его голубых глаз стал удивленным.

SPECIAL

by

**THORNTON
AYRE**

**To Paul Wayne, being
wrecked meant only that his
comrades faced extermination**

AGENT TO VENUS

"Put up your hands, traitors!" she snapped. "Or, I'll shoot you like dogs."

— Я не собираюсь отказываться, сэр. Какое будет задание?

Командующий на секунду задумался, затем произнес:

— Вы знаете, что в этой войне наши шансы на успех могут блокироваться венерианцами. Между Венерой и нами находится кольцо фортов с лучевым оружием. Мы неоднократно пытались взломать его — и каждый раз терпели неудачу.

— Да, я знаю, сэр.

Уэйн вспомнил свои безрезультатные столкновения с этой неприступной защитной линией, поспешно, но весьма эффективно возведенной в пространстве после того, как на Венеру было послано первое экспедиционное войско Земли, и таким образом оно оказалось отрезанным от подкрепления и тылового снабжения.

— Уэйн, всем вам, космонавтам, известно, что эту войну мы должны выиграть как можно быстрее. Наши войска сейчас находятся на Венере и повсюду натываются на сопротивление венерианцев, в то время как мы прекрасно контролируем ситуацию здесь, на Земле. Но сейчас возникла новая угроза, которая может уничтожить всех нас! Венера — странный мир, изученный далеко не до конца, и его неестественные свойства могут насыщать смертоносную чуму на наши победоносные гарнизоны. Судя по последним докладам, наши люди мрут, как мухи, от болотной лихорадки — и будут умирать и дальше, если им не доставить формулу лекарства, выведенного нашими земными химиками.

Уэйн задумчиво кивнул.

— Я понимаю, сэр.

— На Венере не хватает специалисто-медиков, поэтому очевидно, что противоядие от болотной лихорадки нужно разрабатывать здесь, на Земле, — продолжал командующий. — Это и было выполнено, а теперь необходимо передать его нашим гарнизонам на Венере, где оно возымеет мгновенный эффект. Передать формулу по радио — даже если бы это оказалось возможным, несмотря на блокаду свя-

зи, которую организовали венерианские «глушилки», — означало бы передать ее в руки врага. А они бы использовали препарат для того, чтобы лечить захваченных в плен землян, а затем посылать их в бой против своих же. Значит, формулу нужно перевезти через венерианскую линию космической обороны. Флот не может прорвать их блокаду — но один человек мог бы проникнуть сквозь нее. В этом и заключается ваше задание, Уэйн.

— Я готов, сэр, — спокойно ответил Пол Уэйн. — Что мне необходимо предпринять?

— Когда вы каким-либо способом доберетесь до Венеры, то должны связаться с генералом Флетчером из тамошнего штаба армии. Насколько мы знаем, сейчас штаб расположен в окрестностях Умеренных Гор. Вы должны отыскать его. Если вы погибнете, то формула не должна попасть в руки врага. Поэтому она будет внедрена в ваше предплечье при помощи специального способа записи и может быть прочитана в лучах 72/5, оборудование для которых есть в штабе генерала Флетчера. Эта система постоянно используется нами для того, чтобы пересылать важные сообщения или приказы. В сопроводилровке, записанной вместе с формулой, объясняется, кто вы такой, и вам дается неограниченная власть на время выполнения задания. Вы понимаете, что это значит?

— Так точно, сэр! Я готов.

— Прекрасно!

Командующий лично провел его к специалистам. Там Уэйн снял рубашку и обнажил мускулистое предплечье. Специальным аппаратиком с него удалили волосы. Потом Уэйну пришлось крепко сжать челюсти от острой боли, когда паутина тонких лучей-иглолок проникла под кожу, выжигая послание.

Через секунду все кончилось, и на коже молодого космонавта не осталось никаких следов, кроме пульсирующей боли в плече.

— Я знал, что сделал правильный выбор, — серьезно сказал командующий, когда Уэйн застегнул рубашку. — Удачи вам, Уэйн! И помните: от вас зависит судьба всего человеческого рода.

Пол Уэйн сделал шаг назад, резко отдал честь, затем покинул штаб.

Лицо Уэйна было мрачным, пока быстрая правительственная машина несла его по воздушной трассе над огромным лабиринтом размещенных в городе войск к эскадрону космических истребителей. Уэйн давно подозревал, что дела земной армии на Венере идут не слишком хорошо, и задумывался о причине этого.

Теперь он узнал ее, а также понял, что проникновение через защитную линию между Землей и Венерой является почти нечеловеческой задачей. Остается лишь слабый шанс, что, благодаря глубоким познаниям в космической тактике, ему удастся отыскать лазейку в обороне и проскользнуть в нее. Если же это не получится...

Улыбка Уэйна стала еще мрачнее, когда машина высадила его на космодроме, и он направился к своему истребителю. Он задержался в эскадроне лишь для того, чтобы передать командование подразделением заместителю, затем прошел в воздушный шлюз своего истребителя, закрыл люк и затянул герметичные винты.

Пару минут, пока прогревались реактивные двигатели, он изучал приборы. Все в порядке. Поудобнее усевшись в компенсационном кресле управления, он стиснул в загорелых руках штурвал и потянул его на себя. С грохотом прорезая воздух, истребитель Уэйна стремительно пошел вверх, мгновенно набрав скорость в восемнадцать миль в секунду, необходимую для того, чтобы преодолеть земную гравитацию.

Все быстрее и быстрее неся его истребитель. Взлет всегда был мукой — ускорение сказывалось на сердце, нервах и сознании. Рот Уэйн держал, как всегда, открытым на случай перепада давления, а из носа сочилась кровь...

Но он уже пронзил слой Хевисайда и вышел из стратосферы в распахнувшееся пустое пространство. Теперь дышать стало свободнее.

Продолжая набирать скорость, Уэйн мчался вперед, все дальше и дальше от Земли. Он пролетел мимо гигантских космических крейсеров с излучателями наготове, маленьких, компактных групп истребителей, центров заправки топливом и многое другое.

Да, здесь были все виды войск, участвовавших в беспощадной войне 2140 года. Но, по крайней мере, на Земле царил мир и спокойствие с тех пор, как была отбита атака венерианской армии нападения.

Теперь все зависело от того, сможет ли Земная армия одержать победу на Венере. А она, конечно же, сможет, если будет ликвидирована болотная лихорадка.

Уэйн снова сжал челюсти при мысли об этом и еще больше увеличил скорость. Ускорение превысило допустимую норму, все тело ныло от возросшей силы тяжести. Прошел час, два, три... Затем Уэйн сбросил скорость, принял пять таблеток, восстанавливающих силы, немного отдохнул и снова врубил двигатели на полную мощность.

Спустя еще несколько часов, на полпути между Землей и Венерой, пятнышко, которое Уэйн видел еще с земной орбиты, стало превращаться в бесконечную серую цепь бронированных фортов, защищающих венерианское пространство – самую неприступную космическую крепость в истории Человечества.

Она простиралась в космосе на четыре тысячи миль – эта стена смерти, о которую вновь и вновь тщетно бились земные флотилии.

Однажды сквозь нее удалось пройти военным транспортникам, которые высадили на Венеру экспедиционные войска, но с тех пор блокада стала еще плотнее.

Пока истребитель летел в барьеру, Уэйн тщательно изучал кар-

ты этого квадрата космоса. Обогнуть барьер было невозможно — за это время истребитель сто раз подобьют орудия фортов. И, согласно данным контрразведки, между фортами располагались подразделения вражеских кораблей, готовые встретить любого, кто миновал бы первую линию обороны.

Уэйн прищурился. Единственным его шансом оставалась надежда на скорость истребителя. Скорость и маневренность. Только там он мог попытаться проскользнуть между фортами и не дать себя подбить. А потом — летите, ловите ветра в поле!

Не долго думая, Уэйн врубил двигатели истребителя на полную мощность. Ускорение вдавило его в спинку кресла. Истребитель понесся прямо на черное пятно — ближайший форт. До него оставалось семь миль, и смерть послужит Уэйну наградой, если он допустит хоть малейшую ошибку.

Все быстрее, быстрее и быстрее несся истребитель. И внезапно пространство вокруг него запылало от лучей дезинтегратора. Уэйна обнаружили, но к этому моменту его скорость была уже такой, что даже быстродействующие оружие врага не успевало поймать его в прицел.

Уэйн почувствовал два удара, когда вражеские лучи все же попали по его истребителю, правда, всего лишь по касательной, и включил собственное оружие, послав сразу в обе стороны от себя волны смерти, и пробил себе путь сквозь группу венерианских кораблей, которые неслись ему на перехват.

Промежуток между космическими фортами опустел. Уэйн нырнул в него и, пролетая меж смертоносными стенами, он увидел, как они стали сдвигаться, грозя раздавить хрупкий кораблик, в то время как орудия врага продолжали стрелять, пытаясь поразить его.

Уэйн вовремя захлопнул лицевую пластину шлема. Буквально через секунду очередной выстрел снес верхнюю часть колпака жилой кабины его истребителя. Давление немедленно упало до

нуля, но в закрытом скафандре Уэйн оставался в безопасности. Однако, отвлекаться не было времени. Уэйна вынуждали все сильнее уклоняться в сторону. Он тревожно смотрел теперь не на Венеру, а на искусственный астероид Х-47, более известный как «Прыщ», который по-прежнему обороняли земляне и откуда они поддерживали космическую связь с войсками на Венере. Там Уэйн мог получить помощь.

Он направлялся к этому астероиду, но венерианские корабли догнали его на полпути. Последовал залп, от которого Уэйн уже не мог увернуться. Передняя часть его истребителя была разворочена прямым попаданием, и к астероиду теперь мчалась уже не боевая машина, а куча обломков.

Уэйн мгновенно растегнул ремни, привязывающие его к креслу, и прыгнул в открытый космос. Отдача вынесла его из обломков, и он стал медленно, словно на парашюте, падать к ближайшему центру гравитации. Обломки истребителя оказались между ним и врагами, так что можно было не опасаться дальнейшего нападения.

Должно быть, венерианцы предположили, что пилот погиб вместе с истребителем, потому что корабли их стали удаляться обратно, на прежнюю позицию.

А снизу к Уэйну приближался ярко-зеленый астероид, окруженный одеялом искусственной атмосферы. В нужный момент Уэйн напряг ноги и сильно ударился ими о поверхность астероида, покачнулся, но не упал. Он стоял среди густой, похожей на папоротники растительности и с облегчением оглядывался по сторонам.

Глава II. Обреченная застава

Почти сразу же Пол Уэйн почувствовал легкость во всем теле, указывающей на маленькую силу тяжести. Над вершинами папоротников в иссиня-черном небе он увидел серую стену. Тогда он осторожно приоткрыл лицевую пластину шлема и понюхал воздух. Воздух был немного разреженным, но годился для дыхания.

В его голове крутились лишь две мысли. Он жив и невредим, и он прорвал цепь блокады. Где-то на этом астероиде подразделение землян успешно отбивало повторяющиеся атаки венерианцев. Если он разыщет его, и у них найдется истребитель или любая другая машина, на которой он мог бы продолжить свою миссию...

— Эй, приятель! Ждешь аэробуса?

— А? Что?

Уэйн резко повернулся, услышав позади грубый голос. Его рука автоматически дернулась за лучевым пистолетом, но он тут же расслабился и замер.

На поляну вышел человек в порванной форме, заляпанной соком растений. У него были неопрятные каштановые волосы, большое красное лицо, выглядевшее беззаботным, и вполне приличный живот. Он был без оружия, а руки держал в карманах штанов.

— Расслабься, парень, — сказал он, метнув взгляд голубых глаз на оружие на поясе Уэйна. — Ты что, подумал, что я венерианец?

— А кто вы такой? — спросил Уэйн. — Судя по форме, вы из земного подразделения.

— Ну, да! Я был солдатом, пока меня не доконала война. Я попал в плен, потом сбежал с корабля, на котором перевозили пленников, и на спасательной шлюпке добрался до Прыща. С тех пор... — Он инстинктивно взглянул на небо. — Ну, с тех пор я и брожу тут. Не хочу ни возвращаться в гарнизон, ни снова оказаться в плену. Можешь считать меня бродягой. Меня зовут Джилби, но ты можешь называть меня Веслом. Большинство людей меня так и зовет.

— Другими словами, — мрачно сказал Уэйн, — вы — дезертир. Я видел вашу фотографию, вывешенную в штабе армии.

Весло просияло.

— Я стал известным, да? Можешь считать меня дезертиром, но по мне, так лучше быть космическим бродягой, чем попасть в лапы венерианцев. Так что я просто хожу там, где хочу, а тебе повезло, что ты встретил меня.

— Правда? — спросил Уэйн.

— Конечно! Я видел, как ты прорвался через блокаду, и не нужно быть телепатом, чтобы понять, что ты хочешь добраться до Венеры. Но тебе туда не попасть... по крайней мере, не на твоём корабле, — и его голубые глаза устремились в ту сторону, куда рухнули обломки истребителя Уэйна.

— У меня срочное задание, — коротко сообщил Уэйн. — Мне нужно незамедлительно отыскать гарнизон, базирующийся на этом астероиде.

— Тогда ты чокнутый, — вздохнул Весло, лениво опершись о папоротник. — Гарнизон уже много недель атакуют венерианцы, и это длится до сих пор. Последнее, что я слышал, так это то, что парочка земных предателей задумала вместе с венерианцами совершить окончательную атаку на него. Тебе не пробраться туда, тебя просто подстрелят. — Весло пожал плечами. — Мне кажется глупым оборонять эти развалины. Там несколько солдат, комендант гарнизона и его дочь... И что? Они могли бы прекрасно сдать эту бывшую крепость и спасти свои шкуры.

— Возможно, они верны своему долгу, в отличие от тебя! — Уэйн схватил Весло за грудки и прижал к стволу папоротника. — Весло, ты проповедуешь свои пораженческие взгляды не тому парню! Мы идем к заставе, немедленно! Поскольку ты знаешь, где она, то проведешь меня туда.

Весло пожал плечами, снова метнув взгляд на оружие Уэйна, и не стал спорить.

— Ладно, если хочешь, чтобы тебя застрелили, — проворчал он.
— Только смотри себе под ноги. Тут много мелких ловушек. Я же сказал, тебе повезло, что ты встретился со мной.

Они пошли по лесу, и Уэйн вскоре узнал, что Весло имел в виду под «мелкими ловушками». Повсюду попадались венерианские мины. Умно установленные, они могли принести мгновенную смерть, если бы не Весло, который хорошо изучил все лесные тропинки.

Время от времени Весло, как хорошо обученный солдат, останавливался и оглядывал слабо освещенный лес. Внезапно он бросился на землю, увлекая за собой и Уэйна. Мимо них, тяжело ступая, прошла группа вооруженных венерианских солдат. Это были странные существа — восьми футов в высоту, похожие по строению на землян, с изможденными, как у живых мертвецов, лицами, придающими им все, что угодно, кроме здорового внешнего вида.

— Кажется, мы здесь совсем не в безопасности, — пробормотал Уэйн, когда они пошли дальше.

— В безопасности? — фыркнул Весло. — Может, ты еще не понял, парень, но мы на вражеской территории. Им принадлежат тут все заставы, кроме северной. Но не волнуйся. Я уже месяц болтаюсь на этом Прыще, и до сих пор меня не заметили. Так что мы в достаточной мере в безопасности... Но все равно мне кажется, что ты сумасшедший!

Благодаря слабому освещению, они проделали весь путь к заставе быстрым шагом, перепрыгивая, благодаря низкий силе тяжести, через препятствия. Крепость заставы внезапно возникла на горизонте, как всегда бывает на маленьких мирах. Весло остановился перед лежащей на их пути поляной и задумался.

— Ты заметил, что крепость не окружена наземными войсками? — спросил он. — Это значит, что ее защитники хорошо вооружены. Все атаки ведутся по воздуху. Если хочешь рискнуть подойти к ней в открытую — милости прошу!

Уэйн осмотрел крепость. Больше всего она походила на громадный металлический куб, окруженный со всех сторон защитным оружием. На крыше куба было много орудий, готовых в любую секунду выпустить лучи смерти.

— Как ты думаешь, у них есть космический корабль? — спросил Уэйн.

— Откуда я знаю! — пожал плечами Весло. — Я полагаю...

Его прервал приближающийся гул реактивных двигателей, через пару секунд превратившийся в ужасающий рев.

— Вниз! — крикнул Весло, сбивая Уэйна с ног. — Военные корабли! Атакуют!

Прижавшись к земле, они чуть приподняли головы и увидели, что примерно двадцать венерианских военных кораблей летят прямо к цитадели. Дальше произошло самое быстро и ужасное нападение, какое когда-либо видел Уэйн.

Атака была настолько стремительной, что даже автоматическое оружие, охраняющее крепость, вряд ли успело прицелиться, прежде чем нападавшие нанесли удар. Металлические защитные стены потекли и взорвались изнутри наружу, благодаря малой силе тяжести, куски металла разлетелись далеко во все стороны. Вся крепость внезапно оказалась обхваченной вихрем пламени и разрушений.

Весло и Уэйн попытались вжаться в землю, чтобы их не снесло взрывом. Постепенно огонь стих. Весло приподнял голову, его крупное лицо стало мрачным.

— Они все-таки захватили ее, — пробормотал он. — Я так и думал, что они сделают это, если узнают, как обойти защиту и подойти вплотную. Проклятые предатели-земляне, должно быть, сообщили венерианцам правильную информацию. Цитадель пала, парень! И что теперь? Теперь венерианцы высадят наземные войска и окончательно захватят ее.

– Стоп! – Уэйн ткнул рукой вперед. – Кто это? Мне показалось, что там кто-то шевельнулся... Ну, да! Это девушка!

Весло на мгновение удивленно застыл, затем последовал за Уэйном, спешащим к крепости. Девушка, одетая в защитный рабочий костюм, резко обернулась, услышав позади шаги. Тут же в руке ее появился лучевой пистолет.

– Стоять на месте! – скомандовала она. – Я хочу кое-что сказать вам, крысы, прежде чем прикончить! Вы отвратительные, грязные, презренные предатели! – злобно выкрикнула она.

Уэйн мрачно глядел на нее. В ее голосе звучал гнев и горе, фиалковые глаза затуманились слезами. Это была здоровая, привлекательная девушка со светлыми волосами, выющимися на концах, и небольшим упрямым подбородком.

– Послушай, детка... – начал было Весло, но тут же осекся, когда ствол пистолета нацелился ему в живот.

– Заткнись, поганая свинья! Мы с отцом... и все, кто погиб в этих руинах... мы знали, что рано или поздно вы придете сюда, мерзкие предатели! Уцелела только я. Вы же руководили нападением и пришли теперь посмотреть на деяние своих рук! Отлично, смотрите! Наслаждайтесь этим несколько последних секунд, что вам остались! Вы убили моего отца и всех солдат, а я убью вас!

Уэйн несколько мгновений молчал, пораженный силой ее холодной ненависти, затем внезапно молниеносным движением выхватил из ее руки пистолет. На секунду она схватилась за пальцы, затем высокомерно взглянула на него.

– Ну, давай! – выкрикнула она. – Почему ты не стреляешь? Я предполагала, что, вероятно, не сумею справиться с такой здоровенной скотиной, как ты!

– Вы не правы, – мрачно возразил Уэйн. – Мы не предатели. Но сейчас нет времени на объяснения: в любую секунду здесь могут появиться венерианские наземные войска. Мне нужен космический корабль, если он у вас есть.

Вместо ответа девушка сложила руки на груди и цинично усмехнулась.

— Послушайте... — начал было Уэйн, но тут же замолчал, потому что Весло внезапно выхватил у него пистолет, развернулся и дважды выстрелил со смертельной точностью. Внезапно с вершины крепостного вала соседних развалин упали двое мужчин и свалились им чуть ли не под самые ноги.

— Удачно, что я опередил их, — усмехнулся Весло, возвращая Уэйну оружие. — Тебе же, дамочка, могу сказать, я думаю, что это твои предатели. — Он перевернул один из трупов носком ботинка. — Да! На них земная форма!

Секунду девушка молча глядела на трупы, затем повернулась обратно к Уэйну. Он одарил ее мрачной улыбкой.

— Это избавляет меня от необходимости как-то доказать вам мои слова, — коротко сказал он. — Я майор Пол Уэйн из нью-йоркского отдела Космических Сил. Этого парня можете звать Веслом.

— А я... я... — девушка заколебалась. — Должно быть, я все поняла неправильно. Просто все выглядело настолько плохо... Я Этель Уолдон, дочь коменданта этого астероида... Скорее, надо, сказать, покойного коменданта, — тут же поправилась она.

— Да-да, я знаю, — быстро кивнул Уэйн, беря ее за руку. — Примите мои глубокие соболезнования. Но прямо сейчас самое важное — убраться отсюда. У вас есть космический корабль? Да или нет? Мне нужно как-то попасть на Венеру.

— На Венеру? — удивленно спросила Этель Уолдон, затем быстро продолжила: — Да, есть космический корабль. Папа берег его для личного пользования, если бы наша оборона потерпела крах. Не знаю, уцелел ли он после этого нападения...

Она повернулась, Уэйн и Весло резво последовали за ней через руины цитадели, туда, где лежал довольно большой космический флайер, наполовину похороненный под разбитыми балками и

кусками оплавленного металла. Уэйн наскоро осмотрел развалины, затем достал из-за пояса дезинтегратор и принялся за работу. Постепенно он пробил в обломках туннель к воздушному люку корабля.

— Внутрь, — велел он, беря девушку за руку. — Флайер легко стряхнет эти обломки. Надеюсь, он заправлен топливом.

— Там все в порядке, — быстро ответила девушка. — Папа постарался. Там даже есть одежда и средства для маскировки.

Весло прошел за ними в рубку управления, огляделся и одобрительно хмыкнул.

— Гм... Неплохо! Теперь я могу сказать Прыщу до свидания. Жаль, я уже стал привыкать к нему.

Он повернулся и захлопнул воздушный шлюз. Все устроились в креслах, Уэйн сел за управление.

Взревели двигатели, пару секунд корабль дрожал, пытаясь освободиться из-под обломков, и внезапно с оглушительным свистом вырвался на свободу. Этель и Весло швырнуло из кресел на пол, когда корабль ринулся по крутой дуге в низкое небо. Уэйн посмотрел в экран заднего обзора на исчезающий в пространстве Прыщ.

— Резко, но, в общем, неплохо, — прокомментировал Весло старт, помогая девушке подняться с пола. Затем он нахмурился. — Меня только волнует, во что мы собираемся ввязаться. Мы...

— Вы сказали, что вам нужно на Венеру? — Девушка подошла к Уэйну и с тревогой поглядела на него.

— Да. Есть какие-нибудь возражения?

— Нет... Но вы знаете, куда направляетесь?

— Конечно. Но там не может быть опаснее, чем при преодолении блокады, через которую я проник сюда.

— Там будет гораздо хуже! — ответила девушка. — Космос вплоть до самой Венеры кишит венерианскими отрядами. Есть только один способ пробраться сквозь них. Мы с папой разработали план для чрезвычайной ситуации, подобной нынешней.

— И какой же план?

Уэйн смотрел вперед. Он уже заметил вдалеке несколько венерианских сторожевых кораблей, должно быть, спешащих обследовать их суденышко.

— Маскировка, — подсказала девушка. — На борту есть средства маскировки под венерианцев. Если вы воспользуетесь ими, то мы с Весло можем стать как бы вашими пленниками.

— Это должна быть чертовски хорошая маскировка, чтобы сделать меня похожим на восьмифутового мертвеца, — проворчал Уэйн.

— Разумеется, маскировка хорошая! Смотрите, я вам покажу! Вы должны превратиться в венерианца, конвоирующего пленников на планету. Именно таков был наш с папой план.

Глава III. Рискованный полет

Подойдя к стене корабля, девушка открыла шкафчик и достала оттуда что-то похожее на праздничный воздушный шар со спущенным воздухом. Она положила шар на пол, Уэйн и Весло пораженно уставились на него.

— Что это? — спросил Уэйн. — Похоже на венерианца без внутренних органов!

— Он и есть, — спокойно ответила девушка. — Папа был не только комендантом, но и ученым. Таксидермисты в старину обрабатывали шкуры животных, потом набивали из них чучела. С тех пор этот принцип не изменился, только методы обработки стали более современными. Эта шкура когда-то принадлежала венерианскому солдату. Все, что вам нужно сделать, это залезть в него, как в космический скафандр. А я помогу вам застегнуться. Все просто, не так ли? В ногах там вмонтированы ступеньки, на которые вы должны встать, чтобы казаться выше ростом. Все это разработал папа.

— Умный у вас папа, — пробормотал все еще изумленный Уэйн, затем взглянул на Весло. — Ты умеешь управлять этой железкой?

— Конечно, — ответил тот и занял освобожденное Уэйном место.

Уэйн залез внутрь кожи, и девушка застегнула многочисленные застёжки. Уэйн попрочнее устроился на подставках внутри ног, и его глаза оказались на уровне отверстий на лице венерианца.

В этом костюме он стал абсолютно похож на венерианца, восьми футов ростом и с соответствующей шириной плеч. В его искусственных пальцах девушка укрепила лучевой пистолет — разумеется, венерианского образца.

— Похоже, — кратко прокомментировал Весло и снова уставился на передние экраны.

— Еще одно, — напомнила девушка, когда Уэйн неуклюже прошелся по рубке. — Держитесь подальше от источников высокой температуры — и вообще от открытого огня. Эта шкура легко воспламеняется, в этом слабость маскировки. Так что не забудьте, и все будет хорошо.

— Надеюсь, — пробормотал Уэйн.

И тут фиолетовый луч окутал корабль ярким сиянием. Уэйн знал, что это такое. Это стандартный стоп-сигнал, который использовался повсюду в космосе.

Он велел Веслу остановиться, и тот включил носовые тормозные двигатели, которые стали постепенно тормозить их кораблик. Венерианцы тут же подлетели и встали рядом.

— Откройте внешний люк! — скомандовал по космическому радио резкий голос венерианца. — И приготовьтесь к осмотру!

Люки шлюза открывались строго поочередно, чтобы не было никакой утечки воздуха. Три гигантских венерианца с лучевыми пистолетами наготове ввалились в рубку.

— Кто эти люди?

Узколицый, с холодным взглядом офицер резко посмотрел на Уэйна, когда тот ответил по-венериански:

— Пленники, — Уэйн старался выбирать слова, которые были са-

мыми легкими для произношения. — Наши победоносные силы захватили астероид Х-47, а это два последних землянина, оставшихся в живых. Я везу их на Венеру.

— Понятно. — Желтовато-коричневые глазки офицера так пристально уставились на Уэйна, что он почувствовал себя, точно ему под волосы высыпали пригоршню колючек. — Из какого вы подразделения? — внезапно резко спросил офицер.

Уэйн колебался лишь долю секунды.

— Из подразделения астероида, разумеется. Этот корабль принадлежал земным вооруженным силам. Мы захватили его вместе с пленниками.

— Гм-м... — Офицер шагнул вперед, и Уэйну невольно пришлось попятиться к иллюминатору. Он почувствовал, как окутывающий корабль свет греет ему затылок, и увидел, как лицо Этель Уолдон внезапно стало натянутым и встревоженным.

— Ну, предположим, — произнес офицер, все еще подозрительно щурясь. — Я хочу услышать все подробности. Но сперва сообщите ваше личное имя и второе имя...

Он резко замолчал, не сводя глаз с Уэйна. Уэйн почувствовал, как поднимающаяся температура нагревает шею и затылок, и как костюм внутри начинает таять...

— Маскировка! — внезапно рявкнул офицер. — Я так и думал!..

Но сделать он ничего не успел. Уэйн попал кулаком венерианцу в челюсть и послал его в нокаут. Пистолет вылетел у того из руки, и его подхватил Весло, который тут же оттолкнул Этель с линии огня. Но охранники первыми успели открыть огонь, и удачным попаданием выбили у Весла пистолет.

Но в эти драгоценные секунды Уэйн бросился через рубку и врезался в обоих венерианцев, сбив с ног и толкнув в сторону открытого люка. Они беспомощно полетели в невесомости по воздуху и оказались в шлюзе.

В это время Этель подняла вылетевший из руки Весла пистолет и заставила офицера подняться на ноги.

— Быстро в тамбур к своим приятелям! — крикнул ему Уэйн и мощным пинком направил офицера в нужную сторону, потом крикнул: — Парни, у вас двадцать секунд, чтобы герметизировать скафандры! Потом я открою внешний люк!

Он захлопнул внутренний люк, мгновенно сбросил маскировочный костюм и ринулся к пульту управления. Корабль с ревом рванулся вперед. Как Уэйн и ожидал, сторожевик венерианцев опоздал, не предвидя такого маневра. Уэйн честно прождал двадцать секунд, потом нажал кнопку, открывающую внешний люк. На экране он увидел, как три фигуры в скафандрах вылетели в космос и медленно поплыли к своему сторожевику, только начинавшему движение.

— Думаю, ты вовремя нанес удар, парень, — пробормотал Весло, машинально кивая головой. — Твоя маскировка таяла, как воск. Если хочешь, можешь считать меня занудой, но я не думаю, что мы сильно преуспели. Они будут преследовать нас.

Уэйн мрачно кивнул в ответ.

— Разумеется, будут — вот только догонят ли? Сначала им придется выловить из космоса своих людей, а только потом гнаться за нами. — Говоря, Уэйн постепенно наращивал скорость, направляя корабль на ярко пылающий впереди шар Венеры. — Так или иначе, мы прошли второй барьер, — сказал он. — Путь к Венере открыт. Но признаюсь, я действовал эгоистично. Я не имел никакого права просить вас рисковать вместе со мной, мисс Уолдон. На астероиде у вас был шанс сдаться в плен. Рядом со мной, такого шанса у вас не будет.

— Вообще ни единого? — слабо улыбнулась девушка. — Мне кажется, вы сумеете добраться до Венеры, поэтому не думайте обо мне. — Она повернулась к радиоустановке. — Я доведу до конца то,

что мы начали, — вздохнула она. — Возле Венеры много других вооруженных кораблей, которые попытаются перехватить нас. Они определяют свои корабли по специальному сигналу. С помощью этой аппаратуры я попытаюсь перехватить этот сигнал и послать в ответ на их запросы. Так что они станут думать, что мы свои. К тому же, у нас есть глушилка, которая помешает нашему преследователю связаться с остальными.

Она устроилась перед радиоаппаратурой, которая начала тихо жужжать, внося свою лепту в гул корабельных двигателей. Наконец, девушка повернулась к ним с торжествующей улыбкой.

— Есть! Получилось! — воскликнула она. — Теперь венерианцы станут считать нас своими.

Она взглянула на задний экран, на котором сторожевик, в конце концов, подобрал свою команду и начал преследование, но явно не мог сократить расстояние, потому что Уэйн все наращивал ускорение.

Сила тяжести вжала Весло и девушку в кресла, их лица покрыл пот, сердца бешено колотились, а легкие с трудом вдыхали воздух. На такой безумной скорости они стремительно неслись вперед, и сияющий шар Венеры вскоре заполнил все экраны, а они уже отчетливо видели покрывающие его непрерывные облака. Потом внезапно из облаков, точно лосось из воды, выпрыгнул еще один венерианский корабль.

Уэйн стиснул зубы и бросил взгляд на натянутые лица своих пассажиров.

— Мы пройдем! — мрачно заверил он. — Вы уверены, что заблокировали радио корабля позади нас?

— Несомненно, — с усилием ответила девушка. — Эти парни могут подумать, что мы беглецы, но уверены в этом не будут. Если мы полетим прямо к ним, то у нас будем шанс миновать их — единственный шанс, насколько я понимаю...

— Прекрасно! Весло, если ты хоть немного разбираешься в оружии, то тащи свой зад в оружейную рубку.

— Хоть немного, — высокомерно засопел Весло и полез в боевую рубку.

Там он по-детски заулыбался, увидев, как перекрестье прицела пересекает конвой сразу из шести кораблей.

Уэйн тоже увидел их и направил корабль по стремительной дуге влево, и нырнул, точно в вату, в плотные облака. Воздух снаружи завыл, заревел от трения о корпус их суденышка.

Этель этот маневр показался погружением в ад. Она сидела в кресле, неподвижным взглядом уставившись на пенистую белую пелену, окутавшую корабль. Внезапно она оглохла на левое ухо, потому что Весло дал очередь из автоматических пушек, посылая смертоносные потоки нейтронов в обе стороны от корабля.

Двое из погнавшихся за ними кораблей тут же взорвались — это Уэйн еще успел увидеть, а затем они окончательно провалились в облака, и толстый слой белой ваты скрыл все и всех.

Пробежавшись взглядом по приборам, Уэйн убедился, что полет вслепую проходит нормально, и развернул корабль, ведя его по электронной карте, расположенный ниже пульта управления. По ее показаниям он знал, где находится, и через несколько секунд уже вырвался из облаков над плотной зеленью супертропических венерианских лесов.

Уэйн снизил скорость и полетел над гигантскими деревьями, над болотами и водными потоками, а потом над дикими солончаками, снова над лесом, где и нашел большую поляну. Он покрутил над ней, стал спускаться и посадил корабль на голую землю в потоках воды, фонтанами хлынувших вверх из почвы. Корабль покачался и замер.

— Ничего себе! — выдохнул Весло, расслабившись и вытирая рваной манжетой вспотевший лоб. — Это было нечто! Парень, да тебе уже нечему учиться в искусстве вождения космической рухлядьи!

Уэйн отстегнулся от кресла и помассировал затекшие ноги.

— Нужно побыстрее уходить отсюда, — коротко скомандовал он, затягивая потуже пояс с оружием. — Сторожевые корабли скоро отыщут нас. Остальной путь нам придется проделать пешком. Умеренные Горы в десяти милях на север, и мне нужно туда. Так что идем!

Он повернулся и ринулся в открытый шлюз. Они поспешно выбрались наружу, в сокрушительную жару, и пошли под вечными облаками, покрывавшими небо над всей планетой. Переключив лучевой пистолет на малую мощность, Уэйн шел впереди, прорезая путь в лозах и густом подлеске, который стремился преградить им путь.

— Не проще ли было посадить корабль поближе к Умеренным Горам и побыстрее закончить это дело? — спросила Этель.

— Нет, — ответил Уэйн. — С одной стороны Гор нет никаких полян, если судить по карте. А по другую сторону голые склоны, на которых корабль был бы как на ладони. Пешком же мы будем привлекать как можно меньше внимания. Так или иначе, я должен добраться до генерала Флетчера...

Уэйн замолчал и поглядел вверх. Деревья здесь поредели. И, нахмурившись, он смотрел на кружащихверху существ, которые точно птеродактили планировали на фоне белого неба.

— Бабочки-падальщицы, — проворчал Весло, тоже поглядывая вверх. — Порхают там в надежде, что мы упадем замертво, и тогда они спустятся и обглодают нас до костей. От этих венерианских стервятниц меня пробивает дрожь.

— Это катастрофа для нас! — рявкнул Уэйн. — Корабли, которые гнались за нами, скоро будут здесь, и венерианцы поймут, где мы, наблюдая за стервятницами. Нам нужно спешить! Вперед! Вперед!

Они пошли дальше, но не так быстро, как хотелось бы Уэйну, потому что это оказалось невозможно. Жара стояла, точно в духовке, и они быстро почувствовали свинцовую усталость.

Примерно час спустя они слышали гром отдаленного сражения. В джунглях все оставалось тихо, но они прекрасно понимали, что где-то за Умеренными Горами, в Горячих Землях, шли решающие бои, которые должны принести победу Земле или Венере.

Чем ближе они подходили к Умеренным Горам, последним барьером между ними и Горячими Землями, тем громче становился гул, пока не превратился в непрерывный рокот, от которого дрожала земля.

— Я думаю, остановимся здесь на какое-то время, — предложил, наконец, Уэйн, сбрасывая на землю рюкзак. — Нужно отдохнуть до сумерек, а потом пойдем через джунгли на север и через вражескую территорию выйдем к войскам генерала Флетчера.

Весло прислонился к дереву, перекатывая во рту языком таблетку пищевого концентрата.

— Я не пойму, почему ты не расскажешь нам, ради чего мы рискуем тут своими шкурами? — скривился он.

— Я не могу рассказать. Но поверьте, дело крайне важное, — ответил Уэйн.

— Оно должно быть очень важное, чтобы вы так рисковали, прорываясь через венерианскую блокаду, — серьезно заметила девушка, убирая фляжку с водой. — У вас должны быть прекрасные нервы, — с улыбкой добавила она.

Пол Уэйн пожал плечами.

— Нервов мне хватит, чтобы попытаться спасти нашу армию, которую убивают не вражеские лучи, а болотная лихорадка. — Он прислонился спиной к дереву и слегка улыбнулся. — Я расскажу вам все, когда мы прибудем на место. Меня только волнует, что вы действительно подвергаетесь опасности, Этель... простите, мисс Уолдон, — запнулся он. — Вас могут убить.

— «Этель» мне нравится больше, — наивно сказала она, затем пожала плечами. — Да, меня могут убить — и что с того? Если я чем-то

могу помочь вам, то у меня есть ради чего жить. Если же вы потерпите неудачу, то я тоже буду убита или попаду к венерианцам в плен.

– Все ясно и прозрачно. Как алмаз, – лениво согласился с ней Весло.

Некоторое время все молчали, затем Уэйн достал из рюкзака портативную рацию.

– Давайте посмотрим, не передают ли каких новостей, – сказал он, и через пару секунд из рации раздался голос:

– ...продолжать сопротивление вплоть до последнего человека! Смертельная лихорадка, скосившая столько наших воинов, будет побеждена! Земля уже отправила к нам пилота с противоядием, которое спасет всех нас. Воины, не падайте духом! Мы победим! Мы...

Уэйн выключил рацию, лицо его помрачнело.

– Это было послание Земле на закрытой частоте, – пробормотал он. – Моя рация настроена на эту волну. Но если венерианцы разгадают ее, то поймут, куда и зачем я стремлюсь. Нам нельзя ждать темноты, нужно спешить. Вставайте! Быстрее! Мы выходим!

Все поспешно поднялись, собрали рюкзаки, но тут раздался резкий голос, говоривший по-английски с ужасным акцентом!

– Вы, все три! Стоять, где стоите!

Глава IV. До последней капли крови

Они медленно повернулись и увидели офицера-венерианца, которого перехитрили на космическом корабле. Он медленно прошел вперед, с суровым выражением на уродливом лице.

– Лучше не пробовать любые уловки, – посоветовал он. – Мое дело чести взять трех вас – живыми или мертвыми. И я сделать это! Вы быть благодарны, что падальщицы показали мне, где вы есть....

Это было все, что он успел сказать. Говоря, он медленно шел вперед, направив на них лучевой пистолет. И в этот момент Уэйн ясно понял, что Весло, девушка и он сам очутились на грани смерти. Тогда он сделал отчаянный бросок вперед, полагаясь на меньший, по сравнению с венерианцем, рост, чтобы увернуться от луча из пистолета. Бросок удался, и Уэйн повалил офицера на землю, затем хотел выхватить свой пистолет, но в эту секунду тяжелый каблук девушки угодил ему по руке, и Уэйн взвыл от боли.

Весло мгновенно сориентировался, сорвал с пояса Уэйна пистолет и направил его на стоявших поодаль венерианских солдат. Один из них тут же рухнул наземь с головой, превратившийся в обугленную головешку. Другой венерианец выстрелил и выбил фонтанчик земли возле ног массивного Весла.

Весло выстрелил в ответ – но ничего не произошло. В самый ответственный момент пистолет дал осечку. Второй выстрел венерианца просвистел мимо его головы и чуть не поджарил ему ухо. Весло понял, что лишь доля секунды отделяет его от смерти.

Но тут произошло кое-что еще. Внезапно поляна наполнилась трепещущими адскими крыльями.

– Бабочки-падальщицы! – закричала Этель, загораживая лицо от ударов их крыльев. – Быстро же они нашли трупы!

Весло вскочил на ноги и, загораживая собой девушку, стал отступать, а бабочки пролетели мимо и мгновенно облепили труп мертвого офицера. Оставшийся в живых венерианец с лучевым пистолетом отбивался от нападения и пятился в безопасные джунгли. Уэйн тут же вскочил и побежал за Веслом, размахивая руками над головой.

– Быстрее! Быстрее! – кричал он. – Эти бабочки не нападают на живых, но в суматохе могут и ошибиться!

Все трое бросились в джунгли, бросив рюкзаки на произвол судьбы. Они прорубали и прожигали себе путь в непролазных ча-

щобах, а гром сражения, становясь все ближе и громче, указывал им направление Умеренных Гор.

Затем внезапно, с характерной для Венеры стремительностью, наступила ночь. Не было никаких сумерек. Просто день внезапно сменился 720-часовой безлунной венерианской ночью. Пол Уэйн замер в непроницаемой тьме.

— Эй, как там у вас? — спросил он.

— Все в порядке, — лаконично отозвался Весло. — Мисс Уолдон со мной.

Они ждали, пока привыкнут глаза, глядя на слабые вспышки, чуть высвечивающие горную цепь. Затем смастерили факелы, и Уэйн повел их дальше.

Они шли, спотыкаясь, по джунглям, переползали через овраги, перепрыгивали через булькающие ручьи, пробирались по колее в зловонной, дышащей миазмами лихорадки болотной жиже, а потом снова шли по твердой земле. И все ближе становился грохот сражения за горами, но теперь его гул перекрывал вой ураганных ветров, вечно бушующих в горах, на границе жары и холода.

Уэйн первым пошел вброд через очередную речку, с трудом держась на ногах в бурной воде. На полпути он обо что-то споткнулся и упал на колени, выронив факел. Это была катастрофа, потому что у них иссяк запас факелов, но чаще всего беда не приходит одна.

Позади него, внезапно оказавшись в темноте, Весло выпустил руку девушки. Раздался ее отчаянный крик, тут же заглушенный яростным ревом воды.

— Этель! — крикнул Уэйн. — Этель!

Он беспомощно всматривался в непроницаемую темноту, но оттуда не раздалось ни звука в ответ. Уэйн уже собирался броситься вплавь, когда Весло схватил его за рукав.

— Спокойно, парень! — выкрикнул он. — Не делай этого! Ты лишь

впустую потратишь время, пытаюсь ее отыскать, но легче найти упавший в Ниагару кошелек. Так что прими это как должное!

— О чем ты говоришь? — рявкнул Уэйн. — Я не могу позволить ей просто...

— Ты должен идти дальше! У тебя важное задание! Так что давай, а искать ее останусь я. Потом я как-нибудь разыщу тебя...

Секунду Уэйн колебался, затем овладел собой.

— Хорошо, — с горечью согласился он. — Только ради Бога, не уходи, не разыскав ее! Если все будет хорошо, мы встретимся в штабе армии. Если же нет... Ну, неважно, дезертир ты или кто, хорошо, что ты был со мной.

Он крепко пожал толстую руку Весла, затем повернулся и пошел к невидимому в темноте берегу.

Пробираясь в одиночестве через джунгли, Уэйн размышлял о том, почему так заботится о судьбе девушки, которую практически совсем не знает. И постепенно он понял, что она стала чем-то большим, чем просто попутчицей и товарищем по несчастью. Она стала большим, потому что... Уэйн сделал над собой усилие, чтобы выкинуть из головы все эти романтические мечтания. Он не должен думать ни о чем другом, кроме задания, которое обязан выполнить.

Продолжая свой поход через джунгли, он стал обдумывать две вещи. С одной стороны, он не сомневался, что генерал Флетчер будет его ждать. Это облегчит его поход к штабу армии в Умеренных Горах. Но он еще думал о том, почему его не преследует охрана офицера-венерианца, которого он убил. А Уэйн не сомневался, что убил его. Бабочки-падальщицы не напали бы, если бы он остался жив.

— Наверное, я ударил его сильнее, чем думал, — пробормотал Уэйн и ускорил шаг.

Наконец, джунгли стали редеть, и он впервые отчетливо уви-

дел темную, слабосветящуюся махину Умеренных Гор, начинающихся коротким скалистым плато.

Горы внушали страх, их вершины освещались то и дело вспыхивающими молниями. А шум сражения, идущего за ними, походил теперь на звуки самого ада.

Уэйн на секунду остановился, до боли напрягая глаза в зыбком освещении вспышек молний, и через какое-то время смутно различил одинокую металлическую коробку блокпоста на том самом месте, где он был отмечен на карте. За ним и должен располагаться штаб генерала Флетчера. Уэйн не встретил никакой охраны, но это его не удивило. Здесь все, без сомнения, заполнено охранными системами.

Он включил портативную рацию, висевшую на поясе, которая работала лишь на близком расстоянии, и в наушниках тут же прозвучал отзыв.

— Говорит пилот Пол Уэйн, сэр, — коротко отрапортовал Уэйн. — У меня крайне важное сообщение для...

— Да-да! — тут же прозвучал голос генерала. — Проход в штаб для вас открыт. Немедленно идите сюда.

— Есть, сэр.

Уэйн пошел по затемненному плато, оглядываясь по сторонам. Его на мгновение озадачило отсутствие людей, спящих туда сюда, но он отмел эти мысли. Потом он прошел мимо автоматической огневой точки, которой управляли из штаба, тяжелая металлическая плита двери скользнула в сторону, и Уэйн вошел в обширное помещение за ней.

К его удивлению, в штабе находился лишь сам генерал, сидевший за разложенной на столе картой. Освещение в штабе было тусклым, так что генерал практически скрывался в тени.

Уэйн остановился и отдал генералу честь.

— Я из нью-йоркского сектора штаба земной армии, сэр, — начал доклад Уэйн. — Имею приказ разыскать вас и...

— Знаю-знаю, — перебил его генерал. — У вас противоядие лихорадки. Хорошо вы вручить его мне.

Уэйн заколебался. Такого приема он не ожидал. Странный акцент генерала, непонятное выражение его лица. Неподвижный, словно замороженный взгляд... Уэйн заметил, что в том месте, куда падал свет ближайшей лампы, лицо генерала жирно поблескивало, в то время как его другая сторона была совершенно нормальной.

Уэйн поднял руку, словно хотел поправить изорванную куртку, и внезапно сделал молниеносный выпад. Прекрасно отдавая отчет о последствиях своего действия, если его предположение окажется неверным, он схватил генерала за щеку, вонзил в нее пальцы, потянул и...

Лицо генерала порвалось!

— Так я и думал! — гаркнул Уэйн, но прежде чем он успел дотянуться до пояса, на него был направлен пистолет «генерала». Свободной рукой «генерал» сорвал с себя остальную часть маскировки. Это оказался офицер венерианец, которого Уэйн считал убитым.

— А ты не дурак, землянин, да? — мрачно прошипел офицер, поднимаясь во весь свой рост. — Позволь мне объяснить небольшое удивление. Я оправился от твоего нападения на мою особу и вернулся на корабль. В интервале твой корабль был исследован, и я нашел маскировку венерианца. Кроме того, мы приняли с земного штаба сообщение на Венеру. Я узнал, что вы передать формулу сыворотки для болотной лихорадки. Я знал, что вы придете здесь, и продвинулся вперед на своем корабле. Я думал получить от вас формулу без проблем. Но теперь... вы сами заставили меня к насилию.

— А где же генерал Флетчер? — криво улыбнулся Уэйн.

— Генерал Флетчер в другом месте. Штаб земной армии захвачен нами много часов назад... Быстро дай мне формулу сыворотки!

Уэйн покачал головой.

— Можете меня застрелить. Кстати, я не понимаю, почему вы до сих пор этого не сделали. Ведь все, что вам нужно, это чтобы я не доставил формулу генералу Флетчеру?

— Я хочу ту формулу сыворотки для нас! — ответил офицер.
— Когда мы выиграем войну и поработим землян к нашим желаниям, мне нужно, чтобы они вкалывали, а не мерли, как муха. Мой командующий требует формулу, чтобы земляне работали на нас. Ваши упрямые химики — дураки. Они умрут, но не покажут тайну формулы! Так что все на тебе! Где она?

Уэйн презрительно прищурился.

— Вы знаете мой ответ!

— Хорошо. Сядьте!

Уэйн повиновался. Офицер повернулся к каким-то инструментам, сложенным кучей на столе.

— Это, — сурово сказал он, — смертельный зонд. Ты знаешь, что он делать. Он заставить тебя говорить и...

— И что? — вяло раздался из двери чей-то голос. — Подними руки, черепушка. У меня не подходящее настроение для игр.

Уэйн обернулся и радостно вскочил со стула, когда увидел в дверях Весло с лучевыми пистолетами в обеих руках — одному Богу известно, где он их раздобыл.

— Давай наружу, Уэйн, — ухмыльнулся он, мотнув головой. — Сейчас я присоединюсь к тебе.

Уэйн повиновался и прождал минут пять в темноте на улице, пока не появился Весло и без лишних слов не повел его прочь от штаба. И лишь отойдя подальше, здоровяк немного расслабился.

— Я связал урода и разок стукнул, — пояснил он. — Это заставит его помолчать пару часов. Удачно я появился, а? Понятия не имею, как я преодолел автоматические охранные системы — но они меня просто пропустили.

— Объясняется все просто, — пояснил ему Уэйн. — Офицер от-

ключил автоматическую охрану, чтобы мог пройти я, и не включил ее снова. Но как ты здесь вообще появился? И как раздобыл оружие?

— Легко. Когда я выбрался из реки, то столкнулся с венерианским патрулем. Я вырубил их и забрал у них оружие. Кроме того, один из патрульных любезно мне сообщил, что генерал Флетчер и большая часть гарнизона удачно отступили, так что я подумал, что у тебя могут возникнуть проблемы. Вот я и направился сюда. А Флетчер там! — Весло ткнул рукой на смутно различимый в предгорьях массив цитадели. — Теперь его временный штаб там.

Уэйн поглядел туда, затем схватил Весло за плечо.

— А что с Этель Уолдон? Почему ты молчишь?

— Я не нашел ее, парень, — тихо прошептал Весло. — Там ниже по течению такие скалы и пороги, что никто не смог бы в них выжить.

Уэйн долго молчал, затем покорно пожал плечами.

— Ладно, я знаю, ты сделал все, что мог. Пойдем искать генерала.

Они пошли, то и дело останавливаясь и внимательно оглядываясь, чтобы не напороться на очередной венерианский патруль, петляя в лабиринте громадных валунов, разбросанных по горным склонам, пока не оказались в зоне действия земных войск. Внезапно со всех сторон появились вооруженные земляне, которыми командовал офицер с худощавым лицом.

— Что вы здесь делаете? — спросил он, цепким взглядом осматривая двух мужчин в изодранной одежде.

— Я майор Пол Уэйн из нью-йоркского Сектора, — быстро ответил Уэйн. — Генерал ждет меня. Но это частная миссия, так что вы ничего об этом не знаете. Я должен увидеть генерала Флетчера.

— Правда? — глаза офицера прищурились от света фонарей подошедших солдат. — Тебя я знаю, — продолжал он, презрительно

глядя на Весло. — Ты дезертир из земной армии, твое фото рассылалось циркуляром по всем штабам. Наказание за дезертирство — смерть! Что касается тебя, Пилот-как-тебя-там, ты примерно в том же положении.

— Подождите минутку, — сказал Уэйн. — Послушайте, я всерьез! Это вопрос жизни и смерти! Я требую встречи с генералом Флетчером!

— Генерал не интересуется дезертирами. Я сам решаю эти вопросы. Охрана, уведите эту парочку туда...

Чем больше Уэйн протестовал, тем хуже становилось их положение. Разорванная куртка не служила доказательством его слов, тем более, что Весло действительно был известным дезертиром...

— Похоже, я тебя подвел, — хмуро сказал Весло. — Так мне и надо. Я должен был остаться на Прыще и воспользоваться шансом...

— Тихо там, — рявкнул один из охранников.

Офицер остановился и подошел к ним. Арестованные огляделись и увидели, что стоят возле металлической стены.

— Согласно моему приказу, — осклабился офицер, — дезертиров стоит расстреливать на месте. Мы не можем позволить себе рисковать. Вокруг слишком много шпионов и предателей, мы находимся в отчаянном положении и...

— Послушайте, я должен увидеть генерала! — в отчаянии закричал Уэйн. — У меня на предплечье формула, которая...

Офицер не дал ему закончить. Он поочередно поднял руки Уэйна, осмотрел их и мрачно усмехнулся.

— Формула, да? Ты держишь меня за дурака?

— Невидимое микрописьмо, — настаивал Уэйн. — Вы должны меня выслушать! От этого зависит судьба наших вооруженных сил на этой планете! Я специальный агент!

— Ты хочешь попасть к генералу и застрелить его в упор? Или еще лучше — поцарапать его отравленными ногтями? До тебя это

уже пробовали все дезертиры и предатели. Но ничего не получится. Я отдал приказ не допустить этого. Ты пойман в компании с известным дезертиром, так что с тобой все ясно. Охрана, слушай мою команду!

Охранники встали в ряд и подняли лучевые пистолеты. Но прежде чем они выстрелили, позади началось какое-то волнение, раздался сигнал тревоги. Офицер обернулся и увидел, как в свете фонарей появилась стройная фигурка в перепачканной разорванной одежде.

– Этель! – закричал Уэйн. – Как вы здесь...

– Вы кто? – офицер схватил ее за руку и повернул к себе лицом.

– Этель Уолдон, дочь покойного коменданта астероида Х-47, – ответила девушка. – Вы что, не понимаете, кто этот человек?

– Это дезертир, – ответил офицер. – И вы, судя по всему, тоже. Мы знаем, что астероид Х-47 находится в лапах венерианцев. Так что вам не сойдет это с рук...

– Вы дурак! – закричала девушка, вырвалась из его рук, и, прежде чем офицер успел поймать ее, прорвалась к дверям нового штаба армии. Ей вслед раздался град выстрелов из лучевых пистолетов. Она упала, получив ранение в плечо, встала, шатаясь, пошла к двери и снова упала.

Стоя с искаженным лицом перед направленным на него оружием, Уэйн мог только смотреть и ждать. Внезапно дверь штаба открылась. В освещенном проеме появилась широкоплечая фигура, наклонилась, подняла девушку, унесла ее внутрь и тут же вернулась назад. Это был сам генерал Флетчер.

– Какой идиот вздумал стрелять в эту девушку? – хриплым от ярости голосом загремел он. – вы что, не знаете, что она дочь моего покойного друга, коменданта астероида Х-47? Вы отдали приказ стрелять, офицер Клейтон?

– Я... с-сэр... В-вы... Вы сказали, что никого не хотите видеть, и я...

— Разрази вас гром, идиот! Солдаты, опустите пистолеты и возвращайтесь к своим делам. Клейтон, я жду отчета через тридцать минут. Есть такая опасная штука, как слишком рьяный солдат... — Флетчер прервался и повернулся к пленникам. — Мисс Уолдон сообщила, что вы пилот Уэйн из Земных Вооруженных Сил. — Он схватил руку Уэйна и с благодарностью пожал ее. — Рад видеть вас, чертовски рад... Я думаю, офицер Клейтон всего лишь исполнял свой долг, но, черт побери... Вы тоже идите с нами, — бросил он Веслу.

Они прошли в штаб, и Уэйн бросился к девушке, лежащей на раскладушке.

— Этель! Вы...

— Ничего, Пол... ничего, — улыбнулась девушка. — Луч прошел вскользь. Плечо скоро заживет... Идите, заканчивайте ваши дела!

Уэйн встал и обратился к Флетчеру:

— Господин генерал! Я должен доложить, сэр...

— Я уже все знаю, — сказал Флетчер. — Где формула?

— Здесь, — показал Уэйн. — и здесь же верительная грамота. Мне велели передать вам, что нужно использовать луч 72/5. Тогда появится сообщение.

Генерал шелкнул выключателем, и синий свет упал на предплечье Уэйна. На мгновение на его коже появилось письмо, которое тут же исчезло, как только генерал выключил луч.

— Я доволен, майор Уэйн, — спокойно сказал Флетчер. — Сейчас сюда придут эксперты. — Он нажал несколько кнопок. — Вы храбрый человек, Уэйн, — серьезно заявил он. — Теперь мы справимся с этой чумой... А вот что касается вас, — угрожающе повернулся он к молчавшему до сих пор Веслу.

— Он тоже храбрый человек, — твердо заявил Пол Уэйн. — Я ручаюсь за него, сэр. Он не дезертир, а мой верный помощник. Без него я бы не справился.

— Понятно... — Флетчер откашлялся. — Ладно, ладно, поверю вам

на слово. Вы вернетесь на службу, – продолжал он, глядя в упор на смущенное лицо Весла. – И чтоб больше никаких накладок.

– Спа... Благодарю вас, генерал!

Уэйн подошел к девушке.

– Этель, как вам удалось выбраться из реки? – спросил он.

– Из реки? – она пожала плечами. – Все просто. Я зацепилась за ветку дерева, низко спустившуюся над водой, и, держась за нее, сумела выкарабкаться. Потом я увидела земных солдат, возвращавшихся на базу, и последовала за ними. И, кажется, подоспела сюда вовремя.

– Я не хочу вас снова потерять, – пылко пробормотал Уэйн. – Я должен вам сказать, что...

Он встал, потому что в помещение вошли эксперты. И когда его повели, чтобы сфотографировать письмо на руке, его глаза встретились с глазами девушки, и Уэйн нежно улыбнулся ей.

Fantastic adventures, 1940 № 10

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. Бурцев</i>	
ТАЙНА СЕСТРЫ ЗЕМЛИ	3
ОБ АВТОРАХ	5
 <i>Дэвид Гриннелл</i>	
НА ВЕНЕРУ! НА ВЕНЕРУ!	7
<i>Артур К. Барнс</i>	
МИР ДВОЙНИКОВ	145
<i>Уильям Ф. Темпл</i>	
СРАЖЕНИЕ НА ВЕНЕРЕ	187
<i>Джеймс Т. Макинтош</i>	
КРУШЕНИЕ НА ВЕНЕРЕ	287
<i>Фредерик Арнольд Каммер-младший</i>	
БЕЛАЯ ЗЕМЛЯ ВЕНЕРЫ	316
<i>Торнтон Эйр</i>	
СПЕЦИАЛЬНЫЙ АГЕНТ НА ВЕНЕРЕ	337

В серии

«ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА»

ВЫШЛИ КНИГИ

Грега Игана

«ДИАСПОРА»

«ЛЕСТНИЦА ШИЛЬДА»

В серии

«ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА»

ВЫШЛИ КНИГИ

Грега Игана

«СТЕПЕНИ СВОБОДЫ»

«ХРУСТАЛЬНЫЕ НОЧИ»

В серии

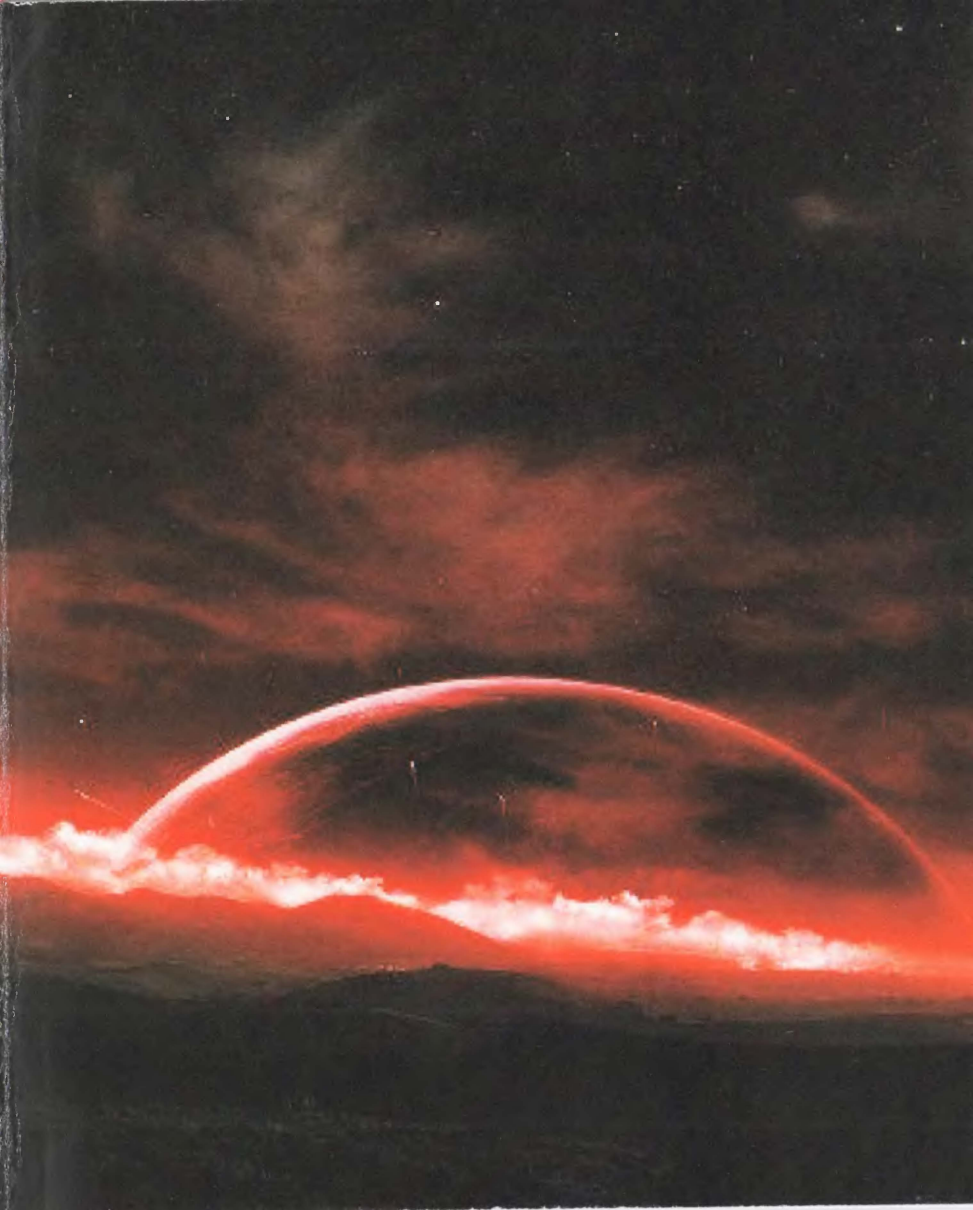
«ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА»

ВЫШЛИ КНИГИ

**«МИРЫ УИЛЬЯМА
МОРРИСОНА»**

выпуски 1,2,3

Зарубежная

фантастика

Издательство «М.И.Ф.»